

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Пантелеев Алексей Иванович (Пантелеев Л) Ленька Пантелеев

Весь этот зимний день мальчикам сильно не везло. Блуждая по городу и уже возвращаясь домой, они забрели во двор большого, многоэтажного дома на Столярном переулке. Двор был похож на все петроградские дворы того времени не освещен, засыпан снегом, завален дровами... В немногих окнах тускло горел электрический свет, из форточек то тут, то там торчали согнутые коленом трубы, из труб в темноту убежал скучный сероватый дымок, расцвеченный красными искрами. Было тихо и пусто.

- Пройдем на лестницу, - предложил Ленька, картавя на букве "р".

- А, брось, - сердито поморщился Волков. - Что ты, не видишь разве? Темно же, как у арапа за пазухой.

- А все-таки?..

- Ну все-таки так все-таки. Давай посмотрим.

Они поднялись на самый верх черной лестницы.

Волков не ошибся: поживиться было нечем.

Спускались медленно, искали в темноте холодные перила, натыкались на стены, покрытые толстым слоем инея, чиркали спичками.

- Дьявольщина! - ворчал Волков. - Хамье! Живут, как... я не знаю как самоеды какие-то. Хоть бы одну лампочку на всю лестницу повесили.

- Гляди-ка! - перебил его Ленька. - А там почему-то горит!..

Когда они поднимались наверх, внизу, как и на всей лестнице, было темно, сейчас же там тускло, как раздутый уголек, помигивала пузатая угольная лампочка.

- Стой, погоди! - шепнул Волков, схватив Леньку за руку и заглядывая через перила вниз.

За простой одностворчатой дверью, каких не бывает в жилых квартирах, слышался шум наливаемой из крана воды. На защелке двери висел, слегка покачиваясь, большой блестящий замок с воткнутым в скважину ключом. Мальчики стояли площадкой выше и, перегнувшись через железные перила, смотрели вниз.

- Лешка! Ей-богу! Пятьсот лимонов, не меньше! - лихорадочно зашептал Волков. И не успел Ленька сообразить, в чем дело, как товарищ его, сорвавшись с места, перескочил дюжину ступенек, на ходу с грохотом сорвал замок и выбежал во двор. Ленька хотел последовать его примеру, но в это время одностворчатая дверь с шумом распахнулась и оттуда выскочила толстая краснощекая женщина в повязанном треугольнике платке. Схватившись руками за место, где за несколько секунд до этого висел замок, и увидев, что замка нет, женщина диким пронзительным голосом заорала:

- Батюшки! Милые мои! Караул!

Позже Ленька нещадно ругал себя за ошибку, которую он сделал. Женщина побежала во двор, а он, вместо того, чтобы подняться наверх и притаиться на лестнице, кинулся за ней следом.

Выскочив во двор и чуть не столкнувшись с женщиной, он сделал спокойное и равнодушное лицо и любезным голосом спросил:

- Виноват, мадам. Что случилось?

- Замок! - таким же диким, истощным голосом прокричала в ответ женщина. - Замок

ироды сперли!..

- Замок? - удивился Ленька. - Украли? Да что вы говорите? Я видел... Честное слово, видел. Его снял какой-то мальчик. Я думал, - это ваш мальчик. Правда, думал, что ваш. Позвольте, я его поймаю, - услужливо предложил он, пытаясь оттолкнуть женщину и юркнуть к воротам. Женщина уже готова была пропустить его, но вдруг спохватилась, сцапала его за рукав и закричала:

- Нет, брат, стой, погоди! Ты кто? А? Ты откуда? Вместе небось воровали!.. А? Говори! Вместе?!

И, закинув голову, тем же сильным, густым, как пожарная труба, голосом она завопила:

- Кар-раул!

Ленька сделал попытку вырваться.

- Позвольте! - закричал он. - Как вы смеете? Отпустите!

Но уже хлопали вокруг форточки и двери, уже бежали с улицы и со двора люди. И чей-то ликующий голос уже кричал:

- Вора поймали!

Ленька понял, что убежать ему не удастся. Толпа окружила его.

- Кто? Где? - шумели вокруг.

- Вот этот?

- Что?

- Замок сломал.

- В прачечную забрался...

- Много унес? А?

- Какой? Покажите.

- Вот этот шкет? Курносый?

- Ха-ха! Вот они, - полюбуйтесь, пожалуйста, - дети революции!

- Бить его!

- Бей вора!

Ленька вобрал голову в плечи, пригнулся. Но никто не ударил его. Толстая женщина, хозяйка замка, крепко держала мальчика за воротник шубейки и гудела над самым его ухом:

- Ты ведь знаешь этого, который замок унес? Знаешь ведь? А? Это товарищ твой? Верно?

- Что вы выдумываете! Ничего подобного! - кричал Ленька.

- Врет! - шумела толпа.

- По глазам видно, - врет!

- В милицию его!

- В участок!

- В комендатуру!

- Пожалуйста, пожалуйста. Очень хогошо. Идемте в милицию, - обрадовался Ленька. - Что же вы? Пожалуйста, пойдемте. Там выяснят, вог я или не вог.

Ничего другого ему не оставалось делать. По горькому опыту он знал, что как бы ни было худо в милиции, а все-таки там лучше, надежнее, чем в руках разъяренной толпы.

- Ты лучше сообщника своего укажи, - сказала какая-то женщина. - Тогда мы тебя отпустим.

- Еще чего! - усмехнулся Ленька. - Сообщника! Идемте, ладно...

И хотя за шиворот его все еще держала толстая баба, он первый шагнул по направлению к воротам.

В милицию его вела толпа человек в десять.

Ленька шел спокойно, лицо не выдавало его, - на его лице с рождения застыла хмурая мина, а кроме того, в свои четырнадцать лет он пережил столько разных разностей, что особенно волноваться и беспокоиться не видел причин.

"Ладно. Плевать. Как-нибудь выкручусь", - подумал он и, посвистывая, небрежно сунул руки в карманы рваной шубейки.

В кармане он нащупал что-то твердое.

"Нож", - вспомнил он.

Это был длинный и тонкий, как стилет, колбасный нож, которым они с Волковым пользовались вместо отвертки, когда приходилось свинчивать люстры и колпаки на парадных лестницах богатых домов.

"Надо сплавить", - подумал Ленька и стал осторожно вспаривать подкладку кармана, потом просунул нож в образовавшуюся дырку и отпустил его. Нож бесшумно упал в густой снег. Ленька облегченно вздохнул, но тотчас же понял, что влип окончательно. Кто-то из провожатых проговорил за Ленькиной спиной:

- Прекрасно. Ножичек.

Все остановились.

- Что такое? - спросила хозяйка замка.

- Ножичек, - повторил тот же человек, подняв, как трофей, колбасный нож. - Видали? Ножик выбросил, подлец! Улика!.. На убийство небось шли, гады...

- Батюшки! Бандит! - взвизгнула какая-то худощавая баба.

Все зашагали быстрее. Сознание, что они ведут не случайного воришку, а вооруженного бандита, прибавило этим людям гордости. Они шли теперь, самодовольно улыбаясь и поглядывая на редких прохожих, которые, в свою очередь, останавливались на тротуарах и смотрели вслед процессии.

В милиции за деревянным барьером сидел человек в красноармейской гимнастерке с кантами. Над головой его горела лампочка в зеленом железном колпаке. Перед барьером стоял милиционер в буденновском шлеме с красным щитом-кокардой и девочка в валенках. Между милиционером и девочкой стояла на полу корзина с подсолнухами. Девочка плакала, а милиционер размахивал своим красным милицейским жезлом и говорил:

- Умучился, товарищ начальник. Ее гонишь, а она опять. Ее гонишь, а она опять. Сегодня, вы не поверите, восемь раз с тротуара сгонял. Совести же у них нет, у частных капиталистов...

Он безнадежно махнул жезлом. Начальник усталым и неприветливым взглядом посмотрел на девочку.

- Патент есть? - спросил он.

Девочка еще громче заплакала и завывала:

- Не-е... я не буду, дяденька... Ей-богу, не буду...

- Отец жив?

- Уби-или...

- Мать работает?

- Без работы... Четвертый ме-есяц...

Начальник подумал, потер ладонью лоб.

- Ну иди, что ж, - сказал он невесело. - Иди, частный капиталист.

Девочка, как по команде, перестала плакать, встрепенулась, схватила корзинку и побежала к дверям.

Один из Ленькиных провожатых подошел к барьеру.

- Я извиняюсь, гражданин начальник. Можно?

- В чем дело?

- Убийцу поймали.

Начальник, сощурился глаза, посмотрел на Леньку.

- Это ты - убийца?

- Выдумают тоже, - усмехнулся Ленька.

Однако составили протокол. Пять человек подписались под ним. Оставили вещественное доказательство - нож, потолкались немножко и ушли.

Леньку провели за барьер.

- Ну, сознайся, малый, - сказал начальник. - С кем был, говори!

- Эх, товарищ!.. - вздохнул Ленька и сел на стул.

- Встань, - нахмурился начальник. - И не думай отпираться. Не выйдет. С кем был? Что делал на лестнице? И зачем нож выбросил?

- Не выбросил, а сам выпал нож, - грубо ответил Ленька. - И чего вы, в самом деле, мучаете невинного человека? За это в суд можно.

- Я тебе дам суд! Обыскать его! - крикнул начальник.

Два милиционера обыскали Леньку. Нашли не особенно чистый носовой платок, кусок мела, гребешок и ключ.

- А это зачем у тебя? - спросил начальник, указав на ключ.

Ленька и сам не знал, зачем у него ключ, не знал даже, как попал ключ к нему в карман.

- Я отвечать вам все равно не буду, - сказал он.

- Не будешь? Правда? Ну, что ж. Подождем. Не к спеху... Чистяков, повернулся начальник к милиционеру, - в камеру!..

Милиционер с жезлом взял Леньку за плечо и повел куда-то по темному коридору. В конце коридора он остановился и, открыв ключом небольшую, обитую железом дверь, толкнул в нее Леньку, потом закрыл дверь на ключ и ушел. Его шаги гулко отзвенели и смолкли.

И тут, когда Ленька остался один в темной камере и увидел на окне знакомый ему несложный узор тюремной решетки, а за нею - угасающий зимний закат, вся его напускная бодрость исчезла. Он сел на деревянную лавку и опустил голову.

"Теперь уж не отвертеться, - подумал он. - Нет. Кончено. И в школе узнают... и мама узнает".

В камере было тихо, только мышь возилась где-то в углу под нетопленной печкой. Мальчик еще ниже опустил голову и заплакал. Плакал долго, потом прилег на лавку, закутался с головой в шубейку, решил заснуть.

"А все-таки не сознаюсь, - думал он. - Пусть что хотят делают, пусть хоть пытаются, а не сознаюсь".

Лавка была жесткая, шубейка выношенная, тонкая. Переворачиваясь на другой бок, Ленька подумал:

"А хорошо все-таки, что это я попался, а не Вовка. Тот, если бы влип, так сразу бы все рассказал. Твердости у него нет, даром что опытный..."

Потом ему стало обидно, что Волков убежал, бросил его, а он вот лежит здесь, в темной, нетопленной камере. Волков небось вернулся домой, поел, попил чаю, лежит с ногами на кровати и читает какого-нибудь Эдгара По или Генрика Сенкевича. А дома у Леньки уже тревожатся. Мать вернулась с работы, поставила чай, сидит, штопает чулок, поглядывает поминутно на часы и вздыхает:

- Что-то Лешенька опять не идет! Не случилось ли чего, избави боже...

Леньке стало жаль мать. Ему опять захотелось плакать. И так как от слез ему становилось легче, он старался плакать подольше. Он вспоминал все, что было в его жизни самого страшного и самого горького, а заодно вспоминал и хорошее, что было и что уже не вернется, и о чем тоже плакалось, но плакалось хорошо, тепло и без горечи.

ГЛАВА I

...Еще не было электричества. Правда, на улицах, в магазинах и в шикарных квартирах уже сверкали по вечерам белые грушевидные "экономические" лампочки, но там, где родился и подрастал Ленька, долго, почти до самой империалистической войны, висели под потолками старинные керосиновые лампы. Эти лампы были какие-то неуклюжие и тяжелые, они поднимались и опускались на блоках при помощи больших чугунных шаров, наполненных дробью. Однажды все лампы в квартире вдруг перестали опускаться и подниматься... В чугунных шарах оказались дырочки, через которые вся дробь перекочевала в карманы Ленькиных штанов. А без дроби шары болтались, как детские воздушные шарики. И тогда отец в первый и в последний раз выпорол Леньку. Он стегал его замшевыми

подтяжками и с каждым взмахом руки все больше и больше свирепел.

- Будешь? - кричал он. - Будешь еще? Говори: будешь?

Слезы ручьями текли по Ленькиному лицу, - казалось, что они текут и из глаз, и из носа, и изо рта. Ленька вертелся вьюном, зажатый отцовскими коленями, он задышался, он кричал:

- Папочка! Ой, папочка! Ой, миленький!

- Будешь?

- Буду! - отвечал Ленька.

- Будешь?

- Буду! - отвечал Ленька. - Ой, папочка! Миленький!.. Буду! Буду!..

В соседней комнате нянька отпаивала водой Ленькину маму, охала, крестилась и говорила, что "в Лешеньке бес сидит, не иначе". Но ведь эта же самая нянька уверяла, что и в отце сидит "бес". И значит, столкнулись два беса - в этот раз, когда отец порол Леньку. И все-таки Ленькин бес переборол. Убедившись в упорстве и упрямстве сына, отец никогда больше не трогал его ремнем. Он часто порол младшего сына, Васю, даже постегивал иногда "обезьянку" Лялю, - всем доставалось, рука у отца была тяжелая и нрав - тоже нелегкий. Но Леньку он больше не трогал.

...Он делал иначе. За ужином, зимним вечером, детям дают холодный молочный суп. Это противный суп, он не лезет в глотку. (Даже сейчас не может Ленька вспомнить о нем без отвращения.)

У Васи и Ляли аппетит лучше. Они кое-как одолели свои тарелки, а у Леньки тарелка - почти до краев.

Отец отрывается от газеты.

- А ты почему копаешься?

- Не могу. Не хочется...

- Вася!

Толстощекий Вася вскакивает, как маленький заводной солдат.

- А ну, пропиши ему две столовых ложки - на память.

Вася облизывает свою большую мельхиоровую ложку, размахивается и ударяет брата два раза по лбу. Наверно, ему не очень жаль Леньку. Он знает, что Ленька любимец не только матери, но и отца. Он - первенец. И потом ведь его никогда не порют. А что такое ложкой по лбу - по сравнению с замшевыми подтяжками...

Между братьями не было дружбы. Скорее, была вражда.

Случалось, воскресным утром отец вызывает их к себе в кабинет.

- А ну, подеритесь.

- По-французски или с подножкой?

- Нет. По-цыгански.

Мальчики начинают бороться - сначала в обхватку, шутя, потом, очутившись на полу, забившись куда-нибудь под стол или под чехол кресла, они начинают звереть. Уже пускаются в ход кулаки. Уже появляются царапины. Уже кто-нибудь плачет.

Вася был на два года моложе, но много сильнее Леньки. Он редко оказывался побежденным в этих воскресных единоборствах. Леньку спасала ярость. Если он разозлится, если на руке покажется кровь, если боль ослепит его, - тогда держись. Тогда у него глаза делаются волчьими, Вася пугается, отступает, бежит, плачет...

Отец развивал в сыновьях храбрость. Еще совсем маленькими он сажал их на большой платяной шкаф, стоявший в прихожей. Мальчики плакали, орали, мать плакала тоже. Отец сидел в кабинете и поглядывал на часы. Эти "уроки храбрости" длились пятнадцать минут.

Все это ничего. Было хуже, когда отец начинал пить. А пил он много, чем дальше, тем больше. Запой длились месяцами, отец забрасывал дела, исчезал, появлялся, приводил незнакомых людей...

Ночами Ленька просыпался - от грохота, от пьяных песен, от воплей матери, от звона разбиваемой посуды.

Пьяный отец вытворял самые дикие вещи. "Ивану Адриановичу пьяненькому море по колено", - говорила про него нянька. Ленька не все видел, не все знал и не все понимал, но часто по утрам он с ужасом смотрел на отца, который сидел, уткнувшись в газету, и как-то особенно, жадно и торопливо, не поднимая глаз, прихлебывал чай из стакана в серебряном подстаканнике. Ленька и сам не знал почему, но в эти минуты ему было до слез жаль отца. Он понимал, что отец страдает, это передавалось ему каким-то сыновним чутьем. Ему хотелось вскочить, погладить отцовский ежик, прижаться к нему, приласкаться. Но сделать это было нельзя, невозможно, Ленька пил кофе, жевал французскую булку или сепик¹ и молчал, как и все за столом.

...Однажды зимой на масленице приехал в гости дядя Сережа. Это был неродной брат отца. Нянька его называла еще единоутробным братом (единоутробный - это значит от одной матери). Выражение это Леньке ужасно нравилось, хотя он и не совсем понимал, что оно означает. Ему казалось, что это должно означать - человек с одним животом, с одной утробой. Но почему эти слова относятся только к дяде Сереже, а не ко всем остальным людям, он понять не мог. Тем более что у дяди Сережи живот был не такой уж маленький. Это был толстый, веселый и добродушный человек, инженер-путеец, большой любимец детей.

Из Москвы он привез детям подарки: крестнице своей Ляле он подарил говорящую куклу, Васе - пожарную каску, а Леньке, как самому старшему, книгу - "Магический альманах".

Днем он ходил с племянниками гулять, катал их на вейке, угощал пирожками в кондитерской Филиппова на Вознесенском². После обеда, когда в детской уже зажгли керосиновую лампу, он показывал детям фокусы, которые у него почему-то никак не получались, хоть он и делал их на научной основе по книге "Магический альманах".

За ужином были блины, и отец угощал брата шустовской рябиновкой. Вероятно, и после ужина что-нибудь пили. Детей уже давно уложили спать, и, когда они засыпали, из гостиной доносились звуки рояля и пение матери. Мать пела "Когда я на почте служил ямщиком". Это была любимая песня отца, и то, что ее сейчас пела мать, означало, что отец пьян. Трезвый, он никогда не просил и не слушал песен.

И опять, как это часто бывало, Ленька проснулся среди ночи - от грохота, от громкого смеха, от пьяных выкриков и маминых слез. Потом вдруг захлопали двери. Что-то со звоном упало и рассыпалось. В соседней комнате нянька вполголоса уговаривала кого-то куда-то сходить. Потом вдруг опять начались крики. Хлопнула парадная дверь. Кто-то бежал по лестнице. Кто-то противно, по-пороссячи визжал во дворе. В конюшне заржала лошадь. Ленька долго не мог заснуть...

А утром ни мать, ни отец не вышли в столовую к чаю. На кухне нянька шушукалась с кухаркой. Ленька пытался узнать, в чем дело. Ему говорили: "Иди поиграй, Лешенька".

В гостиной веселая горничная Стеша мокрой половой тряпкой вытирала паркет. Ленька увидел на тряпке кровь.

- Это почему кровь? - спросил он у Стеши.

- А вы подите об этом с папашей поговорите, - посоветовала ему Стеша.

Ленька пойти к отцу не осмелился. Он несколько раз порывался это сделать, подходил к дверям кабинета, но не хватало храбрости.

И вдруг неожиданно отец сам вызвал его к себе в кабинет.

Он лежал на кушетке - в халате и в ночных туфлях - и курил сигару. Графин - с водой или с водкой - стоял у его изголовья на стуле.

Ленька поздоровался и остановился в дверях.

¹ Сепик - финский пшеничный хлеб.

² Вознесенский проспект - ныне проспект Майорова в Ленинграде.

- Ну что? - сказал отец. - Выспался?

- Да, благодагю вас, - ответил Ленъка.

Отец помолчал, подымил сигарой и сказал:

- Ну, иди сюда, поцелуемся.

Он вынул изо рта сигару, подставил небритую щеку, и Ленъка поцеловал его. При этом он заметил, что от отца пахнет не только табаком и не только вежеталем, которым он смачивал каждое утро волосы. Пахло еще чем-то, и Ленъка догадался, что в графине на стуле налита не вода.

- Вы меня звали, папаша? - сказал он, когда отец снова замолчал.

- Да, звал, - ответил отец. - Поди открой ящик.

- Какой ящик?..

- Вот этот - налево, в письменном столе.

Ленъка с трудом выдвинул тяжелый дубовый ящик. В ящике царил ералаш. Там валялись какие-то папки, счета, сберегательные книжки. Под книжками лежал револьвер в кожаной кобуре, зеленые коробочки с патронами, столбики медных и серебряных монет, завернутые в газетную бумагу, портсигар, деревянная сигарная коробка, пробочник, замшевые подтяжки...

- Да, я открыл, - сказал Ленъка.

- Поищи там коробку из-под сигар.

- Да, - сказал Ленъка. - Нашел. Тут лежат конверты и марки.

- А ну, посмотри, нет ли там чистой открытки. Есть, кажется.

Ленъка нашел открытку. Это была модная английская открытка, изображавшая какого-то пупса с вытарашенными глазами и на тоненьких ножках, обутых в огромные башмаки.

- Садись, пиши, - приказал отец.

- Что писать?

- А вот я тебе сейчас продиктую...

Ленъка уселся за письменный стол и открыл чернильницу. На почерневшей серебряной крышке чернильницы сидел такой же черный серебряный мальчик с маленькими крылышками на спине. Чернила в чернильнице пересохли и загустели, - отец не часто писал.

- А ну, пиши, брат, - сказал он. - "Дорогой дядя Сережа!" Ты знаешь, где писать? Налево. А направо мы адрес напишем.

"Дорогой дядя Сережа, - писал под диктовку отца Ленъка, - папаша наш изволил проспаться, опохмелиться и посылает Вам свои сердечные извинения. С утра у него болит голова и жить не хочется. А в общем - он плюет в камин. До свидания. Цалуем Вас и ждем в гости. Поклон бабушке. Любящий Вас племянник Алексей".

Выписывая адрес, Ленъка поставил маленькую, но не очень красивую кляксу на словах "его благородию". Он испуганно оглянулся; отец не смотрел на него. Запрокинув голову, он глядел в потолок - с таким кислым и унылым выражением, что можно было подумать, будто сигарный окурок, который он в это время лениво сосал, смазан горчицей.

Ленъка приложил кляксапир, слизнул языком кляксу и поднялся.

- Ну что - написал? - встрепенулся отец.

- Да, написал.

- Пойдешь с нянькой гулять - опусти в ящик. Никому не показывай только. Иди.

Ленъка направился к двери. Уже открыв дверь, он вдруг набрался храбрости, кашлянул и сказал:

- А что такое случилось? Почему это вы извиняетесь перед дядей Сережей?

Отец с удивлением и даже с любопытством на него посмотрел. Он привстал, крикнул, бросил в пепельницу окурок, налил из графина в стакан и залпом выпил. Вытер усы, прищурился и сказал:

- Что случилось? А я, брат, вчера дурака сваял. Я твоего дядюшку чуть к Адаму не отправил.

Сказал он это так страшно и так нехорошо засмеялся при этом, что Ленька невольно попятился. Он не понял, что значит "к Адаму отправил", но понял, что вчера ночью отец пролил кровь единоутробного брата...

Несколько раз в год, перед праздниками и перед отъездом на дачу, мать разбиралась в сундуках. Перетряхивались шубы, отбирались ненужные вещи для продажи татарину или для раздачи бедным, а некоторые вещи, те, которые не годились и бедным, просто выбрасывались или сжигались. Ленька любил в это время вертеться около матери. Правда, большинство сундуков было набито совершенно дурацкими, скучными и обыденными вещами. Тут лежали какие-то выцветшие платья, полуистлевшие искусственные цветы, бахромы, блески, аптечные пузырьки, дамские туфли с полуотвалившимися каблуками, разбитые цветочные вазы, тарелки, блюда... Но почти всегда среди этих глупых и ненужных вещей находилась какая-нибудь занятная или даже полезная штучка. То перочинный нож с обкусанным черенком, то ломаная машинка для пробивания дырочек на деловых бумагах, то какой-нибудь старомодный кожаный кошелек с замысловатым секретным замочком, то еще что-нибудь...

Но самое главное удовольствие начиналось, когда приходила очередь "казацкому сундуку". Так назывался на Ленькином языке сундук, в котором уже много лет подряд хранилась под спудом, засыпанная нафталином, военная амуниция отца. Это был целый цейхгауз³ - этот большой продолговатый сундук, обитый латунью, а по латуни еще железными скобами и тяжелыми коваными гвоздями. Чего только не было здесь! И ярко-зеленые, ломберного сукна, мундиры, и такие же ярко-зеленые бекешки, и белоснежные пышные папахи, и казачье седло, и шпоры, и стремяна, и кривые казацкие шашки, и войлочные попоны, и сибирские башлыки, и круглые барашковые шапочки с полосатыми кокардами, и, наконец, маленькие лакированные под сумки, потертые, потрескавшиеся, пропахшие порохом и лошадиным потом.

В этих старых, давно уже вышедших из употребления и уже тронутых молью вещах таилась для Леньки какая-то необыкновенная прелесть, что-то такое, что заставляло его при одном виде казацкого сундука раздувать ноздри и прислушиваться к тиканию сердца. Казалось, дай ему волю, и он способен всю жизнь просидеть на корточках возле этого сундука, как какой-нибудь дикарь возле своего деревянного идола. Он готов был часами играть с потускневшими шпорами или с кожаным под сумком, набивая его, вместо патронов, огрызками карандашей, или часами стоять перед зеркалом в круглой барашковой шапочке или в пушистой папахе, при этом еще нацепив на себя кривую казацкую саблю и тяжелый тесак в широких сыромятных ножнах. Эти старые вещи рассказывали ему о тех временах, которых он уже не застал, и о событиях, которые случились, когда его еще и на свете не было, но о которых он столько слышал и от матери, и от бабушки, и от няньки и о которых только один отец никогда ничего не говорил. Об этих же событиях туманно рассказывала и та фотография, на которую Ленька однажды случайно наткнулся в журнале "Природа и люди".

Молодой, улыбающийся, незнакомый отец смотрел на него со страниц журнала. На плечах у него были погоны, на голове - барашковая "сибирка". Ремни португали перетягивали его стройную юношескую грудь.

Ленька успел прочитать только подпись под фотографией: "Героический подвиг молодого казацкого офицера". В это время в комнату вошел отец. Он был без погон и без португали - в халате и в стоптанных домашних туфлях. Увидев у Леньки в руках журнал, он кинулся к нему с таким яростным видом, что у мальчика от страха похолодели ноги.

- Каналья! - закричал отец. - Тебе кто позволил копаться в моих вещах?!

Он вырвал журнал и так сильно ударил этим журналом Леньку по затылку, что Ленька присел на корточки.

³ Цейхгауз - военный склад для хранения запасов оружия или амуниции.

- Я только хотел посмотреть картинки, - заикаясь, пробормотал он.
- Дурак! - засмеялся отец. - Иди в детскую и никогда не смей заходить в кабинет в мое отсутствие. Эти картинки не для тебя.
- Почему? - спросил Ленька.
- Потому, что это - разврат, - сказал отец.
Ленька не понял, но переспрашивать не решился.
Выходя из кабинета, он слышал, как за его спиной хлопнула дверца книжного шкафа и как несколько раз повернулся в скважине ключ.

...Ленькин отец, Иван Адрианович, родился в старообрядческой⁴ петербургской торговой семье. И дед и отец его торговали дровами. Отчим, то есть второй отец, торговал кирпичом и панельными плитками.

Среди родственников Ивана Адриановича не было ни дворян, ни чиновников, ни военных: все они были старообрядцы, то есть держались той веры, за которую их дедов и прадедов, еще при царе Алексее Михайловиче, жгли на кострах. Триста лет подряд изничтожало и преследовало их царское правительство, а православная правительственная церковь проклинала, называла еретиками и раскольниками.

Поэтому старообрядцы, даже самые богатые, жили особенной, замкнутой кастой, отгородившись высокой стеной от остального русского общества. Даже в домашнем быту своем они до последнего времени держались обычаев и обрядов старины. В церковь свою ходили не иначе, как в долгополых старинных кафтанах, а женщины - в сарафанах и в беленьких платочках в ропуск. Женились и замуж выходили только в своей, старообрядческой среде. Учили детей в своих, старообрядческих школах. Ничего нового, иноземного и "прелестного" не признавали. В театры не ездили. Табак не курили. Чай, кофе не пили. Даже картофель не ели...

Правда, к концу XIX века, когда подрастал Иван Адрианович, все это было уже не так строго. Многие зажиточные старообрядцы начали отдавать детей в казенные гимназии. Кое-кто из московских и петербургских раскольников уже ездил потихоньку в театр, а там за бутылкой вина, глядишь, и сигару выкуривал...

Но все-таки это была очень скучная, мрачная и суровая жизнь, интересы которой ограничивались церковью и наживой.

Иван Адрианович учился в реальном училище. Монотонная домашняя жизнь и судьба, которая ожидала его впереди, не удовлетворяли его. Торговать ему не хотелось. Он понимал, что жизнь, которую жили его отцы и деды, не настоящая жизнь. Ему казалось, что можно жить лучше.

Недоучившись, он ушел из реального и поступил в Елисаветградское военное училище. Сделал он это против воли родителей, - ему казалось, что он убегает из затхлого, полутемного склепа к широким, светлым просторам. Карьера военного мерещилась ему как что-то очень красивое, яркое, благородное, способное прославить и одухотворить.

Учился он хорошо. Училище окончил одним из первых. И так же хорошо, почти блестяще начал службу во Владимирском драгунском полку.

Но скоро и тут наступило разочарование. Офицерская среда оказалась не намного лучше купеческой. Не дослужив и до первого офицерского чина, Иван Адрианович уже подумывал об уходе в отставку.

Осуществить это временно помешало одно событие: грянула война. И опять, против воли родителей, молодой человек принимает решение: на фронт, на позиции, на маньчжурские поля, где громяют японские пушки и льется русская кровь. Кто знает, быть может, здесь он найдет тот жизненный смысл, ту цель, к которой он стремился и которой не мог до сих пор отыскать.

⁴ Старообрядцы, староверы или раскольники - значительная часть православных русских, не принявших религиозной реформы XVII века и оказавшихся в оппозиции и к господствующей церкви и к царскому правительству.

Часть, в которой служил Иван Адрианович, на войну не шла. С большими трудами удалось молодому корнету перевестись в Приамурский казачий полк. Он получил звание хорунжего⁵, облачился в сибирскую казачью форму и с первым же эшелоном отправился на Дальний Восток.

И здесь, на полях сражения, он тоже показал себя как способный и отважный офицер. Конвоируемый небольшим казачьим разъездом, он должен был по приказу начальства доставить важные оперативные сводки в штаб русского командования. По дороге на казаков напал японский кавалерийский отряд. Завязалась перестрелка. Потеряв половину людей и сам раненный навывлет в грудь, Иван Адрианович отбил от неприятеля и доставил ценный пакет в распоряжение русского штаба. В первый день пасхи, когда Иван Адрианович лежал в полевом лазарете, адъютант генерала Куропаткина привез ему боевой орден "Владимира с мечами". Получение этого ордена, который давался только за очень серьезные военные заслуги, делало его дворянином. Казалось, что перед Иваном Адриановичем открывается широкий, заманчивый путь: слава, карьера, чины, деньги, награды... Но он не пошел по этому пути. Он не вернулся в полк. Война, которая стоила России так много крови, была проиграна. И Иван Адрианович, как и всякий честный русский человек, не мог не понимать, почему это случилось. Русская армия воевала под начальством бездарных и продажных царских генералов. И в тылу и на фронте процветали воровство, подкуп, солдаты были плохо обучены, плохо снабжались и продовольствием и боеприпасами. Служить в такой армии было не только бессмысленно, но и постыдно. Молодой хорунжий навсегда охладил к военной профессии. Кое-как залечив свою рану, он облачился в штатский костюм и занялся тем делом, которым занимались и отец, и дед его и от которого ему так и не удалось убежать: он стал торговать дровами и барочным лесом. Сознание, что жизнь его разбита, что она повернулась не так, как следовало и хотелось бы, уже не оставляло его. Он начал пить. Характер его стал портиться. И хотя и раньше его считали чудачком и оригиналом, теперь он чудил и куролесил уже открыто и на каждом шагу. От этой дикой запойной жизни не спасла его и женитьба. Женился он, как и все делал, быстро, скоропалительно, не раздумывая долго. Увидел девушку, влюбился, познакомился, а через пять дней, позвякивая шпорами, уже шел делать предложение. Женился он без благословения матери, к тому же на православной, на "никонианке"⁶, - этим он окончательно восстановил против себя и так уже достаточно сердитую на него староверческую родню.

И сразу же начались раздоры. Может быть, уже на второй день после свадьбы Ленкина мать поняла, какую ужасную ошибку она совершила. Женихов у нее было много, выбор был большой, и незачем ей было идти за этого темнобрового казачьего офицера.

Александра Сергеевна тоже воспитывалась в купеческой семье. Но как не похожи были эти семьи! Как будто не в одном городе и не в одной стране жили они. Как будто на разных языках говорили.

Дома было всегда весело, шумно, оживленно. Даже мачеха, злая, как и все мачехи, не могла отравить этого вечного праздника.

Даже с мачехой ладила Шурочка: нрав у нее был ангельский, - женихи, которые сватались за нее чуть ли не каждый месяц, не за приданым гнались и не красотой прельщались, а характером Шурочкиным. В гимназии Шурочку обожали, приказчики в магазине влюблялись в нее, дарили ей вкладчину букеты; цветы не успевали вянуть в маленькой Шурочкиной спальне.

Отсюда, из этой благоуханной оранжереи, смотрела она на мир, и ей казалось, что мир

⁵ Хорунжий - первый офицерский чин в казачьих войсках русской армии.

⁶ "...Женился... на "никонианке". - Никон (1605-1680) - патриарх русской православной церкви. Для укрепления церкви проводил реформы, которые не были приняты большей частью верующих. Церковь раскололась на "никониан" и раскольников, или старообрядцев (см. выше). Таким образом, родители Ленки оказались принадлежащими к разным и даже враждебным друг другу частям верующих.

этот прост и прозрачен и что очень легко и приятно ступать по его прямым дорогам.

И жизнь не противоречила ей. Жизнь давала ей больше, чем ей полагалось, и расстилала перед ней половички, по которым и в самом деле шагалось легко, мягко и бесшумно.

Талантами Шурочка не блистала, а кончила гимназию с серебряной медалью. Красотой не славилась и кокетством не отличалась, а покоряла сердца не на шутку, так что за одно лето на даче в Шувалове два студента и один коммерсант-петровец стрелялись из-за нее. Но и тут, как и всюду, судьба берегла Шурочку: как нарочно, все трое промахнулись не оставив греха на Шурочкиной совести.

Жизнь была веселой - веселее не выдумаешь. Танцы, балы, благотворительные вечера, загородные поездки, любительские спектакли, пикники, опять танцы, опять вечера... Немудрено, если Шурочка и заскучала от такого веселья. И может быть, тем и понравился ей Иван Адрианович, двадцатый по счету жених, что не был он похож на других: не умел танцевать, не шутил, не каламбурил, был пасмурен и задумчив. А в летний безоблачный день и черная туча может порадовать. Александра Сергеевна не задумывалась. Да и некогда уже было задумываться, пришла пора выходить замуж, без конца отказывать женихам было нельзя.

И вот она покинула отцовский дом и переехала к мужу! И - словно дверь захлопнулась за ее спиной.

Там, за дверью, остались и смех, и цветы, и французские водевили, и загородные пикники, и веселые вечеринки с легким вином и студенческими островами...

Словно в погреб, вошла она в эту чужую, не похожую на другие квартиру, где пахло грибами и сургучом, где хозяйничала суровая мужнина нянька, где даже в солнечный день было пасмурно и тоскливо, где даже иконы были какие-то необыкновенные - страшные, темные, с желтыми, иступленными ликами...

И черная туча, которая поманила ее своей прохладой, разразилась такой грозой, таким неожиданным свинцовым ливнем, о каких Александра Сергеевна и в книгах не читала.

Муж, с которым она не сказала до свадьбы и десяти слов, не открылся ей и после свадьбы. Очень скоро она решила, что он - плохой человек: пьяница, грубиян, деспот, иногда - почти зверь.

Она не могла думать иначе, потому что человек этот научил ее плакать: за всю свою девичью жизнь она не пролила столько слез, сколько пришлось ей пролить за один первый месяц в доме мужа.

При всем своем ангельском характере, она не могла и приспособиться к мужу, найти с ним общий язык. Мешали ей молодость, неопытность, а чаще всего - просто страх. Ведь случалось, что она не могла выговорить слова в присутствии мужа. Иван же Адрианович, который по-своему любил жену, не мог объясниться с ней - из гордости, из упрямства, а также и потому, что с некоторых пор он действительно стал и грубым, и злым, и жестоким...

...Но всегда ли и со всеми ли был этот человек таким? Все ли хорошее было убито в нем жизнью, средой, пристрастием к водке? Неужели в этой больной душе не осталось ничего, кроме черствости и жестокости? За что же тогда так страстно любил, так горячо обожал его Ленька?

Нет, конечно. Было в этом большом, сильном и неудачливом человеке много такого, за что ему прощали грехи даже враги его и недоброжелатели.

Иван Адрианович был честен. Именно поэтому, вероятно, он никогда не мог научиться торговать. Даже маленькая неправда приводила его в ярость. Сам неподкупно-прямой, правдивый, расточительно-щедрый, он не терпел ни малейшего проявления фальши, скупоности, низкопоклонства.

Был у него школьный товарищ Шаров. Много лет они дружили. Но как-то раз подвыпивший Шаров признался, что постоянно носит в кармане два кошелька: один для себя - с деньгами, а другой, пустой, для приятелей - на тот случай, если у него попросят займы. Иван Адрианович выслушал его, помолчал и сказал:

- Знаешь, братец... Уходи-ка ты отсюда.

- Куда? - удивился Шаров.

Иван Адрианович не ответил, встал и вышел из комнаты. Смущенный Шаров посидел, допил рюмку и ушел. С тех пор они никогда не встречались.

Однажды, когда Ленька был еще совсем маленький, возвращались они с отцом из бани. Дело было поздней осенью, уже выпал снег. На Фонтанке у Египетского моста⁷ подошел к ним полуголый, оборванный, босой парень.

- Подай копеечку, ваше сыкородие, - щелкая зубами, проговорил он, почему-то улыбаясь. Иван Адрианович посмотрел на молодое, распухшее и посиневшее лицо и сердито сказал:

- Работать надо. Молод еще христарадничать.

- Я, барин, от работы не бегу, - усмехнулся парень. - Ты дай мне работу.

- Фабричный?

- Каталь я... У Громовых последнюю баржу раскатали. Кончилась наша работа.

Ленька стоял рядом с отцом и с ужасом смотрел на совершенно лиловые босые ноги этого человека, которые, ни на минуту не останавливаясь, приплясывали на чистом белом снегу.

- Сапоги пропил? - спросил отец.

- Пропил, - улыбнулся парень. - Согреться хотел.

- Ну и дурак. В Обуховскую попадешь, там тебя согреют - в покойницкой.

Парень все еще стоял рядом. Иван Адрианович сунул руку в карман. Там оказалась одна мелочь. Он отдал ее всю парню и пошел. Потом остановился, оглянулся. Парень стоял на том же месте, считал на ладони деньги. Голые плечи его страшно дергались.

- Эй ты, сыр голландский! - окликнул его Иван Адрианович.

Парень несмело подошел.

- На, поддержи, - приказал Иван Адрианович, протягивая Леньке черный клеенчатый саквояж. Потом расстегнул свою новенькую синюю бекешу, скинул ее с себя и набросил на голые плечи безработного.

- Барин... шутишь! - воскликнул тот.

- Ладно, иди, - сердито сказал Иван Адрианович. - Пропьешь - дураком будешь. А впрочем, - твое дело...

Дома ахали и ужасались - мать, горничная, нянька. А Ленька весь день ходил счастливый. Он сам не понимал, почему ему так хорошо, но весь день он боролся с желанием пойти к отцу, кинуться ему на шею, крепко расцеловать его, сказать ему, как горячо он его любит. Однако он не сделал этого, - не мог и не смел сделать.

...Любил ли его отец? И вообще любил ли он кого-нибудь из близких жену, мать, приятелей? Ответить на этот вопрос мальчик не мог бы. Но то, что отец был способен на большую, сильную любовь, он знал.

Была в жизни этого человека привязанность, глубокая, трогательная и нежная.

Отцова нянька Лизавета умерла за два года до появления Леньки на свет. Он знал, что женщина эта, о которой никто, кроме отца, никогда не сказал доброго слова, вынянчила и вырастила Ивана Адриановича. О том, что отец любил и продолжает любить ее, можно было и не говорить, - это чувствовалось по всему, что делалось в доме. Гречневую кашу к обеду варили "как нянька Лизавета". Грибы солили и яблоки мочили "по-нянькиному". Между окнами на зиму выкладывали мох, а не вату - тоже "как при няньке Лизавете".

Портрета этой женщины в доме не было, Ленька никогда не видел ее и не мог видеть, но почему-то в памяти его и до сих пор хранится ее образ: высокая, прямая, с гордым, как у боярыни, лицом, красивая, больше, чем бабушка, похожая на отца...

⁷ Египетский мост - мост через Фонтанку; получил такое название благодаря украшениям в древнеегипетском стиле.

Запомнился ему зимний день, когда в детскую вошел отец, постоял посреди комнаты, покачиваясь на носках, и спросил:

- Ты что делаешь?

- Так... ничего, - пробормотал Ленька. - Картинки разглядываю...

- Одевайся... поедem...

Ленька удивился и обрадовался. Отец редко брал его куда-нибудь с собой.

- А куда? - спросил он.

- На кладбище.

Ленька удивился еще больше. Отец никогда не ходил в церковь, никогда не ездил на кладбища - на могилы родных.

Усаживаясь в санки извозчика, он коротко приказал:

- На Громовское.

- Эх, барин. Даль-то какая! Оттуда и седока не подберешь. Полтинничек положьте.

- Ладно. Езжай!..

Хорошо помнится Леньке этот мягкий, морозный день, окраинные питерские улочки, фабричные трубы, гудки паровозов на Варшавской дороге.

Долго они блуждают с отцом по заснеженным кладбищенским дорожкам. На широких восьмиконечных старообрядческих крестах сидят черные галки. В кустах бузины попискивают какие-то крохотные птички. Хорошо пахнет снегом, от тишины и безлюдья слегка замирает сердце.

Отец останавливается, снимает шапку. За чугунной решеткой - небольшой черный памятник. Наверху его маленький золоченый крестик, а под ним, на побелевшей от инея лабрадоритовой глыбе - три слова:

"Нянь отъ Вани"

Ленька тоже стаскивает с головы свою ушастую шапку и искоса смотрит на отца. Он не узнает его. Какое у него мягкое, милое, доброе и помолодевшее лицо! Таким он видел отца, пожалуй, только однажды - в журнале "Природа и люди"... И вдруг он почти с ужасом замечает, что по этому лицу катятся слезы. У Леньки у самого начинают дергаться губы.

- Ну, идем, сыне, - говорит Иван Адрианович и, мелко покрестив грудь, надевает свою каракулеву шапку.

...Этот день, насыщенный зимним солнцем, сиянием февральского снега, начавшийся так славно и безмятежно, запомнился Леньке еще и потому, что кончился он, этот день, ужасно, дико и безобразно.

С кладбища поехали домой. Отец был веселый, шутил с извозчиком, называл его тезкой (потому что всех легковых извозчиков в Петербурге в то время называли почему-то "ваньками")... С полдороги он вдруг раздумал и приказал ехать не в Коломну⁸, а в другой конец города - на Большую Конюшенную⁹, в универсальный магазин Гвардейского экономического общества¹⁰.

Здесь они с Ленькой долго бродили по разным отделам и этажам. Отец выбирал себе галстук и запонки, купил матери брокаровских духов, а детям маленькие, похожие на бутылочки кегли.

Потом с этими покупками пошли в ресторан, который помещался тут же, в одном из этажей магазина.

Ленька никогда еще не был в ресторане. Все его здесь удивляло и занимало. И стриженные под машинку официанты в черных, как у кинематографических красавцев,

⁸ Коломна - район старого Петербурга в устье реки Фонтанки.

⁹ Большая Конюшенная - ныне улица Желябова.

¹⁰ Универсальный магазин Гвардейского экономического общества - ныне торговая фирма ДЛТ.

фраках. И блеск мельхиоровой посуды. И особые, острые запахи ресторанной кухни, смешанные с запахами сигар и винного перегара.

Отец заказал обед: матросский борщ и беф-строганов. Ленька пил фруктовую ланинскую воду из маленькой, как кегля, бутылочки, а отец шутовскую рябиновку. Ленька уже разбирался в этих вещах, он видел, что отец заказал вина слишком много: целую бутылку - высокую, граненую, похожую на колокольню католического костела.

С мороза отец быстро захмелел; сначала он шутил и посмеивался над Ленькой, потом вдруг сразу стал мрачный. От мягкого и добродушного выражения на его лице ничего не осталось. Он пил рюмку за рюмкой, закусывал черным хлебом, думал о чем-то и молчал.

Ленька не заметил, как за соседним столом появилась компания офицеров. Это были все молодые люди в красивой форме гвардейских кавалергардов.

Офицеры пили шампанское, чокались, провозглашали тосты.

Один из них, совсем молоденький, с белокуроыми, закрученными кверху усиками, поднялся с бокалом в руке и громко, на весь ресторан, объявил:

- Господа! За здоровье государя императора!..

Иван Адрианович, который тоже в это время держал в руке налитую рюмку, повернулся на стуле, прищурился и насмешливо посмотрел на молодого кавалергарда. При этом он как-то чересчур громко кашлянул или хмыкнул. Все вокруг один за другим поднялись, а он сидел. Больше того - он не стал пить, а поставил рюмку - и даже отодвинул ее на самую середину стола.

- Эй вы... почтенный! - крикнул офицер. - Разве вы не слышите?

- Что? Вы ко мне? - спросил Иван Адрианович, и Ленька похолодел, увидев знакомый ему дикий огонек, блеснувший в глазах отца.

- Папаша... папаша... не надо, пожалуйста, - забормотал он.

- Я вас спрашиваю: разве вы не слышите, за чью особу провозглашен тост? - ерепенился кавалергард.

- Какую особу? - притворно удивился Иван Адрианович.

Из-за соседнего стола выскочил другой офицер.

- Мерзавец! Шпак!¹¹ Сию же минуту встать! - заорал он, подскакивая к Ивану Адриановичу.

Иван Адрианович с грохотом отодвинул стол.

- Извольте... сейчас же... свои слова обратно, - каким-то очень тихим и страшным голосом проговорил он.

Ленька зажмурился. Он успел увидеть, как офицер замахнулся на отца, как отец поймал его руку... Что произошло дальше, он плохо помнит. Несколько человек накинудись на отца. Ленька видел, как Иван Адрианович схватил со стула тяжелый пакет с кеглями и поднял его над головой. Он слышал звон, грохот, женский плач... В нос ему ударил острый запах духов. На несколько секунд он увидел лицо отца. Щека и висок у него были в крови.

Мальчик плакал, метался, хватал кого-то за руки...

Что было дальше и как они добрались домой, он не запомнил. Смутно помнится ему, что ехали они на извозчике, что отец обнимал его и плакал и что от него остро, удушливо пахло водочным перегаром и гиацинтами. Наверно, это пахли раздавленные в свалке брокеровские духи.

Ночью Ленька долго не мог заснуть. Уткнувшись носом в подушку, он тихо плакал, - от жалости к отцу и от ненависти к тем, кто его бил...

Уже много лет спустя, когда Ленька вырос, он понял, какой незаурядный человек был его отец и как много хорошего было погублено в нем, убито, задавлено гнетом той среды и того строя, в каких он вырос и жил...

После этого случая Иван Адрианович несколько дней не ночевал дома. Где он пропадал

¹¹ Шпак. - Так презрительно называли офицеры царской армии мужчин в штатской одежде.

это время - Ленька так и не узнал. Впрочем, это и раньше бывало. Бывало и позже. Отец пил запоем.

Леньке было пять лет, когда мать его заболела. Это было нервное, почти психическое заболевание. Длилось оно шесть с половиной лет.

У матери болели зубы. И никто не мог вылечить ее. Ни один врач не сумел даже поставить диагноза и сказать, в чем дело. Она страдала, мучилась, ездила от одной знаменитости к другой. Не было, кажется, в Петербурге профессора, в приемной которого она бы не побывала. Пробовала она и гомеопатов, и гипнотизеров, и психиатров. Молилась. Делала вклады в монастыри. Ездила на богомолье. Обращалась к знахарям. Простаивала ночи в очередях у какого-то отставного генерала. Потом - у дворника в Измайловских ротах, который бесплатно лечил всех желающих заговором и куриным пометом.

Никто не помог ей - ни дворник, ни генерал, ни профессор Бехтерев, потому что никто не знал, что причина ее заболевания - неудачная семейная жизнь, нелады с мужем.

Слегка утоляло боль только одно лекарство - горький зеленоватый порошок, от которого пахло ландышем и чесноком. Этот запах преследовал Леньку в течение всего его детства.

Грустная, заплаканная мать с черной повязкой на щеке - первое его детское воспоминание. Она сидит у открытого рояля. И добрые руки ее лежат на клавишах.

Дети жили особняком, в детской, но и туда через кухарок и нянек доходили слухи и толки о неладах на родительской половине. Да и сам Ленька очень рано начал понимать, что мать и отец живут нехорошо. Он видел это. Он видел, как, забившись в подушку, плакала мать. Он видел отца, который с перекошенным от ярости лицом, не попадая руками в рукава, надевал в прихожей пальто и убегал, хлопнув парадной дверью. Поздно за полночь он возвращался. Хлопали пробки. Звенела посуда. Дрожащим от слез голосом мать пела: "Когда я на почте служил ямщиком..."

Бывало, что и матери приходилось убегать из дому. Это случалось, когда отец запивал особенно сильно. Иногда ночью, не выдержав, мать посылала горничную за извозчиком, прощалась с детьми и уезжала к сестре или к мачехе.

Случалось и так, что дети по нескольку дней оставались одни, с прислугой: мать и отец разъезжались, жили на разных квартирах.

Потом они снова сходились. Заключался мир. После бури наступало затишье. Иногда это затишье длилось неделями и даже месяцами. Тогда начиналась жизнь, как у других. Вели хозяйство. Принимали гостей. Сами ездили в гости. Занимались делами. Воспитывали детей. Ходили в театры...

В припадке нежности и раскаяния отец занимал денег и покупал матери какой-нибудь необыкновенный подарок: брильянтовую брошь, серьги или соболью муфту.

Но почти всегда получалось так, что уже через месяц эта брильянтовая брошь или муфта отправляются в ломбард, а деньги, полученные от заклада, переходят в карманы петербургских рестораторов, виноторговцев и карточных шулеров.

Перемирие кончилось. Снова начинается война.

Отец запускает дела. Входит в долги. И все-таки пьет, пьет без просыпу...

Все чаще и чаще поднимаются разговоры о разводе. Доходит до того, что уже делят имущество. Делят детей.

Но с дележом ничего не выходит. Было бы детей двое или четверо - тогда ничего. Но разделить 3 на 2 без остатка невозможно. Кто-то из них, либо мать, либо отец, должен остаться с одним ребенком.

Эти разговоры происходят в присутствии Леньки. Он с ужасом прислушивается к этим препирательствам, к этим бесконечным спорам, во время которых решается его судьба. Он одинаково любит и мать и отца и не хочет лишиться ни того, ни другого. Но, на счастье, оказывается, что и отец не хочет развода. Он не дает матери денег. А своего у нее ничего нет. Приданое прожито. И она ничего не умеет делать. Разве что играть на рояле да вышивать крестиками по канве...

Мать мечется, ищет выхода...

Она начинает наводить экономию в хозяйстве, отказывает кухарке, пробует шить, готовить... Ни с того ни с сего - в поисках заработка и профессии она вдруг начинает изучать сапожное ремесло. В ее маленькой уютной спальне, где красивая шелковая мебель, мягкие пуфики, ореховое трюмо, розовые портьеры, - появляются странные вещи: молотки, шила, клещи, деревянные гвозди, вошенная дратва... Потом все это так же внезапно, как появилось, вдруг исчезает.

Мать ходит на курсы, учится, читает книги.

Но отец протестует. Он выбрасывает эти книги за окно. В нем просыпается дух его предков, раскольников. Женщине, бабе, не пристало заниматься науками. Дети, хозяйство, церковь - вот и весь мир, который ей уготован, дальше не суйся.

Мать пробует смириться. Целые ночи напролет молится она перед зажженными лампадами. Долгие всенощные и заутрени простаивает она в окрестных церквях.

А зубы у нее по-прежнему болят. Черная повязка не сходит с ее похудевшего, осунувшегося лица. И по-прежнему, когда она целует на ночь детей, от нее пахнет чесноком и ландышем...

А Ленкина жизнь в это время идет своим чередом.

Он живет не совсем так, как полагается жить мальчику в его возрасте и в его положении. Поэтому он и не совсем похож на других детей.

Очень рано он выучился читать. Он пришел к отцу, сдвинул брови и сказал:

- Папаша, купите мне буквы!

Отец засмеялся, но обещал купить. На другой день он где-то раздобыл черные вырезные буквы, какие употребляются для афиш и аншлагов. Эти буквы наклеили на стену в детской, у изголовья Ленкиной постели. На следующее утро Ленка знал уже всю азбуку. А через несколько дней, во время прогулки с нянькой, он уже читал вывески: "пиво и раки", "зеленая", "булочная", "аптека", "участок".

Книг у него было немного. Единственную детскую книгу, которая ему попала, он через месяц зачитал до дыр. Называлась она "Рассказ про Гошу Долгие Руки". Некоторые слова в этой книге отец затушевывал чернилами, но так как Ленка был любопытен, он разглядел проступавшие сквозь чернила печатные буквы. Зачеркнутые слова были "дурак" и "дура" - самые деликатные слова, которые употреблял отец, когда бывал пьян.

В кабинете отца стоял большой книжный шкаф. Из-за стеклянных дверок его выглядывали аппетитные кожаные корешки. Ленка давно с вожделением поглядывал на эти запретные богатства. Однажды, когда отец на несколько дней уехал в Шлиссельбург по торговым делам, он забрался в кабинет, разыскал ключи и открыл шкаф. Его постигло страшное разочарование. Толстые книги в кожаных переплетах были написаны на славянском языке, которого Ленка не знал. Это были старые раскольничьи книги, доставшиеся отцу по наследству, никогда им не читанные и стоявшие в кабинете "для мебели".

Но там же в шкафу он наткнулся на целую кучу тоненьких книжечек в голубовато-серых бумажных обложках. Это было полное собрание сочинений Марка Твена и Чарлза Диккенса - бесплатное приложение к журналу "Природа и люди". Книг этих никто не читал, - только "Том Сойер" был до половины разрезан. Ленка унес эти книги в детскую и читал украдкой в отсутствие отца. Разрезать книги он боялся - пробовал читать не разрезая. С опасностью испортить глаза и вывихнуть шею, он прочел таким образом "Повесть о двух городах" Диккенса. Но уже на "Давиде Копперфильде" он махнул рукой, принес из столовой нож и за полчаса разрезал всего Диккенса и всего Твена. Долгое время после этого он трепетал, ожидая расправы. Но отец не заметил исчезновения книг. Не заметил он и перемены, которая с ними произошла после возвращения в шкаф. Скорее всего, он даже и не помнил об их существовании.

Первые книги попались Ленке хорошие. Но дальше он читал уже без разбора, что попадется. Почти все книги, которые читала в это время мать, перечитывал потихоньку и

Ленька. Таким образом, когда на восьмом году он пошел в приготовительные классы, он уже познакомился не только с Достоевским, Тургеневым и Мопассаном, но и с такими авторами, как Мережковский, Писемский, Амфитеатров, Леонид Андреев...

Читал он много, запоем. Брат и сестра называли его за глаза - Книжный шкаф.

Но паинькой Ленька никогда не был. Характерец у него был такой, что больше двух месяцев ни одна гувернантка не уживалась в доме. Где бы он ни был, куда бы ни шел, всегда с ним случалась какая-нибудь история: то сломает в магазине дорогую хрупкую вещь, за которую матери приходится расплачиваться из своего кошелька; то свалится на даче в яму с известью; или заблудится в лесу; или разобьет у соседей шар над цветочной клумбой...

Первый сын, любимец матери и отца, он еще в пеленках отличался характером, который называли "несносным", "ужасным", "деспотическим", а чаще всего "отцовским".

Даже отца пугало его упрямство. А о матери и говорить нечего. Когда на Леньку "нападал стих", она убегала в спальню, запиралась на ключ и плакала, уткнувшись в подушки.

Особенно трудно ей стало, когда отец окончательно покинул семью, оставив на ее руках всю троицу: и Леньку, и Васю, и Лялю. Расставшись с мужем, Александра Сергеевна не почувствовала свободы. Здоровье не улучшалось. Денег никогда не хватало. А тут еще Лешенька подрастал непутевый, дикий, неукротимый... С каждым днем все больше и больше сказывался в нем отцовский характер. И все чаще и чаще восклицала измученная, отчаявшаяся мать:

- Вторым Иваном Адриановичем наградил меня господь!..

ГЛАВА II

Ленька уже давно спал. И слезы подсыхали на его угрюмом скуластом лице.

Сквозь черную, засыпанную снегом решетку смотрела в камеру холодная петроградская луна. Было тихо. Только мыши скреблись да погукивал ветер в большой, давно не топленной железной печке.

Сколько раз приходилось Леньке вот так же, согнувшись калачиком и прикрывшись рваной солдатского сукна шубейкой, ночевать на деревянных узеньких лавках - в железнодорожных чеках, в отделениях милиции, в пикетах, в комендатурах!..

Давно уже распрощался он и с мягкими перинами, и с коротенькими штанишками, и с матросскими блузками. Как далеко это все! Как не похож этот грязный, оборванный парень на чистенького первоклассника-реалиста, который читал еженедельный журнал "Задушевное слово", учил закон божий, ездил с мамашей в гости, шаркал ножкой и целовал ручки у тетушек...

Разве не целая вечность отделяет его от того памятного дня, когда пришла в гости нянька, уже не служившая в доме, уже не нянька, а "бывшая нянька", - пришла заплаканная, развязала ситцевый в крапинку узелок с орехами и зелеными недозрелыми сливами и, поклонившись, сказала:

- Вот, прими, Лешенька, гостинчика - на сиротскую долю.

Ленька не сразу понял, что это значит - "гостинчик на сиротскую долю".

Еще совсем недавно он писал под диктовку матери письмо отцу, который работал во Владимире, на лесных заготовках у лесопромышленника Громова.

"Дорогой папаша, - писал он. - Поздравляю Вас с днем Вашего Ангела и желаю Вам всего наилучшего. Я учусь хорошо, по русскому языку имею пятерку с плюсом. Мы все здоровы. Ждем Вас к себе в гости. Мамаша Вам кланяется и желает здоровья..."

И вот говорят, что отца уже нет, что он умер.

Он умер где-то далеко, на чужбине. Не было ни похорон, ни поминок, ни семейного траура. Он уехал и не вернулся. И Леньке долго думалось, что, может быть, это ошибка, что когда-нибудь звякнет в прихожей звонок, он выбежит на этот звонок и в облаке пара увидит знакомую, чуть сгорбленную фигуру - в серых высоких валенках, в заснеженном полушубке

и в светло-коричневом мохнатом сибирском башлыке с серебряной кисточкой на макушке...

Осенью он перешел во второй класс приготовительного училища. Это был третий год войны. Война уже перестала быть интересной, и Леньке уже давно расхотелось бежать на фронт. В начале войны он пробовал это сделать: собрался, засушил сухарей, достал из "казацкого сундука" саблю и кожаный подсумок, даже написал домашним письмом. Но убежать ему удалось очень недалеко, - поймали его на лестнице, на второй площадке.

Теперь даже играть в войну было скучно. Еще год тому назад Ленька писал стихи:

Бомба, как с неба упала,
Тут вот она и летит.
Бедный, о бедный солдатик
Тот, в кого будут палить...

Теперь ему даже вспомнить было стыдно, что он занимался такими пустяками. Всю эту осень он писал приключенческие рассказы и большой авантюрный роман, в котором участвовали цыгане, разбойники, контрабандисты и сыщики и который назывался таинственно и страшно - "Кинжал спасения".

Но зима выдалась веселая.

Первую весть о надвигающихся переменах принес Леньке крестный брат его Сережа Крылов, по прозвищу Бутылочка. Мальчик этот принадлежал к числу тех "бедных", которые особенно щедро одаривались перед праздниками подержанными вещами из казацкого и других сундуков. Родная мать Бутылочки - пожилая поденщица Аннушка - с незапамятных времен ходила в дом мыть полы и убирать квартиру. Ленькиным же братом Сережа считался потому, что Александра Сергеевна когда-то крестила его, была его приемницей. Бутылочка был года на полтора старше Леньки и выше его на голову, однако умудрялся каким-то образом очень долго донашивать Ленькины штаны и матросские куртки. Застиранные, выцветшие, с потеками синьки в самых неподобающих местах, эти старые вещи плотно облевали сухопарую фигурку мальчика, который и сам казался Леньке каким-то застиранным и выцветшим. Даже на лице его, очень бледном и некрасивом, то тут, то там проступали синие пятна. Это не мешало Леньке любить Сережу и радоваться, когда тот неожиданно-негаданно, раза два-три в год, появлялся - откуда-то издалека, из-за Обводного канала, с таинственной Везенбергской¹² улицы...

Когда-то давно, когда ребята были еще совсем маленькие, Аннушка привела Сережу поздравить крестную мать с днем ангела. Мальчики весь день просидели на подоконнике в детской, с увлечением играя в неизвестно кем выдуманную игру: натаскали откуда-то склянок и пузырьков и изображали аптеку. До вечера они по очереди продавали друг другу пластыри, горчичники и касторку, а вечером на парадной завершал звонок и через минуту послышался ликующий вопль маленького Васи:

- Гости приехали!..

В прихожей уже слышался смех и голоса Ленькиных двоюродных братьев и сестер. Пора было кончать игру. Сережа, который до этого был весел и оживлен, замолчал, заскучал, глаза его наполнились слезами, и, склонив по-старушечьи голову, он жалобно и как-то нараспев протянул:

- Гости придут - все бутылочки побьют...

С тех пор и осталось за ним это прозвище - Бутылочка.

Теперь Бутылочка учился уже во втором классе городского четырехклассного училища, ходил в фуражке, говорил хрипловатым голосом и, когда, здороваясь, целовался с Ленькой, от него пахло чем-то очень взрослым и очень знакомым; так пахло когда-то в кабинете отца и в дачных вагонах с надписью "для курящих".

На святках Бутылочка был у Леньки в гостях. Мальчики пошумели, поиграли, потом забрались с ногами на стулья и долго разглядывали картинки в журналах. В одном из

¹² Везенбергская улица - ныне улица Шкапина.

журналов была напечатана фотография: Николай II на фронте награждает группу солдат георгиевскими крестами. Сережа прочитал подпись под картинкой, помолчал, усмехнулся и сказал:

- Скоро ему полный каюк будет.

- Кому? - не понял Ленька.

- А вот этому, - ответил Бутылочка и не очень почтительно потыкал пальцем в самую физиономию царя.

- Почему каюк? - опешил Ленька.

- А вот потому...

Худенькое лицо Бутылочки стало серьезным и даже зловещим.

- Побожись, что никому не скажешь.

- Ну?

- Что "ну"? Ты не нукай, а ты побожись.

- Божиться грех, - сказал, поколебавшись, Ленька.

- Ну ладно, можешь не божиться. Скажи тогда: "честное слово".

- Честное слово.

- "Никому не скажу"...

- Никому не скажу.

- И крестненькой не скажешь?

- И крестненькой...

Тогда Бутылочка оглянулся, вытаращил глаза и зашипел:

- Царица у нас шпионка. Не веришь? Какая? А вот такая - Александра. Она через Распутина¹³ все военные тайны своим немцам передавала...

- А цагь? - прошептал Ленька, бледнея от одного сознания, какую страшную тайну он на себя берет.

- И царь тоже хорош. Вот увидишь, скоро они все полетят вверх кармашками... Только ты, Леша, смотри никому не говори.

- Я не скажу, - пробормотал Ленька.

Однако беречь Сережину тайну Леньке пришлось очень недолго. В феврале застучали в городе пулеметы, замелькали красные флаги, банты. Новое слово "революция" ворвалось в Ленькину жизнь.

Свергнутого царя ему не было жаль. В первый же день, отправляясь в училище, он нацепил на фуражку красную ленточку.

Царя не стало, появилось правительство, которое называлось Временным, но в Ленькиной жизни и в жизни его семьи мало что изменилось.

Мать бегала по урокам. Как и прежде, к ней приходили ученики - большей частью маленькие девочки с огромными черными папками "Мюзик". Девочки без конца разучивали гаммы и упражнения, - мешали заниматься, читать, учить уроки. Зубы у матери по-прежнему болели. И по-прежнему в комнатах пахло чесноком и ландышем.

А в городе и в стране уже ни на минуту не утихал свежий ветер. Конечно, Ленька не понимал и не мог понять всего, что происходит в мире. Ему в то время не было еще девяти лет. Он видел, что начавшаяся в феврале веселая жизнь - со стрельбой, флагами, пением "Марсельезы" и "Варшавянки" продолжается. А разобраться во всем этом - почему стреляют, почему поют, почему шумят и ходят под окнами с красными флагами - он не мог, хотя жадно прислушивался ко всем разговорам и давно уже с увлечением читал газеты, которые в тот год плодились, как грибы после хорошего дождя. Газеты были с самыми удивительными названиями. Была газета "Копейка", которая и стоила всего одну копейку. Была газета "Черное знамя". Выходила даже газета, которая называлась "Кузькина мать".

¹³ Распутин Григорий (1872-1916) - фаворит царя Николая II и его жены, царицы Александры Федоровны, имел неограниченное влияние на царя, царицу и их окружение. Был убит монархистами.

В газетах и в разговорах взрослых то и дело мелькали новые, не знакомые Леньке слова: "манифестация", "милиция", "пролетариат", "оратор"...

Летом Ленька впервые услышал слово "большевик".

В городе готовились к выборам в Учредительное собрание¹⁴. Стены домов, заборы, фонарные столбы, афишные тумбы, ворота - все, на чем можно было наклеить клочок бумаги, было сверху донизу залеплено предвыборными плакатами разных партий. Партий этих было так много, что не только Ленька, но и не каждый взрослый мог без усилий разобраться в их направлениях и программах. И все-таки нашлась одна партия, которая сразу же, уже одним названием своим завоевала Ленькино сердце. Эта скромная партия, шедшая в предвыборных списках под номером 19, именовалась "партией казаков". Весьма вероятно, что где-нибудь на Дону или Кубани, в казачьих станицах, у этой партии были и вожди и последователи, но можно поручиться, что в столичном городе Петрограде не было у нее более яркого приверженца и более страстного пропагандиста, чем этот вихрастый и низкорослый ученик второго пригготовительного класса. Может быть, Ленька вспомнил, что отец его был хорунжим сибирского казачьего полка; может быть, сыграло тут роль очарование "казачьего сундука", может быть, самое слово "казак", знакомое по "Тарасу Бульбе", по мальчишеской игре в "казаки-разбойники", покорило и вдохновило его... Как бы то ни было, но этот мальчик, в жилах которого не было ни одной капли казачьей крови, вдруг самочинно объявил себя казаком и членом казачьей партии. Сам он голосовать еще не мог, зато делал все, чтобы увеличить число голосующих за "свою" партию. Он приставал ко всем взрослым с просьбой отдавать голоса за список № 19. Он написал от руки несколько десятков плакатиков: "Голосуйте за партию казаков № 19" - и мужественно, побеждая стыд и застенчивость, развесил эти воззвания с помощью кнопок и гуммиарабика на стенах и заборах соседних домов. Обнаружив, что у казачьей партии нет своего печатного органа, он задумал издание газеты, которая называлась "Казачья быль" и под заглавием которой стояло: "Орган партии казаков № 19". Он даже вывесил на Фонтанке, у Английского пешеходного мостика¹⁵, объявление, в котором сообщалось, что принимается подписка на "Казачью быль", орган партии казаков № 19... Два дня после этого Ленька с трепетом прислушивался к звонкам, ожидая наплыва подписчиков... На его счастье, подписчиков почему-то не оказалось.

...Однажды он зашел в "темненькую", в комнату, где жила Стеша, уже второй год служившая у Александры Сергеевны "за горничную и кухарку".

Стеша сидела на кровати и штопала чулок.

- Стеша, скажите, пожалуйста, - сказал Ленька, - вы в Учредительное собрание голосовать будете?

- А что ж... Почему? И буду, - засмеялась Стеша. - Все будут, и я буду.

- А вы за кого будете голосовать?

- А это, Лешенька, мое дело. Об этом не спрашивают. Это называется тайна избирателя.

- Хотите, я скажу, за кого вам голосовать? - сказал Ленька. И, оглянувшись, шепотом договорил: - Вы за девятнадцатый номер, за партию казаков голосуйте.

- Вот еще! - усмехнулась Стеша. И, так же оглянувшись, таким же таинственным шепотом сказала: - А если я, представьте, за четвертый хочу?

- Какой это четвертый?

¹⁴ Учредительное собрание - выборный законодательный орган, который должен был принять основы конституции России. Выборы в него состоялись летом 1917 года, но открылось оно после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда основы конституции были заложены первыми декретами Советской власти. Так как контрреволюционное большинство отказалось утвердить эти декреты. Учредительное собрание было распущено, просуществовав всего один день - 5 января 1918 года.

¹⁵ Английский пешеходный мостик - небольшой мост через Фонтанку у выхода к ней проспекта Маклина (бывшего Английского проспекта).

- Не знаете? Это партия большевиков называется.
- Как?.. Большевиков? Каких большевиков?
- А вот таких. Не слыхали? Это наша партия. Рабочая.

И, выдвинув из-под кровати свой маленький деревенский сундучок, где хранилось все ее небогатое имущество - ситцевые платя, платки, башмаки, банки с помадой, пустые коробки из-под конфет, пастилы и мармелада, - Стеша порылась в нем и достала сложенный вчетверо плакат, на котором был изображен усатый широкоплечий человек в черной кепке, державший в поднятой мускулистой руке белый конверт с надписью "№ 4".

"Эх, жалко я не нарисовал ничего на своих плакатах", - подумал Ленька. Он представил, какого замечательного, усатого и чубатого казака с пикой наперевес можно было бы изобразить на плакате. Но теперь было поздно этим заниматься.

Укладывая на место вещи, Стеша уронила на пол какую-то фотографию. Ленька поднял ее. На толстой пожелтевшей, с обломанными углами карточке довольно большого, "кабинетного" размера был изображен высокий усатый человек в черной, похожей на круглый пирог барашковой шапке и в длинном, наглухо застегнутом зимнем пальто с таким же барашковым воротником.

- Кто это? - спросил Ленька.
- Да это ж мой брат, Лешенька, - с улыбкой ответила Стеша.
- У вас разве есть бгат? - удивился Ленька.
- Есть, детка.
- А где же он?

Стеша вздохнула.

- Далеко, Лешенька. Он до войны шесть лет в Сормове жил, на паровозном заводе работал. А сейчас - на войне, на фронте.

Человек на фотографии был чем-то похож на рабочего с плаката: такие же усы, такие же сильные широкие плечи.

- Он тоже большевик? - спросил Ленька.

Стеша не ответила.

Ленька еще раз посмотрел на карточку, посмотрел на Стешу.

- Вы не похожи, - сказал он.

- Ну вот, - обиделась девушка, отнимая у Леньки фотографию. - Очень даже похожи. Только что разве усов у меня нету...

Предвыборная борьба, в которую так неожиданно включился Ленька, отвлекла его от занятий, более подходящих его возрасту и положению. Осенью он должен был держать вступительные экзамены в реальное училище. Готовился он кое-как, наспех, в середине лета захворал коклюшем и месяц с лишним провалялся в постели. Неудивительно, что, когда пришла пора идти на Восьмую роту в мрачное казенное здание 2-го Петроградского реального училища, Ленька чувствовал себя не очень уверенно. Русский язык и закон божий он знал лучше, волновался главным образом за арифметику. Но именно здесь, на этом нелюбимом предмете ожидал его триумф, к которому он никак не был подготовлен.

Маленький, похожий на чижика человек (впоследствии оказалось, что фамилия его Чижев, а прозвище Чиж), подергал козлиную бородку, ехидно посмотрел на мальчика из-под золотых очков и сказал:

- А нуте-с, молодой человек. Подойдите ближе. Руки из карманов выньте. Так. Скажите: что будет тяжелее - пуд сена или пуд железа?

На Ленькино счастье, он слыхал когда-то эту шуточную задачу. Но как она решается, он забыл.

"Железо, конечно, тяжелее, - подумал он. - Но тут какой-то подвох, тут что-то наоборот..."

И, собираясь перехитрить экзаменатора, он уже хотел сказать: "Конечно, пуд сена тяжелее". Но взглянул на Чижика, который смотрел на него посмеиваясь и накручивая жидкую бороденку на блестящую пуговицу вицмундира, вовремя спохватился и хриплым

голосом, громко, по-солдатски ответил:

- Пуд пудом и будет.

- Молодец. Соображаешь, - осклабился Чиж, показывая прокуренные зубы. Можешь идти. Выдержал.

На следующее утро, явившись с матерью к подъезду реального училища. Ленька увидел свою фамилию второй в списке выдержавших приемные испытания в первый класс. Впоследствии он узнал, что эту задачу про сено и железо Чиж задает на экзаменах почти всем поступающим. И даже самые способные и сообразительные редко отвечали правильно. Где же тут, в самом деле, сообразить, что сено и железо весят одинаково, если в эту минуту у тебя все поджилки трясутся, если перед носом твоим страшно блестят очки экзаменатора, сверкают пуговицы и ордена на его парадном мундире, если ты чувствуешь себя таким маленьким и потерянным в этой огромной зале, с высокими казенными окнами и с пустой золоченой рамой на стене, в которой еще совсем недавно стоял во весь свой невысокий рост самодержец всероссийский, государь император Николай II.

Первого сентября, облачившись в новенькую черную шинель и в черную с оранжевыми кантами фуражку, затянувшись кожаным поясом, на мельхиоровой пряжке которого были вытиснены буквы "2 ПРУ", Ленька отправился на молебен и на первый урок в училище.

Он плохо запомнил, как и чему учили его в реальном училище. Запомнился ему небольшой полутемный класс, высокая желтая учительская кафедра, сосед его по парте - сын книготорговца Тузова, которого учителя почему-то называли Тузов-второй; моложавый красивый священник-законоучитель, на каждом шагу говоривший "конечно" и "так сказать"; учитель словесности Бодров, которого почтительно именовали писателем, потому что у Бодрова была своя книга собрание пословиц и поговорок; инспектор Чиж и директор Дуб... Но вспомнить себя сидящим в классе, отвечающим урок или стоящим у доски или у карты Ленька не может. Гораздо лучше помнятся ему перемены. Перемен было даже как будто больше, чем уроков. Запомнились ему длинные училищные коридоры, по которым с криками "ура" носятся ученики младших классов; запомнилась большая уборная, где в клубах табачного дыма с утра до окончания уроков шумят реалисты-старшеклассники.

Спорят, ругаются, чуть не дерутся. Только и слышно:

- Большевики... Меньшевики... Эсеры... Мир без аннексий и контрибуций... Предатели... Оборонцы... Вешать вас надо!..

Ленька ничего не понимает, но стоит, слушает, хотя от папиросного дыма его давно тошнит и голова кружится.

Распахивается дверь, и в туалетную врывается еще одна партия реалистов. Большеголовый, стриженный под машинку пятиклассник Дембо, любимец малышей, вскакивает на самое возвышенное место и, размахивая, как митинговый оратор, руками, кричит, перекрывая своим басовитым голосом остальные голоса:

- Товарищи, внимание! На нас идет Германия! Устроимте по этому случаю собрание...

Его с хохотом стаскивают с "трибуны", начинается потасовка.

Давно уже прозвенел звонок, но на уроки никто не спешит. Леньке кажется, что старшеклассники вообще не занимаются. Как ни войдешь в туалетную, - они всегда тут, всегда шумят и спорят.

Эти споры и потасовки продолжаются и на улице. Здесь самое интересное драки с гимназистами, воспитанниками казенной мужской гимназии, помещавшейся рядом, в одной из соседних рот. Гимназисты - старые, вековечные враги реалистов, - "аристократы", "серошинельники", "мышьиные хвостики", как зовут их презрительно реалисты.

Побоища происходят на широком Троицком проспекте ¹⁶ перед казармами Измайловского полка, где по утрам маршируют солдаты-призывники и обучаются езде на мотоциклетах молодые подпрапорщики из автороты...

¹⁶ Троицкий проспект - ныне проспект Москвиной.

Домой Ленька возвращается поздно. Идет он мимо разбитого и сожженного здания полицейского участка, мимо немецкой булочной Венцеля, у дверей которой с утра до вечера стоят теперь длинные очереди женщин, мимо кинематографа "София", мимо аптекарского магазина Васильевой, зеркальная витрина которого еще в феврале пробита шальными винтовочными пулями...

А дома все то же. Из комнаты матери доносятся жиденькие звуки рояля. Очередная девочка с косичками разучивает гаммы и экзерсисы. Мать лениво отбивает такт и скучным, усталым голосом отсчитывает:

- И раз, и два, и три... И раз, и два, и три...

В детской комнате Вася и Ляля играют в цыган. Устроили из табуреток и стульев фургон, завесились старым маминым шерстяным платком, притаились в этом таинственном полумраке и, покрикивая "гэй, гэй", едут, кочуют по степным просторам...

"Тоже! Нашли развлечение", - с презрительной усмешкой думает Ленька. Он проходит к своему столу, бросает ранец. Надо бы отдохнуть и садиться за уроки, но на свете есть вещи и поинтереснее уроков. Книги!..

До вечера он сидит, согнувшись над толстым томом и заложив пальцами уши, жадно пожирает страницу за страницей, половины не понимая или понимая по-своему, замирая от ужаса и восторга, глотая слезы, всем существом своим растворяясь в этом созданном чужой фантазией мире.

А Вася и Ляля давно уже кончили играть, давно стоят за Ленькиной спиной и, переглядываясь, прижимая к губам пальчики, набираются храбрости, готовятся к излюбленной своей шалости.

Им и страшно и весело, и хочется и боязно. И вот, наконец, кто-нибудь из них - или оба вместе - осторожно, кончиками указательных пальцев дотрагиваются до Ленькиного затылка. Ленька вскакивает, словно в него электрический ток пустили. На лице его - ярость. Вася и Ляля уже кинулись наутек. Они уже и сами не рады, что позволили себе эту невинную шутку. Через минуту из детской доносится пронзительный рев. Мать и Стеша вбегают в комнату и видят, как вся троица кубарем катается по полу. Визжит Ляля, басом ревет толстощекий Вася и хрипит, задыхается позеленевший от бешенства Ленька.

...Ленькины товарищи по классу, как и большинство ребят того времени, увлекались так называемой приключенческой, "сыщицкой" литературой. Читали и зачитывали до дыр аляповато-пестрые выпуски "Ната Пинкертона", "Ника Картера", "Шерлока Холмса"...¹⁷ После Февральской революции этих книжек развелось еще больше. Ленька никогда не был поклонником этой копейной уличной литературы, хотя, поддавшись моде, пробовал и сам писать приключенческие рассказы. Его тянуло к более серьезным книгам. На этой почве он подружился в училище с реалистом Волковым.

Это был худенький, бледнолицый и черноглазый мальчик, серьезный, неразговорчивый, даже высокомерный. Единственный в классе, он носил под суконным воротником казенной тужурки белый полотняный. В первый же день занятий Волков подошел к Леньке и спросил:

- Ты любишь учиться?

- Нет... не очень, - честно ответил Ленька.

- Но ведь ты выдержал экзамен вторым?

- Ну и что ж, - сказал Ленька.

- Значит, ты способный.

- Ну, почему... Пгосто повезло, - скромно ответил Ленька и рассказал про историю с сеном и железом.

¹⁷ "Нат Пинкертон", "Ник Картер", "Шерлок Холмс" - низкопробная литература о сыщиках, пользовавшаяся большой популярностью у подростков в предреволюционное время. Не следует путать бульварные издания "Шерлока Холмса" с произведениями известного английского писателя Артура Конан Дойла (1859-1930) - "Приключения Шерлока Холмса", "Записки о Шерлоке Холмсе", "Собака Баскервилей" и другими.

Волков помолчал, сдвинул к переносице тонкие брови и сказал:

- Я выдержал одиннадцатым. И то я счастлив. А если бы я был первым или вторым, я бы витал, вероятно, на седьмом небе.

Леньке почему-то понравилось это "седьмое небо". Все чаще и чаще он стал заговаривать с Волковым. Оказалось, что и тот "терпеть не может" уличной литературы. Он читал Плутарха и сказки Топелиуса¹⁸.

- Кто твой отец? - спросил однажды Волков.

- У меня нет отца, - ответил Ленька.

- А кем он был?

Ленька почему-то постеснялся сказать, что отец его умер приказчиком.

- Он был офицером, - сказал он и покраснел, хотя сказал правду. - А твой отец кто? - спросил он из вежливости. Он был уверен почему-то, что Волков ответит: князь или барон. Но Волков сказал, что отец его инженер, владелец технической конторы "Дизель".

- Знаешь что? - сказал он через несколько дней. - Приезжай ко мне в воскресенье в гости. Я уже говорил с мамой. Она позволила.

- Ладно, пгидеу, - сказал Ленька.

- Не "ладно", а "хорошо", - поправил его Волков.

Ленька и сам знал, что говорить "ладно" некрасиво. Так его учили когда-то мама и гувернантки. Но в реальном все говорили "ладно", это было и ловчее и как-то больше по-мальчишески. Кроме того, в слове "ладно" не было буквы "р", употреблять которую Ленька всячески избегал.

- Хогошо, пгидеу, - мрачно повторил он.

- Я заеду за тобой.

- Ладно... хорошо, - сбился Ленька.

Волков ему нравился, но вместе с тем было в этом серьезном, никогда не улыбающемся мальчишке что-то такое, что пугало и отталкивало Леньку. В присутствии Волкова он немножко стеснялся и робел.

И уже совсем оробел он, когда в ближайшее воскресенье, после обеда, раздался звонок и почти тотчас в детскую вкатился румянощекий Вася и, задыхаясь от смеха, прокричал:

- Леша... Леша... тебя какой-то господинчик спрашивает!

- Какой господинчик? - удивился Ленька.

Вася не мог говорить от хохота.

- Там... в передней... стоит...

Ленька захлопнул книгу и побежал в прихожую.

У парадной двери в прихожей стоял Волков.

Но что это был за Волков! Он был не в шинели, а в сером демисезонном пальто-реглан. В руках он держал шляпу и тросточку. Пальто его было распахнуто, и оттуда выглядывали крахмальный воротничок, галстук и перламутровые пуговицы жилета.

Это был джентльмен, дэнди, рисунок из модного журнала, а не девятилетний мальчик.

Ленька смотрел на него с открытым ртом.

- Ты готов? - спросил у него Волков.

Ленька молча кивнул. За спиной его жались и давились от смеха Вася и Ляля.

- Это что за мелюзга? - спросил Волков.

Ленька, случалось, и сам называл Васю и Лялю мелюзгой, но тут он почему-то обиделся.

- Это мои бгат и сестга, - ответил он, нахмурясь.

¹⁸ "Он читал Плутарха и сказки Топелиуса...". - Плутарх (ок. 46 ок. 127) - выдающийся греческий философ и писатель. Наибольшей популярностью у юношества пользовалась его книга "Сравнительные жизнеописания", в которой Плутарх создал галерею образов великих людей Греции и Рима (Александр Македонский и Цезарь, Демосфен и Цицерон и так далее). Цакариас Топелиус (1818-1898) - известный финский поэт, прозаик, сказочник.

Александра Сергеевна, сдерживая улыбку, смотрела на маленького господина.

- Вы где живете, голубчик? - спросила она Волкова.

- На Екатерингофском¹⁹, сударыня, - ответил он.

- Ну, это недалеко. На каком же номере вы с Лешей поедете?

- На трамвае? - удивился Волков. - Я на трамвае никогда не ездил. Меня ждет экипаж.

- У вас свой выезд?!

- Да, мадам, - ответил по-французски Волков и шаркнул ножкой.

Никогда еще Ленька не чувствовал такой связанности и скованности, как в этот раз. Почему-то ему вдруг стало стыдно смотреть в глаза матери, брату и сестре. Ему вдруг неудобно стало называть Волкова "на ты".

Застегивая на ходу шинель, он спускался вслед за Волковым по узенькой темной лестнице, мрачно и односложно отвечал на вопросы товарища, а сам думал: стоит ли ехать? не вернуться ли?

На улице, у ворот, дожидался Волкова шикарный экипаж. Английский рысак, начищенный до зеркального блеска, высокий, статный, с забинтованными для пущего шика ногами, нетерпеливо бил копытом. Толстый кучер в цилиндре, натягивая синие вожжи, не шелохнувшись, сидел на козлах.

- Прошу, - сказал Волков, открывая лакированную дверцу.

Леньке приходилось ездить на конках, в трамваях, на извозчиках. Один раз, в раннем детстве, он ездил - на крестины двоюродного брата - в наемной карете. Но ехать в "собственном" экипаже, на запятках которого не было никакой жестянки с номером, - об этом он никогда и мечтать не мог. И вот теперь, когда представился случай, он не почувствовал никакой радости. Усевшись на мягкое кожаное сиденье, он мрачно уставился в широченную спину кучера и всю дорогу молчал или отделялся короткими ответами, удивляясь, как это Волков может говорить о заданных на завтра уроках, о неверном ответе в задачнике Евтушевского, о погоде и о прочих будничных делах. Ему все казалось, что вот-вот Волков откинет полу своего модного реглана, достанет серебряный портсигар и закурит сигару.

Но все-таки ехать в коляске было очень приятно. Дутые резиновые шины мягко, пружинисто подкидывали. Широкозадый кучер властным командирским голосом покрикивал на прохожих:

- Пади!..

И прохожие испуганно шарахались, оглядывались, отряхивали забрызганные грязью пальто. Наемные извозчики и ломовики придерживали своих кляч и безропотно пропускали "собственного".

На Садовой у Крюкова канала на мостовой перед лабазом стояла толпа женщин.

- Пади! - крикнул кучер.

Но женщины не успели разбежаться. Лакированное крыло коляски задело кого-то. В толпе послышались гневные голоса:

- Эй вы, барчуки! Осторожнее!

- Буржуазия проклятая!

- А ну, поддай им, бабы!

- Поездили! Хватит! Вышло ихнее времечко...

Кучер даже плечом не повел. Коляска, не убыстряя хода, мягко вкатывалась на деревянный настил моста.

Что-то ударило в стенку экипажа. Ленька привстал и оглянулся.

Женщина в сером платке, кинувшая камень, стояла с поднятой рукой и кричала:

- Да, да! Это я! Мало? Еще получите... Живоглоты!

- Гони! - крикнул кучеру Волков. И, стиснув Ленькину руку, сквозь зубы прохрипел:

¹⁹ Екатерингофский проспект - ныне проспект Римского-Корсакова.

- Хамы!..

"Сами же мы виноваты. Не извинились даже", - подумал Ленька, но вслух ничего не сказал.

...Чувство неловкости, скованности и немоты не оставляло его и позже, когда экипаж въехал на асфальтированную площадку маленького двора, в центре которого жиденькой струйкой бил крохотный игрушечный фонтанчик; когда поднимался он вслед за Волковым по широкой мраморной лестнице, устланной мягким ковром с жарко начищенными медными прутьями; когда высокую парадную дверь распахнул перед ними настоящий лакей, с бакенбардами, в чулках, похожий на какую-то иллюстрацию к английской детской книжке...

- Пройдем ко мне, - сказал Волков, когда нарядная, как артистка, горничная помогла им снять пальто. - У папы деловое совещание. После я тебя представлю ему.

Эти слова еще больше смутили Леньку. Никогда раньше его не "представляли" чужим родителям. Ему казалось, что он пришел на экзамен или к директору училища, а не к товарищу в гости. И комната, куда его привел Волков, действительно больше походила на директорский или даже министерский кабинет, чем на детскую девятилетнего мальчика. Письменный стол с бронзовым чернильным прибором. Огромные книжные шкафы, от пола до потолка заставленные книгами. Пушистый ковер. Камин, перед которым распласталась леопардовая шкура.

- Это твоя комната? - спросил Ленька, не зная, что сказать.

- Моя, - просто, без всякого хвастовства ответил Волков. - Ну, чем же мы займемся? Хочешь, я покажу тебе свои игрушки?..

И, усадив Леньку на ковер, он стал доставать и показывать товарищу богатства, каких Ленька не видел даже в витринах игрушечного магазина Дойникова в Гостином дворе.

Настоящая паровая машина. Электрический поезд, который бегал по рельсам через всю комнату. Кинематографический аппарат Патэ. Ружье во "монтекристо". Заводной солдат-шотландец в клетчатой юбочке, который не катался на колесиках, а ходил, переставляя одну за другой длинные голенастые ноги и делая еще при этом артикул ружьем...

Ленька с тупым удивлением смотрел на эти хитроумные дорогие игрушки и не мог почему-то ни радоваться, ни удивляться. Даже зависти к Волкову у него не было.

...Часа два он просидел на ковре - и чем дольше сидел, тем сильнее чувствовал под ложечкой томление, какое испытываешь на затянувшемся неинтересном уроке. Он уже набрался храбрости и хотел заявить, что ему пора домой, когда открылась дверь и в комнату, шурша шелковым платьем, не вошла, а вплыла молодая красивая женщина, очень похожая на Волкова - с такими же хрупкими чертами лица и с такими же тонкими черными бровями.

- Моя мама, - с гордостью объявил Волков.

Ленька вскочил, шаркнул ногой, споткнулся о паровую машину и, увидев возле своего носа тонкую бледную руку с розовыми миндалинами ногтей, ткнул губами в эту хрупкую, крепко надушенную руку и назвал себя по фамилии.

- Очень приятно, - проворковала мадам Волкова. - Вовик мне о вас говорил. Чувствуйте себя, пожалуйста, у нас, как дома.

"Да! Ничего себе - как дома", - со вздохом подумал Ленька.

- А сейчас, пожалуйста, обедать. Вас ждут.

- Я не хочу, - забормотал Ленька. - Благодагю вас. Мне пога ехать. Я еще угоков не выучил.

- Не спешите. Успеете. Вовик вас отвезет... А уроки можете вместе учить.

Ленька понял, что погиб, и покорно поплелся вслед за Волковым - сначала в туалетную, мыть руки, потом - в столовую, где за большим обеденным столом уже сидело человек десять мужчин и среди них - высокий чернобородый господин с засунутой за воротник салфеткой, в котором Ленька почему-то сразу признал Волкова-отца. Так оно и оказалось. Волков подвел Леньку к чернобородому и сказал:

- Папа, разреши представить тебе. Мой товарищ, о котором я тебе говорил...

- А-а! Да, да, - веселым басом проговорил Волков-отец, показывая необыкновенно белые, ослепительные зубы и протягивая Ленке руку. Приятно... Садитесь, юноша. Милости просим. Водку пьете?

Ленька понял, что хозяин шутит, сделал понимающую улыбку и, поклонившись гостям, сел рядом с Волковым-сыном.

- Представь, папа, - сказал Волков-сын, к удивлению Ленки, тоже засовывая за воротник крахмальную салфетку. - Когда мы ехали домой, нас на Пиколовом мосту какие-то хамки забросали камнями.

- Вовик, - остановила его мать. - Откуда эти выражения?! "Хамки"!..

- Виноват, Елена Павловна, - бархатным голосом перебил ее какой-то бритый человек в полувоенном френче, лицо которого показалось Ленке знакомым: портрет его он видел недавно в газете. - Не те времена, голубушка, чтобы обращать внимание на такие тонкости. Пора называть вещи своими именами.

- И детям тоже?

- Увы, и детям тоже.

- Вовик, милый, ты не ушибся?

- Мы ускакали, - сказал Вовик.

За столом продолжался разговор, прерванный появлением мальчиков.

- Боже мой! Надвигается какой-то ужас.

- Ничего, ничего, Елена Павловна. Есть еще порох в пороховницах. Не с такими справлялись.

- В Учредительное они не пролезут во всяком случае. Будьте уверены. Задавим.

- Скажите, это правда, что генералы Корнилов и Деникин освобождены из-под ареста?

- Истинная правда, о которой не следует говорить громко.

- Вчера в Пассаже на моих глазах опять сорвали погоны с какого-то офицера...

- Пришьет. Невелика беда. Была бы голова на плечах.

- Папа, я тебе говорил, что Лешин отец был офицером?

- Говорил, Вовочка. Помню. Приятно... В каком же чине был ваш... гм... гм... родитель?

Ленька подумал, что на такое общество меньше чем полковником не угодишь. Но покраснел, кашлянул и сказал правду:

- Хогунжий.

Ему показалось, что гости и хозяйева переглянулись насмешливо.

- Н-да. Это что же выходит - корнет или вроде этого? Значит, вы казак?

- Да, - гордо ответил Ленька. Он покосился на Волкова и увидел, что щеки того залились румянцем.

"Это он за меня стыдится", - понял Ленька.

Без всякого аппетита он ел горячую янтарную уху с рассыпчатыми слоеными пирожками. Пирожки застревали в горле, а мадам Волкова накладывала ему на тарелку все новые и новые порции и, улыбаясь, приговаривала:

- Кушайте, голубчик, кушайте...

На другом конце стола кто-то жиденьким голосом говорил:

- Не будем забывать, господа, что судьба России, а следовательно, и всех нас, решается в Учредительном собрании. Именно поэтому всеми силами, правдами и неправдами необходимо добиваться большинства...

- К сожалению, Оскар Осипович, правдами многого не добьешься, показывая ослепительные зубы, весело пробасил Волков-отец. - Неправдами оно как-то сподручнее, как выражаются у нас на работах десятники.

- Миша, расскажи про Пелагею, - перебила его жена.

- А-а, да!.. Пелагея! Это, имею честь доложить, наша оберкухмистерша, кухарка. Третьего дня я спрашиваю у этой особы: "Пелагеюшка, матушка, вы за кого, собственно, имеете намерение голосовать на предстоящих выборах?" А она: "Мне, - говорит, - Михаил Васильевич, все равно, за кого... Мне бы только чтобы телятина на рынке подешевше стала".

- "Ах, так? - я говорю. Великолепно! В таком случае вам, почтеннейшая, следует голосовать за "Партию народной свободы". Не забудьте - избирательный список номер два".

За столом дружно захохотали.

- Вот это называется агитация! Чудесно! Правильно! Так и надо.

Ленька положил ложку, кашлянул и вдруг неожиданно для самого себя громко сказал:

- Ей бы надо за большевиков голосовать.

За столом сразу стало тихо. Все переглядывались и с удивлением смотрели на мальчика. Особенно страшно и даже зловеще, как показалось Леньке, смотрел на него бородатый Волков-отец.

- Почему-с? - тихо спросил он, подняв над тарелкой вилку.

- Потому, - смутился Ленька. - Потому что это их партия... рабочая...

Вокруг зашумели. Кто-то засмеялся. Кто-то неодобрительно крякнул.

- Позвольте, позвольте, - сказал хозяин, строго рассматривая Леньку. Собственно говоря... я не совсем понимаю... Вы с кем живете, юноша?

- Я... с мамой, - пробормотал Ленька.

- Вот как? А кто ваша мама?

- Она учительница музыки.

- Тэк-с.

Волков-отец посмотрел на Волкова-сына.

- А вы знаете, молодой человек, кто такие большевики?

- Нет, - краснея, ответил Ленька.

- Не знаете? Так знайте!

И, постукивая вилкой по краешку тарелки, хозяин строгим учительским голосом заговорил, обращаясь к одному Леньке:

- Большевики, милостивый государь, это тевтонские наемники, шпионы, заброшенные в наш тыл неприятельским штабом. За немецкие деньги эти бунтовщики сеют смуту в нашем отечестве, призывают рабочих к забастовкам, солдат к неповиновению. Это враги, которых надо ловить и расстреливать на месте без суда и следствия.

Ленька побледнел. Он вдруг вспомнил Стешу, ее сундучок в "темненькой", большевистский плакат, фотографию усатого человека в черном пальто...

Что же это? Неужели это правда? Неужели их горничная - тоже германская шпионка? От одной этой мысли куриная кость встала у него поперек горла.

Он уже не слушал больше Волкова-отца. Он думал о Стеше.

Как ему раньше не пришла в голову эта страшная догадка?! Ведь он столько раз читал в газетах о шпионах, он помнит, что в некоторых газетах называли шпионами большевиков. Почему же он не подумал до сих пор о Стеше?! Ведь горничная сама призналась, что она за большевиков...

Он с трудом досидел до конца обеда и решительно заявил, что должен идти домой. К удивлению его, ни родители Волкова, ни сам Волков не стали уговаривать его остаться.

- Иди, что ж, - сказал, позевывая, Волков, провожая Леньку в прихожую. - А у меня, ты знаешь, голова что-то разболелась. Я тебя проводить не могу. Дойдешь?

- Конечно, дойду, - сказал Ленька, всовывая руки в рукава шинели, которую ему подавала горничная.

На Крюковом канале он минут десять стоял у чугунной решетки, смотрел на черную сентябрьскую воду и с ужасом думал: что же это такое? Нет, нет, не может быть. Он вспомнил, что еще совсем недавно, на прошлой неделе, Стеша получила письмо с извещением, что брат ее тяжело ранен и лежит в госпитале под Могилевом. Он помнит, как страшно рыдала девушка, получив это извещение. Значит, она притворялась? Но ведь брат ее действительно ранен. Или, может быть, письмо было вовсе не от него?.. Может быть, у нее и брата никакого нет?..

Он стал припоминать... Вообще-то, если подумать, со Стешей давно уже творится неладное. Раньше она целыми днями сидела дома, не каждое воскресенье и в отпуск уходила.

А теперь - чуть вечер, чуть стемнеет, чуть кончилась работа по дому, она уже - платок на голову и бегом со двора. Возвращается поздно, будит всех. Ленке вспоминается подслушанный им недавно разговор между Стешей и матерью.

- Опять вы, Стеша, вчера во втором часу вернулись...

- Да, барыня. Простите, я разбудила вас.

- Не в этом дело. Всё, милая, на танцы бегаете? Смотрите, голубушка, дотанцуетесь.

- Нет, барыня, - негромко отвечает Стеша. - Я не на танцах была...

А где же она была? Куда она так таинственно исчезает по вечерам?

О господи, даже подумать страшно!..

За три года войны Ленка столько наслушался о шпионах, такие невероятные истории ему приходилось и слышать и читать об этих вражеских лазутчиках, которые пролезают во все щели, маскируясь и трубочистами, и точильщиками и швейцарами (и даже царицами, как уверял Сережа Бутылочка), что неудивительно, если этот девятилетний мальчик, которому к тому же очень помогала богатая фантазия, в конце концов поверил, будто их горничная Стеша - тоже шпионка. Во всяком случае, когда он подходил к своему дому, он в этом уже почти не сомневался.

Открыла ему на звонок Александра Сергеевна. Щека ее была подвязана черным платком. На глазах блестели слезы. Опять у нее болели зубы.

- Ну как? Доволен? - сказала она, пробуя улыбнуться.

- Да, - коротко ответил Ленка. И сразу же спросил: - Стеша дома?

- Нет. Ушла.

- Куда?

- Откуда же я знаю? - пожала плечами Александра Сергеевна.

"Ага! Опять", - зловеще усмехнулся Ленка.

Он ничего не сказал матери и прошел в комнаты.

Теперь он уже не колебался. Теперь настало время действовать.

Ему было жаль Стешу. К девушке он привык, любил ее почти как родную, ведь с тех пор как он помнит себя, она жила у них в доме. Но что же делать! Если бы он знал, что его мать или бабушка - немецкие шпионы, он и их должен был бы безжалостно разоблачить. Это долг патриота, как пишут в газетах.

Он стал наблюдать за девушкой. Он потерял аппетит, плохо спал, хуже стал учиться. Теперь он не ложился спать до тех пор, пока Стеша не возвращалась домой. На цыпочках он подкрадывался к дверям "темненькой" и слушал.

Стеша выдвигала из-под кровати сундучок.

"Ага", - говорил себе Ленка.

Он прижимался глазом к замочной скважине и видел, как Стеша, согнувшись, сидит на кровати и при жиденьком свете керосиновой лампочки что-то пишет в тетрадке, лежащей у нее на коленях.

"Вот... вот, - переставая дышать, думал Ленка. - Записывает... сведения..."

...Наконец он решился на последний шаг. Он решил проследить: куда ходит Стеша по воскресеньям? Он знал, что у горничной в Петрограде нет родных. Значит, она ходит туда, где главные немцы собирают все сведения от своих шпионов. И вот, в ближайшее воскресенье, узнав, что Стеша отпросилась у хозяйки "со двора", Ленка пошел к матери и объявил ей, что ему необходимо сходить к Волкову, взять учебник русской истории Ефименко. Он сказал неправду. Во-первых, учебник этот он взял у Волкова еще на прошлой неделе, а во-вторых, - отношения с Волковым были у него теперь не такие, чтобы ходить друг к другу в гости. Правда, они не поссорились, продолжали разговаривать, даже прогуливались иногда в перемену по училищным коридорам, но Ленке казалось, что Волков смотрит на него еще более высокомерно, свысока и даже как-то обиженно: будто Ленка в чем-то обманул его.

Получив от матери разрешение и дав ей клятвенное обещание быть осторожным, то есть ни в коем случае не попасть ни под трамвай, ни под автомобиль, ни под извозчика,

Ленька оделся, спустился во двор и стал ждать. Минут через пятнадцать наверху хлопнула дверь, и он, как заправский сыщик, притаился за деревом, перестал дышать и наострил уши.

Вот по булыжникам двора застучали кованые каблучки Стешиных башмаков.

Он выглянул из-за дерева.

Помахивая жалким клеенчатым ридикюльчиком, Стеша перебежала двор, свернула под арку ворот и вышла на улицу.

Ленька побежал за ней следом, минуту постоял под воротами и осторожно высунул голову в калитку.

Горничная переходила улицу.

Надвинув на глаза фуражку и прижимаясь к стенам домов, он шел за ней, выдерживая расстояние, замедляя шаги, останавливаясь и снова прибавляя шаг.

Ему было немножко страшно и немножко стыдно, но чувство гордости и сознание, что он выслеживает и вот-вот поймает настоящую немецкую шпионку, подавляло все остальные чувства.

На Покровском рынке, в толпе покупателей и продавцов он на несколько минут потерял девушку из виду, испугался, заспешил - и чуть не столкнулся со Стешей, увидев перед самым носом ее черную кружевную косынку.

На Садовой у кинематографа "Нью-Стар" Стеша ненадолго остановилась, разглядывая картинки за проволочной сеткой витрины. Ленька перешел улицу и, делая вид, что любит бутафорскими окороками и колбасами в витрине гастрономического магазина Бычкова, искоса посматривал в ее сторону.

У Крюкова канала Стеша свернула за угол. Ленька пошел быстрее и вдруг подумал, что Стеша идет тем самым путем, каким они ехали в прошлое воскресенье с Волковым. Как и в тот раз, на углу у лабаза толпились и шумели женщины. Стеша прошла мимо, потом постояла немного, вернулась и о чем-то недолго поговорила с женщинами.

"О чем это она их выспрашивает?" - подумал Ленька и уже хотел подойти к женщинам и спросить, о чем расспрашивала их эта подозрительная особа в черной косынке, но вспомнил давешнюю историю с камнем, глубже напялил фуражку и быстро перешел вслед за Стешей Пиколов мост.

На высокой колокольне Никольского морского собора гулко ударил большой колокол. Звонили к обедне. Ленька видел, как Стеша посмотрела в сторону церкви, голубовато белевшей за облетевшими деревьями Никольского сада, и прибавила шаг.

Но куда же она идет? Вот уже виден серый красивый дом, где живут Волковы. Неужели она идет к Волкову? Нет, свернула налево. Остановилась. Оглядывается. Ленька отбежал в сторону и спрятался за фонарем. Что это за здание, перед которым остановилась Стеша? Эти места мальчику хорошо знакомы. Еще в раннем детстве нянька водила их сюда гулять. Отлично знает он и этот длинный приземистый двухэтажный старинный дом, на фасаде которого, как на фуражке матроса, ленточкой вытянулись четкие металлические буквы:

ГВАРДЕЙСКИЙ ФЛОТСКИЙ ЭКПАЖЪ

У Леньки холодеет сердце. Перед казармой стоит группа матросов. У полосатой будки прохаживается часовой, на плече он держит длинное ружье с плоским японским штыком. И вот Ленька видит, как Стеша подходит к матросам, что-то говорит им. Те смеются. Потом она направляется к часовому, показывает ему какую-то бумажку, еще раз воровато оглядывается и проходит во двор казармы.

Зубы у Леньки начинают стучать.

Вот оно что! Значит, он не ошибся. Шпионка! Настоящая шпионка! Ходит по военным казармам и собирает сведения.

А они-то! Матросы эти!.. Простофили этикие... Не знают, кого пропустили в казарму... Еще смеются, дурни!

Ленька хочет бежать и не может: ноги не держат его.

За углом показалась пролетка извозчика.

- Извозчик! - слабым голосом крикнул Ленька.

- Тпру!.. Пожалуйста, ваше благородие. Куда прикажете? Домчу в один миг.

Ленька назвал адрес, взобрался на облезлое сиденье, извозчик зачмокал, задергал вожжами, и пролетка, дребезжа, покатила по булыжникам набережной...

Через двадцать минут Ленька был дома.

Скинув шинель, он прошел в "темненькую". Комната эта называлась так недаром. Слабый дневной свет едва проникал в нее сквозь одно-единственное окошко, находившееся на потолке.

Руки у Леньки дрожали, когда он выдвигал из-под Стешиной кровати красный, обитый жестяными полосками сундучок.

Он знал, что нехорошо лазать в чужие вещи. Он знал, что это - грех. Но что же делать?

На петельках сундука висел замочек. Ключа не было. Ленька пошарил под Стешиной подушкой. Ключа и там не оказалось.

Тогда он сбегал на кухню, принес тонкий колбасный нож и попробовал этим ножом открыть замок.

Замок не открывался.

Ленька уже сердился. Волосы на лбу у него взмокли.

Уже не думая о том, что он делает, он сунул черенок ножа в замочную дужку и с силой повернул его. Что-то хрустнуло, и маленький медный замочек упал к его ногам.

С трепетом он поднял крышку сундука. Первое, что он увидел, была книжка. На бледно-розовой обложке ее крупными буквами было напечатано: Карль Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ. "Коммунистический Манифестъ". Под книжкой лежал уже знакомый ему плакат, под плакатом пожелтевшая фотография усатого человека, еще какие-то фотографии, деревенский кремовый платок с бахромой, отрез материи, коробки, банки, пустые пузырьки из-под маминых духов.

Пересиливая стыд, страх и брезгливость, Ленька рылся в этом жалком девичьем приданом, как вдруг услышал за дверью шаги матери.

Он едва успел захлопнуть крышку сундука и кое-как запихал его под кровать, когда Александра Сергеевна вошла в "темненькую".

- Кто это? Это ты, Леша?! Ты что тут делаешь?

- Ничего, - ответил Ленька, засовывая руки в карманы и пробуя улыбнуться. - Зашел, думал, что тут Стеша.

- Как думал? Ты же знаешь, что она ушла со двора. И что тебе, скажи, пожалуйста, далась эта Стеша.

"Сказать или не сказать?" - подумал Ленька.

- Иди сию же минуту в детскую, - строго сказала мать. - Тебе здесь не место.

Выходя из "темненькой", Ленька спросил у матери:

- Мама, скажи, пожалуйста.. Кто такой Карл Маркс?

- Кто? Карл Маркс? Что за странный вопрос? Это... Ну, в общем... как тебе сказать? Впрочем, ты еще маленький. Вырастешь, тогда узнаешь.

Ленька заметил, что щеки у матери покраснели.

- Нет, правда, мама. Скажи...

- Ах, оставь, сделай милость! У меня и без того мучительно болят зубы.

"Сама не знает", - подумал Ленька.

Он прошел в детскую. Вася и Ляля сидели на полу у печки, играли в "военно-морскую игру". Ленька присел на корточки за Лялиной спиной, попробовал принять участие в игре, но мысли его разбегались.

"Нехорошо, - думал он. - Разворошил сундук и даже не закрыл его".

И кто такой этот Карл Маркс, которого читает Стеша?

Он вспомнил, что среди книг, оставшихся от отца, имеется многотомный энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Не один раз он прибежал к помощи этого словаря, когда в книге, которую он читал, встречалось незнакомое слово, вроде "идеал",

"гармония", "фатальный", "инквизитор" или "брыжи".

В кабинете он застал мать. Александра Сергеевна стояла у раскрытого книжного шкафа и перелистывала большую толстую книгу в темно-зеленом коленкоровом переплете.

- Тебе что? - сказала она, оглянувшись и быстро захлопнув книгу.

- Ничего, - сказал Ленька. - Я только хотел посмотреть в словарь: кто такой Маркс?

Щеки матери опять залились румянцем.

- О господи? Какой ты, в самом деле, неугомонный! Ну, хорошо, отстань, пожалуйста!

Маркс - это немецкий ученый. Экономист.

"Немецкий?! Ага! Вот оно... Все понятно".

- Что с тобой, мальчик? Ты побледнел... Тебе нездоровится?

- Ничего, - сказал Ленька, опуская голову. Но он и в самом деле чувствовал, что внутри у него делается что-то нехорошее: в висках противно шумит, горло пересохло.

- И зачем тебе вдруг понадобилось знать, кто такой Маркс? Ты что - уж не в большевики ли хочешь записываться?..

"Маркс... немцы... большевики... шпионы" - все перемешалось в Ленькиной голове.

- Ну как? Был у Волкова?

- Был. Да... - хрипло ответил Ленька.

В это время в прихожей затрещал звонок. Александра Сергеевна пошла отворять. Ленька машинально взял книгу, которую она не успела поставить на место. Как он и думал, это был энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, том восемнадцатый - на букву М.

"Малолетство - Мейшагола", - прочел он на корешке книги.

Он стал перелистывать книгу, разыскивая слово "Маркс", и не заметил, как в комнату вернулась мать.

- Послушай, Леша! Что это значит? - негромко сказала она.

Ленька захлопнул книгу и оглянулся. Такого сердитого лица он еще никогда не видел у своей доброй матери.

- Я говорю: что это значит? Ты сказал мне неправду?

- Что? Какую неправду?

Мать посмотрела на дверь и еще тише сказала:

- К тебе пришел Волков.

У Леньки запылали уши.

- Оказывается, ты и не думал ходить к нему!

- Как не думал? Я был... Но мы разошлись. То есть я не застал его...

- Не лги! Фу! Какая гадость!..

Александра Сергеевна брезгливо поморщилась.

"Знала бы она, куда и зачем я ходил!" - подумал Ленька.

- Мамочка, милая, - зашептал он, схватив за руку мать. - Я... я после все тебе расскажу. Только, пожалуйста, не выдавай меня сейчас!

- Не выдавать? - усмехнулась Александра Сергеевна. - Увы, я, кажется, уже невольно выдала тебя. Впрочем, идем!..

Малолетний джентльмен в гордой позе стоял в прихожей у вешалки, прижимая к животу шляпу, тросточку и перчатки.

- Я к тебе на минуту, - сказал он, поздоровавшись с Ленькой. И, бросив усмешку в сторону Александры Сергеевны, добавил: - Ты, я слышал, был у меня?

- Да... то есть нет, - пробормотал Ленька.

- Оказывается, это я напутала, - улыбнулась Александра Сергеевна. Леша только собирался к вам...

Ленька предложил Волкову раздеться.

- Нет, благодарю, мне некогда. Я только хотел взять у тебя своего Ефименко. Ведь завтра у нас история. Ты не забыл?

- Я уже выучил, - унылым голосом промямлил Ленька и, покосившись в сторону матери, увидел, что на лице ее опять появилось гневное и огорченное выражение. Он принес

книгу и, когда Волков попросил проводить его, быстро и охотно согласился. Объясняться с матерью ему сейчас не хотелось.

Когда они вышли на улицу, Волков оглянулся и сказал:

- Послушай, в чем дело? Зачем ты наврал своей маме, будто был у меня?

- Я не врал. Это она ошиблась, - мрачно ответил Ленька.

- Да? А ведь я знаю, где ты был.

- Где?

- Я видел тебя из окна. Я сам думал, что ты ко мне идешь.

- Ну?

- Ты был у матросов. А? Что, неправда? Покраснел?

- И не думал краснеть, - сказал Ленька, трогая рукой щеку. Почему-то ему было противно объяснять Волкову, зачем он ходил в экипаж.

- Был?

- Ну, и был.

Волков с усмешкой посмотрел на него.

- А ты, кажется, и в самом деле большевик?

- Я?! Ты что - с ума сошел?

- Неизвестно еще, кто сошел.

- Так чего ж ты ругаешься?

- А зачем же ты ходил к матросам?

- Ну, и ходил. Ну, и что?

- А то, что матросы все поголовно большевики. Может быть, ты этого не знаешь?..

Нет, Ленька этого не знал. Он остановился и испуганно посмотрел на товарища:

- Шпионы? Все?!

Волков громко расхохотался.

Ленька вдруг почувствовал, что у него стучат зубы. Его знобило.

- Что с тобой? - спросил Волков, переставая смеяться.

- Мне нездоровится. Я пойду домой. Извини, пожалуйста, - сказал Ленька.

Но домой он не пошел. От объяснений с матерью он ничего хорошего не ждал. Да и стыдно ему было: никогда в жизни он столько не врал и вообще не совершал столько проступков, как в этот день.

Часа полтора он слонялся по окрестным улицам, читал афиши и плакаты на стенах, останавливался у витрин магазинов, смотрел, как работает землечерпалка на Фонтанке...

У ворот Усачевских бань сидели и стояли, дожидаясь очереди, человек двадцать матросов. Эти веселые загорелые парни в черных коротких бушлатах и в серых парусиновых штанах ничем не напоминали шпионов. Под мышками у них торчали свертки с бельем, веники и мочалки.

Ленька подошел ближе, чтобы послушать, о чем говорят моряки. В это время из ворот бань вышел толстый, покрасневшийся офицер с маленьким и тоже очень толстым и румяным мальчиком, которого он вел за руку. Два или три матроса поднялись и отдали офицеру честь, остальные продолжали сидеть. Молодой парень в надвинутой на нос бескозырке что-то сказал вдогонку офицеру. Товарищи его засмеялись. Офицер прошел мимо Леньки, и тот слышал, как толстяк заскрипел зубами и вполголоса сказал:

- Погодите, большевистские морды!..

Леньке вдруг захотелось в баню. Захотелось - на самую верхнюю полку, в самую горячую воду.

По спине его бегали мурашки, голова кружилась, зубы стучали.

...Было уже темно и на улице зажигались фонари, когда он вернулся домой.

Дверь ему открыл Вася. Глаза у малыша были круглые, как у филина, и сияли восторгом и ужасом.

- У нас воры были! - раскатисто на букве "р" объявил он, еще не успев как следует снять цепочку с двери.

- Что? Когда? Где? - оживился Ленька.

Как и любой другой мальчик на свете, он не мог не испытать радости при этом сообщении. Кто бы ни пострадал от воров - знакомые, родственники, родной отец или родная мать, - все равно сердце мальчика не может не дрогнуть от предвкушения тех ни с чем не сравнимых блаженств, которые сопутствуют обычно этому печальному происшествию. В квартире появляются дворники, околоточный, может быть, приедет настоящий сыщик, может быть, даже вызовут полицейскую собаку-ищейку.

Скинув шинель, Ленька уже собирался бежать в комнаты, но тут услышал за дверью "темненькой" Стешин голос, и сразу весь его пыл ушел, вместе с душой, в пятки. Стеша горько плакала и, всхлипывая, сквозь слезы говорила:

- Александра Сергеевна! Барыня! Да что же это! Кто же это мог! Вы посмотрите: все, все перерыто, перекомкано... И замок сломан... И петельки сдернуты...

Ленька заметался, кинулся обратно к вешалке, схватил в охапку шинель, но в эту минуту из "темненькой" быстрыми шагами вышла мать. Лицо ее под черной повязкой пылало. Увидев Леньку, она остановилась в дверях и тихим, дрогнувшим голосом проговорила:

- Боже мой! Создатель! Только этого и не доставало! Вор!

- Кто вор? - опешил Ленька.

- Вор! Вор! - повторила она, схватившись за голову. - В собственном доме - вор!

- Врет она! - закричал Ленька. - Притворяется... Изменница!..

Но мать не дала договорить ему.

- Идем за мной! - крикнула она и, схватив Леньку за руку, поволокла его в свою комнату.

- Уйди! - отбивался и руками и ногами Ленька. - Оставь меня! Я не вор... Отстань! Отпусти!..

Мать волокла его, приговаривая:

- Позор! Позор! Боже мой! Мерзость!.. Какая мерзость!..

- Отпусти меня! - закричал Ленька и, извернувшись, укусил мать за руку. Она вскрикнула, выпустила его и заплакала. Он тоже закричал на всю квартиру, повалился на кушетку и, уткнувшись лицом в подушки, зарыдал, забился в истерике...

Через минуту Александра Сергеевна уже сидела с ним рядом на низенькой кушетке, целовала мальчика в стриженный затылок и уговаривала:

- Леша! Ну, Лешенька! Ну, хватит, ну, успокойся, мое золотко. Ну, что с тобой, мой маленький?..

- Уйди! - бормотал он, стуча зубами. - Оставь меня! Ты же не знаешь! Ты ничего не знаешь...

Потом быстро поднял голову и, глядя матери прямо в глаза, прокричал:

- Ссте-те-те-ша... у нас... шпионка!

- Господи! - сквозь слезы рассмеялась Александра Сергеевна. - Какие глупости! С чего ты взял?

- Да? Глупости? Ты думаешь - глупости?

И, приподнявшись над подушкой, всхлипывая, глотая слезы, он рассказал матери все.

Терпеливо выслушав его, Александра Сергеевна грустно усмехнулась и покачала головой.

- Боже мой!.. И откуда у этого ребенка столько фантазии?

Потом подумала минутку, нахмурилась и сказала:

- Я не знала, что Стеша - большевичка. Но это, мой дорогой, вовсе не значит, что она шпионка.

- Как не значит? Ведь большевики - шпионы?

Александра Сергеевна еще раз поцеловала сына.

- Дурашка ты мой! Это только так говорят...

- Как "только говорят"?

- Ну... ты этого еще не поймешь. Вырастешь - тогда узнаешь.

В голове у Леньки стучало, как будто туда повесили тяжелый железный маятник. Что же это такое? Что значит "только говорят"? Значит, взрослые врут? Значит, инженер Волков наврал, когда говорил, что большевики - шпионы? Значит, и все его гости - эти почтенные, богатые, интеллигентные люди - тоже вруны и обманщики?!

Перед глазами у него все поплыло; замелькали, как бабочки, золотистые цветы на розовых обоях, потом эти бабочки стали темнеть, стали черными, стали расти, стали махать крыльями... Он почувствовал, как на лоб ему легла холодная рука матери, и услышал ее громкий испуганный голос:

- Лешенька! Сынок! Что с тобой? У тебя жар! Ты весь горишь!..

Ленька хотел сказать: "Да, горю". Но губы его не разжимались. Плечи и горло сводило судорогой. В голове стучали железные молотки.

- Стеша! Стеша! Скорей! Принесите градусник! Он в детской, в комодке, во втором ящике...

Это были последние слова, которые услышал Ленька.

ГЛАВА III

Он проболел сорок восемь дней. Три недели из них он пролежал в бреду, без сознания, в борьбе между жизнью и смертью. А это были как раз те великие дни, которые потрясли мир и перевернули его, как землетрясение переворачивает горы.

Это был октябрь семнадцатого года.

Ленька лежал с температурой 39,9 в тот день, когда крейсер "Аврора" вошел в Неву и бросил якоря у Николаевского моста.

В Смольный прибыл Ленин.

Красная гвардия занимала вокзалы, телеграф, государственный банк.

Зимний дворец, цитадель буржуазного правительства, осаждали революционные войска и рабочие.

А маленький мальчик, разметав подушки и простыни, стонал и задыхался в постели, отгороженной от остальной комнаты и от всего внешнего мира шелковой японской ширмой.

Он ничего не видел и не слышал. Но когда помутненное сознание ненадолго возвращалось к нему, начинались бред и кошмары. Безотчетный страх напал в эти минуты на мальчика. Кто-то преследовал его, от чего-то нужно было спастись, что-то страшное, большеглазое, чернобородое, похожее на Волкова-отца, надвигалось на него. И одно спасение было, один выход из этого ужаса - нужно было связать из шерстяных ниток красный крест. Ему казалось, что это так просто и так легко - связать крючком, каким вяжут варежки и чулки, красный крест, сделав его полым, в виде мешка, вроде тех, что напяливают на чайники и кофейники...

Иногда ночью он открывал воспаленные глаза, видел над собой похудевшее лицо матери и, обливав пересохшие губы, шептал:

- Мамочка... миленькая... свяжи мне красный крест!..

Уронив голову ему на грудь, мать тихо плакала. И он не понимал, чего она плачет и почему не хочет исполнить его просьбу, такую несложную и такую важную.

...Но вот организм мальчика справился с болезнью, наступил перелом, и постепенно сознание стало возвращаться к Леньке. Правда, оно возвращалось медленно, клочками, урывками, как будто он тонул, захлебывался, шел ко дну, и лишь на минуту страшная тяжесть воды отпускала его, и он с усилиями всплывал на поверхность - чтобы глотнуть воздуха, увидеть солнечный свет, почувствовать себя живым. Но и в эти минуты он не всегда понимал, где сон и где явь, где бред и где действительность...

Он открывает глаза и видит возле своей постели тучного человека с черными усиками. Он узнаёт его: это доктор Тувим из Морского госпиталя, их старый домашний врач. Но почему он не в форме, почему на плечах его не видно серебряных погон с якорями и

золотыми полосками?

Доктор Тувим держит Леньку за руку, наклоняется к его лицу и, улыбаясь широкой дружелюбной улыбкой, говорит:

- Ого! Мы очнулись? Ну, как мы себя чувствуем?

Леньку и раньше сместила эта манера доктора Тувима говорить о других "мы"... Почему-то он никогда не скажет: "выпей касторки" или "поставьте горчичник", а всегда - "выпьем-ка мы касторки" или "поставим-ка мы горчичничек", - хотя сам при этом горчичников себе не ставит и касторку не пьет.

- Мы не имеем намерения покушать? - спрашивает он, поглаживая Ленькину руку.

Ленька хочет ответить, пробует улыбнуться, но у него хватает сил лишь на то, чтобы пошевелить губами. Голова его кружится, доктор Тувим расплывается, и Ленька опять проваливается, уходит с головой в воду. Последнее, что он слышит, это незнакомый мужской голос, который говорит:

- На Лермонтовском опять стреляют.

Однажды ночью он проснулся от страшного звона. В темную комнату с ураганной силой дул холодный уличный ветер.

Он услышал голос матери:

- Стеша! Стеша! Да где же вы? Дайте что-нибудь... Подушку или одеяло...

- Барыня! Да барыня! Отойдите же от окна! - кричала Стеша.

Он хотел спросить: "что? в чем дело?", хотел поднять голову, но голос его не слушался, и голова бессильно упала на подушку.

...Но теперь он просыпался все чаще и чаще.

Он не мог еще говорить, но мог слушать.

Он слышал, как на улице стучал пулемет. Он слышал, как с грохотом проносились по мостовой броневые автомобили, и видел, как свет их фар грозно и быстро пробегал по белому кафелю печки.

Он начинал понимать, что что-то случилось.

Один раз, когда Стеша поила его холодным клюквенным морсом, он набрался сил и шепотом спросил у нее:

- Что?..

Она поняла, засмеялась и громко, как глухому, сказала:

- Наша власть, Лешенька!..

Он не сразу понял, о чем она говорит. Какая "наша власть"? Почему "наша власть"? Но тут, как это часто бывает после болезни, какой-то выключатель повернулся в Ленькиной голове, яркий луч осветил его память, и он вспомнил все: вспомнил матросов-большевиков из гвардейского экипажа, вспомнил, как он крался за Стешей по Садовой и по Крюкову каналу, вспомнил и сундучок, и замок, и энциклопедический словарь Брокгауза... Уши у него загорелись, и, приподнявшись над подушкой, он с жалкой улыбкой посмотрел на горничную и прошептал:

- Стеша... простите меня...

- Ничего, ничего... Полно вам... Лежите! Глупенький вы, - засмеялась девушка, и Леньке вдруг показалось, что она помолодела и похорошела за это время. Таким веселым и свободным смехом она никогда раньше не смеялась.

В это время за дверью "темненькой" кто-то громко закашлялся.

- Кто это там? - прошептал Ленька.

- Никого там нет, Лешенька. Лежите, - засмеялась девушка.

- Нет, правда... Кто-то ходит.

Стеша быстро нагнулась и, пощекотав губами его ухо, сказала:

- Это мой брат, Лешенька!

- Тот?

- Тот самый.

Ленька вспомнил фотографию с обломанными углами и усатого человека в круглой,

похожей на пирог шапке.

- Он жив?

- Живой, Лешенька. На три дня из Смоленска приезжал. Сегодня уезжает.

Скрипнула дверь.

- Стеня, можно? - услышал Ленька мягкий мужской голос.

Стеша кинулась к двери.

- Ш-ш... Ш-ш... Куда ты, колоброд? Разве можно сюда?!

- Ты куда, коза, мою кобуру от браунинга засунула? - негромко спросил тот же голос.

- Какую еще кобуру? Ах, кобуру?..

Ленька приподнял голову, хотел посмотреть, но никого не увидел - только услышал легкий запах табачного дыма, просочившийся в комнату.

А вечером он опять проснулся. Разбудил его шепелявый старческий голос, который с придыханием проговорил над его изголовьем:

- Бедный маленький калмычонок... В какое ужасное время он родился!..

Он открывает глаза и вздрагивает. Он видит перед собой страшное, черное, выпачканное сажей лицо. Кто это? Или что это? Ему кажется, что он опять бредит. Но ведь это генеральша Силкова, старуха вдова, живущая во флигеле, в шестом номере. Он хорошо знает ее, он помнит эту маленькую чистенькую старушку, ее румяное личико, обрамленное траурной кружевной наколкой, ее строгую, чинную походку... Почему же она сейчас такая страшная? Что с ней случилось? Остановившись взглядом он смотрит на старуху, а она наклоняется к нему, часто-часто мигает маленькими слезящимися глазками и шепчет:

- Спи, спи, деточка... Храни тебя бог!..

И страшная костлявая рука поднимается над Ленькой, и грязные, черные, как у трубочиста, пальцы несколько раз крестят его.

Он вскрикивает и закрывает глаза. А через минуту слышит, как за ширмой мать громким шепотом уговаривает старуху:

- Августа Марковна!.. Ну, зачем это вы? Что вы делаете? Ведь, в конце концов, это негигиенично... В конце концов, заболеть можно...

- Нет, нет, не говорите, ма шер, - шепчет в ответ старуха. - Нет, нет, милая... Вы плохо знаете историю. Во времена Великой революции во Франции санкюлоты, голоштанники²⁰, именно по рукам узнавали аристократов. Именно так. Именно, именно, вы забыли, голубчик, именно так.

Голос у генеральши дрожит, свистит, делается сумасшедшим, когда она вдруг начинает говорить на разные голоса:

- "Ваши ручки, барыня!" - "Вот мои руки". - "А почему ваши руки белые? Почему они такие белые? А?" И - на фонарь! Да, да, ма шер, на фонарь! Веревку на шею и - на фонарь, а ля лянтэрн!.. На фонарь!..

Генеральша Силкова уже не говорит, а шипит.

- И к нам придут, ма шер. Вот увидите... И нас не минует чаша сия... Придут, придут...

"Кто придет?" - думает Ленька. И вдруг догадывается: большевики! Старуха боится большевиков. Она нарочно не моет рук, чтобы не узнали, что она - аристократка, вдова царского генерала.

Его опять начинает знобить. Делается страшно.

"Хорошо, что я не аристократ", - думает он, засыпая. И почему-то вдруг вспоминает Волкова.

"А Волков кто? Волков - аристократ? Да, уж кто-кто, а Волковы, конечно, самые настоящие аристократы..."

²⁰ "Во времена Великой революции во Франции санкюлоты, голоштанники...". - Санкюлоты - так презрительно называли аристократы городскую бедноту, носившую длинные панталоны из грубой ткани, в отличие от богатых людей, носивших короткие штаны ("кюлот") с шелковыми чулками. В разгар французской революции санкюлотами стали называть себя сами ее участники.

...Он спит долго и крепко. И опять просыпается от грохота. Кто-то властно стучит железом о железные ворота. На улице слышатся голоса. Из маминой спальни, куда на время переселились Вася и Ляля, доносится детский плач.

- Стеша! Стеша! - приглушенно кричит Александра Сергеевна. - Что там случилось? Голубушка, подите узнайте...

- Хорошо, Александра Сергеевна... сейчас... узнаю, - спокойно отвечает Стеша, и слышно, как в "темненькой" чиркают спичками... Шлепают босые Стешины ноги. Через минуту на кухне хлопает дверь.

Ленька лежит, не двигается, слушает. На улице и во дворе тихо, но воспаленному воображению мальчика чудятся голоса, выстрелы, стоны...

Опять хлопнула дверь.

- Стеша, это вы?

- Я, барыня.

- Ну, что там такое?

- Да ничего, барыня. Матросы и красногвардейцы ходят. С обыском пришли. Оружие ищут.

- Куда же они пошли?

- В шестой номер, к Силковой.

- Боже мой! Несчастливая! Что она переживает, - со вздохом говорит Александра Сергеевна, и Ленька чувствует, как у него от ужаса шевелятся на голове волосы, или, вернее, то, что осталось от них после стрижки под нулевую машинку.

"На фонарь! На фонарь!" - вспоминается ему шепелявый шепот генеральши. Он сбрасывает одеяло, садится, ищет в темноте свои стоптанные ночные туфли. Ему страшно, он весь трясется, но в то же время он не в силах превозмочь жадного любопытства и желания увидеть своими глазами последние минуты несчастной генеральши. Он не сомневается, что она уже висит на фонаре. Он ясно представляет ее - чинную и строгую, висящую со сложенными на груди руками и с молитвенным взором, устремленным в небеса.

Накинув на плечи одеяло и шатаясь от слабости, он пробирается на цыпочках в прихожую, единственное окно которой выходит во двор. Перед самым окном растет тополь, под тополем стоит газовый фонарь.

Зажмурившись, Ленька приближается к окну. Открыть глаза он боится. Целую минуту он стоит плотно прищурившись, потом набирается храбрости и разом открывает оба глаза.

На фонаре никого еще нет. На улице идет дождь, фонарь ярко светится, и дождевые капли косо бегут по его трапециевидным стеклам.

Где-то в глубине двора, во флигеле, глухо хлопнула дверь. Ленька прижимается к стеклу. Он видит, как через двор идут какие-то черные фигуры. В темноте что-то блестит. И опять ему кажется, что из темноты доносятся стоны, слезы, приглушенные крики...

"Идут... вешать", - догадывается он и с такой силой прижимается лбом к холодному стеклу, что стекло под его тяжестью скрипит, дрожит и гнется.

Но люди минуют фонарь, проходят дальше, и мгновенье спустя Ленька слышит, как внизу, на черной лестнице, противно визжит на блоке входная дверь.

"К нам пошли!" - соображает он. И, угрем соскользнув с подоконника, теряя на ходу туфли, он бежит в детскую. Из маминой спальни доносится приглушенная песня. Укачивая Лялю, Александра Сергеевна вполголоса поет:

Спи, младенец мой прекрасный,

Баюшки-баю...

Тихо светит...

- Мама! - кричит Ленька. - Мама!.. Мамочка... Идут к нам... Обыск!..

И не успевает он произнести это, как на кухне раздается порывистый звонок.

С бьющимся сердцем Ленька вбегает в детскую. Одеяло сползает с его плеч. Он подтягивает его - и вдруг видит свои руки.

Они белые, бледные, даже бледнее, чем обычно. Тонкие голубые жилки проступают на

них, как реки на географической карте.

Несколько секунд Ленька думает, смотрит на руки, потом кидается к печке, присаживается на корточки и, обжигаясь, открывает раскаленную медную дверцу.

В глубине печки еще мелькают красные угольки. Зола еще не успела остыть. Не задумываясь, он пригоршнями берет эту теплую мягкую массу и по самые локти намазывает ею руки. Потом то же самое делает с лицом.

А на кухне уже слышатся мужские голоса, стучат сапоги.

- Кто проживает? - слышит Ленька резкий грубоватый голос.

- Учительница, - отвечает Стеша.

Приоткрыв на полвершка дверь, Ленька выглядывает на кухню.

У входных дверей стоит высокий, статный, похожий на Петра Великого матрос. Черные усики лихо закручены кверху. Грудь перекрещена пулеметными лентами. В руке винтовка, на поясе деревянная кобура, на левом боку - тесак в кожаных ножнах.

За спиной матроса толпятся еще несколько человек: два или три моряка, один штатский с красной повязкой на рукаве и женщина в высоких сапогах. Все они с винтовками.

На кухне появляется Александра Сергеевна. Правой рукой она придерживает заснувшую у нее на плече Лялю, левой застегивает капот и поправляет прическу.

- Здравствуйте, - говорит она. - В чем дело?

Говорит она спокойно, как будто на кухню пришел почтальон или водопроводчик, но Ленька видит, что мать все-таки волнуется, руки ее слегка дрожат.

Высокий матрос прикладывает руку к бескозырке.

- Хозяйка квартиры вы будете?

- Я.

- Учительница?

- Да. Учительница.

- Проживаете одни?

- Да. С тремя детьми и с прислугой.

- Вдовая?

- Да, я вдова.

Великан смотрит на женщину с сочувствием. Во всяком случае, так кажется Леньке.

- А чему же вы, простите за любопытство, учите? Предмет какой?

- Я учительница музыки.

- Ага. Понятно. На пианине или на гитаре?

- Да... на рояле.

- Понятно, - повторяет матрос и, повернувшись к своим спутникам, отдает команду:

- Отставить! Вира...

Потом еще раз подбрасывает руку к фуражке, на ленточке которой тускло поблескивают вытершиеся золотые буквы "Заря Свободы", и говорит, обращаясь к хозяевам:

- Простите за беспокойство. Разбудили... Но ничего не поделаешь революционный долг!..

Ленька как зачарованный смотрит на красавца матроса. Никакого страха он уже не испытывает. Наоборот, ему жаль, что сейчас этот богатырь уйдет, скроется, растворится, как сновидение...

В дверях матрос еще раз оборачивается.

- Оружия, конечно, не водится? - говорит он с деликатной усмешкой.

- Нет, - с улыбкой же отвечает Александра Сергеевна. - Если не считать столовых ножей и вилок...

- Благодарим. Вилки не требуются.

И тут Ленька врывается на кухню.

- Мама, - шепчет он, дергая за рукав мать. - Ты забыла. У нас же есть...

Матрос, который не успел уйти, резко поворачивается.

- Тьфу, - говорит он, вытаращив глаза. - А это что за шимпанзе такой?

Товарищи его протискиваются в кухню и тоже с удивлением смотрят на странное черномазое существо, закутанное в зеленое стеганое одеяло.

- Леша!.. Ты что с собой сделал? Что с твоим лицом? И руки! Вы посмотрите на его руки!..

- Мама, у нас же есть, - бормочет Ленька, дергая мать за рукав капота. - Ты забыла. У нас же есть.

- Что у нас есть?

- Огужие...

И, не слыша хохота, который стоит за его спиной, он бежит в коридор.

Обитый латунию сундук чуть не под самый потолок загроможден вещами. Вскарабкавшись на него, Ленька торопливо сбрасывает на пол корзины, баулы, узлы, шляпные картонки... С такой же поспешностью он поднимает тяжелую крышку сундука. Ядовитый запах нафталина сильно ударяет в нос. Зажмурившись и чихая, Ленька лихорадочно роется в вещах, вытаскивает из сундука старинные шашки, подсумки, стремена, шпоры...

Нагруженный этой казачьей амуницией, он возвращается на кухню. Зеленое одеяло волочится за ним, как шлейф дамского платья...

Опять его встречает хохот.

- Что это? - говорит великан матрос, с улыбкой разглядывая принесенные Ленькой вещи. - Откуда у вас взялось это барахло?

- Это вещи моего покойного мужа, - говорит Александра Сергеевна. - В девятьсот четвертом году он воевал с японцами.

- Понятно. Нет, мальчик, этого нам не надо. Это вы лучше в какой-нибудь музей отнесите. А впрочем... постой... Пожалуй, эта сабелька пригодится...

И, повертев в руках кривую казацкую шашку, матрос лихо засовывает ее за пояс, на котором уже и без того навешано оружия на добрых ползвода.

...Через десять минут Ленька сидит в постели. На табурете возле него стоит таз с теплой водой, и Александра Сергеевна, засучив рукава, моет мальчика ноздреватой греческой губкой. Стеша помогает ей.

- А вы знаете, Стеша, - говорит Александра Сергеевна. - Пожалуй, эти красногвардейцы вовсе не такие уж страшные. Они даже славные. Особенно этот, который за главного у них, с гусарскими усиками...

- А что ж, барыня, - обиженно отвечает Стеша. - Что они - разбойники, что ли? Это ж не с Канавы какие-нибудь. Это революционная охрана. А они потому добрых людей по ночам будят, что некоторая буржуазия привычку взяла оружие припрятывать. Вы знаете, что наемднись в угловом доме у одной статской советницы нашли?

Леньке течет в уши мыльная вода. Он боится прослушать, вырывается из Стешиних рук и спрашивает:

- Что? Что нашли?

- А, чтоб вас, ей-богу! - говорит Стеша. - Забрызгали всю. Не прыгайте вы, пожалуйста!.. Целый пулемет в ванне у нее стоял. И патронов две тыщи. Вот что!..

...Эти ночные приключения могли плохо кончиться для больного мальчика. Но, вероятно, он уже так долго болел, что болезням в конце концов надоело возиться с ним и они оставили его. Через неделю он чувствовал себя настолько хорошо, что доктор Тувим позволил ему встать. А еще через две недели, закутанный по самый нос шарфами и башлыками, он впервые вышел во двор.

Уже давно выпал снег. Он лежал на крышах, на карнизах, на ветвях старого тополя, на перекладинах фонаря...

Ленька стоял у подъезда и, задрав как галчонок голову, с наслаждением глотал чистый, морозный, пахнувший дымом и антоновскими яблоками воздух.

Заскрипел снег. Он оглянулся. Через двор шла, опираясь на палку, генеральша Силкова. Чистенькое румяное личико ее на морозе еще больше покраснелось. Белый кружевной

воротничок выглядывал из-под рыжего лисьего боа, хвостик которого висел у Силковой на груди, а пучеглазая острая мордочка с высунутым розовым язычком уставилась генеральше в затылок.

Ленька смотрел на Силкову, как на привидение.

Когда старуха проходила мимо, он с трудом шаркнул по глубокому снегу ногой и сказал:

- Здравствуйте, мадам... Значит, вас не повесили?

- Что ты говоришь, деточка? - спросила, останавливаясь, Силкова.

- Я говорю: вас не повесили?

- Нет, бедное дитя, - ответила старуха и, тяжело вздохнув, пошла дальше.

...В училище Ленька вернулся перед самыми рождественскими каникулами. Он пропустил больше двух месяцев и, хотя последние две недели усиленно занимался дома, боялся все-таки, что намного отстал от класса. Однако, когда он пришел в реальное и увидел, какие там царят порядки, он понял, что опасаться ему было совершенно нечего.

Первое, что бросилось ему в глаза, это то, что класс его сильно поредел. На многих партах сидело по одному ученику, а на некоторых и вообще никого не было.

- Куда же все мальчики девались? - спросил он у своего соседа Тузова-второго.

- Не знаю. Уж давно так, - ответил Тузов-второй. - Кто болен, кто по домашним обстоятельствам не ходит, а кто и вообще перестал заниматься.

- А Волков?

- Волков, кажется, уж целый месяц не появлялся.

"Наверно, тоже болен", - решил Ленька.

В училище было холодно. Батареи парового отопления еле-еле нагревались. Во многих окнах стекла были пробиты винтовочными пулями и наскоро заделаны круглыми деревянными нащепками. В перемену Ленька заметил, что многие старшеклассники разгуливают по коридору училища в шинелях.

По-прежнему главный центр училищной жизни находился в уборной. Как и раньше, там целыми днями шли дебаты, но Леньке показалось, что теперь эти споры и перепалки стали гораздо острее. Чаще слышались бранные слова. Чаще возникали потасовки... И еще одно наблюдение сделал Ленька: в этих спорах и потасовках больше всего доставалось тому, кто отваживался защищать большевиков...

Перед большой переменной в класс пришел классный наставник Бодров и объявил, что уроков сегодня больше не будет, ученики могут расходиться по домам.

Никто, кроме Леньки, не удивился.

- Это почему? Что случилось? - спросил он у выходявшего вместе с ним из класса мальчика. Это был смешливый, вечно улыбающийся паренек - Коля Маркелов, внук училищного вахтера.

- А что? Ничего не случилось, - улыбнулся Маркелов. - У нас теперь почти каждый день такая волынка. То кочегарка почему-то не работает, то учителя саботируют, то старшеклассники бастуют.

"Как это бастуют? - не понял Ленька. - Бастуют рабочие на заводах, а как же могут бастовать ученики и тем более учителя?"

...Выйдя из училища, Ленька решил сразу домой не идти, а пошататься немного по улицам. Он так долго проторчал в четырех стенах, что не мог отказать себе в этом удовольствии.

Обогнув огромный Троицкий собор, полюбовавшись, как всегда, на памятник Славы²¹, сделанный из ста двадцати восьми пушек, он вышел на Измайловский, перешел мост и побрел по Вознесенскому в сторону Садовой.

²¹ Памятник Славы. - Рядом с Троицким собором находился памятник Славы, воздвигнутый в честь победы русской армии в русско-турецких войнах. Это была колонна, составленная из 128 трофейных турецких пушек.

День был яркий, зимний. Приятно похрустывал снег под ногами. Скрипели полозья извозчичьих санок. Откуда-то из-за Ленькиной спины, из-за башни Варшавского вокзала холодно светило луженое зимнее солнце.

На первый взгляд никаких особенных изменений на улицах за это время не произошло. В Александровском рынке бойко шла торговля. На рундуке газетчика у черного с черепичными башенками Городского дома, угол Садовой и Вознесенского, лежали все те же газеты: "Новое время", "Речь", "Русская воля", "Петроградский листок"... Не было, правда, уже "Кузькиной матери", но зато появились газеты, каких Ленька раньше не видел: "Известия Петроградского Совета", "Правда", "Солдатская правда"...

У дверей булочной Филиппова стояла длинная очередь. На каланче Спасской части маячил тулуп дозорного. По Садовой от Покрова шла скромная похоронная процессия... На площадке против Никольского рынка деревенский парень, подпоясанный красным кушаком, торговал рождественскими елками. Все было, как и в прошлом году, как и пять лет тому назад. Но не все было по-старому. Были изменения, которые бросались в глаза.

Уличная толпа стала проще. Не видно было шикарных лихачей, санок с медвежьими полостями, нарядных дам, блестящих офицеров. Ленька даже вздрогнул, когда увидел вдруг шедшего ему навстречу низенького тучного господина в бобровой шапке, с золотым пенсне на носу и в высоких черных ботах. Этого господина он видел осенью у Волковых. Он уже хотел поклониться, но тут заметил, что господин этот идет не один, - по правую и левую руку от него шагали два очень сурового вида человека с винтовками и с красными повязками на рукавах.

Ленька поежился. Опять он вспомнил Волкова.

"Зайду, узнаю, что с ним", - решил он. Тем более что Крюков канал был совсем рядом.

Поднявшись по зашарканной ковровой дорожке в бельэтаж, он долго стоял перед высокой парадной дверью и нажимал пуговку звонка. Никто не открыл ему.

Когда он спускался вниз, из швейцарской вышел сутулый небритый старик в валенках и в черной фуражке с золотым галуном.

- Вы к кому? - спросил он Леньку.

- Вы не знаете, куда девались Волковы из первого номера? - сказал Ленька. - Я звонил, звонил, никто не отвечает.

- И не ответят, - угрюмо ответил швейцар.

- Как? Почему не ответят? А где же они?

Швейцар посмотрел на тщедушного реалиста, словно раздумывая, стоит ли вообще объясняться с таким карапетом, потом смилостивился и ответил:

- Уехали со всем семейством на юг, в свое имение.

На другой день в училище Ленька сообщил об этом Маркелову, который спросил у него, не видел ли он Волкова.

- Волков уехал на юг, - сказал он.

- Уехал?! - рассмеялся Маркелов. - Скажи лучше - не уехали, а смылись!

- Как это смылись? - не понял Ленька.

Тогда эти воровские, "блатные" словечки в большом количестве появились не только в обиходе мальчиков, но и в разговорном языке многих взрослых. Объясняется это тем, что Временное правительство перед своим падением выпустило из тюрем уголовных преступников. Этот темный люд, рассеявшись по городам и весям страны, занимал не последнее место среди врагов, с которыми потом пришлось бороться молодой Советской власти.

- Что значит смылись? - удивленно переспросил Ленька.

- Чудак! - засмеялся Маркелов. - Ну, убежали, стрекача задали. Сейчас вашему брату - сам знаешь - амба! А у Волкова-папаши тоже небось рыльце в пуху!..

- Какому нашему брату? - обиделся Ленька. - Ты что ругаешься? Я не аристократ.

- А ты кто? Ты за какую партию?

- Я казак, - по привычке ответил Ленька.

Эта зима была очень трудная. На окраинах страны начиналась гражданская война. В Петрограде и в других городах все сильнее и сильнее давал себя чувствовать голод. Цены на продукты росли. На рынках появилась в продаже конина. Черный хлеб, который Леньку еще так недавно силой заставляли есть за обедом с супом и жарким, незаметно превратился в лакомство, вроде торта или пирожных.

Ленькина мать по-прежнему бегала по урокам, доставать которые с каждым днем становилось труднее. Все так же у нее болели зубы. И по вечерам, когда она, как всегда, перед сном целовала и крестила детей, Ленька чувствовал тошнотворно-приторный запах чеснока и ландыша.

В середине зимы Стеша поступила работать на завод "Треугольник". Из Ленькиной семьи она не ушла, продолжала жить в "темненькой", даже помогала, чем могла, Александре Сергеевне. Чуть свет, задолго до фабричного гудка вставала она, чтобы занять очередь за хлебом или за молоком в магазине "Помещик" на Измайловском. Вернувшись с работы, она перемывала посуду, выносила мусор, мыла полы на кухне и в коридорах... Александра Сергеевна пробовала заняться хозяйством сама. Готовить она умела, так как училась когда-то, в первые годы замужества, на кулинарных курсах. Но когда она попробовала однажды вымыть в детской пол, к вечеру у нее так разболелась спина, что Леньке пришлось спешно бежать к Калинкину мосту за доктором Тувимом.

Зима, которая тянулась бесконечно долго, казалась Леньке какой-то ненастоящей. И учились не по-настоящему. И ели не так, как прежде. И печи не всегда были теплые.

Кто виноват во всем этом, где причина начавшейся разлуки. Ленька не понимал, да и не очень задумывался над этим. В десять лет человек живет своими, часто гораздо более сложными, чем у взрослых, интересами. Правда, и в этом возрасте Ленька не был похож на своих сверстников. Он не бегал на каток, не заводил во дворе или на улице дружков-приятелей, не увлекался французской борьбой, не коллекционировал марок... Как и раньше, самым дорогим его сердцу местом был его маленький, похожий на школьную парту рабочий столик. Он по-прежнему запоем читал, сочинял стихи и даже составил небольшую брошюру под названием "Что такое любовь", где говорилось главным образом о любви материнской и где приводились примеры из Достоевского, Тургенева и Толстого. Этот философский трактат он заставил переписать от руки в десяти экземплярах Васю, который уже второй год учился в приготовительных классах и который мог взять на себя этот чудовищный труд не иначе, как из очень большого уважения к брату. У самого Васи, который рос и здоровел не по дням, а по часам, никаких склонностей к литературным занятиям не было.

Весной, когда Ленька успешно перешел во второй класс (что было в тех условиях вовсе не трудно), пришло письмо от няньки. Она писала, что детям нужно отдыхать, а времена наступили трудные, все дорого, и навряд ли Александра Сергеевна будет снимать в этом году дачу. Не соберется ли она с ребятами на лето к ней в деревню?

Вечером, когда все сошлись в столовой, Александра Сергеевна огласила это письмо перед своими домочадцами.

- Ну, как по-вашему: едем или не едем? - спросила она своих птенцов.

- Едем! - в один голос пропищали птенцы.

- А вы, Стеша, что думаете на этот счет?

- А что ж, - сказала Стеша. - Конечно, поезжайте... Времечко такое, что летом, может, еще хуже, голоднее будет, особенно у нас в Петрограде.

- Может быть, и вы, Стеша, поедете? - с робкой надеждой посмотрела на девушку Александра Сергеевна.

Но Стеша решительно замотала головой.

- Нет, Александра Сергеевна, - сказала она. - Я из Питера не уеду. Мое место - здесь. Имущество ваше сберегу - не тревожьтесь. А вы за эту услугу и мне услугу окажите - поклонитесь от меня матушке Волге. Ведь я тамошняя из-под Углича.

И вот Ленька впервые в жизни отправился в дальний путь - в Ярославскую губернию.

Когда, перед тем как ехать на вокзал, он усаживался на извозчика и с хохотом принимал из Стешинных рук бесчисленные чемоданы, узлы, тючки и корзинки, он не знал и знать не мог, что путешествие его затянется надолго и что на этом пути, который начинался так легко и весело, ждут его очень сложные передрыги и суровые испытания.

ГЛАВА IV

Испытания начались гораздо раньше, чем Ленка и его семья добрались до места назначения.

От Петрограда до станции Лютово поезд шел пять с половиной суток. В мирное время эту поездку можно было совершить за десять-двенадцать часов. От станции до деревни Чельцово предстояло сделать еще 16 верст. Оставив вещи под присмотром ребят на станции, Александра Сергеевна отправилась на розыски подводы, которую обещала выслать за нею нянька. Через пять минут она вернулась в сопровождении маленького рыжебородого человека в высоком темно-синем картузе и в сапогах с очень низенькими сморщенными голенищами.

- Третьи сутки на станции живу, - мрачно говорил этот человек, постегивая себя кнутом по голенищу. - Знал бы, не ехал.

- Простите, голубчик, мы не виноваты, - заискивающим тоном отвечала ему Александра Сергеевна. - Вы же знаете, наверное, - железные дороги работают отвратительно, мы сами измучились.

Рыжебородый остановился перед горой чемоданов и корзинок, на вершине которой, вцепившись грязными пальцами в веревки, сидели маленькие, очень усталые на вид мальчик и девочка. Рядом, с дамской сумкой в руках, стоял хмурый бледнолицый реалист в черной измятой шинели. Возница медленно обошел этот маленький табор, деловито осмотрел его, что-то прикинул в уме и, покачав головой, крякнул.

- Н-да, - сказал он. - Гардероп! Ну, что ж. Только я вот что тебе скажу, барыня... Вы как хотите, а я за ту цену, что мы рядились, ехать не согласный. Я за три дни на одно сено две романовских красненьких извел.

- Хорошо, хорошо, конечно, - перебила его, покраснев, Александра Сергеевна. - Вы, пожалуйста, скажите, сколько вам следует, я заплачу.

Мужичок задумался, снял картуз, почесал в затылке.

- Спирт есть? - сказал он наконец.

- Нет, - ответила, улыбнувшись, Александра Сергеевна.

- А мыло?

- Мыла немножко есть.

- А чай?

- Чай найдется.

- А сахар?

- Сахар есть.

- А соль?

- И соль есть.

- А материе какое-нибудь? Ситец там или сатинет...

- Послушайте, - не выдержав, рассердилась Александра Сергеевна. - Вы что - в магазин пришли, в лавку? Скажите мне, сколько вы хотите денег, и я вам, не торгуясь, заплачу.

- Денег! - усмехнулся возница. - А что мне, скажи на милость, делать с твоими деньгами? Стены оклеивать?

- Не знаю. У нас в городе стены деньгами не оклеивают. Для этого существуют обои.

- Знаю. Не в Пошехонье живем, - осклабился возница. Потом опять помолчал, опять подумал, опять почесал в затылке.

- Николаевские? - сказал он наконец.

- Нет, у меня николаевских денег нет, - сказала Александра Сергеевна.

- Керенки?

- Нет, и керенок нет.

- А какие?

- Обыкновенные советские деньги, которые всюду ходят.

- Гм. Ходят!.. Ходят-то ходят, а потом, глядишь, и перестанут ходить... Кольца золотого нет?

- Знаете, почтенный, - сказала Александра Сергеевна. - Я вижу, у нас с вами ничего не выйдет. Я поищу, может быть, тут другой возница найдется...

- Ну, поищи, - усмехнулся рыжий. Потом на секунду задумался и вдруг, хлопнув себя кнутом по голенищу, весело воскликнул: - Э, будь я неладный... чего там... ладно... садитесь!.. Чать не обманете бедного мужичка-среднячка, сосчитаемся! Для кумы, для Секлетеи Федоровны, делаю. Обещал ей гостей доставить и доставлю.

И, запихав за пояс кнут, он взвалил на спину самую тяжелую корзину, сунул под мышку один чемодан, прихватил второй и, покачиваясь на своих коротких ножках, легко пошел к выходу.

Через десять минут тяжело нагруженная телега, подпрыгивая на ухабах, уже катилась по проселочной дороге, и Ленька первый раз в жизни чувствовал над головой у себя настоящее деревенское небо и дышал чистым деревенским воздухом.

Ему повезло. Была весна, самый расцвет ее, середина мая. Снег уже стаял, но поля только-только начали зеленеть, и листья на деревьях были еще такие крохотные, что издали казалось, будто черные ветви березок и осин посыпаны укропом.

Все было в диковину ребятам - и безрессорная, грубо сделанная телега, и низкорослая деревенская лошадка, и бесконечная, выющаяся, как серая змейка, дорога, и холмы, из-за которых выглядывали то деревенские крыши, то ветряная мельница, то колокольня, и зеленеющие нежно поля, и густые, темные леса, каких они, конечно, никогда не видели ни в Лигове, ни в Петергофе, ни в Озерках²².

Разморенные долгим и неудобным путешествием маленькие Вася и Ляля прикорнули у матери на коленях и заснули. А Ленька все сидел, смотрел и не мог наглядеться.

Вглядываясь в непролазную чащу леса, дыша его прелой весенней свежестью, он чувствовал, что голова его кружится, а сердце стучит громче, и думал, что в таком дремучем лесу обязательно должны водиться разбойники. Ему вспоминались отважные и веселые сподвижники Робин Гуда... герои Дюма, Купера... Дубровский... индеец Джо... Ему казалось, что за стволами деревьев он уже видит чьи-то настороженные глаза, наведенное дуло пистолета, натяну-тый лук...

А рыжебородый возница боком сидел на передке телеги, лениво подергивал вожжи и угрюмо молчал.

- Ну, как вы тут живете, голубчик? - спросила у него, нарушив молчание, Александра Сергеевна.

Возница целую минуту не отзывался, потом пошевелил вожжами и, не поворачивая головы, мрачно ответил:

- Живем пока...

- С продуктами благополучно у вас?

- Пока, я говорю, не померли еще. Жуем.

- А вот у нас в Петрограде совсем плохо. Уже конину едят.

Возница посмотрел на приезжую, скривил набок рот, что должно было означать усмешку, и сказал:

- Погодите, ишшо не то будет. До кошек и до собак - и до тех доберутся. Вот помяните мое слово...

- Послушайте, почему вы так говорите? Ведь вам-то теперь легче живется?

²² Лигово, Петергоф, Озерки - пригороды Ленинграда.

Рыжебородый даже подскочил на своем передке, отчего лошадь его испуганно вздрогнула и взмахнула хвостом.

- Легче??! - сказал он с таким видом, как будто Александра Сергеевна сказала ему что-то очень обидное.

- А разве неправда? Ведь вы получили землю, освободились от помещиков...

- От помещиков? Освободились?

Леньке казалось, что в груди у рыжебородого что-то клокочет, бурлит, закипает и вот-вот вырвется наружу. Так оно и случилось.

- Землю, говоришь, получили? - сказал он, натягивая вожжи и совершенно поворачиваясь к седокам. - А на кой мне, я извиняюсь, ляд эта земля, если меня продразверстка, я тебе скажу, пуще лютой смерти душит, если меня комбед за самую шкуру берет?! Помещик? А что мне, скажи, пожалуйста, помещик? Я сам себе помещик...

- Я не знала, - смутилась Александра Сергеевна. - Я думала, что крестьяне довольны.

- Кто? Крестьяне?? Довольны?.. Да, ничего не скажу, есть такие, что и довольны. Очень даже довольны. А кто? Голодранец, лодырь, голь перекатная...

Внезапно он оборвал себя на полуслове, посмотрел на приезжую и совсем другим голосом сказал:

- А вы, простите, из каких будете? Не коммунистка?

- Ну, вот, - усмехнулась Александра Сергеевна. - Разве я похожа на коммунистку?

Рыжебородый окинул взглядом ее серый городской костюм, стеганую панамку с перышком, ридикюль, зонтик, часики на кожаном ремешке, - и, как видно, вполне удовлетворился этим осмотром.

- Тогда я вам, барыня хорошая, вот чего скажу, - начал он. Но договорить не успел. Впереди на дороге показался человек. Ленька хорошо видел, как он выглянул из лесной чащи, раздвинул кусты и, выйдя на середину дороги, поднял над головой руку.

"Разбойники! - подумал мальчик и тотчас почувствовал, как по всему его телу медленно разливается обжигающий холодок блаженного страха. - Вот оно... вот... начинается..."

Но тут же он понял, что ошибся. Человек этот был никакой не разбойник, а обыкновенный солдат в серой барашковой папахе и в шинели без погон.

Когда телега приблизилась, он выступил вперед и хриплым голосом сказал:

- Стой! Кто такие?

Ленька увидел, что из-за его спины выглядывает еще несколько человек.

- Вы меня спрашиваете? - спокойно сказала Александра Сергеевна.

- Да, вас.

У солдата было рябое лицо, левый глаз его все время подмаргивал, как будто в него соринка попала.

- Мы из Петрограда... я учительница... едем на лето к знакомой в деревню Чельцово...

- Ага! Из Петрограда?!

Человек в барашковой шапке обошел телегу, ощупал мешки и чемоданы и, не повышая голоса, сказал:

- А ну, скидавай барахло.

- Послушайте. Это что значит? Вы кто такой?

Вася и Ляля, словно почувствовав неладное, проснулись. Девочка громко заплакала.

"Так и есть... разбойники", - подумал Ленька, но почему-то никакой радости при этом не испытал.

Рыжебородый возница, не слезая с телеги, нервно поерывал на своем сиденье и без всякой нужды перебирал вожжи.

- Слушай, - сказал он вдруг. - Ты что ж мою барыню забижаешь? А ну, иди сюда...

И, спрыгнув с телеги, он отвел солдата в сторону и несколько минут что-то шептал ему. Сдвинув на нос папаху, солдат стоял, слушал, почесывал затылок. Товарищи его толпились вокруг. У многих из них за плечами висели ружья.

- Ладно, можете ехать, - сказал человек в папахе, возвращаясь к телеге. Глаз его посмотрел на Леньку и несколько раз мигнул.

Возница стегнул лошаденку, лошаденка взмахнула хвостом, и телега быстрее, чем прежде, покатила по лесной дороге.

- Кто это такой? - спросила, оглянувшись, Александра Сергеевна, когда они отъехали на порядочное расстояние.

- А никто, - ответил, помолчав, возница. - Так просто. Зеленый.

- Что значит зеленый?

- Ну, что вы? Не понимаете разве? Из Зеленой гвардии. Которые с Советской властью борются.

- Пойдите... Разве здесь не Советская власть?

Возница не повернул головы, но слышно было, что он усмехнулся.

- Власть-то Советская, да ведь на каждого петуха, сами знаете, сокол есть, а на сокола коршун... Скажи спасибо, мадамочка. Если б не я, ходить бы вам всем семейством в лапоточках.

- Да. Я очень благодарна вам, - взволнованно проговорила Александра Сергеевна. - Но скажите, как вам удалось уговорить его?

- Уговорить-то как удалось? - опять усмехнулся возница. - А я против них слово такое знаю...

...Смеркалось, когда телега свернула с проселка на широкую, обсаженную огромными толстыми березами дорогу. И было уже совсем темно, когда рыжебородый возница громко сказал "тпр-ру", телега дрогнула и остановилась, и Ленька, очнувшись, увидел над головой у себя черное, усыпанное звездами небо, конек избы, длинную оглоблю колодца и услышал в темноте взволнованный голос, напомнивший ему что-то очень далекое, очень хорошее, милое, светлое и безмятежное.

- Господи! Матушка!.. Владыка небесный! Радость-то какая! Дождалась... Где же они? Александра Сергеевна, голубушка, золотце вы мое неоцененное!.. Лешенька, Лешенька!..

Очутившись в теплых, мягких и сильных объятиях, Ленька услышал знакомый и уже забытый запах - запотевшего ситца, камфары, лампадного масла - и почувствовал, как по лицу его, смешиваясь, бегут свои и чужие слезы.

- Здравствуйте... няня, - с трудом выговорил он.

- Светик ты мой! Бисеринка ты моя! Узнал! Вспомнил! Дай я тебя еще поцелую, бусинка... Вырос-то как! Гляди-кось, уж в казенной фуражечке и в шинельке ходит!..

Эти громкие вопли и причитания не разбудили Васю и Лялю, которых, как чурбанчиков, сняли с телеги, вместе с вещами внесли в избу и уложили на приготовленную постель. На столе, над которым коптела и потрескивала семилинейная керосиновая лампа, пылал и бурлил толстопузый медный самовар, а по всему столу - на тарелках, блюдах и подносах - была расставлена удивительно вкусная, даже на вид и на запах, деревенская снедь.

Через десять минут, умывшись в сенях из рукомойника, Ленька уже сидел за столом, пил вприкуску горячий цикорный чай и угощался так, как давно уже не угощался в голодном и холодном Петрограде.

- Лешенька! Деточка! - потчевала его нянька. - Ты куличика возьми... Или вот яблочника пусть тебе мамочка отрежет...

Ленька с аппетитом ел и куличики, и яблочник и даже не удивлялся тому, что куличиками нянька называет сдобные, похожие на бублики калабашки из черной муки, а яблочником - обыкновенную картофельную запеканку, от которой даже не пахло яблоками.

- Няня, послушайте, а где же ваш внук... Володя, кажется? - спросила Александра Сергеевна. - Ведь вы мне писали, что с внуком живете.

- Ох, матушка, Александра Сергеевна... и не спрашивайте!..

- А что случилось?

- Ох, и не говорите! Добровольцем в Красную Армию ушел мой Володичка.

- Ну, что ж... Это его дело.

- Его-то его... Правильно. Я и снарядила его, и благословение ему свое дала. Да мне-то каково, горемышной? Ведь меня за Володичку за моего добрые люди со света сживают. Ведь у нас тут какие дела-то делаются, Александра Сергеевна!..

И старуха, оглянувшись, перешла на громкий шепот.

Ленька уже наелся, выпил четыре или пять чашек чая, его разморило, голова его клонила к столу, веки стали тяжелыми, но он изо всех сил боролся с этой слабостью, поминутно вздрагивал, выпрямлял плечи и, стараясь не мигая смотреть на няньку, высоко, чуть ли не выше лба, поднимал брови.

- Ведь у нас что делается-то в деревне, матушка вы моя, Александра Сергеевна! Воистину - брат на брата пошел, сын на отца руку подымает. Это только говорится, что у нас власть Советская, а поглядишь - в одном доме дезертир, в другом - оружие прячут, в третьем - топоры готовят. В лесах разбойники, зеленогвардейцы, орудуют. На прошлой неделе в Никольском селе за одну ночь весь комитет бедноты прирезали. В Корытове председателя убили... Нашего-то председателя, Василия Федорыча Кривцова, уважают, не трогают пока... Да ведь и то, как подумаешь о нем, - сердце кровью обливается. Не сносить ему головушки. И до него, голубчика, зеленые доберутся.

- С этими зелеными мы, кстати, уже имели удовольствие познакомиться сегодня. Оказывается, они чувствуют себя у вас довольно свободно...

И Александра Сергеевна рассказала няньке о встрече в лесу, о чудесном их спасении и о той роли, которую сыграл в этом спасении рыжебородый возница.

- Он потому что слово какое-то знает, - с трудом поднимая над столом голову, проговорил Ленька, чувствуя, что язык еле-еле повинуется ему.

- "Слово"! - усмехнулась нянька. - Иди-ка ты, Лешенька, лучше спать. Ишь, у тебя и глазыньки покраснели, и лобик вспотел. Иди, голубчик, приляг на сенничек...

Ленька с трудом выбрался из-за стола, кое-как доплелся до постели, кое-как расстегнул ремень, стянул с себя форменную гимнастерку... Машинально, с закрытыми глазами, расшнуровывая ботинок, он слышал, как за столом нянька вполголоса говорила матери:

- У этого Федора Глебова трое сыновей в дезертирах бегают. Один, чу, с отцом дома живет, а другие два - в лесу у зеленых...

Дальнейшего Ленька не слышал. Он повалился на постель, услышал, как захрустел под ним туго набитый сенник, глубоко вдохнул в себя запах старого, вылежавшегося сена и чистой, только что выглаженной наволочки, сладко зевнул, перекрестился, свернулся клубочком и провалился в глубокий, крепкий сон.

Так началась Ленькина деревенская жизнь. Конечно, она оказалась совсем не такой, какой он представлял ее себе по книжкам, по картинкам и по рассказам няньки. В городе ему казалось, что деревня - это несколько черных, занесенных снегом избышек. Перед избышками бегают собачка Жучка. Из лесу едет мужичок с ноготок... В лесах водятся волки и разбойники. А в занесенных снегом избах сидят при лучине бабы и девки в сарафанах и, распевая грустные тягучие песни, прядут или ткут на каких-то не то веретенах, не то пальцах.

Жизнь оказалась гораздо сложнее, чем Ленькины представления о ней. В деревне были избышки, ветхие, покосившиеся, с заткнутыми ветошью окошками. Но были и дома на кирпичном фундаменте, двухэтажные и полтораэтажные, крытые железом, с флюгерами и флагштоками. Были мужички с ноготки, которые с утра до ночи работали и ходили босые, в залатанных отцовских пиджаках. И были красномордые шестнадцатилетние парни, которые и в майский солнечный день щеголяли в новеньких, будто лакированных калошах, лущили семечки и орехи, наигрывали на гармошках и распевали охальные разбойничьи частушки. Были в Чельдове нищие, и были богачи, мельники, лавочники... Были дома, где не было спичек, чтобы растопить печь, и были такие, где в горницах на столах стояли граммофоны, где крашенные полы были устланы настоящими городскими коврами, где стучали швейные машины "Зингер" и бесшумно работали заграничные, шведские сепараторы...

После бурной петроградской жизни - со стрельбой, обысками, ночными тревогами и уличными манифестациями - деревенская жизнь на первых порах показалась Ленке безмятежно-спокойной и благополучной.

Но это спокойствие было кажущимся.

В Чельцове, как и во всей губернии, как и во всей стране, кипели политические страсти.

Не успела молодая рабоче-крестьянская власть стать на ноги, как на нее обрушились тяжелые испытания. На окраинах страны поднимала голову контрреволюция, разгоралась гражданская война. В Сибири, по наущению англо-американских "союзников", восстали пленные чехословаки. Истощенная четырехлетней войной страна испытывала недостаток в хлебе. Хлеб нужен был городам, хлеб нужен был солдатам, хлеб нужен был детям, оставшимся без отцов. А хлеб этот был в деревне, у кулаков, которые не хотели отдавать его по доброй воле. Советская власть вынуждена была отнимать его силой. Кулаки сопротивлялись. Во многих местах на поводу у них шла и большая часть остального крестьянства. Только что вернувшиеся с австро-германского фронта солдаты, измученные многолетней окопной жизнью, отказывались идти по призыву в Красную Армию, дезертировали, уходили в леса. В этих же лесах прятали оружие и зарывали, гноили в ямах хлеб - тот самый хлеб, от которого зависели жизнь и смерть республики.

Все это было и в Чельцове. В Чельцове была Советская власть, был комитет бедноты, над крыльцом его колыбался красный лоскуток флага. Был председатель этого комитета. Но лавочник Иван Семенов еще торговал с черного хода твердыми, как камень, мятными пряниками, ландринном и колесной мазью. Ветряной мельницей на полпути от Чельцова к волости владел его брат Семенов Осип. Дезертиры, изменники родины открыто разгуливали по деревне. И по вечерам на Большой Радищевской дороге парни призывного возраста дико орали под гармонь разухабистые дурацкие частушки.

...В волость из города приезжал продовольственный отряд. На деревню накладывалась продовольственная разверстка. Созывался сход. Перед избой, где помещался комитет бедноты, висел на дереве разбитый стальной лемех. В этот лемех били, как в набатный колокол. Под его оглушительный и тревожный звон по деревне бежал паренек, стучал, как побирушка, под окнами и отчаянным голосом кричал:

- Дядя Игнат, на сходку! Осип Иванович, на сходку зовут... На сходку! На сходку!..

Мужики собирались не спеша, степенно. Негромко переговариваясь друг с другом по имени-отчеству, усаживались они на завалинку, покуривали махорку, вздыхали, поглядывали на небо, гадали, какая завтра будет погода... Потом из комбеда выходил председатель в сопровождении городского человека в кожаной тужурке. Разговоры смолкали. Приезжий человек с лицом и руками мастера выступал вперед и говорил, что деревня должна выделить государству столько-то и столько-то пудов хлеба. Сдать его нужно к такому-то сроку. Подводы направлять туда-то. Говорить он старался мягко, не повышая голоса, но воспаленные от усталости глаза его смотрели на мужиков сурово и недружелюбно. Мужики молчали. Только мальчишки, забравшиеся на дерево, вполголоса переговаривались, подталкивали друг друга и хихикали.

- Ну, как же, товарищи? - спрашивал человек в кожанке, почему-то усмехаясь и оглядывая окружившие его, бородатые, похожие одно на другое лица.

- Нет у нас хлеба, - отвечали ему откуда-то из глубины толпы.

- Как же так нет?

- Нету - и все...

Тогда слово брал председатель.

Впервые увидев Кривцова, Ленка подумал, что это священник или монах. У Кривцова было красивое, темное, как у угодника на иконе, лицо, длинные, стриженные в кружок волосы и большая, русая, клинообразная, слегка золотящаяся борода. Ходил он в какой-то старомодной черной бекеше и в поярковой шляпе с дырчатыми полями. Говорил негромко, иногда даже глуховато, смотрел прямо и сурово.

- Земляки! - начинал он свою речь. - Братья и односельчане! Хлеб, о котором нам

говорил приезжий представитель, нужен голодным людям. В Питере и в Москве жители прозябают на скудном пайке и уже, как сообщают в газетах, употребляют в пищу конину и даже падаль. Друзья и товарищи! Неужели ж наши сердца не дрогнут? Неужели ж наши души останутся холодными? Ведь умирают и страдают наши кровные братья. А ведь хлеб у нас есть. Его много. Все знают это, и никто не скажет противного. Поэтому я считаю так: необходимо выделить то, что требуют от нас закон и долг всенародного братства!

- Правильно! - раздается в толпе радостный голос. - Правильно, Василий Федорыч!..

И другой, гневный, разъяренный голос тотчас откликается:

- Правильно??! Это кто говорит "правильно"? Симков? А ты чей хлеб отдавать собираешься? Свой?

- Зачем свой? У меня у самого ребята не евши сидят.

- А-а-а! Не евши? Так ты чужим хлебом распоряжаешься?

- Ничего. У вас хватит. У вас полный подпол еще с летошних пор засыпан.

- Да? А ты считал? Ты видел?

Толпа уже гудит, бушует, уже не слышно отдельных голосов, только изредка вырываются из этого гвалта хриплые выкрики:

- Лапотники!

- Мироеды!..

- Погоди... доберемся до вас...

- Это ты доберешься?

- Ты на кого идешь? Ты на Советскую власть идешь?!

- Дураки... Душить вас надо!

Леньке вспоминается Петроград, реальное училище, перепалки в уборной. Но то, что происходит здесь, гораздо страшнее. Там все-таки была детская игра, шалость, а здесь того и гляди дело дойдет до драки, до поножовщины, вот-вот прольется кровь...

И все-таки почти всегда, после долгих и шумных споров Кривцову удается уговорить мужиков. Выносятся и записывается постановление схода: выделить столько-то и столько-то пудов хлеба, столько-то картофеля и столько-то лука для сдачи государству.

...Борьба, которая шла между взрослыми, сказывалась и на играх детей.

Правда, первое время Ленька наблюдал за этими играми со стороны. Вася и Ляля, которые были проще и непосредственнее, давно уже сдружились с ребятами своего возраста. Ляля целыми днями укачивала, кормила, пеленала и баюкала с подругами тряпочных матрешек, а Вася, изображая лошадку или кучера, с хлыстом в руке носился с товарищами по улице. Ленька был застенчив, а кроме того, он немножко свысока поглядывал на деревенских ребят. И хотя иногда и ему тоже хотелось и пошуметь и побегать, он предпочитал гордое уединение: сидел дома или, взяв книгу, уходил куда-нибудь на задворки, на Большую дорогу или в поле.

Однажды он стоял с книгой в руке у ворот нянькиной избы и смотрел, как соседский петух задирает черную нянькину кошку. По улице в это время пробегала шумная ватага ребят. У многих из них за плечами висели деревянные самодельные ружья, а на поясах - деревянные же сабли и наганы.

- Эй, петроградский! - крикнул какой-то маленький рыжий паренек. - Идем играть?

Ленька вздрогнул, уронил "Братьев Карамазовых"²³, покраснел и сказал:

- А как?

- Ну, как? В войну, конечно, в зеленых и красных.

- Что ж, - смущенно улыбнулся Ленька. - Хорошо... я сейчас...

Он забежал в избу, оставил книгу, напялил фуражку и вернулся к ребятам.

- Ты кто? - спросили у него. - Зеленый или красный?

- Я казак, - ответил Ленька.

23 "Братья Карамазовы" - роман Ф.М.Достоевского (1821-1881).

Никто не засмеялся.

- Казак? - сказал, подумав, рыжий. - Значит, зеленый.

И Леньке тоже показалось, что быть зеленым, то есть разбойником, интереснее, чем красным.

Через два дня он уже был избран командиром отряда и с увлечением отдался игре: изготовлял оружие, устраивал склады боеприпасов, писал печатными буквами приказы по отряду и даже придумал знаки отличия для своих бойцов: вырезал из картона и раскрашивал цветными карандашами георгиевские кресты, которыми награждал своих наиболее отличившихся сподвижников.

Адъютантом или есаулом у него был рыжий востроносый паренек, которого товарищи звали: Хоря. Это был очень живой, бойкий, иногда даже бесшабашный мальчик.

- Тебя как зовут? - спросил у него один раз Ленька.

- Хоря.

- Нет, а по-настоящему?

- А по-настоящему Игнаша Глебов.

- Ты что - сын Федора Глебова?

- Ага. Сын. А что?

Ленька посмотрел на товарища и подумал, что Хоря действительно очень похож на рыжебородого возницу, который вез их со станции в Чельцово...

Теперь он целые дни проводил с ребятами на улице, в поле или на Большой дороге.

Как-то под вечер, скрываясь от преследований неприятеля, он выбежал на широкую Радищевскую дорогу и спрятался за одной из толстых берез, которыми в четыре ряда - по два с каждой стороны - был обсажен большак. Внезапно он услышал, что кто-то недалеко от него вполголоса поет. Выглянув из-за дерева, он увидел в пяти шагах от себя Василия Федоровича Кривцова. Председатель был без шапки, в неподпоясанной рубахе и в городских сандалиях на босу ногу. Заложив за спину руки и низко опустив голову, он медленно прохаживался под березами и каким-то тихим, девичьим голосом напевал:

Окинув думкой жизнь земную,

Гляжу я робко в темну даль.

Не знаю сам, о чем тоскую,

Не знаю сам, чего мне жаль...

Ленька стоял, смотрел на него и не знал, как ему быть. Прятаться за деревом было неудобно, а выйти он не решался. Как часто бывает в подобных случаях, выручила его мошка или соломинка, попавшая в нос. Он громко чихнул.

Кривцов перестал петь, оглянулся, помолчал и громко сказал:

- Кто здесь?

Ленька вышел из-за дерева.

- Это я, - сказал он, краснея.

- Кто это? А-а! Здравствуйте! Вы - петроградский, у Секлети Федоровны Кочкиной живете? Учительницы сын?

- Да.

- Гимназист?

- Нет, я реалист.

- Реальное училище, значит? Понимаю, да. И в каком классе уже занимаетесь?

- Я - во второй перешел.

- Вона как! Молодец!..

Сказав это, Кривцов опустил голову и снова задумался, поглаживая и подергивая темную золотистую бороду. Ленька стоял рядом и опять не знал, что ему делать: бежать или ждать, что ему еще скажет председатель комбеда. Внезапно Кривцов положил мальчику на плечо сильную мужицкую руку и медленно, мечтательно с мягким упором на "о" проговорил:

- На этой дороге, под этими вот вековыми березами собрались однажды семь русских

мужиков, собрались и заспорили: кому живется весело, вольготно на Руси?

- Да, - сказал Ленька. - Я знаю. Это у Некрасова.

- Знаешь? - обрадовался Кривцов. - Верно! Молодец! Да, написал об этих мужичках великий поэт скорби и гнева народного Николай Алексеевич Некрасов. И именно об этой дороге он сказал в своей драгоценной поэме:

Широкая дороженька

Березками обставлена...

- Почему вы думаете, что об этой, а не об другой? - удивился Ленька.

- Почему? А потому, дорогой, что Николай Алексеевич был наш земляк и множество раз по этой дороге ходил и ездил - на охоту и по другим разным делам. Его имение Грешнево находилось на той стороне Волги, за Николо-Бабайским монастырем...

- Я не знал, - признался Ленька.

- Значит, вы еще не проходили, - улыбнулся председатель и, помолчав, добавил: - Если желаете, зайдите ко мне, я дам вам почитать его биографию. У меня есть... Где моя хижина помещается, - знаете?

- Да, знаю. Там, где красный флажок над крыльцом?

- Вот, вот... Где флажок над крыльцом. Ну, бегите... Это вам, кажется, мальчики из кустов машут?..

Только через неделю, поборов робость и застенчивость, Ленька отважился зайти к председателю.

Дверь с улицы была открыта. В просторных чистых сенях, попискивая, бродили большие белые цыплята. В горнице пожилая, но моложавая, очень некрасивая женщина, подоткнув синюю крашеную юбку, скребла косарем пол.

- Здравствуйте, - сказала она, выпрямляясь и смахивая со лба прядку волос. - Вы к Василию Федорычу? Его нет, он на огородах. Заходите, присаживайтесь, я сейчас сбегаю, кликну его.

- Благодарю вас... Спасибо... Я сам, - сказал Ленька. Он успел заглянуть в горницу. Черные, закоптелые стены. В углу иконы. Над столом одна над другой две полочки с книгами. На верхней полке - маленький школьный глобус. На стене - географическая карта полушарий, какая-то анатомическая таблица и портрет человека с прищуренным взглядом и высоким открытым лбом. Ленька уже знал в то время, что человек этот - Ленин.

Председателя он застал на огороде. Василий Федорович окапывал какие-то маленькие синевато-зеленые кустики.

- А-а, пришли? - сказал он, ставя босую ногу на заступ и протягивая Леньке руку. - А я вот занимаюсь, опыты произвожу. Пытаюсь произвести в наших местах помидор, или, как его иначе называют, томат... Уже второй год вожусь, а только, вы знаете, что-то не выходит. Болеют мои помидоры. Опрыскивать их надо, жидкость такая продается, я читал, бордоская называется. А где же ее взять? Я ведь нищий, - сказал он, почему-то улыбаясь.

- Я тогда лучше найду после, не буду мешать, - пробубнил Ленька.

- Куда вы? Полно вам. Пойдемте, пойдемте. Я ждал вас. Вы же хотели взять книжку. А у меня к вам тем более дело есть.

Он привел Леньку в избу. Пол уже был вымыт, и хозяйка раскатывала по нему серый, латанный во многих местах домотканый половик.

- Вот, возьмите, - сказал председатель, подавая Леньке тоненькую книжку в голубовато-серой бумажной обложке. - Читайте внимательно, ничего не пропуская... Там, где подчеркнуто синим карандашом, останавливайтесь и перечитывайте. Если что непонятно будет, - спросите, я объясню.

Ленька поблагодарил и взял книжку.

- А я вас вот о чем хотел спросить, - сказал Кривцов, роясь на столе и доставая из кипы бумаг какую-то пожелтевшую записочку. - Вы не знаете, что такое пау-пе-ри-зация?²⁴

²⁴ Пауперизация - обнищание трудящихся масс в эксплуататорском обществе.

- Нет... не слышал даже, - признался Ленька.

- Ну? А я думал, вы знаете. Не проходили еще?

- Нет.

- Жалко... А я читал тут зимой одну брошюру по аграрному вопросу, и вдруг эта самая пу... пе...

Кривцов засмеялся и помотал головой.

- Черт ее знает, - выдумают словечко!.. Ну, сам виноват, - учиться надо. Да вы присаживайтесь, - сказал он. - Что вы стоите? Вот на лавку или на табуреточку...

- Ничего, - сказал Ленька, присаживаясь на краешек табурета.

Кривцов ходил по избе и, поглаживая бороду, говорил:

- Я ведь, вы знаете, только один год в школу бегал. Мы - из тех самых, из мужичков Подтянутой губернии, Пустопорожней волости, уезда Терпигорева... Помните, у Некрасова?.. Вы вот в реальном учитесь, а меня прямо из школы папаша в высшее учебное заведение перекинул - в пастухи! А учиться хотелось. Не поверите, до слез хотелось. Я, бывало, если узнаю, что где-нибудь книга имеется... даже в другой деревне... готов ночью босый по снегу идти... А уж что за книги были! Тьфу! Смех, ерунда... "Бова-королевич" какой-нибудь, "Как мыши кота хоронили"...

Василий Федорович оборвал себя, остановился, посмотрел на черный задымленный потолок и с каким-то необыкновенным чувством, как молитву, прочел:

Эх, эх! Придет ли времечко?

Приди, приди, желанное,

Когда мужик не Блюхера

И не милорда глупого,

Белинского и Гоголя

С базара понесет?!.

Потом помолчал, улыбнулся и сказал:

- Ну, вот, ведь и пришло оно, кажись. А?

- Кто? Почему? - не понял Ленька.

Но Кривцов не расслышал его. Он еще раз прошелся по избе, остановился у маленького кривобокого окошка, задумчиво постучал пальцем по ветхому, заклеенному во многих местах газетной бумагой стеклу и, грустно усмехнувшись, сказал, как бы отвечая на какие-то собственные, очень горькие мысли:

- А ведь не понимают, черти... Ни хрена, дураки пошехонские, не понимают!..

...В середине июня в уезде объявился атаман. Никому не известный доселе приказчик Хохряков из города Ростова объединил вокруг себя разрозненные отряды зеленогвардейцев и встал во главе кулацкого движения. Нигде подолгу не останавливаясь, этот новоявленный полководец разъезжал со своими головорезами из волости в волость, громил совдепы и комитеты бедноты, убивал коммунистов и сочувствующих, грабил потребительские лавки и шел дальше.

По вечерам Ленька слышал, как на завалинке у нянькиной избы шушукались бабы:

- А в Колдобине, бабоньки, чу, комиссара в колодце стопили...

- А в Больших-от Солях исполком хохряковцы сожгли...

- А в Никольском-от, чу, карателя ночью зарезали...

Однажды воскресным утром, когда Ленька чистил в сенях свои желтые скороходовские баретки, он услышал на улице громкий, не то испуганный, не то восторженный мальчишеский голос:

- Хохряковцы идут!!!

Не дочистив бареток, со щеткой в руке он выбежал на улицу. По деревне, в сторону Большой дороги, уже неслась, взметая пыль, целая туча мальчишек и девчонок. А навстречу им вваливалась в деревню пестрая и нестройная толпа пеших и всадников.

Впереди, на порядочном расстоянии от других, ехал на белой лошади человек в синем городском пиджаке, на котором странно и даже нелепо выглядела кожаная желтая португепя. Маленькую голову всадника венчала офицерская английская фуражка, в руке он держал стек. Под вздернутым смешным носиком щеточкой торчали крохотные усики.

Из толпы ребят уже показывали на всадника пальцами, и слышался восторженный шепот:

- Сам... Это сам... Вот убиться - это он, Хохряков!..

Следом за атаманом ехал знаменосец. На плюшевой темно-зеленой, тронутой молью портъере, на которой еще сохранились кисточки и медные кольца, белым шелком было нескладно вышито:

ВЪ БОРЬБЕ ОБРЪТЕШТЫ ПРАВО СВОЪ!

Рядом со знаменосцем красивый курчавый парень в лихо заломленной на затылок солдатской фуражке растягивал мехи тальянки и сквозь зубы напевал "Хаз-Булата"²⁵. Остальные лениво и нестройно подтягивали ему...

Нянькина изба стояла второй от Большой дороги. Внезапно атаман зеленых повернул коня к открытому окошку, постучал стеклом по подоконнику и хриплым пропойным голосом крикнул:

- Эй, хозяйка!

Няньки дома не было. Она еще до света ушла в село Красное - к ранней обедне. Из окна выглянула Ленькина мать. Увидев перед собой городскую женщину, празднично одетую (Александра Сергеевна тоже собиралась с ребятами в церковь), Хохряков как будто слегка опешил, приложил руку к широкому козырьку английской фуражки и сказал:

- Пардон. Я очень извиняюсь. Могу я попросить вашей любезности дать мне ковшик холодной воды?

- Пожалуйста, - сказала Александра Сергеевна, улыбаясь и с интересом разглядывая этого галантного наездника. - Может быть, вам дать квасу? У нас - холодный, с ледника...

- О, преогромное мерси!

Ленька стоял в толпе ребят и видел, как мать подала в окно большой деревянный ковш и как этот величественный человек громко, с прихлюпом вылакал его до дна, крякнул, вытер рукавом свои смешные поросячьи усики и, возвращая хозяйке ковш, сказал:

- Вот это называется - да! Квасок, как говорится, ударяет в носок...

Потом оглянулся, наклонился в седле и негромко, но так, что Ленька все-таки слышал каждое его слово, сказал:

- А что, мадам, вы, я вижу, не здешняя?

- Нет, - сказала Александра Сергеевна. - Мы приезжие.

- Откуда?

- Из Петрограда... Бежали от голода.

- Так... - Хохряков еще ниже нагнулся в седле и еще тише сказал: - А скажите, - коммунисты в деревне есть?

- Не знаю, - нахмурилась Александра Сергеевна. - По-моему, нет... А впрочем, я никогда не задумывалась над этим вопросом...

Ленька взглянул на Хохрякова и вдруг увидел, что лицо у него уже не смешное, а страшное. Ноздри маленького носа раздулись. На скулах забегали желваки. Тонкие поджатые губы сжались еще плотнее...

...Что-то как будто стегнуло мальчика. Незаметно выбравшись из толпы, он юркнул в открытые ворота, пробежал по нянькиным гуменникам на задворки и, перелезая через чужие плетни, ломая чужие кусты и топча чужие грядки, за минуту домчался до председателевой избы.

²⁵ "...Напевал Хаз-Булата...". - "Хас-Булат удалой" - одна из самых популярных песен конца XIX века и до настоящего времени. Слова песни принадлежат малоизвестному поэту А.Н.Аммосову (1823-1866), музыку написала О.Х.Агреева-Славянская (1887-1920).

Во дворе некрасивая жена Кривцова торопливо сдергивала с веревок еще не высохшее белье. Услышав за спиной шаги, она испуганно оглянулась.

- Что? - сказала она, и скуластое бледное лицо ее еще больше побледнело.

- Василий Федорыч дома? - запыхавшись, проговорил Ленька.

- Нету его, нету, - почти прокричала хозяйка и, спохватившись, договорила не так громко: - В волость они ушедши...

"Слава богу!" - подумал Ленька.

Срывая с веревки белье, хозяйка с удивлением поглядывала на Ленькину руку. Только тут Ленька заметил, что держит в руке рыжую сапожную щетку. Смутьившись, он сунул ее в карман и спросил:

- А давно?

- Что?

- Ушел он...

- Да, да, давно он ушел. Спозаранок еще. Скоро не будет.

"Но ведь он не знает, он может вернуться", - подумал Ленька. И вдруг почувствовал ужас, когда понял, что может произойти, если Кривцов раньше времени вернется в деревню.

Не думая о том, что делает, забыв, что его ждут дома, он побежал на дорогу, ведущую в волость. Минут двадцать он проторчал на бугре у мельницы, откуда далеко была видна и проселочная дорога, и обсаженный березами большак, и даже голубые маковки двух красносельских церквей.

Похаживая взад и вперед по бугру и поглядывая на дорогу, он вдруг заметил, что в кустах по ту сторону мельницы прячется какой-то человек. Вглядевшись, он увидел, что это мальчик, а взглядевшись еще внимательнее, узнал огненно-красную голову Игнаши Глебова. Хоря тоже посматривал в ту сторону, откуда должен был появиться Кривцов, и тоже, как по всему было видно, волновался и нервничал.

"Караулит председателя... чтобы наябедничать!.. Наверно, отец подослал", - догадался Ленька, и вдруг его охватила такая ненависть к этим людям, что у него потемнело в глазах. Ему захотелось кинуться к Хоре, сбить его с ног, набить морду. Но как раз в эту минуту он заметил какое-то движение на Большой дороге. Оттуда доносились голоса, звуки гармоники, пение, залихватский свист... В густой зелени берез он не сразу разглядел плюшевое знамя бандитов и белую лошадь атамана, а когда разглядел и понял, что хохряковцы уходят из деревни, чуть не заплакал от радости.

От пережитых волнений он чувствовал слабость, руки у него дрожали, горло пересохло. Вернувшись домой, он, прежде чем зайти в избу, кинулся в сени, где, покрытая деревянным кружочком, стояла кадка с водой. Залпом выдудил он огромный ковш ледяной влаги и почти без передышки вылил в себя второй ковш. Эти два ковша обжигающе-холодной родниковой воды чуть не погубили не только Леньку, но и Александру Сергеевну.

К вечеру у мальчика поднялась температура, он начал хрипеть. Наутро он уже не мог говорить - из горла вместо слов вырывался свистящий шепот. Приглашенный из волости фельдшер - пожилой солидный человек в очках, в косоворотке и в сапогах с голенищами - заглянул Леньке в горло, посопел, покряхтел и важно, как профессор, объявил:

- Типичный дифтерит.

Александра Сергеевна опустила на лавку.

- Боже мой! Какой ужас! Только этого и не хватало. Что же делать?!

- А что ж, сударыня, - утешил ее фельдшер. - Ничего не поделаешь. Может, еще и отлежится. Могу вам сказать, как опытный медик-практик, что, по моим наблюдениям, не все ребяташки от глотошной помирают...

И, получив от няньки, вместо гонорара, десяток яиц, а от Александры Сергеевны цирик перловского чая и десять кусков рафинада, этот неунывающий медик-практик уехал, оставив на столе рецепт, который кончался следующими словами:

Принимать четыре раза в день

по одной хлебательной ложке.

Ночью Ленька проснулся и слышал, как мать, рыдая, говорила няньке:

- Нет, нет, он не выживет. Я чувствую. Ведь вы подумайте, - третья болезнь за год: коклюш, воспаление легких и вот - дифтерит. И никакой помощи, ничего, кроме этого ветхозаветного эскулапа...

- Полно вам, матушка, Александра Сергеевна, - утешала ее нянька. - Не гневите бога. Господь не без милости. Да и не клином свет сошелся. Знаете что? Везите-ко вы его, голубчика, в Ярославль. Там докторов полно.

И вот чуть свет, закутанный в десятки платков, шарфов и полушалков, Ленька уже трясся в телеге, держа направление на Николо-Бабайскую пристань.

Он был в полном сознании, все слышал, все понимал, только не мог говорить.

А Александра Сергеевна, измученная страхами, бессонницей и зубной болью, которая со вчерашнего вечера опять мучила ее, поминутно посматривала на часы и подгоняла возницу.

- Скорей, голубчик! Умоляю вас - скорей! Вы не понимаете, до чего мне важно поспеть к пароходу...

Она не знала, что спешит навстречу опасностям, куда более страшным, чем дифтерит или воспаление легких.

ГЛАВА V

Это путешествие оставило очень смутные следы в Ленькиной памяти.

Запомнились ему белые, освещенные солнцем стены монастырского двора, по которому они подъезжали к Волге. Запомнилась большая широкая река, которая вдруг вся, во всем своем просторе открылась ему с высокого обрывистого берега и по которой в ту минуту плыли крохотные баржи, буксирчики и пароходики. Помнит он себя в пароходной каюте, лежащим на жесткой, как в железнодорожном вагоне, скамейке. Помнит стук машины за стенкой, запах машинного масла, табака и ватерклозета. Помнит, как над головой у него застучали, забегали и как чей-то молодой веселый голос радостно прокричал:

- Ярославль!..

Услышав этот голос, он с трудом поднимает голову, смотрит в круглое окошечко иллюминатора и не может понять: что это - во сне он это видит или наяву?

Голубое небо, высокий, утопающий в зелени берег, и на нем гроздящиеся, как в сказке, как выточенные из хрусталя, сахарно-белые дома, белоснежные башни, белые колокольни. И над всем этим ярко пылает, горит в голубом июльском небе расплавленное золото куполов и крестов.

Потом он видит себя в полутемном номере ярославской гостиницы. Горит лампа под зеленым абажуром, человек с засученными рукавами, в котором наученный горьким опытом Ленька сразу же узнает доктора, что-то делает, позвякивая чем-то в углу на умывальнике. Мать стоит рядом. Лицо у нее озабоченное, тревожное.

Доктор подходит к Леньке. В руке у него что-то поблескивает. Он улыбается, густые черные брови его шевелятся, как тараканы. Мальчик ждет, что сейчас доктор скажет: "А ну, молодой человек, откройте ротик". Но, против ожидания, доктор говорит совсем другое.

- А ну, молодой человек, - говорит он, присаживаясь на краешек постели, - дайте-ка мне, хе-хе, вашу попочку...

Ленька не понимает, в чем дело, доверчиво поворачивается на живот и вдруг чувствует, как в ногу его, повыше колена, впивается длинная острая игла. Он хочет закричать и не может - горло его сдавлено.

- Всё, всё, - говорит, посмеиваясь и похлопывая его по спине, доктор. Всё кончено. Через два месяца, хе-хе, будешь, хе-хе, здоров, как бык.

Слезы душат Леньку. Он засыпает...

А просыпается от яркого солнечного света. Мать - в летнем пальто, с зонтиком в руке -

стоит перед маленьким туалетным зеркальцем и поправляет выбившиеся из-под шляпы волосы. Он хочет спросить, куда она собралась, но боится сделать себе больно и молчит. Почувствовав или увидев в зеркале его взгляд, она оборачивается:

- Проснулся, детка? Ну, как ты себя чувствуешь?

- Хорошо, - хриплым шепотом отвечает Ленька.

- Горлышко болит?

- Да.

- Кушать хочешь?

- Нет.

- Бедненький, - говорит Александра Сергеевна, и Ленька удивляется, почему она не подойдет к нему, не обнимет, не поцелует.

- Ты знаешь, маленький, придется, по-видимому, положить тебя в больницу. Этого требует доктор...

- Хорошо, - безропотно соглашается Ленька.

Он видит, что на глазах у матери блестят слезы. Ему жалко ее.

- Я должна ненадолго уйти, - говорит она. - Будь, пожалуйста, паинькой. Не вздумай, боже избави, вставать с постели. Лежи смирно. Если захочешь пить, - вода в графине на столике...

И, перекрестив издали, из дверей, мальчика, Александра Сергеевна уходит.

Ленька остается один. Ему не скучно. У него с собой книжка - "Тартарен из Тараскона" Альфонса Додэ. И вообще он чувствует себя совсем неплохо. Побаливает, как при ангине, горло. Слегка шумит голова. От легкого жара пылают щеки, постукивает в висках. Но умирать он вовсе не собирается.

Полчаса или час он лежит смирно и прилежно читает книжку. Но вот книга кончилась, перелистаны заново все страницы, пересмотрены одна за другой все картинки, а матери все нет.

Отложив книгу, он некоторое время следит за солнечным зайчиком, который бегаёт по выцветшим обоям и по голубому облупленному умывальнику, пытается разглядеть дочерна потемневшую картину на противоположной стене, от нечего делать пьет стакан за стаканом теплую невкусную воду из пожелтевшего мутного графина, пытается уснуть, пробует думать о чем-нибудь.

Но сон не приходит, мысли разбегаются.

И тут его внимание привлекает какой-то шум на улице. Насторожившись, он слышит за окном какие-то хриплые выкрики, какое-то бессвязное бормотанье. Кто-то стоит внизу под окном и надрывным плачущим голосом зовет:

- Матка боска! Матка боска!..

Потом побормочет что-то, похрипит, похнычет и опять:

- Матка боска! Матка боска!..

Леньке делается жутко. Любопытство гложет его. Несколько минут он борется с искушением, потом спрыгивает на пол и босиком, в одной рубашке подбегает к окну. Через минуту он уже лежит на теплом и не слишком чистом подоконнике, и, высунувшись из окна второго этажа, смотрит вниз.

Под окном на тротуаре, поджав по-турецки ноги, сидит старик нищий. Морщинистое лицо его повязано платком, у ног его стоит маленькая эмалированная чашка, куда прохожие бросают свое подаяние. Это он, неизвестно как попавший сюда нищий поляк, устроившись под окнами гостиницы "Европа", канючит милостыню, усыпая речь свою частым упоминанием богоматери.

Ленькино любопытство удовлетворено, но уходить с подоконника ему не хочется. За два месяца деревенской жизни он уже успел отвыкнуть от города, от его сутолоки, шума, от говорливой городской толпы. Все его сейчас радует и волнует, все напоминает Петроград.

Перед глазами его расстилается площадь с выходящими на нее улицами и бульваром. Правда, эта площадь поменьше Исаакиевской или Дворцовой, но дома на ней высокие,

многоэтажные, а здание театра на противоположной стороне площади даже чем-то похоже на императорский Мариинский театр, где в позапрошлом году на святках Ленька смотрел балет "Лебединое озеро". Правее театра виден угол дома, над подъездом которого развевается красный флаг. Налево от площади уходит вдаль длинная и прямая улица. Громоздятся многоэтажные дома, пестрят на их торцовых стенах и брандмауэрах²⁶ вывески и рекламы "Жоржа Бормана", "Треугольника", "Проводника", страхового общества "Саламандра", пароходной компании "Кавказ и Меркурий"... И странно выглядит среди этих знакомых, напоминающих довоенный Петроград, вывесок и реклам огромный яркий плакат, на котором угловатый синий человек с засученными рукавами и в кепке с пуговкой заносит красный молот над головой маленького квадратного человечка в цилиндре. В угловом доме, выходящем и на улицу и на площадь, - колониальный магазин "Сиу и К°". За его зеркальными стеклами стоят огромные, белые с черно-красным рисунком китайские вазы. Над окнами со стороны площади, где больше солнца, спущены полосатые маркизы, легкий ветер похлестывает и надувает их, как паруса.

Еще рано, солнце только-только выглядывает из-за темной после ночного дождя крыши театра, но на улицах уже кипит жизнь. Дворники поливают мостовую, спешат на рынок хозяйки со своими плетеными сумками, бегут на работу советские служащие, няньки раскатывают по тротуарам коляски с младенцами... Бесшумно проносятся велосипедисты, стучат пролетки извозчиков, где-то за углом позванивает и однотонно гудит на повороте трамвай.

А под окном на тротуаре все сидит, сложив калачиком ноги, все покачивается, как от зубной боли, повязанный бабьим платком старик и бормочет, всхлипывает, надрывно зовет:

- Матка боска! Матка боска!..

И вдруг в эту размеренную сутолоку мирного городского утра врывается вихрь.

По улицам с грохотом проносится бронированный автомобиль. Он влетает на площадь, круто разворачивается и, откатившись назад, останавливается против здания, где над подъездом полощется красный флаг. В щелях его амбразур поблескивают на солнце и шевелятся, как усики огромного насекомого, стволы пулеметов. Из автомобиля выскакивают люди в военной форме. Они бегут к подъезду. Что-то странное и непривычное в облике этих людей. Что именно, Ленька не успевает сообразить. Цокающий топот заставляет его поспешно повернуть голову налево. Взметая пыль, пугая прохожих, настегивая плетками потных лошадей, улицей несутся всадники. И тут Ленька вдруг понимает, что его так удивило и напугало. На плечах всадников сверкают погоны. Эти новенькие щегольские, шитые золотом погоны воскрешают в памяти мальчика такое далекое прошлое, что ему опять начинает казаться, что он спит и видит сон...

А всадники, вырвавшись на площадь, с гиком, как наездники в цирке, несутся по ее окружности. Один из них выхватывает револьвер и несколько раз стреляет в воздух. Разинув рот, Ленька застывает на подоконнике и видит, как, обезумев от страха, бегут по тротуарам и по мостовой прохожие: женщины с мешками для провизии, служащие со своими парусиновыми портфелями, няньки с колясками, в которых перекатываются и орут несчастные младенцы...

Какой-то человек с португеей на белом кителе взбирается на крышу броневика и, сложив рупором руки, кричит:

- Граждане!.. Просьба немедленно очистить площадь. Для собственной безопасности рекомендую вам сидеть по домам и не выходить на улицу, пока не кончится эта какофония!..

Это зловещее, впервые услышанное им слово "ка-ко-фо-ния" заставляет Леньку зажмуриться в предвкушении чего-то еще более необыкновенного и страшного.

Площадь быстро пустеет. Последние прохожие скрываются в подъездах и под арками ворот, и Ленька остается единственным зрителем этого страшного и увлекательного

²⁶ Брандмауэр - каменная стена между зданиями для защиты от пожара.

спектакля. Он с трепетом ждет: что же дальше? А по улице уже несутся новые всадники. Они минуют площадь, театр и в клубах пыли скрываются где-то за бульваром. И почти тотчас неизвестно откуда - справа ли, слева или, может быть, из-под земли - на площади появляется четверка лошадей, влекущая за собой - хоть и небольшую, а все-таки самую настоящую пушку.

Люди с погонами на плечах окружают смугло-серую трехдюймовку, о чем-то спорят, кричат, размахивают руками. Наконец трехдюймовка трогается дальше и останавливается под тем самым окном, на подоконнике которого лежит Ленька. Лошадей, отцепив, уводят в переулок, и два человека в серых металлических шлемах торопливо выламывают из мостовой булыжник, вкатывают в образовавшуюся ямку орудийный лафет и снова забрасывают его камнями. Потом достают из ящика обрезанную сигару снаряда и, резко передернув какие-то рычаги, вкладывают в черное жерло орудия эту тяжелую и скользкую на вид сигару.

Прильнув подбородком к раскаленному карнизу, Ленька, не мигая, наблюдает за каждым движением артиллеристов. Он разинул рот, и вдруг люди в металлических касках тоже открывают рты. Один из них сделал шаг назад и поднял руку.

В эту минуту за Ленькиной спиной хлопает дверь. Оглянувшись, он видит мать. Бледная, с растрепавшимися волосами, в съехавшей на сторону шляпке, она подбегает к окну, хватая Леньку в объятия и бежит обратно к дверям. Но добежать не успевает...

Страшный удар потрясает здание гостиницы. Месиво из треска и звона оглушает мальчика. Мать выпускает его из рук, оба они падают на пол и ползком, на четвереньках выбирают в коридор.

В дверях Ленька оглядывается, бросает последний взгляд в комнату. Подоконник, на котором за полминуты до этого он лежал, густо засыпан стеклом и штукатуркой. Голубой ламбрекен над окном соскочил с петли и покачивается, осыпанный розовой кирпичной пылью.

По коридору бегут люди. Многие из них полуодеты, а некоторые и вовсе в одном нижнем белье.

Какая-то смертельно бледная дамочка, прислонившись затылком к стене, истерически плачет и хохочет.

- Что? В чем дело? Что случилось? - спрашивают вокруг.

Новый удар грома. Электрическая лампочка над головой начинает часто-часто мигать.

- Вниз! Граждане! Господа! Вниз, в подвал! - раздается чей-то властный, начальственный голос.

Все кидаются к лестнице.

- Вот оно, вот... Дождались, - говорит какой-то бородатый, старорежимного купеческого вида человек. И, подняв к потолку глаза, он истоиво крестится и громко шепчет: - Слава тебе... Наконец-то... Началось...

- Да что? Что такое началось? - спрашивают у него.

- Эх, господа! Да неужто ж вы не понимаете? Восстание началось! Восстание против большевиков...

Белогвардейский мятеж, в самом центре которого так неожиданно для них оказались Ленька и его мать, был поднят эсером Борисом Савинковым по заданию и на деньги руководителя английской миссии в Москве Роберта Локкарта. Мятеж был приурочен к моменту высадки англо-франко-американского десанта на севере республики. В эти же июльские дни 1918 года эсеры пытались поднять восстание в ряде других советских городов - в Рыбинске, в Муроме и даже в Москве, где им удалось на несколько часов захватить Трехсвятительский переулок и открыть артиллерийский огонь по Кремлю.

Всего этого, конечно, в то время не могли знать не только Ленька, но и другие, более взрослые обитатели подвала, где нашли приют и защиту случайные постояльцы гостиницы "Европа".

В этом тесном, сыром и темном подвале Ленька провел несколько дней. Весь первый

день он просидел на ящике из-под пива, босой, закутанный в мамино пальто. Со сводчатых потолков капала ему на голову вода. От запахов плесени и гниющего дерева трудно было дышать. И тем не менее Ленька чувствовал себя превосходно. Новые люди, новые впечатления, а главное, ощущение опасности, которая снова нависла над головой, - о чем еще может мечтать десятилетний мальчик, которого доктора и болезни на целых два месяца уложили в постель?!

А в подвале, где к обеду набилось уже человек сто "европейцев", постепенно налаживалась жизнь. То тут, то там замигали свечные огарки, из ящиков и бочек устраивались столы и кровати, завязывались разговоры и знакомства, появилась откуда-то пища и даже вино.

Рядом с Ленькой, на соседнем ящике, сидел белокурый парень в поношенной клетчатой куртке с коричневыми кожаными пуговицами. Человек этот ни с кем не разговаривал, сидел мрачный и без конца курил из черного деревянного мундштука самодельные папиросы. По другую сторону на водочном бочонке восседал тот самый, бородатый, купеческого вида господин, который так истово крестился на лестнице и с таким ликованием приветствовал начавшееся восстание. Остальных Ленька не видел или видел смутно. Но что это была за публика - нетрудно было догадаться по отрывкам разговоров, которые до него доносились. Все были радостно взволнованы, все ждали чего-то... Слово "господа", которое Ленька успел уже забыть за восемь месяцев новой власти, звучало и этих разговорах особенно часто и как-то нарочито громко и даже развязно.

- Господа! Прошу извинения, - кричал кто-то из темноты. - Нет ли у кого-нибудь ножика для открывания консервов?

- Господа! Не имеется ли желающих сразиться в преферанс?

- Тише, тише, господа! В конце концов, происходят великие события, а вы...

- А откуда вам, милостивый государь, известно, что они великие?

- В самом деле, господа! Тише! Кажется, наверху опять стреляют...

- Боже мой! Какой ужас! У меня в номере полтора пуда крупчатки и десять фунтов сливочного масла!..

Что происходит наверху, в городе, никто еще толком не знал. Изредка доносились сюда орудийные выстрелы, но стены подвала были такие толстые, что трудно было понять, стреляют это или просто передвигают шкаф или диван где-нибудь в первом или втором этаже.

...В середине дня несколько наиболее отважных мужчин отправились наверх на разведку. Вместе с ними ушел и Ленькин бородатый сосед. Через час или полтора он первый вернулся в подвал. Лицо его сияло, в руке он держал какую-то бумагу.

- Ну, что? Как? - набросились на него.

- Постойте, господа, минуточку, - бормотал он, радостно улыбаясь и в то же время озабоченно озираясь. - Где тут мое место будет? Я саквояжик оставил. Ах, вот он!.. Ну, слава тебе...

- Да что же там происходит? Вы узнали что-нибудь?

- Узнал, узнал... Дайте отдышаться. Радость-то какая!

Бородач садится, ставит себе на колени клеенчатый саквояж, вытирает платком лицо, плачет и бормочет:

- Свергнули, свергнули... Нету их больше, окаянных... И красной тряпки нету над Советом, и самого Совета нет. Вот - приказ выпущен. Читайте кто-нибудь, а я, братцы, не могу... У меня слезы...

Кто-то берет у него из рук бумагу и при свете свечного огарка громко читает:

- "Приказ. Параграф первый. На основании полномочий, данных мне главнокомандующим Северной Добровольческой армии, находящейся под верховным командованием генерала Алексева, я, полковник Перхуров, вступил в командование вооруженными силами и во временное управление гражданской частью в ярославском районе, занятом частями Северной Добровольческой армии..."

- Послушайте, - говорит кто-то. - Откуда же здесь взялась Добровольческая армия?
- Не перебивайте! Не все ли равно?
- Очень даже не все равно.
- Сейчас, сейчас все расскажу, - бормочет бородач. И в то время, как остальные читают и слушают приказ мятежного полковника, он рассказывает соседям:

- Все, все точно узнал. Верного человека встретил - с Романовской мануфактуры конторщик. Он из нашего села, вроде как бы свойственник мне. Он здесь, на Власьевской живет, недалеко, возле монастыря, где, знаете, газетчик такой, вроде как бы на еврея или на армянина похож...

Леньке хочется дернуть рассказчика за бороду, - до того нудно и неинтересно он рассказывает.

- Кто же поднял восстание? - нетерпеливо спрашивает кто-то из слушателей.
- Рабочие подняли. Я ж говорю... С Дунаевской фабрики рабочие восстали, разгромили районный совдеп, перебили коммунистов и огромной массой направились в центр...

- Позвольте! Это что-то не того!..
- Да, да. Правду говорю. Со всех фабрик рабочие - не только с Дунаевской, а и с Нобеля, и с Большой мануфактуры, и с Константиновского...

- Чепуха!
Ленька обернулся. Это слово, - кажется, первое за весь день - произнес белокурый молодой человек в клетчатой куртке. Бородач тоже повернул голову.

- Позвольте! Это почему же вы так выражаетесь: чепуха?!

- А потому, что вы - попросту говоря, врете!

- Вру?

- Да, врете.

- А вы что же - сомневаетесь?

- Вот именно. Сомневаюсь.

- Ах, вот как? Значит, по-вашему, выходит, - рабочие довольны большевиками?

Молодой человек молчит. Ленька видит, как на его загорелых скулах ходят, подрагивают желваки.

- Значит, я говорю, вы считаете, что рабочий народ стоит за большевиков? Так, что ли, выходит?

- Знаете что, дяденька... Идите вы к черту! - сквозь зубы говорит белокурый. И, отвернувшись, он достает из кармана кожаный кисет и начинает свертывать новую папиросу.

...Тем временем в подвал возвращаются один за другим и остальные разведчики. Никто из них ничего толком рассказать не может, но все в один голос заявляют, что восстание победило, что Советская власть в городе свергнута и что уже приступило к исполнению обязанностей какое-то новое "демократическое правительство".

- Послушайте, а что делается - там, наверху, в номерах? - спрашивает у одного из разведчиков Александра Сергеевна.

- Все в полном порядке, сударыня. Стекла выбиты, воздух чистый, за окнами, вместо соловьев, посвистывают пульки...

- А как вы считаете, - не слишком опасно будет подняться туда? У меня мальчик тяжело болен. Надо взять кое-что из гардероба...

- Гм... Не советую. А впрочем, дело вашей личной отваги.

- Мама... не ходи, - хрипит Ленька.

- Ничего, Лешенька. Посиди пять минуток. Я все-таки попробую, схожу.

- Мама, не надо, там же пули свистят!..

- Ничего, детка. Бог милостив. Как-нибудь. Я должна раздобыть хоть что-нибудь. Иначе ты окончательно простудишься.

- Давайте я схожу...

Это сказал молодой человек в клетчатом. Он вынул изо рта свой черный мундштук и без улыбки смотрит на Александру Сергеевну.

- Благодарю вас, - говорит она растроганно. - Вы очень любезны. Но ведь вам одному там все равно ничего не найти... Может быть, если вам не трудно, вы проводите меня? Все-таки мне будет не так страшно...

- Пожалуйста. Идемте, - говорит белокурый, поднимаясь с ящика.

...Мать уходит.

Ленька остается один, и в первый раз за этот день ему становится по-настоящему страшно. Чтобы не думать о матери, он старается внимательно слушать, о чем говорят вокруг. Но то, что он слышит, несколько не умаляет его страха.

- Господа! Совершенно исключительные новости, - объявляет кто-то у входа в подвал. - Я только что был на улице и своими глазами видел последнюю сводку. Оказывается, восстанием охвачен не только Ярославль. Идут бои в Петрограде, в Москве, во многих городах Поволжья!

- Не может быть!..

- Я же вам говорю, своими глазами видел.

- А вы что, собственно говоря, восстание в Москве видели или сообщение об этом?

- Да... сообщение...

- Ведь вот Фомы неверные, - бормочет Ленькин сосед-бородач. Радоваться надо, а они - "чепуха" да "не может быть"...

- А что на улицах?

- На улицах еще не совсем спокойно. Постреливают. Но, по всей видимости, сопротивление большевиков уже сломлено.

- Да, да, сломлено, сломлено, - бубнит Ленькин сосед, и опять у Леньки появляется желание схватить этого человека за бороду.

Минуты идут, а мать не возвращается.

За Ленькиной спиной кто-то взволнованным, дрожащим и даже всхлипывающим голосом говорит:

- Простите, но это гадко! Это ужасно! Я не могу забыть. У меня до сих пор в глазах эта сцена!..

- На войне, как на войне, уважаемый!

- Извините! Нет, извините! Это не война. Это называется иначе. Это убийство из-за угла.

- Ну, знаете, советовал бы вам все-таки выражаться поосторожнее!.. Проявление патриотических чувств народных масс называть убийством!..

- Да, да! И повторю, милостивый государь... Я старый русский интеллигент, старый земский деятель, ни малейших симпатий к большевикам не питал и не питаю, но я должен вам сказать, что это - убийство, подлое, гнусное, грязное убийство...

- Простите, о чем там речь? - спрашивает кто-то.

- Да видите ли, с председателем Ярославского исполкома Закгеймом не очень, так сказать, гуманно поступили. Казнили на улице без суда и следствия.

- Да... Казнили... Но как, как? Выволокли из квартиры на улицу, полуодетого, и зонтиками, зонтиками - по голове, по спине, по лицу... Молодые женщины, дамы, интеллигентные, миловидные...

- Эй, вы! В пенсне! Довольно вам разводить истерику! - кричит кто-то из дальнего угла.

Ленька сидит с ногами на ящике, ежится, кутается в мамино пальто и, зажмурившись, представляет себе эту страшную картину: полуодетого, сонного человека выталкивают, выволакивают на улицу, и нарядные дамы бьют и насмерть забивают его летними кружевными зонтиками...

Бородатый Ленькин сосед расстегнул саквояж, расстелил на коленях салфетку и с аппетитом, не спеша поедает толстые бутерброды, макает в бумажку с солью облупленные крутые яйца, пьет из бутылки молоко. Ленька уже давно хочет есть, но почему-то на эти бутерброды, яйца и молоко он смотрит с отвращением.

"Мама!.. Где же мама? Куда она пропала?"

И словно в ответ на этот вопль его души, где-то в дальнем углу подвала раздается знакомый глухой и встревоженный голос:

- Лешенька! Сынок! Мальчик! Где ты?..

- Здесь я!.. Мамочка, мама!.. - кричит он и чувствует, что голос его срывается...

Александра Сергеевна с трудом проталкивается к нему. В руках у нее одеяло, подушки и крохотный узелок с вещами.

- Почему ты так долго? - бормочет Ленька. - Где ты была? Я уж думал...

- Ты думал, маленький, что меня убили? Нет, мой дорогой, слава богу, как видишь, я жива. Но, представь себе, какой ужас, - пока мы с тобой сидели тут, нас дочиста обокрали!..

- Кто?!

- Откуда же я знаю, кто? Нашлись какие-то бессовестные, бессердечные люди, которые воспользовались несчастьем ближних и унесли буквально все, что было в номере. Осталась только всякая мелочь на туалете - гребенка, пудреница... немножко провизии... Да в шкафу я разыскала, на счастье, твои штанишки и сандалии.

- А шинель?

- Я же говорю тебе, - ничего нет: ни шинели, ни фуражки, ни моих калош, ни чемодана...

- Эх, народ! - смеется Ленькин сосед, заворачивая в салфетку остатки завтрака и пустую бутылку из-под молока. - Ловко работают! Молодцы ребята!

- Постойте, это что же значит? - говорит кто-то. - У меня же в номере все вещи остались!

- Боже мой! А у меня полтора пуда крупчатки и вот такая банка прекрасного вологодского масла!

Среди обитателей подвала поднимается паника. Многие устремляются наверх в надежде спасти хоть что-нибудь из оставленного имущества.

- Мама, - говорит Ленька, - а где же этот... клетчатый, с которым ты ходила?

- Ты спрашиваешь о молодом человеке, который провожал меня наверх? говорит Александра Сергеевна почему-то очень громко, как будто для того, чтобы ее услышали и другие, а не только Ленька. - Он сказал, что идет в город - разыскивать своего дядю. Его дядя - владелец писчебумажного магазина - где-то, кажется, на Казанском бульваре.

- Дядя... Магазин, - бормочет, прислушиваясь, бородач. - Я бы такого племянника за дверь выставил. Нахал этакий! А еще, оказывается, из приличной семьи юноша...

В узелке, который принесла из номера Александра Сергеевна, кроме Ленькиных штанов и сандалий оказалось несколько бутербродов, остатки нянькиных "яблочников" и "куличиков" и порядочный кусок шпика. Ленька оделся, то есть напялил на голые ноги форменные брюки и сандалии; Александра Сергеевна накрыла на стол, то есть расстелила на одном из ящиков скомканный лист газетной бумаги, и оба они с удовольствием поели.

- Там страшно? - спрашивал Ленька, набивая рот сухим картофельным яблочником и показывая головой наверх.

- Нет, в общем, не так уж страшно.

- Ну да! - как будто даже огорчился Ленька.

- В Петрограде бывало и пострашнее.

- Пули свистят?

- Мне, мой дорогой, было не до пуль.

Через некоторое время Ленька почувствовал необходимость сходить туда, где ему уже давно следовало побывать.

- Хорошо. Сейчас. Я провожу тебя, - сказала Александра Сергеевна, укладывая в узелок жалкие остатки завтрака.

- Не надо. Я сам, - сказал, покраснев, Ленька.

- Ты заблудишься.

- Ну, вот... Что я, маленький? Ты объясни только, как пройти.

- Да и объяснять нечего. Это совсем близко. Сразу на лестнице, на второй площадке. На

двери увидишь два ноля. Но только, умоляю тебя, пожалуйста, сразу же возвращайся!

Ленька обещал не задерживаться, запахнулся в мамино пальто и, шлепая сандалиями, стал пробираться к выходу.

...В помещении с двумя нолями на дверях он действительно не задержался дольше, чем требовалось. Но когда он вышел на площадку, увидел ведущую наверх лестницу и пробивающийся откуда-то дневной свет, искушение поглядеть хоть одним глазом на то, что делается в гостинице и в городе, овладело им с такой силой, что он начисто забыл все обещания, данные матери.

"Только чуть-чуть погляжу и сразу вниз", - сказал он себе и, подобрав по-женски полы пальто, через две ступеньки на третью побежал наверх.

Ему пришлось пробежать три или четыре лестничных марша, прежде чем он очутился в длинном гостиничном коридоре, по обе стороны которого бесконечной чередой тянулись маленькие, желтые, похожие одна на другую двери. Над каждой из них висела белая табличка с номером. Некоторые двери были приоткрыты или распахнуты настежь, и оттуда струился тусклый сумеречный свет. Посмотрев по сторонам, Ленька прислушался и осторожно заглянул в одну из комнат. Там никого не было. В разбитое окно дул свежий волжский ветер. Вся комната была засыпана битым стеклом и штукатуркой. Платяной шкаф был раскрыт, на полу у дверей валялась железная платяная вешалка. На столе посреди комнаты стояла недопитая бутылка "Боржома", открытая коробка анчоусов, две рюмки, стакан, лежала скомканная салфетка.

Чувствуя, как бьется его сердце и как противно хрустит под ногами стекло, Ленька на цыпочках вошел в комнату, приблизился к окну и выглянул на улицу.

Пушки под окном уже не было. Солнечный вечерний свет заливал улицу, площадь, золотил яркую зелень бульвара, горел на осколках стекла и на белых китайских вазах в разбитой вдребезги витрине магазина "Сиу". Площадь была пуста, лишь несколько штатских с винтовками за плечами лениво похаживали взад и вперед у подъезда углового дома... Было тихо, только наострив уши, Ленька слышал отдаленные винтовочные и пулеметные выстрелы. Действительно, в Петрограде было гораздо страшнее и куда интереснее.

...Слегка разочарованный, он вернулся в коридор и хотел уже идти к лестнице, как вдруг дверь соседнего номера открылась и оттуда - с большим медным чайником в руке - вышел молодой человек в клетчатой куртке.

Ленька почти столкнулся с ним.

- Здравствуйте, - сказал он, опешив.

- Здравствуй, - ответил тот, останавливаясь. - Не узнаю. А-а! Ты что тут делаешь?

- Я так. В уборную ходил.

- Нашел?

- Нашел.

- Молодец.

- А вы что, - не нашли своего дядю?

- Какого дядю? Ах, дядю? - усмехнулся молодой человек. - Да нет, дядя, оказывается, уехал в Америку...

- В какую? В Северную или в Южную?

- Черт его знает, - в Центральную, кажется. Ничего, проживем как-нибудь и без дяди.

- А вы почему в подвал не вернулись? - спросил Ленька.

- Да понимаешь... Как тебе сказать... Здесь наверху удобнее. Никто не мешает.

- А пули?

- Что ж пули... На свете, братец ты мой, есть вещи куда более неприятные, чем пули. Постой, а с какой стати ты таким халатником вырядился?

- Нас же обокрали, - сказал Ленька.

- Где? Когда?

- Здесь, в номере. Вы разве не знаете?

- Нет. И много унесли?

- Всё унесли. Даже шинель мою утащили.
- Гимназическую?
- Нет, я реалист.
- Жалко. Послушай, скажи, пожалуйста, - а кто твоя мать?
- Учительница.
- Ах, вот что? Гм... Она у тебя хорошая. Правда? Ты любишь ее?
- Люблю, - пробормотал Ленька.

Молодой человек постоял, помолчал и сказал:

- Ну, иди, простудишься.

Ленька не успел сделать и двух шагов, как белокурый снова окликнул его:

- Эй, послушай!
- Что? - оглянулся Ленька.
- Тебя как зовут?
- Алексей.

- Вот что, Алеша, - вполголоса сказал парень. - Ты... это... лучше не говори никому, что меня здесь видел. Ладно?

- Ладно. А маме тоже не говорить?
- Маме можешь сказать. Только потихоньку. Понял?
- Понял.
- Ну, беги. Не упади только в своем балахоне.

Ленька постоял, проводил глазами белокурого и пошел к лестнице. Но оказалось, что найти лестницу не так-то просто. Больше того, оказалось, что найти ее совершенно невозможно. В коридоре было такое огромное множество дверей и все они были до того похожи одна на другую, что через несколько минут мальчик совершенно запутался и потерялся.

Он толкался то в одну, то в другую дверь. Одни двери были заперты на ключ, открывая другие, он попадал в чужие номера.

Наконец он увидел дверь, не похожую на остальные. Над дверью висел продолговатый ящик-фонарь, на черном стекле которого красными буквами было написано:

ЗАПАСНЫЙ ВЫХОДЪ

Ленька толкнул дверь. Она открылась, и он очутился на лестнице.

"Слава богу! Наконец-то!.."

Шлепая сандалиями, он побежал вниз. Вот на площадке рыжая облупленная дверка с двумя тощими черными нолями. Вот, рядом с ней, ярко-красный, как пожарная бочка, огнетушитель. Он хорошо помнит его. Он видел этот огнетушитель, когда бежал наверх. Еще один лестничный марш - и перед ним низенькая, обшитая железом дверь в подвал. С разбегу он налетает на нее, толкает и чувствует, что дверь не открывается. Он еще раз, из всех сил наваливается на нее плечом - дверь не поддается. Похолодев от страха, он начинает барабанить кулаками по ржавому железу. Никто не откликается. Он прикладывает ухо к двери, садится на корточки, заглядывает в большую замочную скважину. Из скважины в глаз ему дует кладбищенским холодом. В подвале тихо.

"Господи! Что такое? Куда же они все девались?!"

От чрезмерных волнений он снова испытывает срочную необходимость побывать в помещении с двумя нолями на дверке.

Пошатываясь, он поднимается площадкой выше, толкает коленом рыжую дверь и видит, что и эта дверь закрыта!

Но на этот раз он чувствует даже некоторое облегчение. Значит, за дверью кто-то есть. Значит, кто-то выйдет сейчас, объяснит ему, в чем дело, поможет найти маму.

Минуту или две он деликатно ждет, потом осторожно стучит костяшками пальцев по двери. Никто не отзывается.

И тут он с ужасом замечает, что дверь в уборную заколочена. Большие ржавые гвозди в двух местах наискось торчат из косяка двери.

Повернувшись спиной к двери, Ленька изо всех сил колотит в нее ногой.

И вдруг его осеняет догадка: он же не туда попал!.. Это не та лестница! Не могли же, в самом деле, за то время, что он был наверху, заколотить гвоздями уборную!..

Он бежит наверх. Опять он в этом ужасном, длинном, как улица, коридоре с бесконечными рядами похожих друг на дружку дверей. Но теперь он знает: надо искать дверь, над которой нет таблички с номером. Он находит такую дверь. Он бежит по лестнице вниз и, пробежав полтора марша, убеждается, что опять не туда попал. Лестница приводит его на кухню. В нос ему ударяет запах кислой капусты и мочалы. Он видит кафельные белые стены, огромную плиту, жарко начищенные медные котлы и кастрюли.

Хватаясь за шершавые железные перила, он тащится наверх. В глазах у него начинает мутиться.

"Надо найти этого... белокурого, - думает он. - Он поможет мне... Надо только вспомнить, где он живет, из какого номера он вышел тогда с чайником..."

Ага! Вспомнил. Он вышел вон из той двери, как раз против кипяточного бака.

Он подбегает к этой двери, стучит.

- Да, войдите, - слышит он недовольный голос.

Он открывает дверь, входит и видит: пожилой лысый человек в желтовато-белом чесучовом пиджаке ползает на коленях посреди комнаты и завязывает веревкой корзину.

- Тебе что? - спрашивает он, изумленно подняв брови.

- Ничего... простите... я не туда попал, - лепечет Ленька.

Человек вскакивает.

Ленька выбегает в коридор.

- А ну, пошел вон! - несется ему вдогонку разъяренный голос. За спиной его хлопает дверь, поворачивается в скважине ключ.

Он стучит в соседнюю дверь. Никто не отвечает. Он толкает ее. Дверь закрыта.

Он мечется по коридору, как мышонок по мышеловке.

...И вот он попадает еще на одну лестницу. Эта лестница устлана ковровой дорожкой. Стены ее разрисованы картинами. На одной из них наполеоновские солдаты бегут из России. На другой - Иван Сусанин увлекает поляков в дремучий лес. На третьей - бородатый благообразный староста оглашает перед крестьянами манифест царя об "освобождении". На бумаге, которую он читает, большими буквами написано: "19-е февраля".

Конечно, в другое время и при других обстоятельствах Ленька не удержался бы, чтобы не рассмотреть во всех подробностях эти увлекательные картины. Но сейчас ему не до поляков и не до французов. Ему кажется, что положение, в котором он очутился, гораздо хуже всякого голода, плена и крепостной зависимости.

Он снова плетется наверх. Ноги уже еле держат его. И вдруг он слышит у себя за спиной мягкие мелкие шаги. Он оглядывается. По лестнице, придерживаясь рукой за бархатные перила, поднимается немолодой полный человек с бесцветной сероватой бородкой. Ленька успевает подумать, что человек этот очень похож на его покойного дедушку. На белом пикежном жилете блестит золотая цепочка, в руке позвякивает связка ключей.

И почти тотчас внизу хлопает дверь, и вдогонку ему раздается хриловатый юношеский голос:

- Папа!

Человек остановился, смотрит вниз.

- Да, Николашенька?

Его догоняет высокий молодой офицер. На плечах его блестят новенькие золотые погоны. Новенькая кожаная португеза перетягивает стройную атлетическую грудь. Новенькая желтая кобура подпрыгивает на поясе.

- Что, Николаша?

- Ты знаешь, - говорит, слегка запыхавшись, офицер, - надо, в конце концов, что-то предпринять. Я сейчас прошел по номерам... Это же черт знает что! Этак через два дня,

глядишь, не останется ни одной подушки, ни одной электрической лампочки и ни одного графина...

И тут офицер замечает Леньку, который, перегнувшись через перила, смотрит на него с верхней площадки.

- Эй! Стой! - кричит он и с таким страшным видом устремляется наверх, что Ленька, отпрянув, кидается к первой попавшейся двери.

В дверях офицер настигает его. Схватив Леньку за плечо, он тяжело дышит и говорит:

- Ты что тут делаешь, мерзавец? А?

- Ничего, - бормочет мальчик. - Я... я заблудился.

- Ах, вот как? Заблудился?

И, выглянув на лестницу, офицер кричит:

- Папа! Папа! Изволь, полюбуйся... Одного поймал!

- Да, Николашенька... Иду. Где он?

Офицер крепко держит Леньку за плечо.

- Ты посмотри - а? На нем же, негодяе, дамское пальто, - говорит он и с такой силой встряхивает Леньку, что у мальчика щелкают зубы.

- Ты где взял пальто, оборванец? А? - кричит офицер. - Я спрашиваю - ты у кого украл пальто, подлая образина?

От боли, ужаса и отвращения Ленька не может говорить. Он начинает громко икать.

- Я... я... ик... не украл, - задыхаясь бормочет он. - Это... это мамино пальто...

- Мамино? Я тебе дам мамино! Я из тебя, уличная шваль, отбивную котлету сделаю, если ты сейчас же не скажешь!

- Коленька! Коля! - смеется старик. - Оставь его,пусти... Ты же из него и в самом деле все внутренности вытряхнешь. погоди, сейчас мы разберемся. А ну, чиж паленый, говори: откуда ты взялся? Где твоя мать?

Икота не дает Леньке говорить.

- Ик... ик... в подвале.

- В каком подвале? На какой улице?

- Ик... ик... на этой.

- На Власьевской? А какой номер дома?

- Ик... ик... не знаю.

- Не знаешь, в каком доме живешь? Вот тебе и на! Сколько же тебе лет?

- Де... десять.

- Да это ж, Коленька, форменный идиотик. В десять лет не знает номера своего дома.

- Оставь, пожалуйста. Какой там идиотик! Не идиотик, а самый настоящий жулик.

И пальцы офицера с такой силой впиваются в Ленькино плечо, что мальчик вскрикивает.

- Оставьте меня! - кричит он, завертевшись вьюном. - Вы не смеете... Еще офицер называется... Я здесь, в этом доме, в гостинице живу!..

- Ха-ха!.. остроумно! В каком же, интересно, номере? Может быть, в люксе?

- Не в люксе, а в подвале.

- Стой, стой, Николаша, - говорит встревоженно старик. - А может, и верно, а? Ведь они там, и в самом деле, все в подвал забились...

- Да ну его. Врет же. По глазам вижу, - врет.

- А мы это сейчас выясним. А ну, пошли, оголец! Кстати, я и сам хотел туда заглянуть. Неудобно все-таки, надо навестить публику.

Сознание, что сейчас он увидит маму и что страданиям его приходит конец, заставляет Леньку на время забыть обиду. Подобрав подол злополучного пальто и шлепая сползающими сандалиями, он бодро шагает между своими конвоирами.

И вот он в подвале; протискивается навстречу матери и слышит ее возмущенный и встревоженный голос:

- Леша! Негодный мальчишка! Ты где пропадал столько времени?!

Он кидается ей на шею, целует ее и, показывая пальцем на офицера, захлебываясь, икая, глотая слезы, жалобно бормочет:

- Он... Он... ик... Он... этот... меня... меня...

Офицер смущенно переглядывается со своим спутником.

- Гм... Так, значит, это ваш мальчик, мадам? - говорит старик в пикейном жилете.

- Да, это мой сын. А что случилось?

- Да ничего. Сущие пустяки, - со сладенькой улыбкой объясняет офицер. Ваш мальчуган заблудился, попал не на ту лестницу... И мы с отцом, так сказать, вывели его на путь истины...

- Благодарю вас. Вы очень любезны.

- Пожалуйста! Совершенно не за что, - говорит офицер и, щелкнув каблуками, поворачивается к своему спутнику:

- Н-да, папаша... Комфортом здесь у вас, надо признаться, и не пахнет.

- Не пахнет, не пахнет, Николашенька, - соглашается тот. И, по-хозяйски осмотрев помещение, он обращается к присутствующим:

- Ну, как вы себя здесь чувствуете, господа?

- Великолепно! - отвечают ему из разных углов.

- Не жизнь, а сказка.

- Не хватает только тюремных оков, надсмотрщиков и орудий пытки.

- А ведь вы, господа, совершенно напрасно себя здесь замуровали. Можно и в номерах отлично устроиться.

- Да? Вы считаете? А не опасно?

- Ну, полно. Какая там опасность! Никакой опасности нет. Большевики наголову разбиты, и не только у нас, но и по всей губернии. Вот мой сынок, подпоручик, может вам подтвердить это.

- Совершенно точно, - подтверждает молодой офицер. - Военные действия в Ярославле закончены. В городе устанавливается порядок. Никакой опасности для лояльно настроенного населения нет.

Прижавшись к матери, обхватив руками ее теплую шею, Ленка с ненавистью смотрит на этого надутого щеголя, на его пухлые, румяные щеки, на его прилизанные, нафиксатуренные виски, на большие белые руки, которые поминутно поправляют то португеею, то пояс, то кобуру на нем.

- Скажите, - спрашивает кто-то. - А правда, что в Москве и в Петрограде тоже идут бои?

- Насколько мне известно, не только в Москве и в Петрограде, но и по всей стране.

- Да что вы говорите?!

- Значит, и в самом деле можно покидать это подземелье?

- Можно, господа, можно, - говорит человек с цепочкой. - Незачем вам здесь чахотку наживать. Правда, не посетуйте, порядка у нас в гостинице пока немного. Прислуги, видите ли, не хватает. Разбежались. Но завтра с утра, не беспокойтесь, все это наладим.

Перед уходом он еще раз обращается к обитателям подвала:

- Кстати, поимейте в виду, господа: завтра с утра открываем ресторан. Милости просим. Чем богаты, тем и рады.

- Действительно кстати, - отвечают ему. - А то уж мы тут на пищу святого Антония переходим.

- Только такое условие, господа, - улыбаясь говорит в дверях старик. На радостях завтрашний день угощаю всех за свой счет.

Провожаемый шутивными аплодисментами и криками "ура", он выходит на лестницу. Вместе с ним уходит и офицер.

- Кто это? - спрашивают вокруг.

- Да неужто ж вы не знаете, господа? - обиженным голосом говорит всезнающий бородач. - Это ж Поярков, хозяин гостиницы.

- А молодой?
- А молодой - его сынок. Академик.
- Как академик?

- А так. Учился в Москве в Петровской сельскохозяйственной академии. В войну был прапорщиком. При Керенском до подпоручика дослужился. А нынче приехал к отцу на каникулы и - вот, пожалуйста, угодил, так сказать, прямо к светлому праздничку.

- А погоны он что, с собой привез? - спрашивает кто-то. Студенты-петровцы, насколько мне известно, погон не носят.

- Значит, уж где-нибудь прятал. Своего часа ждал.

- Погоны что! А вот где они пушку взяли?!

...Тем временем Александра Сергеевна, уложив Леньку на приготовленную из ящиков постель и пристроившись рядом, вполголоса распекала мальчика.

- Нет, дорогой, - говорила она. - Это невозможно. Придется мне, как видно, и в самом деле привязывать тебя за веревочку...

- Привяжи! Привяжи! Пожалуйста! - шептал Ленька, прижимаясь к матери и чувствуя, как мягкая прядка ее волос щекочет его щеку. В эту минуту он только этого и хотел - чтобы всегда, каждый час и каждое мгновение быть рядом с нею.

- Простудился небось, безобразник?

- И не думал.

- Господи, даже градусника нет. А ну, покажи лобик. Нет... странно, температуры нет. Ну, давай спать, наказание ты мое!..

В подвале уже устраиваются на ночь. То тут, то там вспыхивают и гаснут свечные огарки. Смолкают разговоры. Кое-кто пробирается к двери, ободренные хозяином, многие обитатели подвала уходят наверх.

- А мы не пойдём? - спрашивает Ленька.

- Куда ж на ночь?.. Подождем до завтра. Там видно будет.

- Мама, значит, большевиков уже нет больше?

- Как видишь, говорят, что нет.

- И в Петрограде?

- Говорят, что и в Петрограде восстание.

- А в Чельцове?

- Боже мой, не разрывай мне сердца. Спи, пожалуйста!

Но Ленька не может спать. Он думает о Петрограде, вспоминает Стешу, где она сейчас и что с ней? Думает о Кривцове, о Васе и Ляле, оставшихся на руках няньки. Вспоминаются, наплывая одно на другое, события дня. Ему кажется, что прошла вечность с тех пор, как он лежал в постели и читал "Тартарена из Тараскона"... А ведь это было лишь сегодня утром. Светило солнце, за окном шумел город, старик нищий кричал "матка боска", и все было так хорошо, мирно и спокойно.

- Не вертись, пожалуйста, Леша. Ты мешаешь мне спать, - сонным голосом говорит Александра Сергеевна.

- Штаны колются, - бормочет Ленька.

Он уже засыпает, и вдруг вспоминается ему его черная реалистская шинель и черная с апельсиновыми кантами и с латунными веточками на околыше фуражка... Господи, неужели действительно они пропали? Неужели ему теперь всю жизнь придется ходить таким халатником, как назвал его давеча этот молодой человек в клетчатой куртке?..

- Мама, - говорит он вдруг, приподнимаясь над подушкой.

- Ну?

- Ты спишь?

- Боже мой!.. Нет, это невозможно!..

- Мамочка, - шепчет ей в ухо Ленька, - ты знаешь, а ведь я видел того, клетчатого...

- Какого клетчатого?

- Ну, того, который тебя провожал наверх.

Александра Сергеевна молчит. Но Ленька чувствует, что мать проснулась.

- Где? - говорит она очень тихо.

- Он здесь, в гостинице... У себя в номере...

- Не шуми!.. Ты разбудишь соседей. Ты говорил с ним?

- Да. Ты знаешь, у него, оказывается, дядя в Америку уехал...

- Куда?

- В Америку. В Центральную... Это где? Там, где Мексика, да?

- Да... кажется... Только ты, милый, никому не говори об этом.

- О чем?

- О том, что ты видел здесь этого человека. Понял?

- Понял. Он тоже просил не говорить. Он сказал, что ты - хорошая. Ты слышишь?

Александра Сергеевна долго молчит. Потом, обняв мальчика за шею, она крепко целует его в лоб и говорит:

- Спи, детка!.. Не мешай соседям.

И Ленька засыпает.

...Хозяин гостиницы не обманул. Утром пили чай в ресторане, где все было как в мирное время - мельхиоровая посуда, пальмы, ковры, белоснежные скатерти, официанты в полотняных фартуках... Сам Поярков стоял за буфетной стойкой и, улыбаясь, кланяясь, приветствовал входящих гостей.

Официантов было немного, они сбивались с ног, разнося по столикам чайники с чаем и кипятком, блюдечки с ландринном вместо сахара, сковородки с яичницей, черствые французские булки, сухие позавчерашние бутерброды...

Денег официанты с посетителей не брали.

- Не приказано-с, - улыбаясь и пряча за спину руки, говорили они, когда с ними пытались рассчитываться. - Завтра - пожалуйста, с нашим великим удовольствием, а нынче Михаил Петрович за свой счет угощают.

Ленька и Александра Сергеевна сидели за маленьким столиком у разбитого окна. Отсюда хорошо был виден и ресторан, и буфетная стойка у входа, и площадь, и театр, и магазин "Сиу и К°"

На залитых солнцем улицах уже не было так безжизненно и пустынно, как вчера вечером. То тут, то там мелькали за окном фигуры прохожих. Проехал извозчик. Пробежал босоногий мальчишка с керосиновым бидоном в руке. Где-то недалеко, в соседнем квартале, бамкал одинокий церковный колокол. На балкончике над магазином "Сиу" пожилая женщина в пестром капоте вытряхивала зеленый бобриковый ковер...

По мостовой, со стороны бульвара, нестройно прошла большая группа военных и штатских с винтовками за плечами. В последнем ряду с грозным видом шагали - тоже с ружьями на плечах - два гимназиста, один - высокий, с пробивающимися усиками, а другой - совсем маленький, лет тринадцати.

- Мама, смотри, смешной какой! - сказал Ленька, пробуя выдавить из себя презрительную усмешку. Но усмешка не получилась. Он почувствовал, что смертельно завидует этим вооруженным серошинельникам.

- Не зевай по сторонам, кушай яичницу, - окончательно убивая его, сказала Александра Сергеевна.

В ресторане стоял веселый гул, звенела посуда, слышался смех. То и дело хлопала дверь, появлялись новые посетители.

- Пожалуйста, пожалуйста, господа, милости просим, - кланялся и улыбался за буфетом хозяин. - Вон столик свободный... Никанор Саввич, пошевелись, - окликал он пробежавшего мимо старичка официанта.

Он весь сиял, этот седобородый добряк Поярков. Ленька смотрел на него, и ему казалось, что за ночь хозяин гостиницы еще больше пополнил, зарумянился, расцвел.

- Господа, слышали новость? - обращался он к сидящим за ближайшим от буфета столиком. - Городская управа с утра начала работать!

- Что вы говорите! Настоящая управа?
- Самая настоящая. Словечко-то какое приятное, а?
- Да, звучит весьма ласкательно.
- И кто же вошел в нее?
- Черепанов фамилию слышали?
- Помещик?
- Он самый.
- Помилуйте, но это ж черносотенец, известный монархист.
- А вас что - не устраивает?
- Меня-то, пожалуй, устраивает, но ведь... вы понимаете...
- Еще бы не понимать. Все понимаю, уважаемый. Учтено. Там на все вкусы, так сказать, блюда приготовлены. И меньшевики имеются и кадеты... Эсерам даже - и тем местечко нашлось.

- А от рабочих?
- Ну, нет, это уж - ах, оставьте! Довольно. Побаловались.
- Послушайте, но ведь это же неумно.
- Ничего. Играть-то ведь нам уже не с кем. Все кончено.
- Как же кончено? На окраинах, говорят, и до сих пор постреливают.
- Э, бросьте. Какая там стрельба! Так просто - мальчишки-гимназисты небось балуются...

Хлопнула дверь. Хозяин повернул голову, оживился, поправил на шее полотняный воротничок, приветливо закланялся.

- Пожалуйста, пожалуйста, молодой человек... Заходите, милости просим...
- Мама, смотри, кто пришел, - сказал Ленька.
- Не показывай пальцем, - тихо ответила Александра Сергеевна.

У буфетной стойки стоял и что-то спрашивал у хозяина вчерашний белокурый парень в клетчатом полупальто. За ночь он похудел, осунулся, небритые щеки его покраснели.

- Найдется коробочка, - весело отвечал хозяин, деликатно и с аппетитом выкладывая на прилавок коробок спичек. - Вот, сделайте милость... "Дунаевские"... С мирного времени еще...

Молодой человек закурил папиросу, жадно затянулся и полез в карман за кошельком:

- Сколько?

Хозяин с улыбкой закинул за спину руки.

- Нет-с. Извините. Как сказано было. Условие-с.

- Какое условие?..

- А такое, что всё бесплатно.

- Почему?

- Ради праздника.

- Какого праздника? Ах да, - воскресенье?

- Эх вы! Юноша! Воскресенье!.. Праздник победы - вот какой!.. А вы, простите, я забыл, из какого номера? Память у меня что-то на радостях отшибло...

- Да я не из номера. Я так - с улицы зашел.

- Разве? Не останавливались у нас? Личность-то ваша мне как будто знакома... Ну, все равно. Будьте гостем. Позавтракать, чайку выпить не желаете?

- Позавтракать? А что ж, спасибо...

Молодой человек поискал глазами свободного места. Взгляд его остановился на столике, где сидели Александра Сергеевна и Ленька. Радостная улыбка шевельнула его губы. Несколько секунд он колебался, потом подошел, поклонился и сказал:

- Здравствуйте. Как поживаете?

- Благодарю вас, - ответила Александра Сергеевна. - Все более или менее благополучно. А как ваши дела?

Молодой человек покосился на соседний столик.

- Да так. Пока что похвастаться не могу. Паршиво.

- Пробовали что-нибудь предпринять?

- Пять раз пробовал.

- Были в городе?

- Был. И вчера вечером и сегодня... Ничего не вышло.

В это время опять распахнулась дверь, и в ресторан вошла с улицы группа вооруженных людей. Среди них был и молодой Поярков. Ленька не сразу узнал его. От вчерашнего щегольского вида подпоручика ничего не осталось. Фуражка с трехцветной кокардой была смята и сидела слегка набекрень. Сапоги запыхнулись. Верхняя пуговица френча была расстегнута. Спутники его были не все военные, но все с оружием. У очень высокого и очень бледного студента-демидовца на поясе висело несколько гранат. Два штатских бородача (в одном из них Ленька с удивлением узнал вчерашнего соседа по подвалу) были вооружены охотничьими ружьями.

- Не стойте здесь, у всех на виду, - сказала Александра Сергеевна белокурому. Тот подумал, поклонился и отошел в дальний угол, где за столиком под искусственной пальмой старичок в золотом пенсне читал газету.

- Мама, - сказал Ленька. - А кто он такой?

- Я не знаю, кто он такой, - ответила Александра Сергеевна. - Но было бы лучше, если бы он ушел отсюда совсем.

- Куда же ему идти? Ведь дядя его уехал!

- Какой дядя?

- Ты же сама говорила...

- Ах, оставь, пожалуйста! Никакого дяди у него нет.

- Как нет? И в Америке?

- Послушай, Леша. Ты уже не маленький. Пора бы тебе разбираться в некоторых вещах. Вошедшие военные тем временем сгрудились у буфетной стойки.

- Пить, пить... Умираем от жажды, отец, - говорил молодой Поярков, снимая фуражку и вытирая рукавом вспотевший лоб.

- Сейчас, Николашенька, сейчас, - суетился хозяин. - Чем угощать-то вас, защитнички вы наши?.. Крюшончика... лимонада... кваску? Да что же вы стоите, господа, вы присаживайтесь, пожалуйста!

- Некогда, папа, - буквально на двадцать минут отлучились.

Хлопали пробки. Шумно шипел в стаканах лимонад. Люди жадно тянулись к стаканам, опрокидывали их залпом. Их окружили, расспрашивали:

- Ну, что? Как?

- Отлично, отлично, господа, - говорил молодой Поярков, с трудом отрываясь от стакана.

- Но все-таки, по-видимому, еще идут бои?

- Какие там бои!.. Остатки добиваем.

- Но ведь и вчера говорили, что остатки.

- Рабочие Корзинкинской фабрики обороняются, - картавя, говорит студент-демидовец.

- Как рабочие? Значит, рабочие не поддерживают восстания?

- А вы что думали?.. Наивная душа!..

- Какие там рабочие! - сердито бормочет бородач. - Коммунисты, главари сражаются. А рабочий люд - он за порядок, за учредилровку, за старую власть.

- Ладно, папаша, - смеется молодой Поярков. - Публика тут все своя. Нечего, как говорится, пушку заливать...

- Позвольте! Это почему же вы так выражаетесь: "пушку"?

- Скажите, а Тверицы освобождены?

- Простите... господин подпоручик, - а правда, что американцы и англичане высадились в Мурманске?

- Господа... Не мешайте людям пить. Люди, можно сказать, кровь проливают, а вы...

Александра Сергеевна отставила стакан, машинально расстегнула сумочку, но, вспомнив, что платить за завтрак не надо, защелкнула ее, подумала и сказала:

- Ну, что ж, пойдем, мальчик?

- Куда?

- Попробуем устроиться в номере.

Они не успели отойти от столика, как за окном на улице послышался какой-то шум. Леньке показалось, что застучал пулемет. Но, оглянувшись, он увидел, что ошибся. По площади, со стороны бульвара, на полной скорости мчался мотоциклет. Лихо обогнув площадь, он круто развернулся, с грохотом вкатился на тротуар и остановился перед тем самым окном, у которого только что сидел Ленька. Крепкий запах бензина приятно ударил в нос. Не слезая с седла, человек в кожаном шлеме облокотился на подоконник, поднял на лоб очки, заглянул в ресторан и с одышкой, как будто мчался он сам, а не мотоциклет, произнес:

- Господа! Ура! Могу сообщить радостную новость. Только что получено сообщение... что частями Добровольческой армии... взята Москва!

Люди ахнули.

- Ура-а! - подскочил за прилавком хозяин.

Все, кто сидел, быстро поднялись.

"Уррра-а-а!" - загремело под сводами гостиницы.

Ленька взглянул на мать. Александра Сергеевна молчала. Лицо у нее было такое испуганное, столько тревоги и страха было в ее глазах, что мальчик и сам испугался. Он проследил за ее взглядом. Она смотрела попеременно то в угол, то на буфетную стойку.

В углу, у зеленой кадучки с пальмой сидел, опираясь на стол, молодой человек в клетчатой куртке. Он молчал, глаза его были опущены, губы плотно и брезгливо сжаты.

А у буфетной стойки, поглядывая на него, переговаривались о чем-то Поярков-отец, Поярков-сын и бородач-доброволец из подвала. Нетрудно было догадаться, о чем они говорят.

Но молодой человек так и не узнал об опасности, которая ему грозила.

Ленька не помнит, как и в какую секунду это произошло.

Что-то вдруг ухнуло, дрогнуло. Что-то оглушительно затрещало и зазвенело у него под ногами и над головой. Облако дыма или пыли на минуту закрыло от него солнечный свет.

Люди бежали, падали, опрокидывали стулья.

Еще один удар. Посыпались хрустальные подвески люстры.

Косяки входной двери надсадно трещали. Сыпались остатки матовых стекол с витиеватой надписью "Restaurant d'Europe".

Люди выдавливались в вестибюль гостиницы, и в этом диком людском водовороте покачивалось, вертелось, взмахивало когтистыми лапами неизвестно откуда взявшееся чучело бурого медведя.

Кто-то визжал, кто-то плакал, кто-то спрашивал в суматохе:

- Что? Что случилось? В чем дело?

И знакомый противный голос вразумительно объяснял:

- Да неужто ж вы не понимаете, господа! Красные!.. Красные начали обстрел!

- Какие красные? Откуда же красные?

Выбегая вместе с матерью из ресторана на лестницу, Ленька выглянул в окно. В это время что-то, курлыкая, просвистело в воздухе, что-то грохнуло, и на его глазах от высокого углового дома на площади отвалился и рассыпался, как песочный, целый угол вместе с окошками, с куском водосточной трубы и с балкончиком, на перилах которого висел зеленый бобриковый ковер.

ГЛАВА VI

И с тех пор уже ни на одну минуту не утихала эта страшная гроза. И днем, и ночью, и

под землей, и на земле, и в воздухе - гремело, рушилось, свистело, шипело, взвизгивало, трещало, стонало, ухало...

План мятежа, поднятого эсерами и белогвардейскими офицерами, был разработан заблаговременно, тщательно и осуществлен с быстротой молниеносной. На первых порах мятежникам действительно везло. В первый же день рано утром им удалось с налета захватить артиллерийский склад, банк, телеграф и все центральные советские учреждения города. Гарнизон Ярославля, состоявший из трех пехотных полков и оставшийся до конца верным рабоче-крестьянскому правительству, был расквартирован, как это всегда бывает, по окраинным районам города. Военный комиссар Ярославского округа, как и многие другие партийные и советские работники, был зверски убит мятежниками. Восстание застало врасплох командиров отрезанных одна от другой красноармейских частей. Артиллерии у них не было. Связи тоже. Все это было очень на руку мятежникам. Небольшая кучка эсеровских авантюристов, возглавлявшаяся царским полковником Перхуровым, очень быстро, буквально в течение нескольких часов, превратилась в значительную и даже грозную силу. К повстанцам примыкали слетевшиеся в Ярославль еще задолго до мятежа бывшие царские офицеры, притаившиеся эсеры и меньшевики, студенты местного лицея, гимназисты и всякий темный сброд, падкий на деньги, которыми Перхуров щедро оплачивал своих "добровольцев".

Перевес в военных силах был поначалу на стороне мятежников. Но на стороне красных была сила, не менее грозная. На их стороне был народ. В первый же день, как только весть о восстании долетела до заводских окраин города, рабочим ярославских фабрик было роздано оружие, и вчерашние слесари, фрезеровщики, обувщики, железнодорожные машинисты, мыловары, кожевники, ткачи и табачники вышли на улицу и бок о бок с красноармейцами храбро отражали натиск повстанцев.

Эти первые рукопашные, баррикадные стычки помешали распространению мятежа за пределы города.

И все-таки опасность была очень велика.

Не перхуровцы были опасны и не гимназисты, которые шли на смерть во имя "белой идеи". За спиной перхуровцев стояли капиталистические государства Америка, Англия, Франция и другие. На их стороне была значительная часть крестьянства. Географическое положение Ярославля, его близость к Москве и к Петрограду, его ключевое, как говорят военные, положение на стратегических коммуникациях - во много раз усиливали опасность.

Руководители молодого Советского государства понимали это. Несмотря на трудность момента, на тяжелое положение на других фронтах, к Ярославлю были срочно брошены воинские подкрепления, авиация и артиллерия.

При этом дано было указание - щадить город.

Советское командование сделало попытку освободить Ярославль путем прямых атак. Но положение мятежников, засевших, как в крепости, в центральной части города, и большое количество пулеметов, которыми они располагали, превращали эти атаки в бесполезное кровопролитие.

Перхуровцам предложили сложить оружие. Они отказались.

И тогда - на второй день мятежа - заговорили советские пушки.

Уже первыми залпами шестидюймовых орудий были разбиты и выведены из строя электростанция, телефон и водопровод.

В городе начались пожары.

Гостиница "Европа", находившаяся в самом центре осажденного города, в непосредственной близости от перхуровского штаба, невольно оказалась одной из мишеней обстрела.

В первый же день из гостиницы бежали все, кто имел для этого хоть какую-нибудь возможность. Остались лишь те, кому бежать было некуда. Среди этих немногих оказались и Александра Сергеевна с Ленькой. Три дня они просидели в подвале, где кроме них оставалось еще десять-двенадцать человек, главным образом женщин и стариков. Всех

мужчин, способных носить оружие, к этому времени перхуровцы насильно призвали в свою "добровольческую" армию.

В подвале круглые сутки было темно. Выгорели не только все свечи, но и спички. Кончались последние крохи еды.

По вечерам, когда Леньке приходилось ощупью пробираться в помещение с двумя нолями на дверке, он видел в лестничном окне страшное багровое зарево. Окно было похоже на открытую дверцу огромной печки.

На четвертый день утром Александра Сергеевна, покормив Леньку остатками нянькиных колобков и куличиков и высыпав себе в рот мелкую сухарную крошку, оставшуюся в просаленной бумаге, заявила, что пойдет наверх - выяснить, нельзя ли раздобыть чего-нибудь съестного.

- Сиди, пожалуйста, смирно, - сказала она. - Я скоро.

- Нет, - твердо сказал Ленька. - И я с тобой.

Она поняла, вероятно, что он одну ее не отпустит, подумала и со вздохом согласилась:

- Ну, что ж. На все воля божья. Идем...

Первое, что поразило Леньку, когда он очутился в длинном гостиничном коридоре, - это свет. В коридоре не было окон, электричество не горело, и все-таки после подвала здесь было почти ослепительно светло. Освоившись с этим отраженным, неизвестно откуда взявшимся светом, Ленька увидел, что в коридоре живут. То здесь, то там стояли у стены кровати, некоторые были завешаны пологам; люди сидели и лежали на чемоданах, узлах и корзинах, читали, чинили белье, играли в карты, что-то жевали и пили из жестяных кружек.

Коридор стал похож на вокзал или на цыганский табор.

Александра Сергеевна разговорилась с какой-то немолодой, очень строгой на вид, грузной женщиной в круглых очках. Женщина оказалась сельской учительницей из уезда. Перед самым восстанием она приехала в Ярославль на какую-то педагогическую конференцию и застряла в гостинице. Все первые дни мятежа она провела у себя в номере. Накануне, когда она ходила за кипятком в ресторан, в номер ее попал снаряд. Пришлось перебраться в коридор.

- И вам не страшно здесь? - удивилась Александра Сергеевна.

- Да ведь не страшнее, сударушка, чем другим, - ответила учительница. А я, вы знаете, что делаю, матушка? Я, когда уж очень сильно пулять начинают, зонтиком закрываюсь.

И учительница с улыбкой показала на большой черный зонт, который лежал у нее в изножии кровати.

Эта суровая на вид женщина оказалась не только бодрой и бесстрашной, но и доброй. Она угостила Леньку и Александру Сергеевну ржаными сухарями, чаем и зеленым луком, который она купила на рынке в воскресенье, когда еще не так опасно было ходить по городу.

- Я и вчера вылазку делала, - сказала она улыбаясь. - Но это уж я так, по бабьей глупости. Никакие рынки и магазины в городе, конечно, не торгуют.

- Но, скажите, что же будет дальше? - спросила Александра Сергеевна.

- А что же может быть? Будет то, что этих негодяев переловят и поставят к стенке. А вот что будет с городом? Вы слышите, что делается?

За стеной стоял грозный однообразный гул, настолько однообразный, что он не замечался, не резал уха, не мешал слушать и говорить, как не мешает слушать и говорить стук мельницы или паровой машины.

- Значит, вы думаете, что красные возьмут город? - сказала Александра Сергеевна.

- А вы что, - сомневались, матушка? - усмехнулась старуха.

- И Москву тоже, значит, возьмут? - вмешался в разговор Ленька. Учительница строго посмотрела на него из-под очков и сказала:

- Это кто же, по-твоему, должен ее взять?

- Красные.

- Зачем же им, скажи, брать ее, если они и отдавать ее не собирались?

- Как? Ведь говорили...

- Говорили? Мало ли что говорят...

Опять это "мало ли что говорят"!..

"Значит, опять наврали?" - сердито подумал Ленька.

В тот же день Александра Сергеевна и Ленька перебрались из подвала в коридор. Устроились рядом с учительницей, имени которой Ленька никак не мог запомнить: звали ее Нонна Иеронимовна Тиросидонская. Из соседнего номера выкатили большую двуспальную кровать, где-то в другом этаже раздобыли подушки. В номерах гулял ветер, пахло дымом. И хотя подходить к окнам мать строго-настрого запретила Леньке, он успел все-таки увидеть темное, задымленное небо, разбитый угол дома и повисшую на каменном выступе детскую кроватку с блестящими никелированными шишечками.

Чай пили в ресторане. Теперь там даже днем царил полумрак, окна были заложены мешками с песком, только в одном окне наверху была оставлена узкая щель, в которую, как в тюремное окошко, скупо проникал уличный свет. Не было уже ни белых скатертей на столах, ни суетящихся официантов, ни хозяина за буфетной стойкой. Какой-то замухрыжистый старичок в грязном фартуке разносил по столам жиденький чай в стаканах без блюдец и ложек. И все-таки в ресторане было всегда полно. За стенами бушевала гроза, а за столиками пили, ели, разговаривали, шутили, смеялись, спорили...

Иногда появлялся в ресторане старик Поярков. С деланной улыбкой, больше чем обычно выпячивая живот, позвякивая связкой ключей, проходил он мимо пустой буфетной стойки, смахивал с прилавка бумажку, ставил на место стул, поправлял клеенку на столе.

- Ну, как? Что нового? - спрашивали у него.

- Отлично, отлично, - говорил он, потирая осунувшуюся щеку.

Однажды он подошел к столику, за которым сидели Александра Сергеевна и Ленька.

- Ну что, как, чиж паленый? - сказал он, потрепав Леньку за ухо. Страшновато небось?

- Нет, - ответил Ленька. - Мы пгивыкли.

- Вон как! Быстро вы...

- Мы из Петрограда, - с улыбкой объяснила Александра Сергеевна.

- Вон что? Значит, воробьи стреляные?..

Хозяин постоял, поиграл ключами и хотел уже идти, но вдруг повернулся к Александре Сергеевне и сказал:

- Да, кстати, сударыня... я хотел спросить... Вы тут на днях разговаривали с молодым человеком...

- С каким молодым человеком?

- А такой... блондин... высокий... в курточке вроде как у жирафа...

Ленька взглянул на мать и увидел, как изменилось, стало напряженным, суровым и холодным ее лицо.

- Ах, я понимаю, о ком вы спрашиваете, - спокойно сказала она. Действительно, оказалось, что мы с ним старые знакомые - еще по Петрограду. Это двоюродный брат одной моей гимназической подруги - Мальцевой. Вероятно, вы знаете - известный фабрикант Мальцев.

- Ну как же!.. Хрусталь и посуда.

- Вот, вот... А почему, собственно, вы интересуетесь им?

- Да так просто. Личность показалась знакомой. А где же он тут проживает?

- Если не ошибаюсь, он живет у своего дяди, где-то на Казанском бульваре.

- А дядю его вы тоже знаете?

- Нет, дядю не знаю.

- Так. Ну, извините... Не темно вам тут, у этой баррикады?

- Нет, благодарю вас, ничего...

Хозяин поклонился и отошел к буфету. Ленька еще раз посмотрел на мать. Она сидела все с тем же, незнакомым ему, суровым и напряженным лицом. Он ничего не сказал ей и ни о чем не спросил.

...В листовках и воззваниях, которые ежедневно выпускали мятежники, они сулили

населению горы всякой благодати, сытую жизнь, вольную торговлю... На самом же деле они не смогли даже наладить снабжение обывателей продовольствием из тех запасов, которые в городе имелись. В Ярославле начинался голод.

Уже который день по-настоящему голодали и Александра Сергеевна с Ленькой. Тиросидонская, чем могла, делилась с ними, но ведь и у нее были не бог весть какие запасы. Горсточка сухарей, которую, краснея, брала у нее Александра Сергеевна, хватало лишь на то, чтобы, посасывая их вместо сахара, выпить два-три стакана чая. Но скоро и чаем стало нельзя напиваться вволю. В городе не стало воды.

Однажды утром Ленька проснулся и обнаружил, что матери возле него нет. Не было на месте и Нонны Иеронимовны. Он подремал еще полчаса или час, очнулся - их все не было. Забеспокоившись, он быстро оделся и пошел узнавать у соседей: не видел ли кто-нибудь его матери и старухи в круглых очках? Нет, никто не заметил, когда и куда они ушли...

Женщины вернулись часа через полтора, когда Ленька уже весь истомился страхами. Он и обрадовался и огорчился одновременно, когда увидел, что мать и учительница смеются и громко разговаривают.

- Мама! - накинулся он на нее. - Ты где была? Куда вы ходили?

- В город, мой дорогой, в город мы ходили.

- Под обстрелом?!

- Ничего не поделаешь, милый. Жизнь такова, что приходится быть храброй.

- Но почему же ты мне ничего не сказала, не разбудила?

- Прости, детка. Я знала, что ты обязательно привяжешься... Зато смотри, с какими мы вернулись трофеями!..

Трофеи действительно были богатые: фунтов пять колотого сахара и огромное количество настоящего цейлонского кофе. Этими светло-зелеными, защитного цвета зернышками были доверху набиты и сумки, и ридикюли, и карманы обеих женщин.

- Вы где это купили? - удивился Ленька.

Женщины переглянулись и рассмеялись.

- Совсем недалеко, мой дорогой. В магазине "Сиу и компания", напротив... Ходили чуть ли не по всему городу, два раза чуть под пули не угодили, а оказалось, что "счастье так близко, так возможно"...

- А разве магазин торгует?

- Нет, разумеется.

- Значит, вы что, просто так взяли?

- Короче говоря, ты хочешь сказать, что твоя мать - магазинная воровка? Нет, золотко. Взять "просто так" нам не позволила совесть. Мы положили с Нонной Иеронимовной в кассу по двадцать пять рублей...

В тот же день кофе изжарили, смололи и собирались варить. Но, чтобы сварить его, требовалась вода, а воды не было.

Обычно воду для питья приносил за небольшую плату рыженький веснушчатый мальчик, сын гостиничного швейцара. Имени мальчика никто в гостинице не знал, звали его просто Рыжик или Водонос. Несколько раз в день, под обстрелом, с опасностью для жизни, бегал этот храбрый паренек на Волгу или на Которосль, возвращаясь оттуда с двумя полными ведрами.

Александра Сергеевна дала Леньке денег, поручила ему найти Рыжика и купить у него воды. Ленька взял большой стеклянный кувшин и отправился искать Рыжика.

На дверях швейцарской, где жил со своим родителем маленький водонос, висел замок. Не оказалось Рыжика и на кухне. Продолжая поиски, Ленька вышел во двор. Рыжика и там не было. И тут Леньку осенила мысль, которой он сначала и сам испугался.

"А что, если сходить за водой самому?" - подумал он. Ворота на улицу были открыты. Дул ветер, пахло дымом, где-то очень близко гремели орудийные разрывы. Было и соблазнительно и страшновато, - ведь все-таки и дороги он не знает, и у матери не спросился.

"Э, ладно, - сказал он себе. - Если старые женщины, такие как Нонна Иеронимовна, ходят, то почему же я не могу? Они с мамой тоже ушли - ничего мне не сказали".

И ноги сами собой вынесли Леньку в переулок.

Здесь еще ядовитее пахло пожаром. В конце улицы горел многоэтажный дом, - в черном столбе дыма неторопливо, лениво, то исчезая, то появляясь вновь, бежали к небу огромные тусклые языки рыжеватого пламени. Мостовая на всем протяжении улицы была засыпана кирпичом, щебнем, битым стеклом. Куда ни глянешь, - мертво и пусто. Мертвые стоят дома с выбитыми стеклами, с осыпавшейся штукатуркой, с дырами в стенах. Кажется, что и в домах никого не осталось. Но вот в одном из окон второго этажа раздвинулась тюлевая занавеска, и оттуда осторожно выглянуло испуганное лицо пожилой женщины.

Размахивая кувшином, Ленька перебежал улицу.

- Мадам... простите, - закричал он, - вы не знаете, где тут Волга?

Старуха ошарашенно посмотрела на него, выставилась из окна и спросила:

- Чего тебе?

- Я говорю, где Волга находится, вы не знаете?

- Иди... иди... убьют, - прошамкала старуха и отпрянула, пропала за своей занавеской.

"Куда же идти?" - задумался мальчик.

У подъезда поблескивала медная дощечка:

ЗУБНОЙ ВРАЧЬ

"Загадаю, - решил Ленька. - Если в словах "зубной врач" количество букв четное, - пойду направо, если нечетное - налево".

Этим несложным способом решения трудных жизненных вопросов он пользовался давно, с тех пор как научился читать.

Сейчас его судьбу решил твердый знак, буква, которую при желании можно было и не брать в расчет, так как к этому времени ни твердого знака, ни ятя, ни фиты, ни ижицы уже не существовало в русском алфавите.

Ленька пошел налево и почти сразу же очутился на площади перед театром. Проходя мимо этого большого, похожего на Мариинский театр, здания, он с удивлением остановился. Ему показалось, что за стенами театра поют. Он хотел подойти ближе, но в это время из-за угла театра неторопливой походкой вышел человек в военной форме с винтовкой на плече и с белой повязкой на рукаве.

- Эй, ты! Шпингалет! Куда? - закричал он и, скинув с плеча ружье, быстро пошел по направлению к Леньке.

Мальчик на минуту застыл, но, увидев поближе свирепое лицо часового, сорвался с места и сломя голову побежал в переулок. Не успел он пробежать и двадцати шагов, как услышал у себя над головой противный курлыкающий звук, и тотчас где-то впереди, на противоположной стороне улицы, поднялся к небу высокий и густой фонтан дыма, раздался оглушительный грохот, что-то посыпалось, повалился на мостовую фонарь...

Ленька с перепугу не сообразил, что на улице разорвался снаряд; ему показалось, что стреляют именно в него, поэтому он кинулся не назад, а вперед, проскочил мимо зияющей и дымящейся воронки, свернул за угол, пробежал по какой-то куче хрустящего и скрипящего стекла, еще раз куда-то свернул, выбежал на бульвар; и тут почти в упор его окликнули:

- Стой!

...Потом, вспоминая, он не раз удивлялся, как это он не уронил тогда своего стеклянного кувшина. Отшатнувшись, он увидел наставленный на него блестящий винтовочный штык, высокого бородатого офицера в пенсне, еще каких-то вооруженных военных, а за ними - толпу оборванных, худых, закоптелых и небритых людей. Испуганно разглядывая их, Ленька не сразу расслышал, как офицер в пенсне спросил у него:

- Куда и откуда?

- Что? - не понял Ленька.

- Я спрашиваю: как попал сюда? Кто такой?

- Я... я за водой ходил...

- Куда за водой?

- На Волгу.

- А где живешь?

- В гостинице... в "Европе"... на Власьевской улице... с мамой...

- Вот как? Живешь с мамой в "Европе" на Власьевской улице, ходил на Волгу за водой, а бежишь от Волги с пустым кувшином? Обыскать! - приказал офицер.

Коченея от ужаса, Ленька почувствовал, как в карманы его штанов залезли чужие руки. Эти же руки похлопали его по спине, по животу, под мышками.

- Оружия нет, господин поручик. Десять рублей советских денег и носовой платок.

- Не имеет значения. Взять!..

- А ну! - сказал человек, который обыскивал Леньку, и толкнул мальчика в плечо.

- Куда? Зачем? - закричал Ленька.

Его еще раз толкнули - на этот раз прикладом. Он споткнулся, опять чуть не выронил кувшина и громко заплакал.

- А, дьяволы, что делают! - сказал кто-то в толпе арестованных. Ребенка и того не жалеют...

- Беги, парень, чего смотришь, - басом сказал кто-то другой. Из-за спины офицера, усмехаясь, смотрел на Леньку молодой человек в промасленной, как у паровозного машиниста, куртке. "Беги", - еще раз сказал он ему глазами. И было в этом взгляде что-то такое, что заставило Леньку послушаться. Он отскочил в сторону, пригнулся и с быстротой, с какой никогда в жизни не бегал, помчался вниз по бульвару.

- Сто-о-ой! - заверещало у него за спиной, и в то же мгновение мальчик услышал, как над головой у него засвистело, что-то сильно ударило его в левую руку, что-то зазвенело, рассыпалось... Он кинулся направо, заметил в ограде бульвара чугунную вертушку турникета, ударился о нее животом, упал на песчаную дорожку, вскочил, захромал, на ходу потер колена, побежал наискось, удачно проскочил через второй турникет, пересек мостовую, свернул в переулок и, увидев распахнутую настежь магазинную дверь, скатился по ступенькам вниз и задыхаясь упал на какой-то ящик или бочонок.

Только тут он обнаружил, что левая рука его все еще сжимает стеклянную дужку от кувшина. Самого кувшина не было.

...Он не сразу сообразил, что это значит. Куда девался кувшин? Где и когда он разбился? И вдруг вспомнил, как сильно трянуло давеча его руку, и понял: в кувшин попала пуля. И не какая-нибудь, не шальная, а та самая пуля, которая метила не в кувшин, а в его собственную голову или спину.

Ленькина спина с опозданием дрогнула и похолодела. Но тут же он почувствовал и что-то похожее на гордость: в самом деле, ведь не всякому мальчику и не каждый день приходится попадать под ружейный огонь! И все-таки минут пять Ленька сидел в прохладной темноте магазина, не решаясь не только выйти на улицу, но и сделать лишнее движение...

Наконец, когда сердце его слегка успокоилось, а глаза освоились с полумраком, он встал, прошелся по магазину и огляделся.

Это был какой-то не совсем обыкновенный магазин. Торговали здесь странными вещами. На полу и на полках стояли и лежали новенькие блестящие плуги, сепараторы, пчелиные ульи, дымари, сетки, веялки, грабли, подойники... Одна из полок была сплошь завалена книгами и брошюрами. По соседству висели хомуты, вожжи и чересседельники. На другой полке лежали, сложенные пирамидкой, запечатанные пакеты и коробки с загадочными названиями: "суперфосфат", "каинит", "томас-шлак"... Тут же стояли, выстроившись в ряд, узенькие плоские бидончики с очень яркими этикетками. На одной из этих цветастых бумажек Ленька прочел: "Бордосская жидкость".

"Что это за жидкость такая?" - без особого интереса подумал он. И вдруг ясно представилось ему: солнечный летний день, огород на чельцовских задворках, синевато-зеленые кустики помидоров и большая смуглая нога, стоящая на заступе...

Да, теперь он не сомневался, - это была та самая бордосская жидкость, помидорное лекарство, о котором так мечтал и в котором так нуждался Василий Федорович Кривцов.

Мальчик стянул с полки самый большой бидончик. Он оказался довольно тяжелым - фунтов на пять весом.

"Ничего, как-нибудь дотащу, доведу", - подумал Ленька, и почему-то ему сразу стало уютнее и веселее в этом холодном, заброшенном магазине.

Теперь, когда был сделан первый шаг, мальчик осмелел и более решительно продолжал свои изыскания. Очутившись за прилавком и выдвинув один из ящиков, которые тянулись вдоль всей задней стены магазина, он обнаружил, что ящик полон каких-то мелких зеленовато-коричневых семечек. Наклонившись, он понюхал их. Пахли они довольно вкусно. Оставалось раскусить одно семечко и убедиться, что семечко хоть и горьковато на вкус, а все-таки вполне съедобно. Уже набив полные карманы этим не известным ему даже по названию продуктом и сунув под мышку жестянку с бордосской жидкостью, Ленька вдруг спохватился и сообразил, что взял эти вещи бесплатно, то есть, попросту говоря, украл. Вспомнив, как поступили в подобном случае мать и Нонна Иеронимовна, он порывлся в набитом семечками кармане, с трудом извлек оттуда измятую десятирублевку и, не найдя в магазине кассы, положил бумажку на прилавок, придавив ее для верности маленькой полуфунтовой гирей.

...Идти без кувшина за водой не имело смысла. Надо было спешить домой. Смутно предчувствуя, какие трудности ожидают его на этом пути, Ленька не стал медлить и выбрался из магазина на улицу. Что это была за улица, он не имел представления, даже не помнил, с какой стороны выбежал на нее. Оставалось или идти наугад, или прибегнуть к знакомому средству: испытывать судьбу. Над дверью магазина, из которого он только что вышел, висела темно-синяя вывеска:

**ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
"СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИН"**

"Если в слове "общество" чет, - пойду направо, если нечет, - налево", загадал Ленька.

На этот раз ему приказано было идти направо. Но уже на первом перекрестке нужно было снова спрашивать судьбу: куда сворачивать? Вывесок поблизости не было, пришлось свернуть, куда глаза глядели.

Минут десять Ленька блуждал по пустынным улицам и переулкам, обходил развалины домов, натыкался на вывороченные с корнем деревья, на телеграфные столбы, на искореженные листы кровельного железа...

Один раз он увидел в конце улицы людей. От радости он чуть не закричал, побежал и вдруг заметил, что на плечах у людей сверкают погоны. Два офицера, согнувшись, как бурлаки, тащили на лямках тяжелый пулемет. На Ленькино счастье, они не заметили его, свернули за угол, а Ленька постоял, вздохнул и пошел дальше.

Через несколько минут он увидел вещи еще более страшные. Он набрел на настоящую уличную баррикаду.

У полуразрушенного кирпичного здания, где совсем недавно работала какая-нибудь маленькая фабрика или мастерская, переулок от одного тротуара до другого был завален дровами, рельсами, железными бочками... Здесь же лежал, опрокинутый набок, фэтон с лакированными оглоблями, на фэтоне стояла никелированная кровать, на кровати возвышалась целая гора матрацев. То тут, то там торчали из этого сложного сооружения и другие предметы, которые очень странно было видеть на улице: кухонный стол, этажерка, конторское бюро, цинковое корыто, десятичные весы...

В одном месте стена баррикады была разворочена, похоже, что сюда стреляли прямой наводкой из пушки.

Вокруг никого не было. Грохот артиллерийской канонады доносился издалека. Набравшись храбрости, Ленька приблизился к баррикаде, заглянул в пролом и застыл от ужаса.

На мостовой лежали - кто на спине, кто боком, кто скорчившись - мертвые люди. Один

из них, в полосатой матросской тельняшке, широко раскинув ноги, сидел на тротуаре, привалившись затылком к кирпичной стене фабрики. На лбу и на щеке его застыл ручеек крови, остановившиеся глаза смотрели куда-то вверх, туда, где над Ленкиной головой на телефонных проводах чирикали воробьи. А над кучерявой головой матроса чуть заметно белела нескладная, наполовину стертая надпись, выведенная наискось по стене куском штукатурки:

Перхуровцы гады ваша песенка спета

Да здравств...

Под ногами у Ленки валялись ружья, патроны, гильзы, пулеметные ленты. В другое время его мальчишеское сердце не устояло бы перед соблазном набить полные карманы этими драгоценностями. Но сейчас ему ничего не хотелось. "Домой, скорей домой, к маме", - думал он, убегая из этого страшного места.

На перекрестке двух улиц он налетел на телеграфные провода, которые причудливыми клубками висели в воздухе и петляли по мостовой. Мальчик упал, запутался, с трудом выбрался из железной паутины и повернул обратно.

Сжимая под мышкой потяжелевший бидончик с бордосской жидкостью, он брел наугад, сворачивал то направо, то налево, петлял, выходил на те самые улицы, где только что был... Таким образом он очутился у развалин какой-то большой церкви или монастыря. За оградой мелькали черные фигуры. Два монаха - один толстый, с пухлым белым лицом и с реденькой бородкой, другой совсем молоденький, худенький, наверно, еще не монах, а послушник, - вооруженные один ломом, а другой киркой, копошились на гряде кирпича, стекла и развороченного железа, извлекая из-под обломков здания какие-то книги в кожаных переплетах, серебряные подсвечники, чаши...

- Батюшки, - окликнул монахов Ленка, - скажите, пожалуйста, простите, - вы не знаете, где тут "Европа"?

Толстый очень сердито, а послушник - по-мальчишески весело, с любопытством посмотрели в его сторону.

- Тут, братец ты мой, Аз-зия, а не Европа, - сквозь зубы ответил толстяк.

- Нет, правда, - упавшим голосом сказал Ленка. Но монахи не ответили ему и продолжали работать. Ленка постоял, помолчал и пошел дальше.

Горло у него давно пересохло. Он умирал от жажды.

На углу улицы, на сохранившемся обломке древней монастырской стены он прочел пожелтевшее и побуревшее от кирпичной пыли извещение Добровольческого штаба:

"...имеются точные сведения о подходе к Ярославлю сильных подкреплений из регулярных войск... В уездах все больше и больше разрастается восстание крестьян, по точным сведениям, в 3-х уездах свергнули и свергают власть большевиков... По донесениям из волостей, в настоящее время к Ярославлю массами подходят крестьянские повстанцы"...

"Всё врут... гады", - сердито подумал Ленка и, оглянувшись, сорвал объявление, скомкал его и бросил.

Свернув еще раз за угол, он попал на широкую, застроенную высокими домами улицу, прошел мимо заколоченного газетного киоска и остановился перед витриной магазина. Голова у него кружилась, ноги не хотели идти. Облокотившись на поручень витрины, он тупо смотрел на большую, расколотую сверху донизу кремово-белую вазу, на которой красным и черным были изображены крохотные китайские домики с загнутыми по краям крышами, косоглазые китайки с плоскими зонтами, сидящие по-восточному длинноносые и длинноусые китайцы...

Что-то вдруг осенило мальчика.

Он быстро оглянулся и увидел на противоположной стороне улицы большой четырехэтажный дом или, вернее, то, что осталось от дома. Угловая часть его была

разрушена снарядами, в двух или трех местах по фасаду зияли огромные бреши. Над всем вторым этажом тянулась когда-то черная железная вывеска, начала и конца которой сейчас не было, сохранилось только шесть золотых букв:

ИЦА ЕВР

Ленька стоял на мостовой перед гостиницей и, задрав голову, с ужасом разглядывал эти страшные руины. Что такое? Неужели это тот самый дом, где они живут? Или, может быть, все это случилось, пока он бегал по городу?!

Дверь в ресторан была открыта. В вестибюле никого не было, только пыльный седой медведь стоял в полумраке, протягивая зачем-то черный железный подносик с кусочками штукатурки на нем.

Хватаясь руками за бархатные перила, забыв об усталости, Ленька мчался по широкой лестнице, на стенах которой бородатый Сусанин по-прежнему завлекал поляков, а наполеоновские солдаты все еще убежали из России...

В коридоре он услышал взволнованный голос матери. Она говорила кому-то:

- В длинных черных брюках... Стриженный под машинку... В руках у него был графин...

- Мама! - закричал Ленька. И сразу увидел мать, а рядом с нею - Нонну Иеронимовну и какого-то незнакомого старичка в белой панамке. Тиросидонская стояла, опираясь на зонт, и с гневом смотрела на приближающегося мальчика.

- Ха-рош! - воскликнула она.

- Ага! Нашелся? - обрадовался старичок.

- Безобразник, ты где был? - накинулась на Леньку мать.

Он ждал этого. Он знал, что его будут бранить. Но сейчас ему все равно.

- Пожалуйста, прошу вас, - говорит он, опускаясь на постель, - дайте мне пить!..

- Нет, ты все-таки изволь отвечать мне, негодный мальчишка: где ты пропадал? В конце концов это переходит всякие границы. Мы искали тебя по всему дому, перебудоражили всю гостиницу...

- Ну, где? Ну, ты же знаешь, - бормочет Ленька. - Гыжика искал.

- Какого Рыжика? Где ты его мог искать? Он давно здесь, давно принес воду... Между прочим, ты знаешь, сколько времени ты его искал?

- Дайте же пить! - умоляет Ленька.

- На, на, пей, разбойник, - говорит, появляясь откуда-то, Тиросидонская.

Ему подают большую эмалированную кружку, в которой колышется, ходит кругами черная, пахнущая свежестью вода. Зубы его стучат о железо. Горло сводит судорогой.

- Где же ты все-таки околачивался? - спрашивает учительница.

- Представьте, оказывается этот противный мальчишка полтора часа искал Рыжика!

- Искал Рыжика?!

Ленька допил воду. Голова его клонится к подушке.

- Оставьте, не мучьте меня, - говорит он, закрывая глаза. - Никого я не искал. Я ходил за водой.

- Куда??!

Ленька не видит, а скорее чувствует, как мать всплескивает руками.

- Боже мой! Нет, Нонна Иеронимовна, вы подумайте! Один! В город! На Волгу! За водой!! И с дифтеритом! У него же дифтерит!

- Ха-рош! - повторяет учительница, но на этот раз не так свирепо, пожалуй, даже с некоторым одобрением. - Ну и как? Достал?

- Нонна Иеронимовна! - хнычет Ленька. - Оставьте меня, пожалуйста. Я спать хочу.

Голова его глубже вдавливается в подушку. Ему кажется, что на минуту он засыпает. Замелькали перед глазами дома с мертвыми окнами, падающий фонарный столб, бородатый офицер в пенсне, фаэтон с поднятыми к небу оглоблями...

Но вот он чувствует, как на лоб ему легла знакомая теплая ладошка.

- Нонна Иеронимовна, милая, взгляните, пожалуйста, - слышит он встревоженный

голос матери.

- Что такое?

- Вам не кажется, что у него жар?

Другая, шершавая, не по-женски грубая рука трогает Ленькину голову.

- А ну вас!.. Полно вам, тетенька! Какой там жар! Устал безобразник, набегался, вот его и размочалило. Оставьте его, пусть поспит часок-другой.

- Пойдите, а где же кувшин? Ведь он уходил с кувшином.

"Ни за что не скажу, - думает Ленька, стискивая зубы. - Она с ума сойдет, если узнает".

- Газбился, - говорит он, уткнувшись носом в подушку.

- Та-ак, - смеется Нонна Иеронимовна. - Хорош водонос, нечего сказать!..

- А это что такое? Что это еще за банка? Нонна Иеронимовна, посмотрите.

- Оставьте, - говорит Ленька и, нащупав рукой бидончик, прижимает его к себе. - Не трогайте, пожалуйста. Это богдосская жидкость.

- Батюшки! А это что такое? Александра Сергеевна, взгляните! Что это там течет?

Ленька быстро садится и открывает глаза. Из карманов его сыплются, жиденькой струйкой текут на стеганое одеяло, а оттуда на пол зеленовато-коричневые зернышки.

- Что это такое? - с удивлением спрашивают обе женщины.

Ответить на этот вопрос не так просто.

- Это я купил, - говорит Ленька, подгребая рукой зернышки. - Это есть можно.

- Есть можно?

Тиросидонская нагнулась и внимательно разглядывает сквозь очки Ленькины трофеи.

- А ты знаешь, между прочим, что это такое? - спрашивает она.

- Нет, не знаю.

Старуха долго и густо хохочет.

- Дурачок ты, дурачок. Это же конопляное семечко!

- Ну и что ж, что конопляное?

- А то, мой друг, что добрые люди канареек этим семечком кормят!..

Оказалось, однако, что конопляное семя годится в пищу не только канарейкам. Уже вечером Ленька с аппетитом ел не очень складные, рассыпающиеся, но очень вкусные лепешки, от которых пахло халвой, постным маслом и еще чем-то, что действительно отдаленно напоминало запах птичьей клетки.

А ночью Ленька плохо спал, во сне ворочался, вскрикивал, и Александра Сергеевна, которая тоже не ложилась до рассвета, боялась, не отравился ли мальчик.

Он так и не рассказал ей о том, что он видел и что с ним случилось на ярославских улицах.

...Два дня спустя в обеденный час Александра Сергеевна и Ленька сидели в гостиничном ресторане на своем обычном месте у окна, доедали конопляные лепешки и с наслаждением потягивали стакан за стаканом сладкий, пахучий, одуряюще крепкий кофе.

В ресторане кутила компания военных. За двумя столиками, сдвинутыми вместе, застланными одной скатертью и заставленными бутылками и закусками, сидело человек десять офицеров, в том числе один подполковник и один штабс-капитан. Офицеры были уже сильно пьяны, говорили наперебой, не слушая друг друга, ссорились, хохотали, провозглашали тосты, а пожилой подполковник в расстегнутом френче, привалившись спиной к спинке стула и низко опустив голову, размахивал, как дирижерской палочкой, столовым ножом и густым бычьим голосом пел:

Ар-ружьем на солнце сверрркая,

Пад звуки л-лихих трррубачей,

На улице пыль падыма-ая,

Прахадил полк гусар-усачей

Штабс-капитан, высокий, лысеющий, большеглазый, с черными усами, несколько раз подходил к столику Александры Сергеевны.

- Вы не скучаете, сударыня? - говорил он, облачиваясь на спинку Ленькиного стула. -

Может быть, так сказать, украсите своим присутствием нашу холостяцкую компанию?

- Нет, благодарю вас, - улыбаясь, отвечала Александра Сергеевна. - Меня вполне устраивает компания, в которой я нахожусь.

- Сын? - говорил он, надавливая пальцем на Ленькин затылок.

- Да, сын.

Через минуту усатый штабс-капитан снова, покачиваясь, шел к их столику. Двумя пальцами он держал за бумажный хвостик большую пеструю конфету.

- Сын, возьми!..

- Я? - сказал Ленька.

- Да, ты.

Ленька посмотрел на мать.

- Ну, что ж, - сказала она. - Поблагодари господина офицера и...

Ленька привстал, сказал "благодарю вас" и, посмотрев на конфету, сунул ее в карман.

- Почему? - сказал офицер. - Сейчас, сию минуту изволь кушать.

- Я после, - покраснев, пробормотал Ленька.

- Оставьте его, - вступилась за Леньку мать. - Он так давно не видел конфет, что, вероятно, хочет растянуть удовольствие.

- Растянуть удовольствие? Гм... Мы тоже, вы знаете, хотели бы растянуть удовольствие... Вы разрешите? - сказал офицер, взявшись за спинку стула.

- К сожалению, мы сейчас уходим, - сказала Александра Сергеевна.

- Ах, вот...

Глаза офицера налились кровью.

- Не желаете? Гнушаетесь, так сказать, обществом боевого русского офицера?! От ворот поворот, так сказать?.. Ну, что ж...

Он щелкнул каблуками, резко повернулся и, стараясь идти прямо, а от этого еще больше качаясь, вернулся к своим сапожникам.

Несколько раз появлялся в ресторане старик Поярков. С рассеянным видом он ходил между столиков, заговаривал то с одним, то с другим, заглядывал за прилавок, выдвигал какие-то ящики... На пирующих офицеров он посматривал, как показалось Леньке, строго и даже неприязненно. Впрочем, не он один смотрел на них так. Давно уже перестали встречать добровольцев аплодисментами, ничего не осталось от того непомерного обожания, которым на первых порах окружила буржуазная публика мятежников. На каждом шагу случалось теперь Леньке слышать насмешливые и даже злобные замечания по адресу повстанцев.

- Авантюристы!.. Тоже - выдумали на свой риск начинать такое дело!

- Действительно! Герои называются!..

- Довоевались! Вандейцы!.. Наполеоны без пяти минут...

Конечно, подобные разговоры велись не открыто, а вполголоса, тишком, за спиной белогвардейцев.

И сейчас громко разговаривали и шумели только за столом офицеров. Да разве еще Ленька вел себя несколько оживленнее, чем обычно. Чувствуя от слишком крепкого кофе приятное кружение в голове и задорное щекотание в мускулах, мальчик без причины смеялся, вертелся на стуле и даже пробовал подтягивать вполголоса пьяному подполковнику, который, сползая все ниже и ниже со стула, никак не мог допеть до конца песенку про гусар-усачей...

Внезапно Ленька увидел настороженный взгляд матери и оглянулся.

В дверях стоял белокурый парень в клетчатой куртке. Он смешно жмурился и двигал бровями, - войдя с улицы, трудно было сразу освоиться с полумраком, который царил в ресторане.

Вероятно, он задержался у входа слишком долго, - на него обратили внимание. За столом офицеров стало тише.

Александра Сергеевна нервно постукивала пальцами по клеенке стола. И Ленька тоже почувствовал, как защемило, заекало у него сердце.

Когда молодой человек, вытянув, как слепой, руку, шагнул вперед, Александра Сергеевна привстала над стулом и громко окликнула его:

- Мсье Захаров!

Он с удивлением посмотрел на нее, прищурился и подошел к столику:

- Вы меня?

- Да.

- Ах, здравствуйте, - сказал он радостно. - Я не узнал. А ведь я именно вас и разыскиваю.

Улыбаясь, она протянула ему руку. Он пожал ее. С улыбкой она показала на стул:

- Садитесь.

Он сел.

- Но в чем дело? - сказал он, засмеявшись. - Почему Захаров? И почему мусью?

- Ах, не все ли равно, - проговорила она уже без улыбки и другим голосом. - Надо же мне было вас как-нибудь назвать. А вообще - сию же минуту уходите отсюда. Вы слышите?

- Почему?

- Потому что за вами следят. Вас разыскивают. О вас спрашивали.

Белокурый подумал, подымил из своего деревянного мундштучка.

- Хорошо, - сказал он. - Спасибо. Я сейчас уйду. Но я хотел вот о чем вас спросить...

- Поскорее, пожалуйста.

- У вас нет намерения бежать?

- Куда? Откуда?

- Из города.

- А разве есть возможность?

- Я только что узнал, что есть. И вполне реальная...

- Ха! Это что за шпак?! - произнес за Ленькиной спиной пьяный голос.

У столика, расставив ноги, засунув одну руку за кожаный пояс, а другую в карман галифе, стоял, покачиваясь, усатый штабс-капитан. Перекосив в злобной улыбке лицо, он с бешенством смотрел на молодого человека.

- Я спрашиваю: что это за морда? А?..

Молодой человек шумно отодвинул стул и поднялся.

- Что вам угодно? - сказал он негромко.

В эту минуту Ленька поднял голову и увидел старика Пояркова. Хозяин стоял у буфетной стойки. Брови его были высоко подняты, пальцы быстро-быстро перебирали золотую цепочку на животе.

- Мама, мама, - зашептал Ленька. Но она или не поняла его, или не расслышала.

Лицо офицера медленно зеленело.

- Что-о? - хрипел он, надвигаясь на молодого человека. - Меня? Мне? Угодно? Меня... угодно?!

Рука его, царапая ногтями сукно френча, тянулась к съехавшей на спину кобуре.

Александра Сергеевна быстро поднялась и встала между мужчинами.

- Милостивый государь, - сказала она зазвеневшим голосом. - Я прошу вас... сию же минуту... Вы слышите?

- Эй, Дорошкевич... Не бузи! - крикнули с офицерского стола.

Штабс-капитан бегло оглянулся и снял руку с кобуры. Покачиваясь на носках, он мутными, молочно-голубыми глазами смотрел на побледневшую женщину.

- Вы слышите?! - повторила она.

- Да-с. Я вас слушаю, - сказал он, покачиваясь и подпрыгивая, как в седле. - Я все оч-чень хорошо слышу. Вы, сударыня, если мне не изменяет... э... собирались уходить? А? Ах, простите! - воскликнул он. - Пардон! Я не заметил. У вас... у вас свидание!..

И он, пятась и по-шутовски раскланиваясь, стал отступать от столика.

Тем временем Поярков на цыпочках пробирался к выходу.

- Мама! Да посмотри же! - не выдержав, крикнул Ленька.

Она повернула голову, все сразу поняла и опустилась на стул.

- Ах, знаете, вы мне надоели, - громко сказала она, обращаясь к молодому человеку. - Уходите!

- Простите, - опешил тот, - я не понимаю...

- Боже мой, да что тут понимать? Я говорю вам: убирайтесь вон! Вы слышите? - шепнула она. - Бегите!..

Но было уже поздно.

Хлопнула дверь, и в ресторан шумно вошли один за другим три вооруженных человека в штатском. У одного из них, грузного, широкоплечего, в соломенном картузе, рукав был перехвачен белой повязкой. Почти тотчас в дверь боком протиснулся и старик Поярков. Он что-то шепнул человеку с повязкой, тот наклонил голову, прищурился и решительно шагнул к столику Александры Сергеевны.

Услышав за спиной шаги, молодой человек повернулся, вздрогнул и крепко, словно собираясь выжимать рукой двухпудовую гирю, сдавил спинку стула.

- Прошу извинения, - сухо сказал человек с повязкой, небрежно кидая руку под козырек соломенной фуражки. - Покажите ваши документы.

- Вы ко мне?

- Да, к вам.

- А кто вы такой?

- Имею полномочия.

- Пожалуйста, предъявите их.

Человек с повязкой вынул из кармана браунинг.

- Дайте документы, - негромко сказал он. За его спиной боком стоял и прислушивался к разговору старик Поярков.

Молодой человек подумал и сунул руку в карман.

- У меня документов нет, - сказал он.

- Выньте руку. Где же они?

- Документы? Они пропали в номере.

- В каком номере? Где вы живете?

- Я жил в другой гостинице. В гостинице "Вена". Номер девятнадцатый, если вас это так интересует. Но гостиница эта, как вы сами, вероятно, знаете, разрушена...

- Ах, вот как? Разрушена? Значит, никаких документов, удостоверяющих личность, у вас нет? А фамилия ваша?

- Фамилия моя - Захаров. Я из Петрограда... Студент... приехал к родственникам на каникулы...

Человек в соломенном картузе покосился на Пояркова.

- Нехорошо, молодой человек, - сказал тот, выступая вперед и усмехаясь. - Врете ведь вы, батенька. Фамилия-то ведь ваша не Захаров, а Лодыгин.

- Ошибаетесь, - негромко сказал молодой человек.

- Нет, сударь, не ошибаюсь. Стояли вы не в "Вене", а у нас - в сто четвертом номере. И прибыли не из Петрограда, а из города Иваново-Вознесенска... И уж если хотите знать, даже и профессия ваша и та в книге для проезжающих записана.

Съжившись, подобрав под сиденье стула окаменевшие, застывшие ноги, Ленка не мигая смотрел на этого пожилого, полного, такого добродушного на вид человека, который даже и сейчас чем-то напоминал ему его покойного деда.

Александра Сергеевна, откинувшись на спинку стула, тяжело дышала. Глаза ее были полузакрыты, ноготь мизинца резал, крестил, царапал зеленую, мокрую от пролитого кофе клеенку. Молодой человек искоса взглянул на нее, снял руку со стула и выпрямился.

- Ну что ж, - сказал он другим голосом. - Хорошо. Только давайте, уважаемые, выберем для объяснений другое место.

- Место уж мы, уважаемый, выберем сами, - сквозь зубы проговорил человек с повязкой и мотнул головой в сторону двери.

Сделав два шага, Лодыгин остановился. Леньке показалось, что он хочет что-то сказать ему или матери. Человек с повязкой сильно толкнул его браунингом в спину.

- А ну, пошел, не задерживаться! - крикнул он.

Молодой человек, не ожидая удара, споткнулся.

- Осторожно! - сказал он очень тихо.

Его еще раз ударили. Он опять споткнулся и чуть не упал.

За столом офицеров раздался громкий хохот.

- А-а! Большевик! Засыпался, молодчик? Дайте, дайте ему, братцы!.. К стенке его, каналью!..

Провожаемый смехом, он шел к выходу. Уже в дверях он оглянулся, прищурился и громко, на весь ресторан, но очень спокойно, легко и даже, как показалось Леньке, весело сказал:

- Смеется тот, кто смеется последний!..

Ленька на всю жизнь запомнил и эту фразу, и голос, каким она была сказана. Даже и сейчас еще она звучит в его ушах.

Дверь хлопнула.

Александра Сергеевна сидела, закрыв руками лицо. Плечи ее дергались.

- Мама... не надо, - прохныкал Ленька.

К столику, покачиваясь, опять подходил пьяный штабс-капитан.

Александра Сергеевна вскочила. Офицер что-то хотел сказать ей. Он улыбался и покручивал ус. Она изо всех сил ударила его в грудь. Он схватился за стул, не удержался и упал. Она побежала к выходу. Ленька за ней...

Когда они поднялись к себе в коридор, Александра Сергеевна упала на кровать и зарыдала. У Леньки у самого стучали зубы, но он успокаивал мать, бегал к Рыжику за водой, доставал у соседней валерьянку...

Возвращаясь из кухни, он услышал на лестнице, площадкой ниже, голос старика Пояркова.

- Кокнули молодчика, - говорил кому-то хозяин гостиницы своим добродушным стариковским голосом.

- Без суда и следствия?

- Ну какие уж тут, батенька, суды и следствия!.. Вывели на улицу - и к стенке.

- Большевик?

- Корреспондент ихней газеты из Иваново-Вознесенска...

Ленька вернулся к матери. Он ничего не сказал ей. Но когда она слегка успокоилась и задремала, он вышел на лестницу, прижался горячим лбом к стене и громко заплакал.

Слезы душили его, они ручьями текли по носу, по щекам, стекали за воротник рубашки.

Захлебываясь, он полез в карман за платком. Вместе с грязной скомканной тряпочкой, которая еще недавно носила название носового платка, он вытащил из кармана смявшуюся и ставшую мягкой, как желе, конфету. От конфеты пахло шоколадом, помадкой, забытыми запахами кондитерского магазина. Он отошел в угол, бросил конфету на каменный пол и с наслаждением, какого никогда раньше не испытывал, примял, раздавил ее, как паука, носком сандалии. Потом счистил о ребро ступени прилипшую к подошве бумажку, вытер слезы и вернулся в коридор.

Мать лежала, уткнувшись лицом в подушку. Плечи ее дергались.

- Мамочка, ты что? Что с тобой?

- Ничего, детка, - глухо ответила она сквозь слезы. - Оставь меня. У меня немножко болят зубы.

Он не знал, что делать, чем ей помочь. Как на грех, не было дома Нонны Иеронимовны. Старуха с утра ушла в город и до сих пор не возвратилась.

Через некоторое время начался сильный обстрел района. Опять все вокруг содрогалось и ходило ходуном.

Ленька прилегал рядом с матерью на кровать. Уткнувшись лицом в подушку, мать тихо стонала. Он обнял ее, нащупал рукой щеку, погладил ее.

- Мамуся, бедненькая... Дать тебе еще валерьянки?

- Не надо, мальчик. Уйди. Помолчим давай. Сейчас все пройдет...

Он лежал, молчал, поглаживал ее щеку.

Вдруг его со страшной силой подбросило на кровати. Что-то рухнуло в самом конце коридора, и яркий, кроваво-красный свет хлынул в открывшуюся пробоину. Все вокруг повскакали.

- Что еще? Что там такое?

- Снаряд пробил стену.

- Ну, слава богу!.. Не было бы счастья... Хоть посветлей будет.

Багровый отсвет гигантского пожара заливал коридор. Стало еще больше похоже на цыганский табор.

Внезапно Ленька увидел в конце коридора женскую фигуру. Этот высокий черный силуэт словно вынырнул прямо из огня.

- Мама, смотри! Это же Нонна Иеронимовна идет...

Старуха была, как всегда, бодрa, спокойна и даже весела. В руке она держала свой неизменный зонт...

- Ну и погодка! - сказала она, присаживаясь на краешек постели и обмахиваясь, как веером, зонтом. - Так и пуляют, так и пуляют... А вы что это разнюнились, голубушка?

- У мамы зубы болят, - объяснил Ленька.

- Ну? Сквозняком небось надуло?

- Вы где были, Нонна Иеронимовна? - не открывая глаз, простонала Александра Сергеевна. - Я страшно беспокоилась.

- Где была? Не за пустяками ходила, матушка. Важные новости узнала.

Учительница оглянулась и, хотя поблизости никого, кроме Леньки, не было, шепотом сказала:

- Бежать хотите?

- Куда?

- На волю.

- А разве можно?

- В том и дело, что можно. Мы тут с вами сидим, а в городе, оказывается, уже который день эвакуация идет. Красные обещали мирному населению беспрепятственный выход из города. А эти мерзавцы, представьте, не только не известили об этом жителей, но еще и всячески скрывают это...

- Мама, бежим! - всполошился Ленька.

- Да, да, - проговорила она, не открывая глаз. - Бежать, бежать без оглядки!..

- А силенок-то у вас хватит, бабонька?

- Нонна Иеронимовна, вы бы знали!.. Я готова ползти... готова на костылях идти, - только подальше от этого ада...

- Ну, что ж. Тогда не будем откладывать. Завтра утречком и двинемся. Через Волгу-матушку перемахнем и...

Александра Сергеевна повернулась и открыла глаза.

- Как? Через Волгу? На ту сторону? По воде?

Ленька знал, что мать всю жизнь смертельно боялась воды. Она даже дачи никогда не снимала в местах, где поблизости была река или озеро.

- Мама... ничего, - забормотал он, заметив, как побледнела мать. Бежим давай! Не бойся... не утонем...

- Ну, что ж, - сказала она, помолчав. - Как хотите... Я готова.

В эту ночь Ленька долго не мог заснуть. Задремал он только под утро, и почти сразу же, как ему показалось, его разбудили.

Мать и Нонна Иеронимовна стояли уже совсем готовые к путешествию. За плечами у

Тиросидонской висел плотненький, ладно пригнанный, застегнутый на все пуговицы и ремешки рюкзак.

- Ну, батенька, и мастак ты спать, - сказала она Леньке.

- Какой мастак? Я и не спал вовсе, - обиделся Ленька.

- Не спал? Вы слышали?! Полчаса минимум будили мужичка... А ну, живо сбегай умойся, и - в добрый путь.

Ленька побрызгал на себя остатками теплой и не очень чистой воды, привел, насколько это было возможно, в порядок свой окончательно обтрепавшийся костюм и уже направился к выходу, как вдруг вспомнил что-то и повернул обратно.

- Куда? - окликнула его Тиросидонская.

- Идите... идите... я сейчас... я догоню вас.

В углу под кроватью стоял жестяной бидончик. Отыскав обрывок газеты, Ленька тщательно завернул в него свое сокровище, сунул под мышку и побежал к лестнице.

- Что это? - удивилась учительница. - А! Знаменитая барселонская жидкость?!

- Леша!! - взмолилась Александра Сергеевна. - Умоляю тебя: оставь ты ее, пожалуйста! Ну куда ты с ней будешь таскаться?

- Нет, не оставлю, - сказал Ленька, сжимая под мышкой бидончик. - А во-вторых, - повернулся он к Тиросидонской, - это не барселонская жидкость, а бордосская.

- Ну, знаешь, - хрен редьки не слаще. Разница не велика. Гляди, батенька, намучаешься.

- Не намучаюсь, не бойтесь, - храбро ответил Ленька.

Наулицах было еще совсем тихо, когда они вышли из подъезда гостиницы. Утро только-только занималось. На засыпанных стеклом и кирпичом мостовых хозяйничали воробьи. Где-то за бульваром привычно и даже приятно для слуха постукивал пулемет. Сквозь густую пелену черного и серого дыма, висевшую над развалинами домов, пробивались первые лучи солнца. Было похоже на солнечное затмение.

У театра какие-то люди в черных затрепанных куртках и в круглых фуражках без козырьков сидели на корточках и чистили песком медные котелки.

- Это же немцы, - сказал, останавливаясь, Ленька. - Мама, откуда здесь немцы?

- Идем, детка. Не оглядывайся, - сказала мать.

- Нет, правда... Нонна Иеронимовна, это ведь немцы?

- Это пленные, - объяснила учительница. - Говорят, белогвардейцы хотели заставить этих несчастных воевать на своей стороне, а когда немцы отказались, - загнали их сюда - в самое пекло - в центр города.

"Значит, это они пели третьего дня", - подумал Ленька. И вспомнил, что именно здесь начались тогда его мытарства.

У входа на бульвар беглецов остановил патруль.

- Куда?

- Да вот перебираемся в более безопасное место, - с улыбкой ответила Тиросидонская.

- Бежите?

- Зачем же бежать? Идем, как видите...

Пикетчики мрачно переглянулись, ничего не сказали, перекинули на плечах винтовки и пошли дальше.

- Завидуют, голубчики, - усмехнулась Тиросидонская.

На бульваре тоже никого не было. Стояли пустые скамейки. Празднично, по-летнему пахли зацветающие липы, и сильный медвяный аромат их не заглушали даже угарные запахи пожара.

Через турникет вышли на улицу, и вдруг под ногами у Леньки что-то хрустнуло. Он оглянулся. Что это? Неужели он не ошибается? На бульжниках мостовой, раскиданные в разные стороны, радужно блестели на солнце большие и маленькие осколки стекла.

"А где же пуля?" - успел подумать Ленька и даже поискал глазами: не видно ли где-нибудь сплюсненного кусочка свинца?

- Леша, что ты там разглядываешь? Иди, не задерживайся, пожалуйста! окликнула его

мать.

"Знала бы она", - подумал мальчик, прибавляя шаг.

Миновали бульвар, свернули в переулок, и вдруг над головами засвистело, защелкало, заулюлюкало, и на глазах у Леньки от высокого белого забора отскочил и рассыпался, упав на тротуар, большой кусок штукатурки.

- А ну, быстренько сюда! - скомандовала Нонна Иеронимовна, перебегая улицу.

Пули свистели на разные голоса.

- Александра Сергеевна, барыня, вы что же ковыряетесь? - рассердилась учительница. - Это вам не дождик и не серпантин-конфетти. Или вам жизнь надоела?

- Не знаю, но мне почему-то ничуть не страшно, - сказала Александра Сергеевна, без особой поспешности переходя мостовую. - Ведь мы в Петрограде к пулям успели привыкнуть.

- Вы-то к ним привыкли и даже, может быть, успели полюбить их, а вот любят ли они вас, - это вопрос...

Ленька поежился. Ему вспомнился убитый матрос на тротуаре, у развалин фабрики.

- Мама, правда, ты поосторожней! - крикнул он.

- Ты что, мальчик, - боишься?

- Я-то не боюсь...

- Ну, а я тем паче... Нонна Иеронимовна... скажите... а на чем нам придется плыть?

- Куда плыть? Ах, через Волгу-то? На плотках, матушка, на плотках.

Александра Сергеевна остановилась.

- Нет, вы шутите!..

- Шучу, шучу... Не бледнейте, сударыня. Пароходы специальные ходят через Волгу. Соглашение будто бы такое есть между воюющими сторонами... А вот - легка на помине! - и сама Волга-матушка.

Где-то очень-очень далеко внизу, за чугунной решеткой ограды, за белыми лестничными ступенями, за каменными площадками, за крышами, трубами и зелеными садами, Ленька увидел ослепительно сверкающую широкую ленту реки.

"Господи, как это близко, оказывается, - подумал он, - а я-то, дурачина, бегал, искал!"

Через несколько минут путники шагали уже по набережной, где толпилось и шумело много таких же, как они, беглецов. За голубым плавучим домиком пристани покачивался и дымил маленький белый пароходик.

Тиросидонская ушла узнавать о посадке, а Ленька с матерью остались на набережной.

У парапета лестницы, ведущей в город, расположилось бивуаком какое-то белогвардейское подразделение. Собранные в козлы, поблескивали штыками винтовки. Маленький серо-зеленый ручной пулемет угрожающе уставился черным глазом в сторону Волги. Из цинковых ящиков с нерусскими надписями аппетитно выглядывала красная медь патронов.

Несколько офицеров сидели, покуривая папироски, на каменном парапете, другие - в одиночку и парочками - расхаживали по набережной, прислушиваясь к разговорам беженцев, поглядывая на них пасмурно, с наигранным презрением... Вид у них у всех был обтрепанный, многие были небриты, на сапогах и обмотках толстым слоем лежала пыль.

В одном из этих прогуливающих офицеров Ленька узнал молодого Пояркова. Подпоручик тоже заметил его.

- Постой, - сказал он, останавливаясь, своему товарищу. - Я где-то видел этого мальчика. Эй, шкет! - окликнул он Леньку.

Ленька метнул на него исподлобья мрачный взгляд и ничего не ответил.

- Ты, с пакетом, я тебя спрашиваю. Ты откуда?

- Я не шкет, - пробурчал Ленька, теснее прижимаясь к матери.

Офицер поднял глаза и узнал Александру Сергеевну.

- Ах, простите, - сказал он, отдавая честь. - Мы знакомы, кажется?

- Я не помню.

- Ну, как же?... В один прекрасный день мы с отцом привели к вам в подвал заблудшую овцу... Забыли?

- Да... я вспомнила, - сказала она сухо. - Простите, нам надо идти...

- Сматываете удочки?

- Что вы сказали?

- Я говорю: собираетесь бежать?

- Да. Хотим попытаться.

- Через Волгу?

- Да.

- На пароходе?

- Да... На пароходе.

- Ну, ну, - сказал он, усмехнувшись. - Ни пуха вам ни пера. А вы, я вижу, бесстрашная женщина...

- Простите, я не понимаю... что вы хотите сказать? - побледнела Александра Сергеевна.

- А то, что я вам, сударыня, искренне, по-дружески, не советовал бы подвергать такому риску и себя и ребенка.

- Какому риску? Разве это опасно?

- Значит, вы не знаете, что большевики с моста расстреливают лодки и пароходы, которые идут на тот берег?

- С какого моста?

- А вон - с Американского моста, который виден отсюда.

- Нет, скажите, - неужели это правда?

- Прошу прощения, сударыня, с вами говорит русский офицер. Вчера под вечер на этом самом месте на моих глазах затонул обстрелянный большевиками пароход "Пчелка".

- Боже мой! Какой ужас! Что же делать?!

- Мама... ничего... не потонем, дай бог, - забормотал Ленька, с ненавистью поглядывая на Пояркова.

Офицер приложил руку к козырьку.

- Желаю здравствовать, - сказал он холодно. - Считаю своим долгом предупредить вас, а решать, конечно, придется вам самим.

И, повернувшись на каблуках, он отошел к ожидавшему его товарищу.

Через минуту из толпы вынырнула грузная фигура Нонны Иеронимовны. Размахивая своим огромным зонтом, она еще издали кричала:

- Идемте, голубчики, скорей, живенько! Посадка начинается.

Александра Сергеевна торопливо пересказала ей то, что услышала от Пояркова.

- Да что он врет, каналья?! - рассвирепела учительница. - Клеветник этакий! Амфибия! Где он?..

И, подняв над головой зонт, старуха оглянулась с таким видом, словно собиралась собственноручно, врукопашную расправиться с клеветником...

...И все-таки эта двадцатиминутная поездка не была приятной и спокойной.

Все эти двадцать минут Александра Сергеевна просидела ни жива ни мертва. Ленька успокаивал ее, даже посмеивался над ней, но и сам чувствовал, как при каждом ударе машины и при каждом всплеске воды за бортом екает и сжимается его сердце. Ему было и страшно и тянуло к окну - посмотреть, что делается на реке, далеко ли до берега и виден ли мост.

- Леша! - поминутно вскрикивала мать. - Я, кажется, просила тебя?!. Отодвинься от окна!..

- Я только чуть-чуть... одним глазком...

- Боже мой! Ты, я вижу, намерен свести меня в могилу!.. Кому я говорю? Сядь на место!..

Но он все-таки успел на секунду выглянуть в квадратное, забрызганное водой окошко. И первое, что увидел, - это длинный, многопролетный железнодорожный мост,

пересекавший реку. До моста было далеко, - может быть, верста или больше, но Леньке показалось, что за железными фермами моста он видит людей: на мосту что-то шевелилось и поблескивало. Вздвогнув, он отшатнулся от окна и побоялся взглянуть на мать, чтобы не заразить ее своим страхом. Но ее и пугать не надо было... Только старуха Тиросидонская чувствовала себя, как всегда, прекрасно. Положив на колени свой туго набитый мешок и черный зонт, она шутила, смеялась, подтрунивала над трусами и паникерами, которых и на пароходе оказалось немало.

Но вот машина под ногами у Леньки застучала потише, вот что-то заклокотало и забурлило и сразу смолкло. Только чувствовалось плавное движение и покачивание парохода.

- Что это? - прошептала Александра Сергеевна, подняв глаза на учительницу.

- Кончено, матушка, - ответила та, поднимаясь и закидывая за спину рюкзак. - С приездом вас...

Минуту спустя шумная толпа беженцев, весело переговариваясь, уже поднималась по отлогому берегу - туда, где виднелись какие-то низенькие приземистые строения, заборы, кусты и белые колпаки нобелевских цистерн.

Казалось, что все страхи остались позади...

И вдруг Ленька услышал у себя над головой знакомый улюлюкающий свист. Он увидел, что все вокруг побежали, и тоже побежал.

- Что случилось? - в который раз за эти дни спрашивали вокруг.

- Стреляют.

- Кто стреляет?

- Да вы что, - не видите? Красные открыли огонь с моста!

Кто-то толкнул Леньку, он споткнулся, уронил свой сверток, нагнулся, чтобы поднять его, и увидел, что действительно стреляют с железнодорожного моста. Но тут же он понял, почему стреляют.

По сходням, ведущим с парохода на берег, низко наклоняясь и закрывая руками головы, бежали один за другим люди в военной форме. Прыгая на берег, они разбегались в разные стороны.

- Смотри! - сказала Нонна Иеронимовна, схватив Леньку за плечо. Смотри, мальчик! И запомни!.. Это называется - крысы, бегущие с тонущего корабля.

Через час беженцы уже сидели на крыльчке лесного хутора, верстах в четырех от города, пили парное молоко и с наслаждением ели черный пахучий деревенский хлеб.

Постепенно на хуторе собралось еще человек двадцать беглецов из Ярославля.

Где-то далеко бушевала гроза, где-то еще ухало и грохотало, а здесь, в маленьком хуторском садике, летали пчелы, щебетали птицы, мутно поблескивал и попахивал уютным дымком большой медный самовар; люди сидели на свежей зеленой траве, пили, закусывали, наперебой говорили, смеялись и уже не серьезно, а шутя рассказывали о тех страхах, которые им только что довелось пережить.

Были тут смешные и занятные люди.

Была молодая красивая московская дама с двумя близорукими девочками-близнецами. Вспоминая об ужасах, которые они испытали в Ярославле, дама поминутно закатывала глаза и говорила:

- Мне лихо было!.. Ой, не могу, до чего лихо мне, лихо было!..

Девочки робко усмехались, шурились и поглядывали на Леньку, который тоже иногда посматривал в их сторону, но при этом усиленно хмурился и начинал с деловым видом поправлять ремешок на сандалии.

Был среди беженцев толстый румянощекий парень, - как говорили, купеческий сынок, - которого сопровождал дядька, старик по имени Зиновьяч. Над румяным детиной все смеялись. Рассказывали, что в Ярославле он жил в гостинице "Петроград", в угловом номере. Ночью снарядом оторвало весь угол дома, комната превратилась в открытую террасу, а парень так и проспал до утра, ничего не заметив и не услышав. Вокруг хохотали, а детина

пил чай, прилежно дул на блюдечко и, тупо улыбаясь, смотрел в одну точку. Ленька тоже смеялся, но смешным ему казалось не то, что у детины такой крепкий сон, а то, что его, почти взрослого человека, водит за руку дядька. Это было как-то старомодно, по-книжному причудливо, и, хотя купчик не был ничем похож на Гринева, а скорее на Обломова или на Митрофанушку, Леньке вспомнилась "Капитанская дочка" Пушкина.

Много шутили и подтрунивали и над другим молодым человеком, над каким-то счетоводом или конторщиком из Углича, которого звали Николай Александрович Романов. Говорили, что это переодетый и загримированный Николай II, бежавший из своей екатеринбургской ссылки. Конторщик на бывшего царя ничем не походил, был выше его и лицо у него было бритое, но Леньку занимало смотреть на этого человека и думать: а что если это и верно Николай Второй?.. Что ж удивительного: усы и бородку сбрил, щеки подрумянил, а ноги... Что ж, и ноги, наверно, можно подлиннее сделать!.. Он даже пересел поближе к конторщику, чтобы посмотреть, не на высоких ли каблуках у него штиблеты...

Лежа в высокой густой траве, Ленька смотрел в голубое чистое небо, прислушивался к щебету птиц, к разговорам, к смеху, к звону посуды... Все плохое забылось, было легко, весело, похоже на пикник.

Развеселилась даже Нонна Иеронимовна.

Когда был допит второй самовар и все поднялись, чтобы продолжать путешествие, Ленька вспомнил о бордосской жидкости и стал искать бидончик.

- Да оставь ты, наконец, свою бандуру! - закричала на него учительница.
- Какую бандуру? - заинтересовались вокруг. - Разве мальчик - музыкант?
- Ого! Еще какой!..

Леньку окружили, стали просить, чтобы он показал, что у него за музыка такая. Ленька засмутился, покраснел, стал отнекиваться. Но в конце концов ему пришлось не только развернуть пакет и показать бидончик, но и объяснить, зачем он ему нужен.

Никто из его объяснений ничего не понял, только девочки-близнецы слушали Леньку с интересом, и одна из них даже потрогала осторожно бидончик пальцем.

Шумная веселая компания, растянувшись длинной цепочкой, шла извилистой лесной дорогой. Позади всех тащился со своей бандурой Ленька. Он был обижен, дулся на Нонну Иеронимовну. Учительница несколько раз оглядывалась, искала его глазами, потом сошла с дороги, подождала мальчика и пошла рядом.

- Ну, что? - улыбнулась она.
- Ничего, - пробурчал Ленька.
- Не сердись, Алексей - божий человек, - сказала старуха. - Ты молодец, доброе дело делаешь. Хороший, говоришь, дядька этот твой Василий Федорыч?
- Да. Хогоший, - ответил Ленька.
- А кто он?

Леньке было трудно объяснить, кто такой Василий Федорович. Просто хороший человек. А почему хороший, - этого словами не расскажешь. Вот Нонна Иеронимовна тоже ведь хорошая. А собственно, - чем? Смеется, грубит, кричит, как извозчик, шуточки вышучивает!..

Весь день шли - полями, лесами, дорогами, тропинками и межами. Заходили в деревни и на хутора, пили молоко, не щадя животов объедались хлебом, творогом, огурцами, салом, курятиной.

Постепенно компания беженцев таяла, рассеивалась. Почти в каждой деревне с кем-нибудь прощались, кто-нибудь уходил, отставал, сворачивал в сторону. Отстала московская красавица со своими близорукими девочками. Ушел на Гаврилов Ям розовощекий детина с дядькой Зиновьичем. Как-то незаметно исчез, растворился и Николай Александрович Романов.

"Наверно, за границу пробирается", - подумал Ленька, которому не хотелось так сразу расставаться со своей фантазией.

В деревне Быковке, уже под вечер, распрощались с Тиросидонской. Обнимаясь и

целуясь с учительницей, Александра Сергеевна заплакала.

- Берегите нервы, дорогая, - сказала старуха, погладив ее по плечу. Они вам еще ой-ой как пригодятся!..

А Леньке она сказала:

- И ты тоже, Бетховен... Играй на чем хочешь - на бандурах, на балалайках, на барабанах, - только не на маминых нервах. Понял меня?

- Понял, - улыбнулся Ленька. И, увидев, что учительница протянула ему руку, как-то неожиданно для самого себя нагнулся и приложился губами к этой грубой, шершавой, не женской руке.

...Расставшись с учительницей, Александра Сергеевна заскучала. Без Нонны Иеронимовны стало совсем трудно. Нужно было действовать и решать все вопросы на свой страх и риск.

До Чельцова оставалось еще верст пятнадцать-шестнадцать. И - самое страшное для Александры Сергеевны - впереди лежала Волга, через которую опять предстояло переправляться на правый берег.

Время было позднее, темнело. И, подумав, Александра Сергеевна решила остаться в Быковке до утра.

Хозяин избы, где они остановились, весь вечер был чем-то озабочен. Поминутно он куда-то выходил, с кем-то шептался, выносил из сеней во двор что-то тяжелое. Когда Александра Сергеевна попросила у него разрешения остаться на ночлег, он крикнул, переглянулся с женой, почесал в затылке.

- А вы вообще кто будете? - спросил он.

- Я же вам говорила... Мы - беженцы из Ярославля. Пробираемся к себе в деревню - в Красносельскую волость.

- Тесно у нас. Неудобно вам будет.

- Нам много не надо. Мы привыкли ко всему, можем и на полу переспать в крайнем случае... Я, конечно, заплачу вам, - сказала Александра Сергеевна, открывая сумочку.

Хозяин еще раз взглянул на жену.

- В сарае, что ли? - сказала та.

- А что ж. Верно... В сенном сарае переспите?

- Конечно, переспим. Чего же лучше?

- Ладно... идемте, коли так, - сказал хозяин.

Он привел их куда-то на задворки, отодвинул какой-то деревянный засов, распахнул низенькую широкую дверку... Ленька помнит, как сильно ударил ему в лицо опьяняющий запах свежего сена, как приятно защекотало в носу, закружилась голова, сладко склонило ко сну.

Александра Сергеевна осторожно переступила порог сарая.

- А змей у вас здесь нет? - робко спросила она.

Хозяин что-то пробормотал.

- Что? - переспросила Александра Сергеевна.

- Змей-то, я говорю, нет, - ответил с усмешкой хозяин.

- А что?

- Ложитесь... ладно... Дверь за вами затворить?

- Пожалуйста.

- Ну, спите... спокойной ночи.

Ленька слышал, как, закрывая дверь, хозяин выругался и вполголоса сказал:

- Эх, жисть проклятая!

Ленька протянул руку, наткнулся в темноте на что-то мягкое, колючее и, не сгибая ног, упал, повалился на душистую и хрустящую кучу.

- Ох, мама! - воскликнул он в восторге, зарываясь с головой в сено.

- Тише! - остановила его Александра Сергеевна.

- Мамочка... не бойся... ложись...

- Где ты?

- Я здесь. На руку.

- Действительно, здесь чудесно, - сказала она, вздыхая и укладываясь рядом. - Но ты знаешь, мальчик, у меня что-то ужасно тревожно на душе.

- Почему? - спросил Ленька, запихивая свой бидончик в изголовье и обкладывая его сеном. - Мама... клади голову... подушка, - пробормотал он, зевая. Все тело его сладко, истомно ныло. - Что... почему... тревожно? повторил он.

Александра Сергеевна что-то ответила, но ответа ее мальчик уже не слышал, - он спал.

...Спал он долго и крепко и только под утро стал видеть сны. Сначала ему снилось что-то хорошее: в зеленом, пронизанном солнцем лесу он ловит бабочек. Рядом с ним бегают девочки-близнецы, одна из них почему-то размахивает большим черным зонтом. Потом он очутился опять в Ярославле. Кто-то за ним гнался, он падал, проваливался куда-то и опять бежал, и опять его нагоняли. А вокруг стонало, ухало, грохало. Мчались по улице всадники, падал на голову мальчику фонарный столб, рушились белые монастырские стены...

Когда Ленька проснулся, он был уверен, что лежит в Ярославле, в гостиничном коридоре. Где-то за стеной слышались выстрелы, привычно пахло дымом, и даже на одно мгновение мальчику показалось, будто он слышит, как внизу, в гостиничном ресторане, смеются и поют мужские голоса.

Но тут он почувствовал, что мать крепко сжимает его плечо, и услышал у себя на затылке ее горячее дыхание.

- Боже мой... Боже мой! - шептала она. - Создатель!.. Царю небесный...

Он быстро повернулся, услышал, как захрустело под ним сено, открыл глаза и сразу вспомнил, где он. В узкие щели сарая сочился скупой синеватый предутренний свет. Где-то действительно стреляли. Откуда-то доносились голоса и пение.

- Мама... что? Что случилось? - забормотал Ленька.

- Молчи, - шепнула она, закрывая ему ладонью рот.

И тут он услышал, как у самых дверей сарая кто-то громко и спокойно сказал:

- А черт его знает, - куда! Россия велика...

Кто-то остановился у двери, заглянул в щелку.

- Чего там?

- Не видно.

- А ну, дай раза!..

Что-то стукнуло, упало. Потом что-то тяжелое, железное обрушилось на дощатую дверь. Хрястнула, надломившись, доска. Еще несколько тяжких ударов и половинка двери, повиснув на нижней петле, косо упала в сарай. Ленька подогнул ноги, съежился. Кто-то высокий шагнул, наступил на половинку двери, оборвал ее и заглянул в сарай:

- Тьфу!.. Мать честная!.. Сено...

- А ты что? - лениво откликнулся другой голос.

- Я думал, - курей нет ли.

- Да... жди... Курей небось, сволочи, всех в подпол заначили... А ну, пошли...

У Леньки болело плечо, так сильно сжимала его рука матери. Черная фигура с ружьем за спиной все еще маячила в просвете двери.

- Пошли, я говорю, - повторил тот же голос за дверью.

- Погоди, - усмехнулся первый, брякая чем-то в темноте, - мы им сейчас царский день устроим.

- Какой царский?

- А вот сейчас увидишь.

Вспыхнула спичка, Ленька невольно зажмурился и услышал, как испуганно вскрикнул в дверях человек и как тотчас откликнулся другой.

- Ты что?

- Володька! Елки зеленые... Люди!..

- Где? Какие?

- Баба какая-то с мальчиком... А ну выходи! - раздался яростный окрик.

- Мама... мама, - зашептал Ленька, увидев, что она поднимается и помогает подняться ему. Еще раз ярко вспыхнула спичка, осветила смуглое, почти красное, лоснящееся юношеское лицо, белки глаз, оскаленные по-волчьи зубы и кудрявый цыганский чубик, сбегаящий на лоб из-под козырька солдатской фуражки.

- Выходи, кому говорят?!

- Что вам нужно? - сказала Александра Сергеевна, делая шаг вперед и обнимая за плечи Леньку. Из дверей на мальчика, вместе с прохладной свежестью раннего летнего утра, пахло знакомым ему тошнотворным запахом спиртного.

- А ну, кто там еще? Вылезай!..

Поднятая над головой спичка сделала полукруг и, блеснув на винтовочном стволе, погасла.

- Еще кто?..

- Больше никого нет. Нас двое.

После темного сарая на улице были хорошо различимы и постройки, и деревья, и лица людей. Рядом с парнем в солдатской фуражке стоял - тоже с ружьем в руках - низенький темнолицый человек в накинутах на плечи длинной шинели и в мужицкой барашковой шапке.

- Кто такие? Зачем прячетесь? - строго сказал он.

- Мы не прячемся. Мы здесь ночевали, - ответила Александра Сергеевна. А вы кто такие?

- Что-о? - надвинулся на нее парень. - Я вот те дам "кто такие"!..

- Тише, пожалуйста!.. Не пугайте ребенка.

- Ах ты... Разговоры разговаривать?!

Ленька увидел, как парень замахнулся на мать, как на лету, над головой перехватил винтовку и передернул затвор.

- Молись богу!!! - зарычал он.

- Ма-ма! - как маленький, закричал Ленька, присел, кинулся к парню и одновременно - головой и двумя кулаками - ударил его в живот.

- А-а, пашенок!..

Сильным ударом в затылок мальчика сбили с ног. В ту же секунду он услышал выстрел и почти тотчас - гневный голос матери:

- Негодяи!.. Вы что делаете?! Ребенка?.. Мальчика?..

- Петруха! Петруха! Ты что в самом деле? Маленького?..

Парень подбежал к Леньке, схватил его за шиворот, оторвал от земли.

- Убью-у!..

- Помогите! - закричала Александра Сергеевна.

Ленька задохнулся, вывернулся, услышал, как затрещала у него на груди рубаха, отлетела пуговица. Другая, тяжелая, как кувалда, рука откинула его в сторону.

- Брось, Петруха!

- Уйди!..

- Оставь, не бузи.

Человек в длинной шинели крепко держал парня за пояс.

- А ну катись! Живо! - приказал он Александре Сергеевне.

- Нет, стой, погоди! - скрипел зубами парень. - Нет, ты погоди... Я их... я им сейчас царский день исделаю.

- Не дури, кому говорят!..

Темнолицый с силой тряхнул его. И, повернувшись к Александре Сергеевне, диким голосом закричал:

- Ну, чего глаза пялишь? Кому сказано? Тикай, пока жива!..

Александра Сергеевна не заставила еще раз просить себя об этом. Схватив Леньку за руку, она побежала. Ленька слышал, как за спиной у него продолжали орать и ругаться

пьяные. Оглянувшись, он увидел, что оба бандита, схватившись в обнимку, катаются по земле.

- Мама, посмотри! - крикнул Ленька.

- Боже мой!.. Не останавливайся, пожалуйста!.. Есть на что смотреть! ответила она.

...Они уже давно миновали околицу, пролезли под какими-то жердями и быстро шли, почти бежали, не выбирая дороги, к небольшой березовой рощице, на верхушках которой уже розовела и золотилась утренняя июльская заря. В ушах еще не утих пьяный крик, еще тошнило, шумело в голове, от быстрой ходьбы не хватало дыхания.

- Мама... я не могу... погоди, - хрипел Ленька.

- Идем, детка... я прошу тебя. Еще немножко - вот хотя бы до тех деревьев.

Они уже почти достигли рощи, как вдруг Ленька остановился и с неподдельным ужасом в голосе воскликнул:

- Ой, мамочка, милая!..

- Что такое? - испуганно оглянулась Александра Сергеевна.

Он держался за голову и покачивался.

- Ой, ты бы знала, какое несчастье!!

- Да что? Что случилось?

- Я ж забыл... я забыл в сарае бордосскую жидкость!

- Господи, Леша, какие глупости! Есть о чем жалеть. До этого ли сейчас? Идем, я прошу тебя...

- Нет, - сказал Ленька. - Я не могу. Я должен...

- Что ты должен? - рассердилась Александра Сергеевна.

- Ты знаешь... я, пожалуй, пойду, попробую найти сарай.

Александра Сергеевна цепко схватила его за руку.

- Леша! Я умоляю тебя, я на колени встану: не смей, не выдумывай, пожалуйста!..

Ленька и сам не испытывал большого желания возвращаться в деревню. Но мысль, что знаменитый его бидончик, который он так долго берег и таскал, содержимое которого может доставить так много радости председателю комбеда, - мысль, что этот драгоценный бидончик пропадет, сгинет в стоге сена, в чужом сарае, была совершенно непереносимой и оказалась сильнее страха.

- Мама, - сказал он. - Ну, что же мне делать? Честное слово, вот увидишь, со мной ничего не случится. Я быстро. Ты подожди меня в этом леске вот за той березкой.

- Мучитель! - сквозь слезы простонала она.

Зная, что за этим последуют другие, не менее жалостные слова, он не стал дожидаться их, вырвался и побежал...

Разыскать сарай в деревне, где мальчик провел всего одну ночь, было нелегко. Леньке пришлось побегать по задворкам, прежде чем он увидел низенькое дощатое строение с выдранной половинкой двери. Убедившись, что вокруг никого нет, он осторожно заглянул в пахучий полумрак, постоял, прислушался, сказал зачем-то "эй" и, не услышав отклика, нырнул в глубину сарая.

Примятое сено еще хранило следы двух тел: вот здесь лежал он, здесь мама. Ползая на коленях и тыкаясь носом в колючие травинки, Ленька лихорадочно ворошил сено... Что такое? Где же она? Неужели кто-нибудь успел побывать в сарае и утащил ее? Ах вот... наконец-то!.. Руки его дрогнули, нащупав скользкую, холодную и тяжелую банку.

И только тут, облегченно вздохнув, он вспомнил о матери. Где она? Что она сейчас переживает?! Какой он все-таки негодяй, - оставил ее в лесу, одну, после всех ужасов, которые она только что перенесла!

В Быковке все еще стреляли. Пахло дымом. Где-то в другом конце деревни шумели, кричали, навзрыд плакали бабы. Чтобы сократить путь и не блуждать по задворкам, Ленька решил бежать обратно напрямки - деревенской улицей. Перелезая через плетень, он застрял, зацепился рубахой за какой-то сучок или гвоздь, и вдруг словно из-под земли вырос перед ним краснолицый запыхавшийся дядька в солдатской шинели и в фуражке с зеленым

лоскутком на околыше.

- Эй, браток, - обратился он к Леньке. - Хохрякова не видел?

- Кого? - не понял Ленька.

- Атамана, я говорю, не видал?

Ленька не успел ответить. Глаза у солдата заблестели. Он подошел поближе.

- Что это у тебя? - спросил он.

- Где?

- Да вот - в баночке, в посудине?

- Это... это жидкость, - бледнея ответил Ленька.

- Какая жидкость? А ну, покажь, - оживился солдат.

Ленька сделал усилие, разодрал от подола до подмышек рубаху, сорвался с сучка и побежал.

Петляя от одной постройки к другой, натываясь на какие-то грядки, перескакивая через канавы, перелезая через плетни и заборы, он бежал по деревенским задворкам, пока голова у него не закружилась, а в глазах не замелькали лиловые круги.

Выбежав за околицу, он не сразу понял, куда ему нужно идти. Березовая роща, которая, по его представлениям, должна была оказаться слева, переместилась далеко направо. На минуту он даже усомнился, - та ли эта роща? Но никаких других поблизости не было.

Еле волоча ноги, спотыкаясь и поминутно перекидывая с плеча на плечо свою ношу, он тащился неровным, ухабистым, исковыренным коровьими копытами деревенским выгоном и еще издали стал искать глазами мать. На опушке рощи ее не было. Чем ближе он подходил, тем страшнее ему становилось... Господи! Что такое? Где же она? Очутившись в роще, он кинулся под первое попавшееся дерево и минуту лежал, жадно глотая воздух и прижимаясь виском к холодной и влажной траве, потом не выдержал, вскочил, взвалил на плечо бидончик и побежал, заметался между деревьев.

- Мама... мамочка... мама! - негромко звал он. Кричать он боялся. Он был уверен, что роща полна каких-то ужасов. И вдруг, в который раз выбегая на опушку, он увидел среди розовеющих на солнце берез силуэт женщины. Александра Сергеевна стояла к нему спиной, на цыпочках и, заслоняясь рукой от солнца, вглядывалась в сторону деревни.

- Ма! - закричал Ленька.

Она вздрогнула и оглянулась. Лицо у нее было бледное, заплаканное. Мальчику показалось даже, что она похудела.

Он подбежал к ней, уронил бидончик и, схватив ее за руки, прижался щекой к костяной пряжке ее кушака.

- Мамочка, милая, прости меня!..

Она не оттолкнула его и очень спокойно, даже чересчур спокойно, как показалось Леньке, сказала:

- Боюсь, мой дорогой, что скоро у тебя не будет мамы.

- Мама... не надо! - воскликнул он.

- Да, да, мой милый... Рано или поздно ты добьешься этого... Ждать тебе осталось недолго...

Тогда он опустил на землю у самых ее ног и громко заревел:

- Ма-а!.. Зачем ты так говоришь?!

Она помолчала, выдерживая характер, но не выдержала, сама опустилась рядом и тоже заплакала.

Так они и сидели, плечом к плечу, на сырой траве, под белой березкой и плакали минут пять.

Наконец рыдания стали утихать.

- Ну, что? - сказала Александра Сергеевна, всхлипывая. - Нашел ты свою бандуру?

Ленька деликатно фыркнул и подавился слезами.

- Нашел, - сказал он, подталкивая ногой бидончик.

- Да, кстати, - встрепенулась Александра Сергеевна.

- Что кстати?

Она помолчала, подумала и сказала:

- Впрочем, нет, ничего...

- Как ничего? Ты же что-то хотела...

- Что я хотела? Оставь, пожалуйста. Ничего я не хотела... Господи, вы посмотрите, - на кого он стал похож!.. Леша, где тебя угораздило? Повернись-ка... Что у тебя с блузой?

- Да... с блузой... Ты бы знала!.. Ты знаешь, между прочим, к кому мы чуть не попали?

- К кому?

- К Хохрякову.

Захлебываясь, он стал рассказывать ей о своей встрече с бандитом. Александра Сергеевна слушала его, ахала, закрывала глаза.

- Нет, с меня довольно! - воскликнула она, поднимаясь. - Ты отдохнул?

- Отдохнул.

- Вставай тогда, поднимайся, пошли!

- А куда?

Александра Сергеевна задумалась, выпятив, как девочка, нижнюю губу.

- Н-да. Это действительно вопрос.

- Нам же надо к Волге?

- Увы. К Волге.

- А где она? Далеко?

- Милый мой, если бы я знала! Я даже не имею представления, в какую сторону нам надо идти.

Ленька вскочил.

- Мама, знаешь что? Давай будем искать дорогу по солнцу!

- К сожалению, мой дорогой, я не умею искать дорогу по солнцу.

- Как? Ты же географию знаешь?

- Да... но при чем тут география? Поймай! Волга течет в Каспийское море - с севера на юг. Мы находимся сейчас на ее левом берегу...

- Значит, Волга на западе!

- Ты знаешь, пожалуй, ты прав. А где запад?

- А запад? А запад как раз напротив востока.

- А где восток?

- Мама! - с укоризной воскликнул Ленька.

Восток давно уже давал о себе знать. Он кричал о себе яркими красками неба, золотом солнечных лучей. Он быстро сушил слезы на их лицах, трепетал на бело-черных стволах берез, переливался крохотными радужками на каждом листике и на каждой травинке.

...Поставив на голову свой бидончик и придерживая его спереди, Ленька шел мелкими танцующими шажками по тропинке, изображая африканского невольника, которого принанял за бутылку рома или за нитку стеклянных бус торговец слоновой костью.

- Мама, - крикнул он, не оглядываясь, - похож я на негра?

- Пожалуй, ты больше похож на мальчика из мелочной лавки, - ответила Александра Сергеевна. - Впрочем, я далеко не уверена... Пожалуй, такого и в лавке не стали бы держать.

- Почему не стали бы?

- Очень жаль, что нет зеркала. Ты бы посмотрел на себя... Такие оборвыши по большим праздникам у Покрова на паперти стояли.

- А ты-то, думаешь, лучше?

- Да уж... Могу себе представить, какая я красотке... Господи, хоть бы иголка и нитка были...

Ленька сделал еще два-три шажка и так резко повернулся, что бидончик чуть не слетел с его головы.

- Мама! - воскликнул он. - погоди! А где твоя сумочка?

Он ожидал, что она испугается, вскрикнет, заохает, заужасается, начнет хлопать себя

по бокам. Но она даже шага не убавила.

- Идем, пожалуйста, - сказала она.
- Нет, правда, мама!.. Я же не шучу. Где твой ридикюль?
- Это я у тебя должна спросить.
- Почему у меня?
- Потому что я надеялась, что ты принесешь его мне.
- Откуда принесу?

Она взяла его за плечо.

- Идем, мальчик. Не будем особенно волноваться. Я забыла сумочку в сарае, где мы ночевали.

Бидончик сполз с Ленькиной головы на плечо, проехал по груди и по животу и плюхнулся в траву к ногам мальчика. Оказалось, что не матери, а самому Леньке пришлось ужасаться и хлопать себя по коленкам.

- Мама! - вскричал он. - Почему же ты мне не сказала?!
- А потому, что я поздно спохватилась. Тебя уже не было.
- У тебя же там деньги!
- Да, все деньги...
- Как же мы будем жить?!
- Не знаю... Бог милостив, как-нибудь...

Ленька поднял бидончик, сунул его в руки матери.

- Мама... на, поддержи...
- Что еще?
- Я сбегаяю.

- Куда сбегашь?

- В Быковку... Ты не бойся. Теперь я дорогу знаю. Я быстро... Я найду...

Она схватила его за шиворот.

- Ну, нет, мой дорогой. Второй раз этого не случится...
- Мама, отпусти! - кричал Ленька.

Но она уже быстро шла и тащила его за собой.

- Мама!! Да отпусти же!.. Ты меня задушишь.
- Не отпущу!

- Ну, ладно, хорошо, - говорил он, спотыкаясь и чуть не падая. Хорошо... я не пойду в Быковку.

- Поклянись.

- К-клянусь, - выдавил он из себя и только после этого был пощажён и получил свободу.

И опять они шли - межами, тропинками и дорогами. И чем дальше шли, тем длиннее становилась большая черная тень, которая, не останавливаясь, бежала впереди, указывая им путь на запад. А над головами путников, тоже ни на минуту не отставая от них, кружил в безоблачном небе жаворонок. Все жарче и жарче припекало затылок и спину солнце. И волнами ходило, перекатывалось по сторонам что-то зеленое и золотистое - иногда повыше, иногда пониже, иногда посветлее, иногда посмуглее...

...Волгу они не увидели, а услышали. Ленька остановился и сказал:

- Мама, ты слышишь?

Где-то не впереди, а несколько правее, за косогором, тоненьким пчелиным басом гудел пароход.

Не сговариваясь, женщина и мальчик свернули с тропинки, путаясь в траве, пересекли поле, взбежали на косогор и дружно, в один голос закричали "ура!".

Внизу - совсем близко, в двух-трех сотнях шагов от них, плескались волны широкой реки. Солнце, которое почему-то переместилось, как показалось Леньке, с востока на север, кидало свои лучи прямо по ее течению, и по этой трепетной розовато-золотистой дорожке в сторону от Ярославля быстро шел, будто убегал, и тащил, уводил за собой на канате

длинную плоскую баржу маленький, словно игрушечный буксирчик. На противоположном высоком берегу реки виднелись какие-то постройки, поблескивали стекла, что-то двигалось ехала телега или шли люди.

Через минуту путники уже сидели на песчаной отмели у самой воды, и опять между ними шел крупный разговор. Ленька хотел выкупаться, мать не разрешала.

- В конце концов ты забываешь, что ты болен.

- Чем я болен?

- Ах, ты даже не помнишь, что ты болен? У тебя дифтерит.

- Может быть, мне в постельку лечь?

Она засмеялась, потрепала его за ухо.

- Мурло ты мое! А ну, иди вымойся...

Засучив выше колен штаны, Ленька с наслаждением ходил по холодной воде, мыл руки, шею, лицо и, разгоняя радужный лиловатый налет нефти, украдкой пил горстями пресную сладковатую воду. Александра Сергеевна тоже занялась туалетом, - выстирала чулки, носовые платки, вымыла голову.

Потом они долго лежали на теплом песке, сушили белье и подсыхали сами.

- Что же мы будем делать дальше? - проговорила наконец Александра Сергеевна.

- Я и сам об этом думаю.

- Ты же, наверно, кушать хочешь?

- А ты?

- Нет, я почему-то не хочу.

- И я тоже не хочу.

Но через минуту, помолчав, он сказал:

- Жалко, что тут нет черепах.

- Зачем тебе вдруг понадобились черепахи?

- Можно было бы набрать яиц и сделать яичницу.

- Ну, милый, я думаю, сейчас ты удовольствовался бы и куском хлеба с солью...

И все-таки Александра Сергеевна не торопилась. Ленька чувствовал, что мать даже думать боится о том, что рано или поздно придется переправляться на ту сторону. Солнце стояло уже высоко, песок стал горячим, но волосы у нее почему-то сохли очень долго. Чулки понадобилось перестирывать. Наконец наступила минута, когда ей все-таки пришлось сказать:

- Ну, что ж...

- Давай полежим еще, - великодушно предложил Ленька.

- Нет, надо идти, - вздохнула она.

- А куда же мы пойдем?

- Поищем, нет ли поблизости какой-нибудь переправы.

- Может быть, тут мост есть?

- Нет, к сожалению, мостов тут нет.

...Первое живое существо, которое они встретили на берегу, был теленок. Маленький, тонконогий, рыженький, он стоял, расставив передние ножки, и осторожно тянул воду, постегивая себя по бокам кисточкой хвоста. Ленька подбежал к теленку, стал гладить его, чесать его жестковатую шерстку. Теленок оторвался от воды, посмотрел на мальчика круглым глуповатым глазом, почмокал толстыми губами и, припав к прозрачной воде, снова замахал, заработал хвостиком.

- Мама, ты знаешь, если тут есть телята, - значит, тут и люди есть, сделал заключение Ленька. И не ошибся. Через минуту они заметили дымок, а подойдя ближе, увидели кривобокую дощатую хибарку, рыбацьи сети, растянутые вдоль ее стен, и - самое главное - лежащую на песке, опрокинутую черным смоленным днищем вверх - большую лодку.

Из хибары вышел старик в холщовой неподпоясанной рубахе. Заслонясь рукой от солнца, он хмуро смотрел на приближающихся путников.

- Здравствуйте, дедушка! - еще издали крикнула Александра Сергеевна.

Рыбак не ответил и продолжал так же неприятливо разглядывать женщину и мальчика.

- Вы бы не могли, голубчик, перевезти нас на тот берег? - обратилась к нему Александра Сергеевна.

- Чего? Говори громче, - сердито сказал старик, наклоня голову и прикладывая ладонь к уху.

Она еще раз повторила просьбу - насколько могла громче.

Шевеля сухими губами, он молча разглядывал их. Лицо у него было морщинистое, черное от загара, глаза слезились, красноватые веки часто и как-то болезненно мигали.

- А вы кто такие будете? - мрачно спросил он.

Александра Сергеевна стала привычно объяснять: они - из Ярославля, беженцы, пробираются к себе в деревню, в Красносельскую волость...

Старик дернул плечом и сердито перебил ее:

- Кто вы? Я говорю: кто вы?!

- Ну, как вам объяснить?.. Мы сами из Петрограда, я - учительница...

Но он не слушал ее.

- Ходят тут всякие, - говорил он, помигивая воспаленными веками. Зеленые, белые, золотые... Шут вас всех подери! Чего вам надо? Я говорю: чего надо вам? Мало? Мало поизмывались?.. На старое повернуть хотите?!

- Дедушка! - закричала ему на ухо Александра Сергеевна. - Мы не белые, мы сами от белых бежим.

Он топнул ногой и крикнул:

- Ась?

- Дедушка, милый, у меня в деревне маленькие дети...

- Не слышу?

- Дети у меня, я говорю... Мальчик и девочка... Они меня ждут... Я их очень давно не видела...

- Тыр-тыр-тыр, - смешно передразнил он ее.

Потом постоял, ничего не сказал и, резко повернувшись, ушел в дом.

Александра Сергеевна переглянулась с сыном.

- Сумасшедший какой-то, - пробормотал Ленька.

Но старик уже появился на пороге, выволакивая длинные обглоданные весла и железные ключины.

- На, держи, - приказал он Леньке и направился к лодке.

- Только, дедушка... - кинулась к нему Александра Сергеевна. - Я должна вас предупредить...

Перевернув лодку и наваливаясь на нее животом, он уже толкал ее в воду.

- Дедушка, вы слышите? - кричала Александра Сергеевна. - У меня нет денег!.. Но я - вы не бойтесь - я заплачу вам!..

- Чего ты? - сказал он, выпрямляясь и смахивая со лба взмокшую прядку волос.

- Я говорю: вы не беспокойтесь, дедушка! Денег у меня нет, я потеряла их, но я вас как-нибудь отблагодарю. Я вам часы дам или вот - хотите колечко...

Отставив в сторону мизинец, она протянула руку. Он наклонился и большим заскорузлым пальцем осторожно тронул маленькую голубую бирюзинку на тоненьком витом колечке.

- Это чего? Золото?

- Да, дедушка. Чистое золото.

- Откедова у тебя?

- Это, дедушка, подарок. Это мне покойная мать, когда я еще девочкой была, подарила...

Он стоял, придерживая двумя руками лодку, и хмуро смотрел на женщину.

- Мать, говоришь? Подарила?.. Ну, ладно, садитесь...

И тут, когда Александра Сергеевна добилась своего и взглянула на лодку, которая уже юлила и колыхалась на воде, ее охватила робость.

- Дедушка! - крикнула она. - А лодка у вас прочная?

- Ась? - переспросил он. - Садись, я тебе говорю!..

- Мама... да садись же! - кричал Ленька. Он уже стоял в лодке и протягивал ей руку.

Она вздохнула, зажмурилась, перекрестилась и, придерживая подол юбки, шагнула на шаткие досочки кормовой банки.

Через минуту лодка уже развернулась и быстро шла наискось по течению. И опять Ленька не испытывал никакого удовольствия. Страх, который охватил Александру Сергеевну, невольно передавался и ему. Крепко зажмурившись и вцепившись одной рукой в борт лодки, а другой в Ленькино плечо, она поминутно наклонялась, вздрагивала и шептали:

- Боже мой, боже мой, как ужасно, как страшно качает!

- Мама... да где же качает? - сердился Ленька. - Ты посмотри - ни одной же волны нет!

Старик уверенно, легко, по-молодому работал веслами. Иногда он взглядывал на Александру Сергеевну, усмехался, щурил глаза и качал головой.

- Робеешь, баба? Не робей! - вдруг закричал он, показав на мгновение белые крепкие молодые зубы.

И почему-то этот веселый крик, прокатившийся эхом по реке, и неожиданная мальчишеская улыбка старика вдруг успокоили Александру Сергеевну. Ленька сразу почувствовал, что рука ее обмякла и уже не так судорожно сжимает его плечо.

На правом берегу пристали у каких-то дощатых мосточков. Стоя в лодке и помогая Александре Сергеевне подняться на мостки, рыбак сказал:

- Поидете по левой руке, - наверх. Там деревня Воронино... Оттедова на Большие Соли путь держите.

Александра Сергеевна поблагодарила его и стала стягивать с мизинца кольцо.

- Ладно, иди, - сказал он, махнув рукой.

- Что? - не поняла Александра Сергеевна.

- Иди, я говорю, иди, бог с тобой...

- Дедушка... нет... как же...

- Иди, тебе говорят! - закричал он и так сильно топнул ногой, что заколыхался вместе с лодкой.

Ленька услышал, как мать всхлипнула. Она постояла, разглядывая кольцо, потом быстро натянула его на палец, еще быстрее наклонилась и, рискуя упасть в лодку, обняла старика и поцеловала его в загорелый лоснящийся плешивый лоб.

- Спасибо вам, дедуся, - сказала она сквозь слезы.

- От дура-баба, - засмеялся он, утирая лоб, и опять на несколько секунд блеснули его ослепительно-белые не стариковские зубы.

В деревне Воронино Александра Сергеевна и Ленька долго и безуспешно блуждали из дома в дом в поисках подводы. Почему-то никто не хотел ехать. Им пришлось пройти еще полторы-две версты до соседнего хутора, где какая-то лихая баба, соблазнившись полуфунтом сахара и катушкой ниток, которые ей обещала Александра Сергеевна, согласилась доставить их домой. Они погрузились (сделать это было нетрудно, так как весь багаж их на этот раз состоял из бидончика с бордосской жидкостью) и во второй половине дня восемнадцатого июля, на тринадцатый день белогвардейского мятежа, прибыли в Чельцово.

...Нянька, выбежав на крыльцо, рыдая, упала на грудь Александры Сергеевны.

- Ох, матушка... Александра Сергеевна!.. Ох, бедненькая вы моя!.. Золотце... Ягодка...

- Что? Что? - говорила, бледнея, Александра Сергеевна. - Что-нибудь случилось? Дети?

Но они уже, смеясь и плача, сами бежали ей навстречу.

Опять Леньку душили сильные и мягкие объятия, опять чужие и свои слезы, смешиваясь, текли ему за воротник.

Умываясь в сенях, он слышал, как нянька говорила матери:

- Ведь каких мы тут мук приняли, голубушка вы моя, Александра Сергеевна!.. И за вас-то, бедняжечек, сердце кровью изошло... Ведь мы каждый вечер с ребятами на мельницу ходили смотреть, что в Ярославле делается...

- Неужели отсюда видно что-нибудь?

- Где уж не видно!.. На полнеба полымя стоит... Уж мы вас, голубчиков, и видеть не чаяли... А они - вот они - приехали!.. Господи, милые мои, и где это вас так изодрало, измочалило?.. Матушка, Александра Сергеевна, а у нас-то тут что творилось!.. Ведь не успели вы, голубчики, уехать, опять эти черти, разбойники, прости меня грешную, нагрянули... Ведь что делалось-то, солнышко вы мое!.. Кровь стынет, вспомнить не могу, слезы душат...

Голос у няньки задрожал, она всхлипывала.

- Василия-то Федорыча... Кривцова... председателя нашего знали небось?

- Господи, ну как же... Что с ним?

Скользкий обмылок выскочил из Ленькиных рук. С намыленным лицом, с засученными рукавами он вбежал в горницу.

- Что? Няня!.. Что случилось с Василием Федоровичем?

Старуха слабо махнула рукой.

- Ничего, Лешенька... Иди... Иди, детка, не слушай...

И вдруг уронила седую простоволосую голову на стол и заплакала, запричитала так, как умеют плакать и причитать только деревенские бабы:

- Зарезали... Зарезали его, окаянные!..

- Насмерть? - закричал Ленька, чувствуя, как сжимается у него горло и заходит сердце.

- Посреди улицы... вилами его... топорами... сапогами топтали...

- Умер? - чуть слышно выговорила Александра Сергеевна. И, быстро повернувшись к сыну, сказала: - Леша, я очень прошу тебя, выйди, пожалуйста.

При всем желании, он не мог этого сделать. Ноги его подкосились. Пошатываясь, он прошел к столу и опустился на лавку.

Сморкаясь и вытирая передником заплаканное лицо, нянька рассказывала:

- Жена его, Фекла Семеновна, дай бог ей здоровьица, вырвала его, на плечах унесла от злодеев... В Нерехту в тот же час его повезла. Да где уж!.. Небось и схоронила его там, голубчика. Где ж, матушка вы моя, Александра Сергеевна, после такой лютой казни выжить человеку? Ведь на нем, родненьком, ни одного цельного места не осталось, ни единой кровиночки в лице его белом не сыскать было...

В сумерках Ленька вышел на улицу. Как будто никаких перемен не случилось за это время в деревне. На завалинках тут и там сидели и гуторили бабы и мужики. Бегали и шумели ребята. Тявкали по дворам собаки. С Большой дороги доносились девичьи голоса, песни, звуки гармоники.

Еще издали Ленька заметил, что над крыльцом председателевой избы нет флага. Подойдя ближе, он увидел, что над навесом крыльца криво торчит утыканная гвоздями палка, а на этих черных обойных гвоздиках висят, шевелятся на ветру розовые выцветшие нитки.

Он обошел избу, заглянул в темные, заклеенные газетными полосками окна, поднялся на крыльцо, потрогал зачем-то пальцем большой ржавый замок, висевший на засове. Сердце его больно защемило.

Когда он возвращался домой, у ворот нянькиной избы его нагнала шумная ватага мальчишек.

- Эй, питерский! - окликнул его знакомый голос.

Ленька оглянулся и узнал Хорю. Молодой Глебов был почему-то в коротеньких, ниже колен, городских штанах и в тупоносых новых штиблетах. Из-за пояса у него торчал настоящий длинный винтовочный штык.

- Здорово, - сказал он, подходя к Леньке, улыбаясь и протягивая руку. Приехал? Сегодня? Играть пойдешь?..

Ленька хотел что-то сказать, но губы у него вдруг задрожали, из глаз брызнули слезы. Ничего не видя, он оттолкнул протянутую руку, ударил Хорю кулаком в грудь, и голосом, которого сам испугался, закричал:

- Иди к чегту! Гыжий!..

ГЛАВА VII

Ярославский мятеж был подавлен. Окруженные плотным кольцом советских войск, понимая, что дело их проиграно, белогвардейцы в последнюю минуту решили пойти еще на одну авантюру. В Ярославле в момент мятежа находилось большое количество пленных немцев, которых Советская власть, выполняя условия Брестского мирного договора²⁷, отправляла на родину - в Германию. Немцы не принимали никакого участия в военных действиях, хотя мятежники и пытались заставить их силой сражаться на своей стороне. В последнюю минуту, когда советские броневики уже приближались к центральным улицам Ярославля и под ногами у мятежников, как говорится, горела земля, они вдруг объявили немцев своими врагами. Они заявили, что не признают заключенного большевиками Брестского мира, что Россия, которую они представляют, находится в состоянии войны с Германией и что на этом основании они все до последнего сдаются в плен - пленным немцам. Немцам они, конечно, были ни на что не нужны, но, подчиняясь силе, так как у мятежников было оружие, а пленные его не имели, - они вынуждены были разоружить перхуровцев и посадить их под замок - в тот самый Волковский театр, в котором только что томились сами. Конечно, советские войска, заняв город, не посчитались с этой хитроумной сделкой. Немцы поехали на родину, а мятежники оказались в руках тех, против кого они подняли оружие.

Двадцать второго июля восемнадцатого года над древним волжским городом вновь взвился красный флаг Советов.

Недели через две после этого, в первых числах августа Ленька с матерью опять ехали пароходом в Ярославль. Александра Сергеевна не забыла, что у Леньки был дифтерит, что самый опасный период болезни он провел на ногах, в холодном сыром подвале, и, хотя Ленька ни на что не жаловался и чувствовал себя прекрасно, решила все-таки, что нужно показать его опытному врачу.

Облаченный в потертую темно-синюю матросскую куртку, из которой он уже успел вырасти и которая после реалистской шинели казалась ему чересчур игрушечной, детской, Ленька стоял в толпе пассажиров на палубе волжского парохода "Коммуна" и, вытягивая шею, смотрел туда, куда смотрели и показывали пальцами все остальные.

Он еще не забыл ослепительный сон, который приснился ему месяц назад, когда, с трудом приподняв над скамейкой тяжелую воспаленную голову, он выглянул в окошечко иллюминатора и в лицо ему приятно и несильно хлестнул свежий волжский ветер. Он еще хорошо помнил этот хрустальный, сахарный город-сказку, белоснежную чистоту его башен и колоколен, кудрявую зелень садов, плавающая в голубом небе золото, - и не мог поверить, что сейчас перед ним тот самый, приснившийся ему город...

Какие-то гнилые зубья торчали на высоком, уже не зеленом, а рыжевато-буром, спаленном берегу, какие-то сахарные огрызки лежали на кучах черных потухших головешек... И ни одной башни, ни одной колокольни, ни одной искорки золота в аквамаринном августовском небе!..

В самом городе разрушения не так бросались в глаза. Правда, от многих кварталов ничего не осталось, и проезд в этих районах был закрыт. Но были дома, кварталы и даже

²⁷ "...Выполняя условия Брестского мирного договора..." - 3 марта 1918 года, чтобы прекратить кровопролитную войну, Советское правительство заключило мирный договор с Германией, получивший название Брестского договора. Левые эсеры, не признавая этого договора, пытались спровоцировать войну, подняли контрреволюционный мятеж в Москве и Ярославле.

целые улицы, не пострадавшие от обстрела. В одном из таких не слишком пострадавших переулков Александра Сергеевна, после долгих блужданий, разыскала дом, у крыльца которого поблескивала медная дощечка:

Докторъ
Б.Я.ОПОЧИНСКИЙ
Дѣтскія болѣзни

Открывшая на звонок молодая женщина объявила, что доктора нет, что он уже который день не ночует дома, - работает в госпитале на Борисоглебском шоссе.

- Что же нам делать? - сказала Александра Сергеевна, когда дверь перед ними захлопнулась.

- Ничего... очень хорошо, - обрадовался Ленька. - Поедем обратно!..

Большого желания встречаться с доктором у него не было. Он еще не забыл острой колючей иголки, которую всадил ему в ногу этот розовощекий весельчак. Но Александра Сергеевна держалась другого мнения на этот счет.

- Нет, мой дорогой, - сказала она. - Ехать несолоно хлебавши обратно я не могу. Придется идти искать госпиталь. Если не найдем Опочинского, покажем тебя кому-нибудь другому.

...Госпиталь, куда они добирались часа полтора, помещался в старинном здании городской больницы - на окраине города. Оставив Леньку в больничном саду и наказав ему сидеть и ждать ее, Александра Сергеевна отправилась на розыски доктора.

Леньке никогда не приходилось самому лежать в больнице. Но бывать в больницах и лазаретах ему случалось много раз. В Петрограде район, где они жили, почему-то изобиловал всякими лечебными учреждениями. По соседству с их домом помещалась Александровская городская больница. Подальше, за Технологическим институтом, расположились корпуса огромной Обуховской больницы. На Фонтанке у Калинкина моста почти рядышком стояли - Кауфманская община сестер милосердия, Крестовоздвиженская община и Морской госпиталь. Во всех этих больницах и госпиталях имелись домовые церкви, куда мать перед праздниками водила Леньку ко всеобщей. В годы войны больницы были переполнены ранеными. Ленька не бывал, конечно, ни в палатах, ни, тем более, в операционных, не видел тяжело раненных и умирающих и, может быть, поэтому у него создалось представление о больнице, как о чем-то очень уютном, благополучном, безмятежном и трогательном. На всю жизнь запомнилась ему эта особенная, церковно-больничная благостная атмосфера - смешанный запах йодоформа и ладана, серые и кофейные халаты раненых, белоснежные косынки сестер милосердия с рубиновыми крестиками над переносицей, забинтованные головы, руки на черных повязках, постукивание костылей, шуршание резиновых шин и шлепанье туфель по керамиковым плиткам коридоров...

И сейчас, когда он сидел на зеленой садовой скамейке и дожидался матери, а вокруг него сидели и ходили, опираясь на костыли, молодые и пожилые люди в серых и кофейных халатах, Ленька не чувствовал ни страха, ни смущения, ни даже сочувствия к этим людям. Это была красивая, умирительная картина, напоминавшая ему детство, Петроград, садик Морского госпиталя, где так же вот бродили и сидели за решетчатой оградой раненые и увечные воины...

По дорожке мимо него медленно шел, покачиваясь на двух костылях, высокий бородатый раненый. Тяжело подпрыгивая на одной ноге, он осторожно нес вторую - укороченную на одну четверть и плотно замотанную бинтами.

Увидев рядом с Ленькой свободное место, раненый приостановился, широко расставив костыли.

- Эх, посидеть, что ли? - сказал он и, заноса костыль, лихо заковылял к скамейке.

Ленька привстал, хотел помочь ему, но раненый ловко сложил оба костыля вместе, повернулся на каблуке здоровой ноги и плюхнулся на скамейку, вытянув вперед свою толстую забинтованную культю.

- Сидишь? - сказал он, искоса посмотрев на Леньку и вытирая марлевой тряпочкой вспотевшее лицо.

- Да, - скромно ответил мальчик.

- К отцу пришел?

- Нет.

- А кто? Брат? Крестный?

Леньке было ужасно стыдно признаться, что у него никто не лежит в госпитале.

- Я сам, - пробормотал он, краснея. - Меня мама привезла - показывать доктору.

- Болен, значит? А какая болезнь?

- Так... пустяки... дифтерит, - усмехнулся Ленька, всем видом своим желая показать, что, если бы не мама, он, конечно, никогда бы не решился тащиться в госпиталь с такой ерундой. - А вы что, раненый? - сказал он, показывая глазами на забинтованную ногу соседа.

- Нет, милый. Я уже не раненый. Я уже инвалид. Раненый - это когда, знаешь, полежишь, полечишься, да и снова на войну идешь. А уж мне теперича до самой смерти - только что разве с тараканами на печке воевать...

Бородач засмеялся, покачивая и поглаживая свою толстую ногу, а Ленька вдруг почувствовал, что в горле у него защекотало, и, чтобы заглушить эту щекотку, поспешил спросить:

- А вы где... То есть, вас где ранило?

- Ранило-то? А здесь, под Ярославлем.

- Значит, вы с белыми воевали?

- А с кем же еще?... С ними...

Бородач нахмурился, помолчал, подумал и, покачав свою культю, с усмешкой сказал:

- Ведь вот, подумай, чудеса какие! А? Четыре года с немцем воевал. С австрияком воевал. Ни одной царапины... А тут - на русской земле, в русской губернии, от русской руки чуть смерть не принял.

- А вас - из чего: из пушки или из ружья?

- Из ружья, да... Называется английская разрывная пуля "дум-дум".

- Почему английская?

- А это уж ты, милый, у них поди спроси: откуда они английские боеприпасы получили?

Раненый опять вытер тряпочкой лицо.

- Не куришь? - спросил он, посмотрев на Леньку.

- Нет еще, - застенчиво ухмыльнулся Ленька.

Внезапно где-то очень близко, за углом здания, грянула духовая музыка. Тоскливые, медлительные и вместе с тем гневные звуки похоронного марша, извергаясь из медных жерл, понеслись к осеннему небу.

Ленькин сосед прислушался, крикнул, покачал головой.

- Повезли... опять, - сказал он мрачно.

- Кого повезли?

Бородач не ответил.

- Сволочи... иуды... золотопогонники, - пробормотал он сквозь стиснутые зубы.

Как и всякий другой мальчик, Ленька не мог усидеть на месте при звуках военного оркестра. Что бы ни играли медные трубы - кавалерийский галоп, церемониальный марш или траурный реквием, - ноги мальчика сами собой устремляются в ту сторону, где стучит барабан, гудят генерал-басы, поддакивают им баритоны и поют, заливаются корнет-а-пистоны и валторны.

И на этот раз Ленька не устоял перед искушением. Он забыл, что мать приказала ему сидеть на скамейке и ждать ее, забыл, что не знает расположения больницы и может потеряться...

- Я, пожалуй, пойду... посмотрю, - смущенно объяснил он соседу, сползая со скамейки.

- Что ж. Посмотри иди, - сказал тот.

...Свернув за угол и пробежав под какой-то аркой, Ленька остановился, ослепленный блеском медных труб. Он не сразу понял, что делается во дворе. У приземистого кирпичного здания с золотым крестом над кирпичным же куполом стояла высокая, обитая железом платформа, на каких обычно возят мясо и бидоны с молоком. Огромный гнедой битюг стоял под тоненькой полосатой дугой, расставив мохнатые ноги и опустив гривастую голову, в челку которой была вплетена красная лента. Какие-то люди в военной и штатской одежде медленно выносили из часовни и осторожно устанавливали на платформу бурые, похожие один на другой, гробы. Толпа женщин и военных окружала эти похоронные дроги. А в стороне, у чугунной ограды, под старым раскидистым тополем грудился небольшой военный оркестр, и золоченые трубы его под неспешный такт барабана на разные голоса печально и торжественно пели:

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
В любви беззаветной к народу
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу

Ленька снял фуражку и подошел ближе. В толпе громко, навзрыд плакали. Гробов на телеге стояло уже не меньше десяти, а их все выносили и выносили.

- Простите, пожалуйста, это кого хоронят? - вполголоса спросил Ленька у маленького, похожего на татарина, красноармейца, с серой, стриженной под машинку головой. Тот покосился на него, мрачно посопел и ответил:

- Тех, кто за нас с тобой кровь пролил.
- Убитые?
- Однополчане мои. Товарищи. Первый Советский пехотный полк. Слышал?
- Нет, - сказал Ленька.

Из часовни выносили еще один гроб. Чтобы получше рассмотреть его, Ленька привстал на цыпочки и вдруг увидел в толпе женщин знакомое лицо. Он не успел удивиться и не успел спросить себя, что может здесь делать жена Василия Федоровича Кривцова, как сердце его, похолодев, само ответило ему на этот вопрос.

Кривцова стояла подальше других. Она не плакала, но бледные сухие губы ее были болезненно сжаты, а широкие калмыцкие скулы медленно двигались, как будто женщина пыталась перетереть зубами что-то очень твердое - камешек или гвоздь.

Музыка смолкла. Слышнее стали плач и причитания женщин. Толпа задвигалась. Какой-то черноволосый курчавый человек в белой русской рубашке, забравшись на краешек платформы и опираясь на штабель красных гробов, что-то говорил - то громко, почти крича, то совсем тихо, грозным шепотом.

Ленька ничего не видел и не слышал. Он протискивался через толпу, боясь потерять из виду Кривцову.

Телега с гробами тронулась. Женщины с плачем побежали. Кто-то на бегу толкнул Леньку. Он уронил фуражку, нагнулся, чтобы поднять ее, его опять чуть не сбили с ног. Когда он поднялся и выбрался из толпы, навстречу ему шла Кривцова.

Шла она позади всех, наклонив голову и покусывая кончик своего белого головного платка.

- Здравствуйте, - сказал Ленька.
- Здравствуйте, - безучастно ответила она, не останавливаясь и не поднимая глаз.
- Фекла Семеновна, - сказал он. - Вы что, не узнали меня?

Она остановилась.

- Ты кто? Постой... Да ведь вы из Чельцова? Питерский?

Что-то вроде улыбки мелькнуло на ее изможденном осунувшемся лице.

- Давно ли?..

- Я только что. Сегодня, с мамой приехал. А вы...

Он запнулся, не решаясь даже спросить, что привело ее в это страшное место.

- А я?.. Я у Василия Федоровича была.

- Где?

- Навещать приходила. Здесь он...

Ленька схватил ее за руку.

- Фекла Семеновна! Он жив?

- Живой, живой, - улыбнулась она усталой, измученной улыбкой и, выбрав свою большую грубую руку из Ленькиной руки, погладила его по голове. Выходили его, спасибо. Уже четвертый день в памяти лежит. А до этого худо было. Не надеялась уж. Думала, что вот так же... с музыкой повезут. Ведь на нем еще в Нерехте доктора восемнадцать ран насчитали. Вы небось знаете, слышали, какую над ним казнь эти ироды учинили?..

- Фекла Семеновна! - жалобным голосом воскликнул Ленька. - А где он? Посмотреть на него можно?

- Что ж, - сказала она. - Пойдем сходим. Он рад будет.

Она вела его за руку, а где-то впереди, уже за оградой больничного сада, на улице, глухо стучал барабан и все тише и тише пели трубы:

Прощайте же, братья, вы честно прошли

Свой доблестный путь благородный

...В больницу они проникли с черного хода, какими-то темными коридорами, где нехорошо пахло и стояли прислоненные к стене грязные брезентовые носилки. Фекла Семеновна знала здесь все ходы и выходы, и ее тоже все знали. У застекленной двери палаты их окликнула высокая худая женщина в белой косынке:

- Кривцова?! Голубушка, ты куда? Без халата!

- Дунечка... милая... на минутку... Сейчас уйдем.

- Ты же была только что...

- Да вот - с землячком повстречалась. Друзья они с Василием Федоровичем.

- Это ты землячок? - сказала женщина, с усмешкой посмотрев на Леньку.

- Пожалуйста... на минутку, - пробормотал Ленька, шаркая зачем-то ногой.

- Ну, бог с вами, идите. Недолго только. Сейчас обход будет.

Большая больничная палата была плотно забита койками. Не успел Ленька переступить порог, как в носу у него защекотало от крепкого запаха аптеки, уборной и кислых сетковых щей. Он робко шел за Феклой Семеновной, а со всех сторон смотрели на него из-под бинтов и повязок - любопытные и бесстрастные, голубые, карие, серые, веселые, грустные, злые, добрые, измученные и уже потухающие глаза. Во всех углах разговаривали, кашляли, бредили, стонали, смеялись, щелкали костяшками домино, стучали кружками и оловянными мисками...

Кривцов лежал в самом конце палаты, у окна. Ленька в испуге остановился, увидев, как похудел и осунулся председатель. Он стал еще больше похож на угодника с иконы. От белых бинтов, которыми была замотана его голова, лицо его казалось еще темнее. Красивая русая борода была коротко острижена. Он лежал на спине, полузакрыв ввалившиеся глаза, и шевелил губами.

- Василий Федорович, не спишь? Гостя прицела...

Он с трудом открыл глаза, неудобно повернул голову и прищурился.

- А-а! - сказал он слабым голосом, улыбаясь и делая попытку приподняться на локте. - Здравствуйте! Это как же вы? Какими судьбами?

- Я так... случайно, - забормотал Ленька, тоже пробуя улыбнуться. - Мы ведь не знали, не думали, что вы...

- Думали, что я богу душу отдал? Да?

Он держал Ленькину руку в своей большой теплой руке и с улыбкой смотрел на мальчика.

- Я рад, - сказал он тихо.

Ленька присел на корточки. Он тоже чувствовал огромную радость, он чувствовал нежность к этому большому, сильному, связанному бинтами и прикованному к постели человеку, но не знал, какими словами сказать об этом.

- Вы садитесь, - зашевелился Кривцов. - Вот табуреточка... Скиньте с нее... Фекла, помоги...

На табуретке стояла бутылка с молоком, лежали круглый хлеб, яйца, несколько огурцов и тоненькая книжечка с вложенным в нее карандашом.

- Ничего... спасибо, - сказал Ленька. - Я так. Мне ведь скоро идти...

Он сидел на корточках и несмело поглаживал руку Василия Федоровича.

- Ну, что там у нас... дома, в деревне? - полузакрыв глаза, спрашивал Василий Федорович.

- Ничего... так... все в порядке, - бодрым голосом отвечал Ленька, чувствуя на себе беспокойный, настороженный взгляд Феклы Семеновны. - Ваша изба в целости... Я заходил, видел.

- Да я не о том. Я хотел спросить: кто там у нас верховодит? Глебовы-то еще хозяйничают?

- Да. Федор Глебов на днях лавку открыл. Торгует. Сыновья его, которые раньше в лесу скрывались, теперь дома живут. А с Хорькой я не играю больше.

- Это почему ж так?

- Вы же знаете, почему, - нахмурился Ленька.

Он смотрел на Кривцова и думая, что председатель очень изменился. Не в том дело, что его остригли и что он похудел. Голос у него был расслабленный, больной, но в этом голосе не было уже тех нежных, девичьих ноток, которые так поразили Леньку когда-то в сумерках на Большой дороге.

- Ничего, - говорил он с невеселой усмешкой. - Пускай похозяйничают, потешатся напоследок... Ведь, дураки пошехонские, не понимают и понять не хотят, что Советская власть - навечно, что ее ни вилами, ни топорами, ни английскими пулеметами не сокрушить... Помните? - сказал он, открывая глаза. И опять в его голосе зазвучали теплые певучие нотки, когда, приподнявшись на локте, он хрипловатым голосом медленно, упирая на букву "о", прочел:

Рать подымается

Неисчислимая!

Сила в ней скажется

Несокрушимая!

- Это что? Откуда? - спросил Ленька.

- А это у Некрасова. Не читали разве? "Русь" называется... Несокрушимая!.. Это ведь про нас с тобой сказано, про наше времечко!..

- Василий Федорович, - сказал Ленька. - А это правда, что у вас...

Он запнулся.

- Что это у меня?

- Что у вас - восемнадцать ран?

Кривцов негромко посмеялся в бороду.

- Не знаю, дружок. Я не считал.

- Да, да, правда... Мне Фекла Семеновна говорила.

И, наклонившись к раненому, Ленька покраснел, как девочка, и сказал:

- Ведь вы - знаете, Василий Федогыч, кто? Вы - гегой.

- Ну вот! Придумали... Я, дорогой мой, русский мужик. А русский мужик сильный, он все выдюжит. Это вот она у меня действительно героиня, - сказал он, улыбаясь и показывая глазами на жену, которая молча стояла у него в изножий, облокотившись на спинку кровати. - Ведь это она меня от смерти спасла...

- Полно тебе, Василий Федорович, - заливаясь румянцем, ответила Фекла Семеновна. - Не я тебя спасла, а дохтор... Вот он идет! - сказала она вдруг испуганным шепотом.

Ленька оглянулся.

Через палату быстро шел, размахивая руками и держа направление прямо к нему, невысокий румяный человек в белом халате и в белой кругленькой шапочке, сдвинутой на

затылок.

- Позвольте, хе-хе, - говорил он, двигая густыми черными бровями. - Это что такое? Товарищ Кривцова, это как же вы, хе-хе, без халата сюда? И кто вас пустил?

- Прости, батюшка. Я сейчас. Я на минутку, - забормотала Фекла Семеновна.

Ленька поднялся и смущенно смотрел на доктора. Он сразу узнал его.

- А это что за птица? - сказал тот, останавливаясь и разглядывая мальчика. - Хе-хе. Интересно... Ты как сюда попал, попугай?

- Это ко мне, Борис Яковлевич, - слабым голосом сказал Кривцов.

- Я так... на минутку... зашел. Здравствуйте, доктор, - сказал Ленька, вежливо кланяясь и шаркая ногой.

- Хе-хе. Постой! Где я тебя видел? - сказал доктор, взяв мальчика за подбородок. - Ты у меня лечился когда-нибудь?

- Еще бы... Вы разве не помните? Вы же меня кололи...

- Хе-хе. Колол! Я, мой друг, за свою жизнь, хе-хе, переколол, вероятно, хе-хе, десять тысяч мальчиков и такое же количество девочек. Где? Когда? Напомни.

- Этим летом. В гостинице...

- А-а! Постой!.. В Европейской?.. Хе-хе. Помню. Дифтерит?

- Да.

- Черт возьми! Хе-хе. Почему же ты не в больнице?

- Мне некогда было, - сказал Ленька. И он коротко рассказал доктору о своих ярославских злоключениях.

- Черт! - сердито повторил доктор. - Хе-хе. Ерунда какая... Чушь собачья. Иди сюда!

Он схватил мальчика за плечо и подвел к окну.

- Открой рот.

Ленька послушно открыл рот.

- Скажи "а".

- А-а, - сказал Ленька.

- Еще. Громче.

- А-а-ы-ы, - замычал Ленька, поднимаясь на цыпочки и выкатывая глаза.

- Хе-хе. Н-да. Странно. А ну, открой рот пошире. Горло не болит?

- Э, - сказал Ленька, желая сказать "нет".

- И не болело?

- Э...

- Мать жива?

- Жива.

- Братья и сестры есть?

- Есть.

- Живы?

- Живы.

- Здоровы?

- Здоровы.

- Н-да, повторил доктор. - Исключительная история!.. Никогда, хе-хе, ничего подобного не видел. За десять лет практики... Первый случай.

- Может быть, маму позвать? - оробев, предложил Ленька. - Они здесь... Мы ведь для этого и приехали, чтобы вам показаться...

- Жалко. Напрасная трата времени. Ехать вам, хе-хе, совершенно незачем было. Вы, молодой человек, здоровы как бык. Понимаете?

- Понимаю.

- Повторите.

- Как бык.

- Ну, а в таком случае, хе-хе, делать тебе здесь, хе-хе, совершенно нечего. Прощайся с больным и проваливай. - И, взяв мальчика за плечо, доктор шутливо подтолкнул его

коленом.

Ленька торопливо попрощался с Кривцовым, поклонился доктору и побежал к выходу. Уже надевая фуражку, он вдруг вспомнил что-то, оглянулся и крикнул:

- Василий Федорович! Я и забыл... У меня подарок для вас есть. Вы слышите? Поправляйтесь! Приезжайте скорее.

Кривцова он не увидел и голоса его не расслышал. Но Фекла Семеновна, помахав мальчику рукой, крикнула:

- Мамане твоей кланяться велит!..

...Александру Сергеевну Ленька нашел в саду. Еще издали он увидел ее серый жакет и белую с черной ленточкой панамку. Мать стояла у той самой зеленой скамейки, где полчаса тому назад он разговаривал с бородатым раненым. Сейчас этот бородач стоял на растопыренных костылях и что-то оживленно объяснял Александре Сергеевне, показывая рукой в ту сторону, куда убежал мальчик.

Ленька выбежал в сад из другого подъезда и появился с другой стороны.

- Мама! - окликнул он ее.

Александра Сергеевна оглянулась. Лицо ее запылало гневом.

- Негодный мальчишка! - накинулась она на Леньку. - Ты где был столько времени? Я тебя ищу по всему саду.

- Мама... погоди... не сердись, - перебил ее Ленька. - Ты знаешь, кого я сейчас видел?

- Кого еще ты там видел?

- Василия Федоровича... Кривцова.

- Ты выдумываешь, - сказала она. - Где ты его мог видеть? Ты ошибся, наверно.

- Как же ошибся, когда я с ним, как с тобой вот сейчас...

- Он жив?..

- Ну конечно, жив... Он кланяться тебе велел. Его жена, Фекла Семеновна, из Нерехты на товарном поезде привезла... У него - знаешь сколько? - восемнадцать ран было!..

- Хорошо, - сказала Александра Сергеевна. - Ты после расскажешь. Давай пошли в приемный покой. Сейчас должен прийти доктор Опочинский. Его очень трудно поймать...

- А зачем его ловить? - сказал Ленька. - Я его уже видел.

- Как видел?

- А так вот. Как тебя сейчас.

- А он тебя видел?

- Видел. И в горло мне смотрел. И сказал, что я здоров как бык. И сказал, чтобы мы сию же минуту проваливали отсюда.

Александра Сергеевна все-таки дождалась доктора. И он повторил ей то, что уже говорил Леньке: что мальчик совершенно здоров и что в его многолетней практике детского врача не было еще такого случая, чтобы у ребенка, на ногах перенесшего дифтерит, не осталось бы никаких следов этой болезни. Он объяснил это каким-то "нервным шоком". И сказал, что когда он будет немножко посвободнее, он попробует даже написать об этом заметку в ученый медицинский журнал.

...На обратном пути у Леньки произошла еще одна неожиданная встреча со старым знакомым.

Ехали они с матерью на том же пароходе "Коммуна".

Пароход был свыше меры забит пассажирами. Люди сидели и стояли где только можно было: и на палубах, и в каютах, и в узеньких коридорах...

Пользуясь слабыхарактерностью матери и тем, что на этот раз рядом с ним не было Нонны Иеронимовны, Ленька свободно разгуливал по пароходу, выходил на палубу, толкался в буфете, заглядывал в машинное отделение...

"Коммуна" подходила к пристани. У выхода столпились пассажиры. Ленька подошел посмотреть, как будут бросать чалку, и вдруг увидел в толпе молодого Пояркова.

Подпоручика было трудно узнать. Похудевшие, ввалившиеся щеки его заросли густой рыжеватой щетиной. Левая щека около носа была заклеена крест-накрест белым аптечным

пластырем. Одет он был в старенький, с чужого плеча брезентовый плащ с накинутым на голову капюшоном. Этот капюшон, пластырь и небритые щеки делали его похожим на какого-то старинного разбойника или беглого каторжника.

"Он или не он?" - думал Ленька, медленно приближаясь к Пояркову и не спуская с него глаз. Тот почувствовал на себе взгляд мальчика и повернул голову. Глаза их встретились. Ленька увидел, как под парусиновым капюшоном дрогнули и сдвинулись к переносице брови. Поярков что-то припоминал.

- Что ты на меня уставился, мальчик? - сказал он, пробуя улыбнуться.

- Здравствуйте!

- Здорово!

- Не узнали?

- Нет.

- Забыли, как вы меня тащили по лестнице?

- По какой лестнице? Что с тобой, дорогой? Ты чего-то путаешь.

Ленька оглянулся и тихо, чтобы его не услышали другие, сказал:

- Ведь ваша фамилия Поярков?

Он понял, что не ошибся, когда увидел, как исказилось от ужаса это бледное, заросшее щетиной лицо. Ему даже самому стало страшно. По плечам его пробежал холодный озноб. Что-то вроде жалости шевельнулось в его маленьком сердце. Человек был похож на загнанного зверя. Он был один в толпе чужих, враждебных ему людей. Неверный шаг, неосторожное слово грозили ему смертью. Он был в Ленькиной власти, и мутные голубые глаза его молили о пощаде. Но весь этот немой разговор тянулся не больше одной секунды. Подпоручик быстро справился с собой, усмехнулся и, стараясь говорить как можно спокойнее, сказал:

- Нет, братец, ты ошибся. Это какое-то недоразумение. Такой фамилии и никогда даже не слышал.

И, наклонившись, он поднял стоявшую у его ног небольшую плетеную корзинку и стал протискиваться к выходу.

Пароход мягко ударился о кромку пристани. Началась обычная суматоха. Кидали концы, выдвигали сходни. Потом шумная толпа пассажиров хлынула на берег, и Ленька потерял Пояркова из виду. Минуту спустя он увидел его на высокой дощатой лестнице, ведущей на берег. Подпоручик шел быстро, расталкивая и обгоняя других. Несколько раз он оглянулся, как будто ждал погони...

Взволнованный этой встречей, Ленька вернулся к матери. Она накинулась на него с упреками, заговорила о том, что своим ужасным поведением он вгоняет ее в чахотку, но Ленька даже оправдываться не стал.

- Ты знаешь, кого я сейчас встретил? - сказал он, присаживаясь рядом с нею на чемодан.

- Не знаю и знать не хочу. Я с тобой разговаривать не желаю, гадкий мальчишка.

Он оглянулся и тихо сказал:

- Пояркова.

- Какого Пояркова!

- Ты что, - забыла? Сын хозяина гостиницы. Помнишь? В Ярославле... Офицер, который нас пугал, что потонем...

Александра Сергеевна вздрогнула.

- Где ты его видел? - сказала она.

- Здесь на пароходе.

- Ну и что?

- Ничего... Он вышел на этой пристани.

- Ты кому-нибудь сказал об этом?

- Нет.

Мать пристально посмотрела на него и нахмурилась. И Ленька не понял, осуждает она

его или хвалит.

О Пояркове он скоро забыл.

Он не знал, что в жизни ему еще придется встретиться с этим человеком.

В августе Александра Сергеевна два или три раза ездила в Петроград за вещами. Она не работала, денег у нее не было, да они и не стоили ничего в деревне, где достать что-нибудь съестное можно было только в обмен на соль, сахар, мыло или одежду. Александра Сергеевна привозила из Петрограда свои старые платья, штопаные Ленкины штаны, вязанные Лялины кофточки, скатерти, простыни, сковородки, медные ступки. За бархатное старомодное платье ей давали лукошко картофеля, за чугунную блинную сковородку - пяток яиц.

В деревне Александра Сергеевна еще больше пристрастилась к чтению. Книг она привозила из Петрограда, пожалуй, больше, чем сковородок и полотенец. И, как и раньше, почти все, что читала она, перечитывал вслед за ней и Ленка.

Однажды он увидел на столе у матери большую толстую книгу, переплет которой был обернут газетной бумагой. На двенадцатой странице книга была заложена исчерканной карандашными заметками бумажкой. Ленка разыскал заглавную страницу.

- "Карл Маркс. Капитал. Том первый", - прочел он.

Теперь он уже знал, кто такой Карл Маркс. Ему очень захотелось прочесть эту книгу. Почему-то он был уверен, что в этой книге он найдет что-то очень важное, такое, что поможет ему решить множество тайн и загадок, которые мучили его в то время. Прилежно, не пропуская ни одного слова, он прочел полторы страницы и с огорчением увидел, что ровно ничего не понял.

С ребятами он теперь не играл. Да и на улице появлялся не часто. Когда ему случалось проходить мимо играющих мальчишек, востроносый Хоря выскакивал на середину улицы, паясничал и кричал:

- Эй, чумовой! Моряк с потонувшего корабля! Идем - подеремся!

Ленка краснел, сжимал кулаки, но проходил, не оглядываясь, мимо. Он считал ниже своего достоинства связываться с этим коротышкой.

Сам Ленка за лето сильно вытянулся. Штаны и рубахи, которые привозила из Петрограда мать, были ему уже коротки, с каждым разом их все труднее и труднее было напяливать на себя. Глядя на свои худые длинные кисти, торчавшие из рукавов, и на неприлично голые, исцарапанные коленки, Ленка представлял себя со стороны, и ему вспоминался крестный брат его Сережа Бутылочка.

Подросли, возмужали, отъелись на деревенских хлебах, покрепчали на деревенском воздухе и младшие птенцы Александры Сергеевны. Особенно отличался Вася. Ростом и телосложением он уже давно обогнал старшего брата и, хотя во всем остальном по-прежнему оставался "совершенно нормальным ребенком", читал немного, в меру, любил пошалить, пошуметь, поплакать, физической силы у него было на пятерых, и девать ее мальчику было некуда. Вероятно, именно поэтому его постоянно тянуло туда, куда Ленку и калачами было не заманить. То он помогал соседу запрягать лошадь, то, не жалея сил, по нескольку часов подряд вывозил в тяжелой тачке навоз на нянькин огород, то просто бегал по улице и хлопал, стрелял огромным пастушеским бичом, стараясь, чтобы звук получился погромче - на манер пистолетного выстрела.

Ляля тоже подросла, жила интересами деревенских девочек, бегала смотреть на посиделки, фальшивым, срывающимся голосом пела тягучие девичьи песни, ссорилась и мирилась с подружками, выклиничивала у няньки лоскутки для кукольных платьев... Ленка пробовал учить сестренку читать, но из попыток его ничего не вышло, - учитель он оказался плохой. На первом же уроке он так вспылал, раскричался, что Ляля с воплями выскочила из горницы, после чего образование ее надолго застряло на буквах "А" и "Б".

И все-таки Ленка не скучал. Осенью он еще больше пристрастился к чтению, к одиноким прогулкам. Не обращая внимания на язвительные взгляды ребят и взрослых и рискуя окончательно прослыть "чумовым", он способен был часами бродить под березами

Большой дороги и бормотать стихи.

В одну из своих поездок в Петроград Александра Сергеевна привезла несколько книжек Некрасова. Ленька, который и раньше знал немало некрасовских стихов, теперь буквально упивался ими. Особенное удовольствие доставляло ему читать эти стихи на Большой дороге. Было какое-то очарование в том, что именно здесь, на этой "широкой дороженьке", под этими шишковатыми старыми березами происходили когда-то события, о которых говорилось в стихах. Ведь именно здесь шли гуськом семь русских мужиков, искателей счастья. Навстречу им - той же дорогой брели "мастеровые, нищие, солдаты, ямщики"... Обгоняя их, неслись с базара "акцизные чиновники с бубенчиками, с бляхами" и летел, качался в тройке с колокольчиком "какой-то барин кругленький, усатенький, пузатенький, с сигарочкой во рту"...

И даже дальнее село, голубые купола которого выглядывали из-за холмов, было то самое, о котором рассказывал поэт:

Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная.

И еще одна прелесть заключалась в этих прогулках. И стихи, и места, где он читал их, напоминали мальчику Василия Федоровича Кривцова, единственного человека, к которому он крепко и по-настоящему привязался в Чельцове.

В конце лета в деревню приехала бежавшая из Петрограда от голода Ленькина тетка с дочерью Ирой. Но к этому времени и в деревне было уже не слишком сытно. Поля в этом году стояли наполовину несеянные. В Ярославле мятеж был давно подавлен, но в уездах еще долго шла жестокая борьба, и работать людям было некогда.

В Чельцове царило безвластие. Лавочники Семенов и Глебов торговали медными венчальными кольцами, цветочным чаем и гуталином; дезертиры варили самогон, пьянствовали... В лесах скрывались теперь те, кто стоял за Советскую власть.

В престольный праздник успения сгорела изба Игнатия Симкова, который в отсутствие Василия Федоровича возглавлял комитет деревенской бедноты. Дня через два после этого Ленька проснулся на рассвете, услышав за окном знакомое постукивание пулемета.

Деревню окружал красноармейский отряд.

Полуодетые дезертиры, отстреливаясь, бежали в Принцев лес, куда еще на прошлой неделе нянька водила ребят за грибами и ягодами.

Мать в это время была в Петрограде.

Несколько дней на окраинах деревни и в окрестных лесах шла настоящая война. Однажды пришла нянька и сказала:

- Федора Глебова убили.
- Как убили?!

Еще на днях Ленька видел Хорькиного отца. Рыжебородый возился у себя во дворе, чинил телегу.

- Из лесу кум-от мой шел, - рассказывала нянька. - К сыновьям, чу, ходил, самогонку им и хлеб относил, а может, и еще чего-нибудь. Ну, и попал в не ровен час под пулемет-от...

Ленька подумал о Хоре. Он вспомнил отца, вспомнил, как пусто и холодно стало у него на сердце, когда он узнал о его смерти, представил, что делается сейчас на душе у товарища, и пожалел его.

В тот же день под вечер, хотя нянька и тетка строго-настрого запретили ребятам выходить на улицу, он пошел проведать Глебова.

Игнаша сидел у ворот на лавочке и старательно, с мрачной сосредоточенностью выстрегивал осколком бутылочного стекла деревянную саблю. За открытым окном глебовского дома помигивали желтоватые огоньки свечей. Слышался женский плач. Сухой старческий голос монотонно читал молитву.

Ленька остановился, хотел сказать "здравствуй", но не успел. Хоря оторвался от работы, поднял грязное заплаканное лицо и грубо спросил:

- Чего надо?

- Ничего, - мягко ответил Ленька. - Я так просто... зашел... Хотел сказать, что мне... жалко...

- А-а! Жалко?

Хоря вскочил. Губы его запрыгали. Остроносое веснушчатое лицо исказилось в злобной усмешке.

- Жалко? Тебе жалко? - заорал он, замахаясь на Леньку саблей. Думаешь, я не знаю?..

- Что ты знаешь? - опешил Ленька.

- Смеяться пришел? Сволочь! Погоди, Симкова спалили, скоро и до вас очередь дойдет... И на твою матку пуля найдется...

Ленька ушел обиженный. Почему он - сволочь? Что он такое сделал? Он старался не сердиться на Хоря, оправдывал его, говорил себе, что у Глебовых большое горе, что он и сам небось не понимает, что говорит, но в глубине души он чувствовал, что поссорились они не случайно, что Хоря прав, что ему действительно несколько не жалко рыжебородого Федора Глебова.

...И уж совсем никакой жалости, а самую настоящую радость испытал он, когда, дня три спустя, солнечным осенним утром за окном раздался ликующий мальчишеский голос:

- Хохряковцев ведут!..

Ленька полуодетый выскочил на улицу.

Опять, как и два месяца тому назад, с шумом бежали по деревенской улице, сверкая босыми пятками, мальчишки и девчонки.

Затягивая на ходу ремешок, побежал за ними и Ленька.

На обочине Большой дороги, под желтеющими вековыми березами толпились мужики и бабы. За этой живой изгородью слышался глухой топот множества ног, выкрики военной команды, тяжелое дыхание людей... Ленька с трудом продрался сквозь густую толпу, пробился плечом и головой между чьими-то боками и чуть не наскочил на пожилого красноармейца в выцветшей рваной гимнастерке, который с винтовкой наперевес шел по обочине... За ним шел другой, третий, четвертый... А по дороге, меся осеннюю пыль, нестройными рядами брели пленные бандиты. Были тут и молодые и старые, были - в крестьянской одежде, босые, в лаптях, в домотканых портах, а были и в гимнастерках, в защитных фуражках, в рваных солдатских и офицерских шинелях... Все были грязные, небритые, почти у всех лица были темные от усталости и смертельного страха...

- Бабы, бабы! - послышалось в толпе. - Гляди-кось, Глебовых повели! И Федька и Володька - оба тут...

Ленька привстал на цыпочки, чтобы увидеть Хорькиных братьев, но вместо этого увидел - в двух шагах от себя - няньку. Секлетея Федоровна стояла, подложив руки под черный коленкорový передник, и молча, пригорюнившись, смотрела на дорогу.

В эту минуту где-то в стороне залязгали колеса телеги. Толпа заколыхалась и зашумела:

- Сам... сам... самого везут!..

Ленька опять весь вытянулся и увидел рыжую морду тощей лошаденки, заляпанного грязью красноармейца, который боком сидел на передке и перебирал вожжи, а в телеге - человека с низко опущенной головой. Он сидел на ворохе соломы, спиной к вознице. Руки его были связаны сзади, фуражка надвинута на глаза. Телега проехала мимо, и Ленька, как ни вытягивал шею, не успел ничего разглядеть, кроме грязной окровавленной тряпки, которой было завязано горло атамана, уныло опущенных уголков рта, папиросного окурка, прилипшего к нижней губе, и крохотных, как зубная щетка, усиков.

Толпа молчала. Но вот слева от Леньки оглушительно, в два пальца, свистнул какой-то мальчишка. Кто-то засмеялся, кто-то громко сказал:

- Эвона... напыжился... Стенька Разин недоделанный!..

Еще несколько человек засмеялись. Но тут же заплакали, заголосили, запричитали бабы. Ленька взглянул на няньку и увидел, что старуха тоже плачет. Уголком передника она

утирала морщинистую щеку, по которой скатывалась крупная, как бусина, слезинка.

- Няня, - сказал Ленька, тронув старуху за локоть. - Что это вы? Что с вами?..

Она оглянулась, кивнула ему и, сдерживая слезы, ответила:

- Ничего, Лешенька... Я так... Сердце не выдержало.

...Через два дня вернулась из Петрограда Александра Сергеевна. Она привезла в деревню свежие газеты, в которых сообщалось о покушении на Ленина, - в конце августа на заводском митинге в Москве в него стреляла какая-то женщина, эсерка...

И еще две новости привезла Александра Сергеевна из Петрограда: ушла на фронт Стеша, умерла от голода генеральша Силкова.

Но голод давал себя знать и в деревне. Уже ели хлеб с жмыхами, с лебедой, с картофельными очистками. Понемножку начали прибавлять в пищу и барду, за которой ездили с бочками за двадцать верст на спирто-водочные заводы.

О возвращении в Петроград этой осенью нечего было и думать.

Люди бежали от надвигающегося голода в Сибирь, на юг, в заволжские губернии. Подумав, решила ехать на поиски хлебных мест и Александра Сергеевна.

И вот ребята опять остались на попечении няньки и тетки.

Осень в этом году стояла холодная, ненастная. Часто шли дожди, гулять было нельзя. А в избе было шумно, чадно, тесно. Экономили керосин, лампу зажигали поздно, рано гасили ее. На двор - тоже из экономии - ходили с зажженными лучинами. Потом Вася, на Ленькино несчастье, изобрел какой-то светильник: над ведром с водой приспособил что-то вроде каганца, в который вставлялся пучок лучинок. После этого лампу и вовсе перестали зажигать, и спать стали укладываться раньше - никому не хотелось возиться со светильником. Ленька готов был сам менять лучинки, только бы ему позволили сидеть за книгой, но тетка, зная его рассеянность, запретила ему оставаться одному при таком опасном освещении.

Приходилось ложиться вместе со всеми и до поздней ночи не спать, ворочаться, томиться, слушать, как храпят и стонут во сне нянька и тетка, как сердитым басом бормочет что-то спросонья Вася, как до одури однообразно хлещет по крыше дождь и как уныло, по-старушечьи побряхтывают ходики над головой.

В эти бессонные ночи на выручку мальчику опять приходят стихи.

Он читает их по памяти, сначала про себя, шепотом, потом, забывшись, начинает читать громче, в полный голос. И не замечает, как просыпается тетка и, приподнявшись над подушкой, сердито окликает его:

- Леша! Ты что там опять бормочешь?!

Оборвав себя на полуслове, Ленька прикусывает язык и стыдливо молчит.

- Спать людям не дает! - вздыхает тетка.

Почему-то слова эти страшно обижают мальчика.

- Это вы мне спать не даете, - говорит он хриплым голосом, с ненавистью глядя туда, где белеет в темноте теткина ночная кофта. - Храпите, как сапожник!

- Что-о?! - говорит тетка, и опять белая кофта вздымается над подушкой. - Негодяй, как ты смеешь!.. Боже мой, до чего его распустила мать!

- Не ваше дело, - говорит Ленька.

Тетка взвизгивает.

- Сию же минуту стань в угол! - кричит она.

- Ха-ха! - отзывается Ленька.

- Что? Что? Батюшки мои, что случилось? - раздается на печке испуганный нянькин голос.

От шума и криков просыпается и, не понимая в чем дело, начинает громко плакать Ляля.

Несколько минут в комнате стоит гвалт, как в разбуженном среди ночи курятнике. Потом все успокаивается, и Ленька, утомленный и освобожденный от избытка энергии, засыпает.

...Но теми немногими часами и даже минутами, которые дарило ему скупое осеннее солнце, он пользовался в полную меру. С утра до потемок, до той поры, когда уже больно становилось глазам, он просиживал на своем обычном, давно уже отвоеванном у всех месте - у крайнего окошка - и читал. Двоюродная сестра его Ира - гимназистка пятого класса - ходила в село Красное, помогала тамошней учительнице разбирать школьную библиотеку. За это ей позволяли брать на дом книги. Читал эти книги вслед за сестрой и Ленька, хотя из того, что приносила Ира, мало что нравилось ему. Книги были неинтересные, вялые, многословные - Писемский, Златовратский, Шеллер-Михайлов... Но тут же, среди этих потрепанных книжек, приложений к "Ниве", Ленька открыл для себя Чехова, писателя, которого он знал до этого лишь как юмориста и автора "Каштанки" и "Ваньки Жукова".

Однажды в сумерках, когда за окном шел проливной дождь, мальчик сидел, облокотясь на подоконник, и читал чеховские рассказы. Он только что прочел первые строки "Учителя словесности", рассказа, который начинается с того, что из конюшни выводят лошадей и они стучат копытами, как вдруг на улице застучали настоящие копыта, затарахтели колеса, и совпадение это так испугало Леньку, что он вскочил и отбросил книгу.

- Что? Кто это? - воскликнул он.

- Ой, светы мои!.. Не мамочка ли это наша едет? - засуетилась нянька.

Все кинулись к окнам, прильнули к забрызганному дождем потным стеклам. Но тележка проехала мимо, и скоро шум ее смолк на другом конце деревни.

Поздно вечером, как это часто бывает в сентябре, дождь перестал, небо прояснилось, даже показалось ненадолго красное предзакатное солнце.

Ребята в один голос стали проситься гулять; их выпустили, и вместе со всеми вышел во двор и Ленька. Некоторое время он помогал Васе строить запруду на бурливом, пенящемся потоке, потом, как всегда, разгорячился, поссорился, дал Васе тумака, получил два или три тумака сдачи, сразу охладел к игре и, накинув на плечи синюю курточку, вышел на улицу.

После дождя и после душной, пропахшей всеми возможными и невозможными, деревенскими и городскими запахами избы на улице дышалось легко и свободно. Негрозно, играючи шумели то здесь, то там дождевые ручьи. Остро, по-осеннему пахло яблоками, мякиной, березовым прелым листом.

Ленька дошел до конца деревни, постоял, посмотрел, как догорает закат за вершинами Принцева леса, озяб и повернул обратно. И уже на обратном пути, подходя к кривцовскому дому, он вдруг заметил, что из трубы этого дома идет дым, летят в небо веселые красные искры и что окна избы ярко, по-праздничному озарены.

В первую минуту мальчик испугался, не понял, что случилось. Но вот он вскочил на кособокую завалинку, заглянул в окно и от радости даже засмеялся тихонько.

В избе топилась печь. У шестка ее стояла, склонившись, Фекла Семеновна, наливала в корчагу воду. А за столом, вполоборота к окну, резко освещенный пламенем печки, сидел Василий Федорович - похудевший, осунувшийся, по-городскому стриженный, но тот же милый, чуть-чуть сутулый, смугловатый, весь какой-то золотисто-хлебный и ни на кого другого не похожий... Он ел из деревянной миски, не спеша разминал деревянной ложкой картофель и разговаривал с Симковым и с худощавым, похожим на Фритьофа Нансена человеком в военной форме, которого Ленька уже не один раз видел в деревне.

Ленька хотел постучать в окно и не решился. Несколько минут он ходил под окнами, несколько раз влезал на завалинку, потом поднялся на крыльцо, постоял, потрогал пальцем замок, ненужно висевший с невынутым из скважины ключом, и вдруг вспомнил что-то, ахнул и побежал домой.

В сенях за пустым бочонком, где летом держали квас, был спрятан у него завернутый в рваную мешковину заветный бидончик.

Прежде чем снова выбежать на улицу, Ленька распахнул дверь в горницу и крикнул:

- Няня!

- Ась? - откликнулась старуха.

- Угадайте!

- Что угадайте?

- Василий Федорыч приехал.

- Стой! погоди! Где? Когда? - засуетилась старуха, но Ленька уже хлопнул дверью и минуту спустя бежал по улице, не глядя под ноги, вляпываясь в лужи, боясь, что он опоздает, что Василий Федорович уедет, уйдет, что он не застанет и не увидит его.

На полдороге он чуть не налетел на людей, шедших ему навстречу.

- Знаю, видел я этого хрена, - говорил один из них. - Как же... помню... капитан первого ранга Колчак. В одиннадцатом году на крейсере у нас...

- Добрый вечер, дядя Игнат! - радостно гаркнул Ленька, узнав голос Симкова.

- Вечер добрый, - ответил тот, не останавливаясь.

Прежде чем войти в избу, Ленька еще раз заглянул в окошко. Феклы Семеновны в горнице не было. Не сразу увидел он и председателя. Василий Федорович стоял в тени, в углу, перед книжной полкой и, наклонив голову, сдвинув брови, сосредоточенно разглядывал, вертел указательным пальцем маленький школьный глобус.

С женой его Ленька столкнулся на крыльце. Фекла Семеновна выходила с коромыслом по воду.

- Здравствуйте, Фекла Семеновна! - крикнул Ленька, взбегая по ступенькам ей навстречу.

- Кто это? - не узнала она. И вдруг загромычала и ведрами и коромыслом, распахнула дверь и закричала через большие темные сени:

- Василий Федорыч... встречай... еще гостя бог послал!..

- Кто? - слышался знакомый голос.

Ленька пробежал сени, приоткрыл дверь:

- Можно, Василий Федорович?

Кривцов стоял у стола, по-прежнему держа в руке маленький, как незрелый арбуз, глобус. И лицо его и глобус были ярко озарены пламенем печки.

- Кто там? - сказал он, откидывая голову и прищуриваясь.

- Это я...

- А-а-а! Очень рад, - заулыбался Кривцов, ставя на стол глобус и делая неуверенный, ковыляющий шаг навстречу Леньке. - Вы здесь еще, оказывается? А я думал, - вы уже в Питере.

- Нет, - смущенно улыбаясь, забормотал Ленька, - мы не уехали. В Петрограде ведь голод. Мы, может быть, на юг поедем.

Председатель держал его руку в своей, рассеянно слушал мальчика и кивал головой.

- Ну, ну. Превосходно. А с Хорькой у вас как? Помирились? Нет? А мамаша как? Здорова?

- Василий Федорыч, - сказал Ленька. - А вы поправились? Совсем?

- А чего ж мне?.. Поправился, конечно. Мы ведь, вы знаете, гнемся, да не ломимся. Это ведь про нас, про наше русское мужицкое племя сказано: цепями руки крючены, железом ноги кованы... Только вот с ногой неважно обстоит. Видали, что получилось? - Сильно прихрамывая, Кривцов прошелся по избе.

- Дюйма на полтора покороше стала.

- Василий Федорыч, - краснея, сказал Ленька. - А я вам подарок принес.

- Какой? Что? Бросьте вы.

- Нет, нет, возьмите, пожалуйста, - умоляюще проговорил Ленька, протягивая председателю завернутый в мешковину бидончик.

- Что это?

- Нет, вы газвегните, - сказал Ленька. Но не выдержал, не дождался, пока председатель развернет пакет, и сам объявил:

- Богдосская жидкость!

- Какая? - не понял Кривцов. - Богодуховская? А-а-а!.. Вон оно что!..

Лицо его по-детски просияло.

- Бордосская жидкость?! Пойдите, это где же вы ее взяли?!

Смущенно улыбаясь, Ленька рассказал, где и при каких обстоятельствах ему удалось раздобыть помидорное лекарство.

Кривцов негромко посмеялся в бороду.

- Ну, спасибо, друг. Уважил, порадовал. Дай я тебя... дай я тебе руку пожму.

Он еще раз с удовольствием перечитал надпись на стертой, поцарапанной этикетке, побултыхал бидончик, прикинул его на вес.

- Н-да, брат. Великолепная вещь. Но только боюсь, дорогой, что мне сейчас не до помидоров будет.

- Ну конечно, - понимающе заметил Ленька. - Ведь осень уже...

- Осень-то осень... Да не в этом, дружок, дело. Придется ее, пожалуй, на полочку поставить до поры до времени. Как вы думаете, года два-три постоит, не испортится?

- Не знаю. Зачем же так долго?

- Пожалуй, не испортится. Запаяна ведь. А?

Василий Федорович, прихрамывая, подошел к полке, раздвинул книги и сунул на освободившееся место бидончик. Потом повернулся к Леньке, провел ладонью по своим коротким, стриженным под полку волосам и, застенчиво кашлянув, сказал:

- А меня вы поздравить можете.

- С чем?

- В коммунистическую партию вступил.

- Как?! Вы разве не были?

- Не был, представь себе. Тридцать шесть лет в беспартийных мечтателях ходил. А оказалось, что для мечтаний сейчас не время. Слыхали небось, чего она сделала, эта паскуда?

- Кто?

- Каплан!..

- Да, я знаю, - нахмурился Ленька. - Ленина чуть не убила.

- Ле-ни-на! - повторил Кривцов, подняв над головой указательный палец.

Таким и запомнил его навсегда Ленька. Председатель комбеда стоит посреди избы, за спиной его жарко пылает русская печь, постреливают в ее большой огненной пасти сухие поленья, и все вокруг озарено ярко-розовым полыхающим светом - и черные задымленные стены, и темные, заклеенные полосками газетной бумаги окна, и половина бородатого смуглого лица, и грозно поднятый над головой указательный палец.

Неделю спустя вернулась в деревню Александра Сергеевна. Приехала она возбужденная, веселая и счастливая. В маленьком татарском городке на реке Каме она нашла не только хлеб, но и работу: в городском отделе народного образования ей предложили заведовать детской музыкальной школой.

Побывала она на обратном пути и в Ярославле, где получила пропуск на выезд всей семьи из губернии. Срок у пропуска был короткий, надо было спешить, тем более что и навигация на Волге и Каме должна была вот-вот закрыться.

Собрались в три дня.

Утром в день отъезда, когда у ворот уже стояла подвода, груженная сильно отошавшими за лето тючками и корзинками, Ленька вспомнил о Василии Федоровиче и побежал попрощаться с ним.

Председателя дома не было. От Феклы Семеновны, которую Ленька разыскал на огородах, он узнал, что Василий Федорович ушел по делам в волость. Так ему и не удалось проститься с человеком, которого он знал очень недолгое время, но который оставил в его памяти и в его сердце очень глубокий след.

ГЛАВА VIII

И вот Ленька очутился еще на тысячу верст дальше от Петрограда... Казалось, что и для него и для всей семьи начинается спокойная, нормальная жизнь. Поначалу так оно и было.

Дети учились. Мать работала. Впервые в жизни она испытала настоящую радость труда. Неожиданно для себя и для близких она открыла в себе талант организатора, - в скором времени она уже руководила детским художественным воспитанием во всем городе. Не довольствуясь этим, она участвовала в концертах, пела, играла, выступала в красноармейских клубах, в детских домах, в школах. Она оживилась, повеселела, помолодела. Именно в этом году у нее перестали болеть зубы.

Семья получила две хороших меблированных комнаты в особняке раскулаченного и сбежавшего к белым богача-хлеботорговца. В одной комнате поселилась тетка с дочерью Ирой, в другой, очень большой, светлой, где стоял даже бежштейновский рояль, устроились Александра Сергеевна, Ленька и Ляля Вася еще осенью по собственному желанию поступил в сельскохозяйственную школу, жил за городом, в интернате.

Все было хорошо. И денег хватало. И еды по сравнению с Чельцовом было вдоволь.

Но благополучие это длилось очень недолго.

Зимой, в конце февраля или в начале марта, Александра Сергеевна уехала в Петроград в служебную командировку. Через месяц, самое большее через полтора, она должна была вернуться. Наконец пришло от нее и письмо, в котором она сообщала, что на следующей неделе выезжает из Петрограда.

Ленька лежал в это время в больнице. В городе свирепствовали эпидемии тифа и дизентерии, задели они и семью петроградских беженцев. В Ленькиной семье переболели все, он сам перенес за одну зиму тиф, дизентерию и чесотку.

Теперь он уже поправлялся. Из заразного отделения, где он лежал раньше, его перевели в общее и даже позволили в теплые дни выходить в маленький больничный садик.

Закутавшись в длинный обтрепанный и застиранный больничный халат, с дурацким больничным колпаком на стриженной голове, исхудалый, бледный, с руками, измазанными зеленым лекарством, которое называлось почему-то "синькой", он сидел рядом с другими больными на краешке садовой скамейки, грелся на солнышке и считал по пальцам дни, которые остались до возвращения матери. Никогда в жизни он не ждал ее с таким нетерпением и с такой тоской, как в этот раз.

Он вспоминал, как за несколько дней до отъезда мать взяла его на концерт в городской клуб, где она должна была петь перед уходившей на фронт воинской частью.

Какой это был счастливый, солнечный, суматошный день! Перед концертом Александра Сергеевна завивалась, гладила кофточку, и в комнате стоял особый, "артистический", как казалось Леньке, запах - пудры, керосинки, жарового утюга, паленых волос.

Мать, как всегда перед выступлением, волновалась.

- Нет, нет, я провалюсь, - говорила она. - Какая же я артистка? Ни голоса, ни слуха, ни подобающей внешности.

- Мама! Зачем ты так говоришь? - возмущался Ленька. - Ты же великолепно поешь!

- Да? Ты думаешь? По-твоему, это голос? Это ты называешь голосом?

Бросив на подставку утюг, она с распущенными волосами присела к роялю и запела. Ленька стоял рядом, переворачивал ноты и не замечал, что мать действительно поет плохо, что голос у нее срывается и хрипит... Этот голос он знал с детства, он казался ему лучше всех голосов на свете, лучше голоса Вяльцевой, Плевичкой и других знаменитых артисток...

- Ну что? - сказала она, захлопнув крышку рояля.

- Хогошо, - прошептал Ленька.

- Хорошо?! - воскликнула она, вскакивая. - Меня, мой милый, осмеют, освищут, тухлыми яйцами забросают за такое пение!..

В клубе Леньку посадили в четвертом ряду, совсем близко от сцены. В зале было холодно, зрители сидели в шинелях и полушубках, над головами их стоял пар, но как внимательно эти люди смотрели на сцену, как весело они смеялись, как дружно хлопали в ладоши, кричали "бис", "браво" и даже "ура"!

Показывали какую-то агитационную пьесу - с буржуями, у которых на животах было

написано "1000000000", и с представителями мирового пролетариата, которые на глазах у публики рвали цепи и обращали в бегство фабрикантов, банкиров и помещиков. Потом выступал пожилой московский фокусник, называвший себя почему-то "королем электричества". Мрачноватый молодой человек в толстовке читал стихи Маяковского и Блока... Все было очень интересно, но Ленька не мог спокойно сидеть, ему не гляделось и не слушалось; с замиранием сердца он ждал, когда на сцену выйдет конферансье и назовет знакомую ему фамилию.

Не выдержав, он вышел в фойе. На маленькой двери, ведущей на сцену, было сказано, что вход посторонним воспрещен.

"Ну, я-то, пожалуй, все-таки не посторонний", - подумал Ленька, не без робости открывая дверку.

Мать он нашел за кулисами. Она стояла, прислонившись к какой-то холщовой березке, и крутила в руках ноты.

- Что тебе надо? - испугалась она, увидев Леньку. - Уходи! Слышишь? Сию же минуту уходи! Не довершай моего позора!

- Ты волнуешься?

- Я?.. Я дрожу, как лист осенний, - ответила она громким шепотом, и Леньке показалось, что она действительно вся дрожит.

Он вернулся в зал. И не успел сесть, как услышал голос конферансье:

- Известная петроградская певица, наша уважаемая...

Все вокруг захлопали.

- Би-ис! - кричал рядом с Ленькой широкоплечий грузный красноармеец.

Вряд ли кто-нибудь, кроме Леньки, заметил, что Александра Сергеевна волнуется. Улыбаясь, она прошла к роялю, улыбаясь посмотрела в зал, сказала что-то аккомпаниатору, дождалась, пока он сыграет вступление, кашлянула в платочек и запела:

Однозвучно гремит колокольчик,

И дорога пылится слегка

В зале стало тихо. Ленька слышал, как бьется его сердце и как деликатно, сдерживаясь, сопит рядом с ним широкоплечий солдат.

Голос у матери был не сильный, но пела она тепло, задушевно, по-домашнему... И зрители долго не отпускали ее со сцены. Ей пришлось спеть и "Когда я на почте служил ямщиком", и "Вечерний звон", и "Колокольчики мои, цветики степные", и даже, когда петь стало уже нечего, глуповатую песенку про какую-то "мадам Люлю"... И что бы она ни пела, ей дружно хлопали. И всякий раз Ленькин сосед кричал "бис", и Ленька тоже кричал "бис", хотя ему было и стыдно немножко, как будто он кричал это самому себе.

После концерта он снова проник за кулисы. Мать окружили красноармейцы, благодарили ее. Какой-то пожилой человек, вероятно командир, протягивал ей перевязанный шпагатом пакет и говорил:

- Нет уж, вы нас, пожалуйста, товарищ артистка, не обижайте, не отказывайтесь. Я знаю, - цветы полагаются в этих случаях, да где ж их взять в такое время?

- Да что это? Скажите, что это? - смеясь говорила Александра Сергеевна.

Пакет развернули. Там оказались хорошие солдатские валенки.

Домой Александру Сергеевну и Леньку отвезли в санках, на облучке которых сидел тот самый широкоплечий красноармеец, который был Ленькиным соседом в зрительном зале. Всю дорогу он хвалил Александру Сергеевну.

- Ну и поешь же ты, мать моя! - говорил он. - Спасибо тебе, товарищ певица. От всех ребят спасибо. Ей-богу, за душу взяла...

- Полно вам! Какая я певица? - смущенно оправдывалась Александра Сергеевна.

- Нет, не говори. Хорошо поешь. У нас в деревне и то так не поют.

А когда привез, помог Александре Сергеевне выйти из санок, снял варежку, протянул руку и сказал:

- Ну, прощайте... А мы завтра Колчака бить идем.

И, уже вскочив на облучок и стегнув лошадь, крикнул:

- Отобьем... не сомневайтесь...

Двор был засыпан чистым снегом. Шли медленно. Ленька взял мать под руку и вдруг услышал, что она плачет.

- Мама, что с тобой? - испугался он.

- Ах, ты бы знал, - сказала она, останавливаясь и разыскивая платок, ты бы знал, какие это хорошие, какие чудесные люди!.. Нет, ты еще мал, ты не поймешь этого.

Ленька был еще мал, но он и сам видел, что эти люди, которые сегодня слушали песни и смотрели фокусы, а завтра пойдут умирать, - хорошие люди... Он только не понимал, - зачем же плакать?

А вот сейчас, вспоминая этот концерт, этот зимний вечер и разговор с матерью во дворе, он и сам готов был плакать навзрыд, забившись с головой под тоненькое больничное одеяло.

...В больнице было голодно. Тетка не навещала Леньку. Первое время она присылала ему с Ирой передачи - пару печеных картошек, бутерброд, кусок сахара. Потом Ира заболела, и передачи стала носить маленькая Ляля, которую Ленька полюбил и с которой сдружился за эту трудную зиму. Потом и Ляля перестала ходить. Пришла какая-то чужая женщина и сказала, что дома у него все хворают.

- А мама моя приехала, вы не знаете? - спросил Ленька.

- Нет, не приехала, - ответила женщина.

Прошли все сроки, а мать не появлялась. Он рассчитывал, что она вернется к выходу его из больницы, ожидал почему-то, что она сама приедет за ним на двухколесной татарской тележке... Но вот наступил день, когда ему сказали, что он здоров и что завтра с утра может идти домой. Прошла долгая ночь, наступило утро, - никто за ним не пришел и не приехал.

С жалким узелком, в котором хранилось все его небогатое имущество, он шел, то и дело останавливаясь и отдыхая, по не очень знакомым ему улицам и с трепетом ждал встречи с домашними.

То, что он увидел, было хуже того, что он мог ожидать.

Тетка лежала в бреду. В комнатах было грязно, душно, пахло лекарствами и немой посудой. Бледная, изможденная, только что вставшая с постели Ира копошилась в замызанной и задымленной кухне, пытаясь разжечь плиту. Ляли не было, - на прошлой неделе ее увезли в детскую больницу.

- А... мама? - дрогнувшим голосом спросил Ленька.

Ира покачала головой.

- Не приехала?

Губы у Леньки запрыгали. Но он сдержался, не заплакал. Невозможно было плакать в присутствии Иры. На девочку было жалко и страшно смотреть. Она шаталась, глаза у нее были, как у безумной, плечи дергались.

Ленька заставил двоюродную сестру лечь в постель, разыскал градусник.

Ира лежала с градусником под мышкой, поминутно облизывала губы, поднимала голову и лихорадочно быстро рассказывала:

- Мы ужасно-ужасно беспокоились... Мы думали, что тетя Шурочка застряла в Петрограде, писали ей, даже телеграмму послали...

- И что? - уныло спросил Ленька.

- Ничего... Никакого ответа.

За Ленькиной спиной металась в своей постели, смеялась и часто-часто говорила что-то по-французски тетка.

Мальчик подошел к окну, посмотрел на градусник.

- Сколько? - спросила Ира.

- Тридцать восемь с чем-то, - пробурчал Ленька.

- Покажи, - попросила Ира.

Ленька встряхнул термометр. Столбик ртути на нем подходил к сорока градусам.

Нужно было что-то делать, искать доктора...

Он сам не понимал, откуда у него взялись силы.

Недели две на руках мальчика, который сам только что оправился от болезни, находилось двое тяжелобольных... Он бегал к докторам, в аптеку, по пути успевал забежать в детскую больницу и занести передачу Ляле, ходил на базар за провизией, готовил обед, кормил тетку и сестру... Стряпать он не умел, все у него валилось из рук, плита дымила, вода выкипала, чайники и кастрюли распаивались.

Но эти хлопоты и заботы, которые отнимали у него без остатка все силы, помогли мальчику перенести самое трудное для него время. Ему некогда было горевать, плакать и думать о матери.

Скоро свалились на него новые заботы. Тетка уже поправлялась. Как у всех выздоравливающих, у нее был очень хороший аппетит. Не мог пожаловаться на аппетит и Ленька. А на базаре цены с каждым днем росли. И с каждым днем таяла, становилась все тоньше пачка разноцветных бумажек в ящике комода, откуда Ленька брал на расходы деньги. Наконец наступил день, когда в ящике не оказалось ни одной бумажки. В этот день тетка послала мальчика на базар, велев ему купить провизии по длинному списку, который она долго и с удовольствием составляла. Ленька, которому к тому времени давно уже осточертели его поварские обязанности, угрюмо проглядел список и сказал:

- А деньги?

- Возьми в ящике... в комодe...

- Там нет денег.

- Как нет? - ужаснулась тетка. - Там же было около пятисот рублей.

- Было, а сейчас нет. Кончились.

Тетка, которая всегда и во всем видела трагическое, чуть не лишилась чувств.

- Боже мой! - воскликнула она. - Что же мы будем делать?! Мы нищие! Мы остались без копейки денег! Нет, в самом деле, что я буду делать? И Шуры нет. И вы у меня на шее.

Ленька мрачно молчал, общипывая уголки бумажки, на которой слабым теткинм почерком тщательно было выведено химическим карандашом:

Мяса - 2 ф.

Капусты - 1/2 коч.

Хлеба пеклев. - 1 ф.

Хлеба рж. - 1 ф.

Масла русского...

Тетка продолжала стонать и охать.

- Мама, не впадай в отчаяние, - слабым голосом попросила ее Ира. - Если нет денег, надо что-нибудь продать.

- Да, да! - оживилась тетка. - Придется. Другого выхода нет. Не умирать же нам всем с голоду. Но что? Боже мой, что можно продать? Ведь мы и так все обносились.

- Продай мое кремовое платье.

- Ира! Что ты говоришь! кремовое платье!.. Единственное приличное, которое у тебя есть?

- Ничего. Мне не жаль.

- Ну, хорошо, - подумав и вздохнув, сказала тетка. - Леша, возьми, пожалуйста, сними с вешалки Ирино платье, которое с клеенчатым кушачком, и... продай его.

- Где продать? - испугался Ленька.

- Ну где?.. Я не знаю где. На базаре.

- Нет, я не пойду, - твердо сказал Ленька.

- Это как? Это почему ты не пойдешь?

- А потому, что я торговать не умею.

- Боже мой! - всхлинула тетка. - Что я должна терпеть! Ну, хорошо, подай мне мою кофту и юбку, я оденусь и пойду сама. Если я по дороге умру, знай, что это твоих рук дело.

Ленька понял, что положение его безвыходное.

- Где платье? Какое? - сказал он, раздувая ноздри.

...Он шел на базар с отвращением. Он вспоминал случай, который был с ним давно, в Петрограде, еще при жизни отца. Весной, на предпоследней неделе великого поста он говел, ходил каждый день с матерью в церковь, готовился к исповеди и причастию. Однажды утром у матери разболелись зубы, и она отправила мальчика к обедне одного. Ленька отстоял у Покрова всю службу, купил, как приказано было, в свечном ящике двадцатикопеечную свечку, получил тридцать копеек сдачи, положил пятак на блюдо, а остальные монетки сунул в карман, не думая в этот момент, что он с ними будет делать. В благостном и торжественном настроении он вышел из церкви. Рыночная площадь была залита апрельским солнцем. У церковной ограды торговали бумажными пасхальными цветами и вербами, тут же какая-то деревенская женщина продавала букетики живых подснежников.

- Почему? - спросил, останавливаясь, Ленька. Покупать цветы он не собирался, просто ему было приятно, что он, как взрослый, идет один, делает что хочет и даже может прицениваться к разным товарам.

- По пятаку, миленький, по пятаку, - ответила женщина, вытаскивая из корзины и встряхивая перед Ленькиным носом мокрым еще букетиком. - Купи, деточка, свеженькие, только что из Стрельны привезла.

"А что ж... куплю, подарю маме", - решил Ленька, отдал женщине двадцать пять копеек и получил взамен пять букетиков.

Он сделал очень немного шагов вдоль церковной ограды и остановился, чтобы привести в порядок свои рассыпавшиеся букетики. В это время кто-то наклонился над ним и спросил:

- Продаешь, мальчик?

Леньку что-то дернуло, и он сказал:

- Да.

- Почему?

- По двадцать копеек, - сказал он, опять-таки не задумываясь, почему он так говорит.

Может быть, вид у мальчика был необычный и жалкий, может быть, подснежники только что появились в этот день в Петербурге, но Ленька не успел опомниться, как от цветов его ничего не осталось, а на ладони у него лежал рубль серебряной и медной мелочью.

В первую минуту мальчик растерялся, даже испугался, потом радостно ахнул.

"Ведь вот я какой умный!" - думал он с гордостью, пересчитывая на ладони гривенники и пятиалтынные. - Поторговал несколько минуток - и семьдесят пять копеек заработал!"

Сжимая в руке деньги, он бежал домой, полный уверенности, что дома его будут наперебой хвалить, будут радоваться и удивляться его торговым способностям.

Но, к удивлению его, дома его никто не похвалил. Узнав, в чем дело, отец пришел в ярость.

- Хорош! - кричал он, раздувая ноздри и расхаживая быстрыми шагами по комнате. - Ничего себе, вырастили наследника! Воспитали сына, мадам! Каналья! Тебе не стыдно? Ты думал о том, что ты делаешь? Ты же украл эти деньги!..

- Почему? - остолбенел Ленька. - Я не украл. Мне их дали...

- Молчи! Дубина! Осел эфиопский! Надо все-таки голову на плечах иметь... Ты их украл... да, да, именно украл, вытащил из кармана у той бабы, которая продала тебе цветы по пятаку...

Рассвирепев и забыв о своем давнем правиле никогда не пороть Леньку, отец уже извлек из ящика письменного стола знаменитые замшевые подтяжки, и только мольбы матери, убедившей мужа, что нельзя, грешно трогать мальчика, который говеет, готовится к великому таинству, заставили Ивана Адриановича сдержаться и спрятать подтяжки обратно в ящик. Через минуту, слегка успокоившись, он снова появился в дверях кабинета.

- Пойдешь на рынок, - сказал он Леньке, - разыщешь женщину, которую ты обманул, и вернешь ей эти дрянные деньги. А если не найдешь, - отдашь нищему. Понял?

- Понял, да, - пролепетал Ленька. - Сейчас идти?

- Да. Сейчас.

Ленька со вчерашнего вечера ничего не ел. Еще в церкви он боролся с греховными мыслями, предвкушая удовольствие, с каким он будет пить дома горячий кофе с "постным" миндальным молоком и уплетать яблочные, жаренные на постном же масле, оладьи. Завтрак ждал его на столе, кофейник аппетитно дымился, но Леньке пришлось снова одеться и идти к церкви.

Церковные ворота были закрыты, женщина с подснежниками возле них уже не стояла. Не было почему-то и нищих. Обычно, когда не надо было, они попадались на каждом шагу, а тут Ленька обошел все окрестные улицы и, как назло, не встретил ни одного человека с протянутой рукой. Сжимая в потной руке опостылевшие деньги, он брел по направлению к дому, и у него уже мелькала мысль - не бросить ли незаметно деньги в Фонтанку, как вдруг он увидел идущую ему навстречу бедно одетую женщину, пожилую еврейку с маленьким ребенком на руках. От радости Ленька чуть не упал в обморок.

- Тетенька, вы бедная? - спросил он, когда женщина подошла ближе.

- Бедная, милый, - сказала она, останавливаясь.

- Тогда... вот... возьмите, пожалуйста, - пробормотал Ленька, сунул испуганной женщине монетки, услышал, как одна из них покатила по тротуару, и побежал без оглядки, с ужасом думая, что будет, если женщина вдруг догонит его и вернет деньги.

После этого случая он на всю жизнь затаил самое лютое отвращение к торговле и ко всему, что имеет к ней хоть какое-нибудь отношение.

...На базаре он долго и угрюмо бродил с пакетом под мышкой. У него спрашивали:

- Продаешь?

Он или говорил "нет" или застенчиво бормотал что-то и проходил мимо.

Наконец он решился, отошел к забору и извлек из газетной бумаги кремовое платье. Сразу же к нему подошла какая-то женщина.

- Продаешь, мальчик?

- Да, - ответил Ленька и покраснел так, словно он сказал неправду.

Женщина взяла платье щепотками за оба плеча, посмотрела спереди, посмотрела сзади.

- Краденое? - сказала она, усмехнувшись.

- Вы что глупости говорите? - еще больше покраснел Ленька.

- Ну, ну, брось, не обижайся. Сколько хочешь?

Только тут Ленька вспомнил, что не спросил у тетки, за сколько нужно продавать платье.

- Я не знаю, - сказал он.

- Как же это, - продаешь и цены не знаешь?

- Да... А вы сколько дадите?

Покупательница еще раз оглядела платье.

- Сто рублей дам, - сказала она.

Ленька понимал, что сто рублей - мало, что платье стоит дороже, но торговаться он не мог.

- Берите, - сказал он.

Дома тетка минут пять лежала бездыханная.

- Боже мой, - заговорила она, когда наконец обрела дар речи. - Сто рублей за такое платье! Леша, ну что ты за оболтус, прости меня, господи?! Ведь ему цена - минимум триста рублей!

- Ну и ходите торгуйте сами, - сдерживая слезы, ответил Ленька.

Но тетка сама торговать не могла и не хотела. Неделью спустя мальчику пришлось идти на базар продавать будильник. Этот будильник был очень красивый, старинный, бронзовый, в красном сафьяновом футляре, но у него был один недостаток, - он не звонил.

Долго обсуждался вопрос, за сколько его можно продать. Тетка уверяла, что будильнику "цены нет".

- Я купила его в Женеве в девятьсот шестом году, - говорила она. Стоил он тогда восемьсот франков. По тем временам это бешеные деньги. Я думаю, что восемьсот рублей - это очень недорогая цена.

- Он же не будит, - мрачно сказал Ленька.

- Он ходит, и этого достаточно, - заявила тетка.

Будильник ходил - это верно, но и Леньке пришлось походить с ним по базару.

Красивая вещь сразу же привлекла внимание. Покупатели обступили Леньку.

- Сколько монет хотела, малай? - спросил у него пожилой татарин в высоком меховом колпаке.

- Восемьсот гублей, - отчеканил Ленька.

Слова эти вызвали почему-то в толпе веселое оживление.

- Шуткам не нада. Правдам говори, малай, - сказал татарин.

- Восемьсот, - стоял на своем Ленька.

- А пятьдесят не хочешь? - спросил кто-то.

Ленька выхватил будильник и пошел.

Часа через четыре он вернулся домой с будильником под мышкой. Больше восьмидесяти рублей никто ему за будильник не предложил.

На другой день ему пришлось отдать его за шестьдесят рублей, потому что восьмидесяти уже никто не давал.

Тетка по этому случаю разбушевалась. Ленька тоже нагрубил ей. Тогда она сказала, что больше не может с ним жить, назвала его "обузой" и предложила ему пойти поискать работы или устроиться в детский дом.

За несколько дней до этого пришло письмо от Васи. Письмо было адресовано Александре Сергеевне, - Вася не знал, что мать не вернулась из Петрограда. Он писал, что здоров, что все у него хорошо и что он очень доволен своим учением и работой.

Это письмо натолкнуло Леньку на мысль пойти на "ферму", в ту самую сельскохозяйственную школу, где учился Вася. Приняв это решение, он сразу же повеселел и воспрянул духом.

...Надо было сходить в городской земельный отдел, в ведении которого находилась "ферма". Несколько дней Ленька боролся с застенчивостью и нерешительностью, откладывая посещение земотдела. Наконец решился, пошел и узнал, что свободных вакансий на ферме нет.

Для мальчика это было ударом, жить дома он не мог. Подумав несколько дней, он решил идти на ферму без всякого разрешения и сопроводительной бумаги.

Дома он ни с кем не поделился своим замыслом. Тетке он сказал, что его приняли.

Тетка снарядила мальчика в дорогу: дала ему 5 рублей денег и средних размеров потертый кожаный чемодан, со всех сторон оклеенный пестрыми ярлыками заграничных отелей. Между другими там был и ярлык женеvской гостиницы, проживая в которой тетка так удачно приобрела когда-то свой знаменитый будильник.

Ленька не хотел брать чемодана, но тетка обиделась, и он взял его. В чемодане без труда уместилось все Ленькино имущество: выполосканный им самим носовой платок, огрызок карандаша, исчерканный посереvвший блокнотик и в блокноте - старое, смяvшееся, тысячу раз читанное письмо от матери с милым словом "Петроград" на штемпеле.

Рано утром, простившись с теткой и двоюродной сестрой, Ленька вышел из дому, зашел на базар и купил за пять рублей два жареных пирожка с повидлом. Эти пирожки он занес в больницу Ляле. Девочка уже поправлялась. Он посидел с нею в больничном садике на берегу Кимы, съел, по просьбе сестры, один пирожок, попрощался, вздохнул и взвалил на плечо свой не очень грузный чемодан.

Через полчаса он уже был за городом...

И с тех пор в жизни его все завертелось и оказалось, что испытания, которые суждено ему было до сих пор перенести, - сущие пустяки по сравнению с тем, что ждало его впереди.

...Ферма стояла в лесу, километрах в десяти от города.

Это было совсем не то, о чем мечтал Ленька.

Он пришел туда под вечер, с трудом разыскал брата. Было еще не поздно, но Вася вышел к нему почему-то в одних подштанниках, заспанный, босой и лохматый. Он возмужал, огрубел, курил, как взрослый, глубоко затягиваясь, махорку, говорил солидным баском. Слушая Леньку, он все время почесывался и сплевывал через зубы. Домашние новости Васю мало взволновали. Чересчур спокойно, как показалось Леньке, выслушал он и Ленькин рассказ о матери. Он только сказал "плохо", вздохнул и затоптал окурки.

Вообще Ленькино появление не очень порадовало Васю. Ленька был "малохольный", он еще носил короткие штаны и поношенную матросскую куртку с остатками золотых пуговиц. Видно было, что Вася чувствует себя неловко. То и дело он смущенно косился в сторону товарищей, таких же босых и лохматых ребяташек, которые издали поглядывали на Леньку и посмеивались.

- Ты почему без штанов? - спросил Ленька.

- Ночью работал, - коротко ответил Вася.

- Я тебя газбудил?

- Плевать.

Вася подумал, яростно почесал стриженный затылок и сказал:

- Знаешь что... Иди-ка ты лучше обратно к тетке.

- Почему? - испугался Ленька.

- А потому, что здесь тебе жить будет трудновато. Здесь тебя свиней заставят пасти.

О свиньях Ленька меньше всего думал, когда шел на ферму. Но он сдержался, храбро помотал головой и сказал:

- Плевать. Эка невидаль.

- А бекасов не боишься?

- Каких бекасов?

- Ну, вшей, говоря по-научному.

- Я уже знаком с ними, - усмехнулся Ленька.

- Ну, что ж, ладно, - сказал Вася. - Сходи тогда к Николай Михайлычу. Попросись, может, он и примет тебя.

- К какому Николай Михайлычу?

- К директору.

Вася оглянулся и негромко добавил:

- Только смотри, особенно близко не подходи...

- А что, он - кусается?

- Не кусается, а... сам увидишь. Его у нас хлопцы Драконом зовут.

Высокий бородатый дядя в широкополой соломенной шляпе стоял у плетня школьного сада и ел, обкусывая со всех сторон, маленькое зеленое яблоко.

- Тебе что? - спросил он, увидев Леньку.

Ленька вдруг почувствовал страх, услышав этот голос. Он сам не понял, почему ему так страшно.

- Вы директор? - пролепетал он.

- Ну?

- Пожалуйста... товарищ директор, - забормотал Ленька. - Примите меня...

- Что еще? Куда тебя принять? Ты откуда взялся такой?

- Я... я из города. Хочу учиться у вас... в школе.

- Учиться?

Директор доел яблоко, бросил огрызок через забор, облилиз пальцы, прищурившись посмотрел на мальчика и - послал его к черту.

- Самим жрать нечего, - сказал он сквозь зубы.

Ленька заплаканный вернулся к брату. Товарищи сначала посмеялись над ним, а потом сжалились и посоветовали ему, не обращая внимания на директорские слова, оставаться на ферме.

Ленька остался. Он с трепетом ждал, что его погонят. Но его не погнажи.

Ночь он проспал в огромной, как казарма, училищной спальне на одной койке с Васей. Спать ему не давали насекомые. То он сам просыпался от их укусов, то его будил, ругаясь и ворочаясь, Вася. В спальне было темно, накурено, от подушки нехорошо пахло. Утром, невыспавшийся и разбитый, Ленька вместе с другими воспитанниками вышел по звонку во двор фермы. Директор распределял наряды. Увидев Леньку, он не удивился, только прищурился, посмотрел в тетрадку и сказал:

- Пасти бычков.

Ленька пасти бычков не умел. Бычки разбежались у него, как только он выгнал их за ворота фермы.

Разыскивать бычков пришлось Васе.

- Вот видишь, - сказал он, встретившись вечером с Ленькой.

- Ничего, - сказал Ленька, - я научусь.

Но научиться было не так-то просто. Учили на ферме только побоями, а это плохой учитель. Единственное, чему кое-как выучился здесь Ленька, - это воровству.

...На третий или на четвертый день по прибытии на ферму он зашел зачем-то в школьную кузницу. Мальчик его лет выковывал там на наковальне какую-то длинную железную штуковину.

- Это что такое? - спросил Ленька.

- Кинжал, - ответил, помолчав, мальчик.

Ленька удивился и спросил, зачем вдруг понадобился мальчику кинжал.

- А вот затем, - усмехнулся тот. - Сегодня ночью пойдем деревенских кабанков резать.

Ленька сразу не понял, а когда понял - пришел в ужас:

- Кабанков? Чужих? Резать? Это же нехорошо! Это же нечестно!

- Нечестно? - сказал мальчик. - А это вот видел?

И он поднес к самому Ленькиному носу еще не совсем готовый и неостывший кинжал.

Скоро Ленька понял, что деревенские кабанки - это пустяки, детские шалости.

Ферма, куда он пришел учиться, оказалась самым настоящим разбойничьим вертепом, во главе которого стоял атаман - бородатый директор.

Ученики голодали. В столовой кормили их изо дня в день одним и тем же безвкусным борщом из зеленой свекольной ботвы - без хлеба и без соли. А директор и его сотрудники устраивали попойки, выменивали на самогон казенные продукты, одежду, инвентарь. За спиной директора ученики роптали, ругали его последними словами, но заявить открытый протест, пожаловаться никто не решался. Рука у Дракона действительно была тяжелая.

Правда, иногда и он вспоминал, что воспитанники его не могут питаться одним воздухом. Так как делиться с ними казенным сахаром и маслом в расчеты его не входило, он нашел более дешевый способ для кормления изголодавшихся питомцев: раза два в месяц он устраивал организованные облавы на крестьянских гусей, телят и даже коров.

По звону колокола старшие ученики собирались во дворе фермы, седлали лошадей, вооружались веревочными арканами и во главе с директором ехали на промысел. Вечером они возвращались с добычей. На следующий день в свекольном борще плавало свиное сало. А охотники, то есть старшие ученики, ели еще и свиное жаркое.

Младшим приходилось охотиться не так организованно и на более мелкую дичь. Поймав где-нибудь в лесу кабанка или гуся, они тут же резали его и жарили на костре.

...Ленька еще ни разу не участвовал в этих кражах. Но есть краденое из общего котла ему приходилось довольно часто. Товарищи великодушно делились с ним.

Первое время он немножко стеснялся есть ворованное. Несколько раз он даже пробовал отказываться. Но в конце концов голод победил: оказалось, что жареная утятина или гусятина все-таки вкуснее свекольной ботвы и капустной хряпы.

Как-то под вечер компания молодых пастушат сидела в лесу у костра, в пламени которого жарилась на вертеле тушка только что зарезанного двухмесячного кабанка.

- Эх, братцы, - проговорил Ленькин сосед Макар Вавилин, по прозвищу

Вавило-мученик. - Если бы еще соли да хлебушка сюда - совсем бы шик-маре получилось.

- Ну, без соли-то как-нибудь, а вот хлебца бы не мешало...

Кто-то вспомнил, что утром из города привезли несколько пудов печеного хлеба - для подкормки племенного скота.

- А ведь и верно, - оживился Вавилин. - А ну - питерский! Лешка! Вали сбегай поди... Принеси буханочку.

Ленька вздрогнул, покраснел и ничего не ответил.

- Ты что - не слышишь? Кому говорят?

- Я не умею, - пробормотал Ленька.

- Ха! Не умеет! А чего тут уметь? Иди и возьми - только и делов.

- А если увидят?

- А ты сделай так, чтобы не увидели. А увидят - беги, пока по шее не наклали.

- Айда, иди, чего там, - зашумели остальные. - Дрейфишь, что ли?

Ленька быстро поднялся.

- Ладно, - сказал он. - А где он?

- Кто?

- Хлеб.

- В телятнике у самой двери ларь стоит...

Идти было страшновато. Ёкало сердце. В животе было холодно. Но о том, что он идет на кражу, Ленька не думал. Он думал только о том, что нужно сделать все это ловко, чтоб никто не увидел и чтобы не осрамиться перед товарищами.

В телятнике было чисто, тепло, пахло парным молоком и печеным хлебом. В конце коридорчика под фонарем "летучая мышь" спал на конской попоне дежурный старшекласник.

На большом деревянном ларе лежали хомут и чересседельник. Ленька с трудом поднял тяжелую крышку, сунул под рубаху большой круглый каравай и побежал...

Страшно ему уже не было, но руки у него почему-то дрожали. По дороге он несколько раз уронил буханку.

Товарищи встретили его как победителя:

- Молодец! Ловко! Ай да питерский!..

Ленька стоял у костра, самодовольно ухмылялся и сам понимал, насколько глупо и постыдно это самодовольство...

...Воровством он поправил немного свой авторитет.

Но научиться сельскохозяйственному делу было труднее. Чуть ли не каждый день с ним случались несчастья, за которые он расплачивался ушами, затылком или спиной.

Однажды директор приказал ему ехать в поле и сзывать на обед стадо. Ленька никогда в жизни не ездил верхом. А тут ему еще нужно было держать в руках костяной рог с маленькой резиновой пипочкой, которая вставлялась в рог, чтобы получался звук. Не успел Ленька выехать за околицу, как пипочка соскочила с рога и улетела в неизвестном направлении. Без пипочки рог не гудел. Ленька слез с лошади, пошел искать пипочку. Лошадь он, по незнанию дела, отпустил. Не найдя пипочки, он принялся ловить лошадь. Ловил ее полчаса. Полчаса взбирался на нее. Полчаса думал: что делать?

Стадо он сзывал криком. Он дул в пустой, онемевший рог и кричал:

- Ау! Уа!

Вечером ему досталось и от директора и от пастуха, который, изголодавшись и бесцельно прождав сигнала, пригнал стадо на ферму по собственному почину, через три часа после положенного времени.

Пинки и зуботычины, которые поминутно сыпались на Леньку, делали его еще более бестолковым.

Директора он не мог видеть без ужаса. Когда ему приходилось за чем-нибудь обращаться к Дракону, у него холодели ноги и отнимался язык. Эти мутные глаза, разбойничья борода и хрипловатый разбойничий голос напоминали ему какой-то

кошмарный сон, который он видел в детстве, во время болезни.

Вася, чем мог, помогал старшему брату. Но ему самому было не легко. Ведь весной ему исполнилось всего десять лет. Но он как-то очень быстро огрубел, приспособился, да и сильнее он был, недаром его называли на ферме "петроградским медведем". А Леньке приспособиться было трудно. Он скучал, плакал, ночами почти не спал. Бессоннице помогали вши, которые целыми тучами ползали по рваным казенным одеялам.

На Ленькино счастье, на ферме оказалась библиотека. Книги там были не ахти какие, но Ленька набросился на них с такой жадностью, с какой никогда не набрасывался на жареную гусятину или на краденый телячий хлеб.

Эти книги немного скрасили Ленькину жизнь. Но они же его и погубили.

Однажды он пас большое стадо свиней. Среди этих свиней находился черный английский породистый боров. Ленька зачитался (он читал в это время "Иафет в поисках отца" капитана Мариетта) и не заметил, как стадо разбрелось в разных направлениях. Когда он очнулся и оторвался от книги, в отдалении только хвостики мелькали.

Ленька кинулся собирать стадо. Он разыскал всех, кроме черного борова. Боров исчез.

Директор избил Леньку до синяков. И приказал ему идти в лес искать борова.

- Если придешь без борова, убью, - было его последнее напутствие.

Ленька всю ночь проблуждал в лесу, борова не нашел и решил на ферму не возвращаться. Он был уверен, что Дракон исполнит угрозу. Но тут он вспомнил, что в спальне под койкой у него остался чемодан. Не чемодана ему было жалко, в чемодане хранилось старое, полугодовой давности письмо от матери - самое ценное, что было у Леньки за душой.

Чуть свет он пришел на ферму, пробрался в спальню. Товарищи его еще спали. Похрапывал, уткнувшись носом в подушку, и Вася. Ленька хотел разбудить брата, но подумал и решил не будить.

Сложив письмо и спрятав его за пазухой грязной рубахи, он на цыпочках вышел на крыльцо. И не успел прикрыть за собой дверь, как увидел в синеющих утренних потемках слишком знакомую ему, страшную фигуру директора. Дракон стоял в десяти шагах от крыльца, курил, кашлял и сплевывал.

Дверь скрипнула. Ленька похолодел. Дракон оглянулся и посмотрел в его сторону.

- Ты что делаешь, шваль? - крикнул он. - Что у вас там уборной нет? Сколько раз говорил! А ну, брысь!

Ленька пискнул что-то и юркнул за дверь. Дракон его не узнал. Но Ленька опять весь дрожал от страха.

- Шваль, шваль, - шептали почему-то его губы. - Шваль, шваль, шваль...

Долго он стоял за полуоткрытой дверью, слушая, как стучит сердце, и не решаясь выглянуть за дверь. Наконец решился, выглянул и увидел, что директора во дворе нет. Тогда он осторожно, затаив дыхание, спустился с крыльца, огляделся и побежал.

Бежал он, пока хватило сил. На рассвете, когда уже занималась на востоке утренняя заря, измученный и голодный, он свалился под придорожным кустом и заснул. Во сне ему привиделось, будто он бежит по какой-то широкой, устланной красной ковровой дорожкой лестнице, а за ним, перескакивая через две ступеньки на третью, гонится бородатый Дракон. Ленька в ужасе мечется, кидается в первую попавшуюся дверь, но тут его настигают, хватают за шиворот, и хрипловатый злобный голос кричит:

- Ты где взял борова, уличная шваль?!

У Леньки застучали зубы. Он очнулся, обливаясь холодным потом.

"Господи... что это? - подумал он. - Ведь это уже было со мной когда-то! Неужели и в самом деле это он?"

На секунду мелькнула у него мысль: пойти обратно, проверить, убедиться. Но страх был сильнее любопытства. Он пошел домой - к тетке.

...Минуло почти два месяца с тех пор, как он покинул город. Он шел, и в душе его теплилась маленькая надежда, что он застанет дома мать.

В город он пришел рано утром, с трудом разыскал Белебеевскую улицу, которую за это время успели переименовать в улицу Бакунина. Утро было жаркое, все окна в квартире были распахнуты. Он заглянул в комнату, где жил до отъезда матери, и отпрянул. У окна сидел в качалке незнакомый плешивый человек в очках и читал газету. В соседней комнате Ленька увидел тетку. Она стояла у комода перед зеркалом и, откинув чуть ли не на спину голову, вытаращив по-совиному левый глаз, обеими руками оттягивала на лоб веко. Лицо у нее было трагическое, похоже было, что на глазу у тетки вскочил ячмень.

Ленька окликнул ее.

Тетка испуганно оглянулась.

- Боже мой! Леша! Как ты меня напугал. Ты откуда взялся?

- Пгишел, - невесело усмехнулся Ленька, подтягиваясь повыше и заглядывая в комнату, в надежде увидеть какие-нибудь следы присутствия матери. Не обнаружив ни пальто ее, ни платья, ни даже носового платка, он упавшим голосом сказал: - Мамы нет?

- Ты видишь, что нет!

Тетка все еще поглядывала в зеркало, подпирая мизинцем левую бровь.

- И писем не было?

- Боже мой, что за глупости ты говоришь! В Петрограде белые, а он толкует о каких-то письмах!.. Кстати, ты зачем, собственно, пришел? В гости? Или по делам?

- Почему белые? - сказал Ленька. - Кто вам сказал, что в Петрограде белые?

- Не все ли равно, кто сказал... В газетах еще на прошлой неделе писали, что Юденич взял Царское Село. А от Царского до Петрограда сорок минут езды...

Ленька усмехнулся. Почему-то ему вспомнилась Нонна Иеронимовна Тиросидонская и ее знаменитое "мало ли что говорят".

- Что же ты стоишь, как нищий, под окошком? - сказала тетка. - Заходи. У нас еще пока, слава богу, имеются двери и крыша над головой.

Пройдя через двери и очутившись под крышей, Ленька еще раз услышал тот же неделикатный вопрос: зачем и надолго ли он пришел в город?

- Я в общем совсем, - пробормотал он, выдавливая из себя улыбку.

Тетка оставила в покое свой глаз и отвернулась от зеркала.

- Как совсем? Я не понимаю. Что ты хочешь сказать?

Ленька молчал.

- Тебя выгнали?

- Где Ляля? - спросил, оглядываясь, Ленька.

Тетка быстро ходила по комнате, прижимала к распухшему и покрасневшему глазу комочек платка и трагическим голосом говорила:

- Нет, в самом деле, я спрашиваю тебя: ты на что, собственно, рассчитывал? Я прошу тебя ответить: на что ты рассчитывал? Боже мой, боже мой, что еще за новое наказание свалилось на мою голову! Ты хоть немножко думал о том, что ты делаешь? Ты же не маленький, тебе не пять лет, ты должен понимать, что я не миллионерша. Мы и так еле-еле сводим концы с концами. Цены растут, жить становится буквально невозможно, масло стоит уже триста рублей фунт, говядины не достать ни за какие деньги, белый хлеб исчез, чтобы сварить чечевичную кашу, требуется...

Ленька не ел со вчерашнего дня. От голода его мучило, он слушал невнимательно и плохо понимал, что говорит тетка, но слова "масло", "говядина", "чечевичная каша", "белый хлеб" он слышал отчетливо, они терзали его слух, наполняли слюной рот, дразнили и без того бешеный аппетит.

- Ты понял меня? - спросила тетка, заканчивая свою речь.

Ленька помолчал, качнулся на стуле и невпопад сказал:

- Я есть хочу.

Тетка накормила его. Но тут же, убирая со стола, она со всей твердостью заявила, что это последний раз, что рассчитывать на ее помощь он не может. Он не маленький, ему не пять лет, он должен понимать, что она не миллиардерша, что жить становится буквально

невозможно, что цены растут...

Ей действительно было трудно. Она хворала, нигде не работала, жила на заработок и на паек дочери.

Ира, которой недавно исполнилось шестнадцать лет, служила уборщицей в военкомате. Ляля уже второй месяц жила в детском доме. В этот же детский дом, по настоянию тетки, устроился и Ленька. Но пробыл он там очень недолго. Он даже не помнит, сколько именно: может быть, месяц, а может быть, и меньше...

...Было что-то унылое, сиротско-приютское в этом заведении, где какие-то старозаветные писклявые и вертлявые дамочки воспитывали по какой-то особой, сверхсовременной, вероятно, им самим не понятной, системе стриженных под машинку мальчиков и девочек, среди которых были и совсем маленькие, меньше Ляли, и почти взрослые, на много лет старше Леньки.

Кто были эти воспитательницы, откуда они слетелись сюда и какой педагогической системы держались, - над этим, конечно, Ленька в то время не задумывался. Скорее всего это были так называемые "левые" педагоги. Пользуясь тем, что Советская власть, открывая тысячи новых школ и интернатов, нуждалась в педагогических силах, эти дамочки налетели, как саранча, и на школу, и на детские сады, и на детские дома и всюду насаждали свою необыкновенную, "левую" систему.

А система эта была действительно странная.

Почему-то ребят заставляли обращаться к воспитателям "на ты" и в то же время не давали им слова сказать, так что не было, пожалуй, и случая, чтобы сказать воспитательнице "ты". Гулять водили парами, за столом, пока не была роздана еда, мальчики и девочки сидели, как преступники, с руками, сложенными за спиной. Все время их куда-то гоняли, что-то разъясняли, чему-то учили и наставляли.

Ленька помнит, как за обедом, когда ребята с жадностью глотали жиденький постный суп под названием "кари глазки", в столовой появилась высокая, стриженная по-мужски дама в пенсне. Походив по столовой и сделав кому-то замечание, что он "чавкает, как свинья", дама остановилась во главе стола и начала говорить. Говорила она очень долго, но из ее речи Леньке запомнилось только одно место.

- Дети, - говорила она. - Я хотела еще обратить ваше внимание на ваш язык. Он у вас очень грубый. Вы вот, например, все говорите...

И она, не поморщившись и не покраснев, сказала очень нехорошее слово.

- А надо говорить не так, а надо говорить...

И она произнесла еще более противное слово.

Все были голодны, но после этих слов никто не мог есть ни суп, ни кашу.

Бывали в детдоме и развлечения, но вряд ли они кого-нибудь развлекали. Даже воспоминание об этих вечерах вызывает у Леньки тоску и отвращение.

В комнате нехорошо пахнет уборной, табаком и невытой металлической посудой, голова чешется, в животе пусто, а на самодельной сцене, за раздвинутыми бязевыми простынями, выполняющими роль занавеса, ходят голодные бледные мальчики и девочки и разыгрывают глупую пьеску:

Доктор, доктор, помогите,

Наша куколка больна...

Потом выступает маленькая, стриженная, как солдат, девочка. Вытянув по швам руки, тоненьким деревянным голосом девочка читает:

Где гнутся над омутом лозы,

Где летнее солнце печет,

Летают и пляшут стрекозы,

Веселый ведут хоровод...

Было скучно, а время куда-то уходило, текло, как вода сквозь решето, так что даже читать было некогда. Неудивительно, что из детдома бежали. Чуть ли не каждое утро за завтраком не досчитывались одного, а то и двух-трех воспитанников. Подумывал и Ленька о

побеге. Он уже давно лелеял мечту пробраться в Петроград и разыскать мать. Поверить, что ее нет в живых, он почему-то не мог.

Конечно, Юденич Петрограда не взял. Но люди, которые приезжали из Москвы и Питера, рассказывали ужасы: в столицах - голод, жителям выдают по одной восьмой фунта, то есть по пятьдесят граммов, хлеба в день. Леньку это не пугало. К голоду ему было не привыкать. Но на всякий случай он подкапливал потихоньку кусочки сахара и твердое как камень печенье, которое выдавали по праздникам детдомовцам.

Убежать из детдома Ленька, однако, не успел. Ему пришлось уйти оттуда не по своей воле.

...Детдом помещался в женском монастыре. Половину келий занимали монахини, половину - дети. При монастыре была церковь. Около церкви отдельно - стояла высокая белая колокольня. Ребята от скуки повадились лазить на колокольню, - им доставляло удовольствие помогать монахиням трезвонить в колокола. Лазил на колокольню и Ленька. Однажды, спускаясь с товарищами по темной кирпичной лестнице, он нащупал руками какое-то углубление в стене. Это была открытая ниша, в глубине которой ребята обнаружили большой полутемный тайник, где хранились припрятанные монахинями от конфискации целые горы мануфактуры, обуви и других товаров.

Ленька уже не краснел и не вспыхивал при слове "воровство". В ту же ночь он забрался с двумя товарищами на колокольню и вынес из тайника несколько кусков бархата, отрез шелка и четыре пары дамских полуботинок.

На другое утро, когда он торговал на базаре обступившим его татаркам мягкий темно-лиловый бархат, подошел милиционер и сказал:

- Пойдем в комендатуру, малайка.

В комендатуре Ленька пытался оправдываться. Он кричал, что его не смели задерживать, что это не воровство, а реквизиция, что обокрал он не кого-нибудь, а монашек...

С ним не согласились. Составили протокол. Вызвали заведующую детдомом, сердитую старуху, которую ребята за глаза называли почему-то "Игуменья Маша". Заведующая отказалась принять Леньку обратно. Его направили под конвоем в другой детский дом, откуда он убежал в первую же ночь.

В монастырском саду, под деревянными ступеньками беседки, были припрятаны у него дамские ботинки - богатство, которое удалось утаить и от монашек и от милиции.

Продавать эти вещи в городе Ленька побоялся. Поэтому он решил наконец исполнить свое давнишнее намерение - ехать в Петроград.

Повидав на прощанье сестру и не заходя к тетке, он отправился в путь. В первой же деревне он выгодно продал ботинки и пришел на пристань с деньгами, которых, по его расчетам, должно было хватить до самого Петрограда.

Без билета он сел на пароход, который, как ему объяснили, шел без пересадки до Рыбинска.

Но до Рыбинска Ленька не доехал.

Где-то недалеко от Казани всех пассажиров - и билетных и безбилетных попросили выйти. Пароход занимала воинская часть, отправлявшаяся на колчаковский фронт.

Большинство пассажиров осталось на пристани дожидаться следующего парохода. Но пароходы ходили тогда без расписания, - неизвестно было, сколько придется ждать - час, день, а может быть, и неделю.

Несколько человек отправились пешком в Казань. Пошел с ними и Ленька. Деньги у него быстро таяли. Цены в те дни росли, как тесто на хороших дрожжах: сегодня бутылка молока стоила тысячу рублей, а через месяц уже три или пять тысяч. Скоро Ленька проел последнюю тысячу и должен был питаться тем, что ему давали его попутчики. Попутчики давали немного, Ленька голодал.

На третью ночь, когда путешественники ночевали в поле, под стогом сена, Ленькины товарищи покинули его. Он проснулся и увидел, что никого нет. Только яичная скорлупа

валялась вокруг да газетные махорочные окурки.

Когда рассвело, Ленька отправился в путь один.

...Весь день он шел по Большой Радищевской дороге в сторону Казани. В каком-то селе старуха, приняв его за нищего, вынесла ему овсяную лепешку. В другом селе он попросил напиток. Его напоили молоком.

Ночевал он в заколоченной полусожженной усадьбе. На дверях ее висел большой ржавый замок с сургучной печатью. Ленька отодрал доски на окне и залез в помещение. В комнатах не было никакой мебели, только в маленьком зале стоял покрытый рогожами рояль, да на чердаке он нашел несколько ящиков с книгами. У этих ящиков Ленька и заснул. Разбудил его дождь, который, зарядив с утра, целый день барабанил по крыше. Ленька дотемна сидел у слухового окна и читал старые номера "Исторического вестника". Питался он зелеными китайскими яблоками, за которыми несколько раз спускался в сад. На следующее утро, захватив с собой около двадцати книг, он зашагал дальше.

Часть книг он продал по дороге - мужикам на курево. С остальными пришел в Казань.

Здесь на главной базарной площади стоял заколоченный газетный киоск. Леньке отодрал доски, разложил на прилавке книги и открыл торговлю.

Все книги он очень быстро распродал. Осталось у него только несколько томов "Жизни животных" Брема, которых никто не покупал.

Несколько ночей подряд Ленька ночевал в газетном киоске. Днем он читал и продавал Брема. Он готов был отдать его за совершенные гроши, чуть ли не даром. Но покупателей почему-то, как на грех, не находилось.

Только на пятый день, когда карманы у Леньки опять опустели, покупатель нашелся. Это был пленный немец, сапожник, который почти не говорил по-русски. Он долго разглядывал тигров, леопардов и крокодилов, потом оторвался от книги и машинально спросил:

- Wie teuer?

Ленька напряг память, вспомнил немецкие уроки в училище и ответил:

- Fünf Tausend.

Немец пришел в восторг, схватил Леньку за руку, принялся трясти ее и что-то говорить быстро-быстро по-немецки. Ленька хоть и не понял ни слова, но отвечал:

- Ja. Ja. Ja.

Кое-как - на двух языках - он растолковал немцу, что он - сирота, бездомный, что ему нечего есть.

Немец предложил ему работать у него в мастерской и прямо с базара потащил его к себе на квартиру.

Жена его - толстая рыжеволосая эстонка или латышка - встретила Леньку не очень приветливо. У Франца, как звали Ленькиного хозяина, работал уже в подмастерьях молодой австриец - тоже военнопленный, - и хозяйке казалось, что второй помощник, да еще такой маленький и тщедушный, совершенно не нужен.

С первого же дня она возненавидела Леньку. За обедом она подала на второе плошку жареных почек. Леньке очень хотелось есть, и он положил себе на тарелку сразу две почки. И пока остальные раскладывали по тарелкам свои порции, он их уже съел. Вдруг он услышал голос хозяйки:

- Где же еще одна почка?

Оказалось, что хозяйка приготовила каждому по одной почке. Ленькина прозорливость оставила ее без жаркого.

- Ты жрешь, как свинья, - сказала она, выскребывая из опустевшей плошки остатки картофельного пюре. И с этих пор иначе как "свиньей" Леньку не называла.

Но все-таки Ленька прожил у Франца около двух месяцев. И если бы не хозяйка - может быть, он так и остался бы навсегда сапожничать в Казани.

Но хозяйка была самая настоящая "сапожницкая" хозяйка. Она посылала Леньку на базар, била его шпандырем и колодками, заставляла чистить картошку, мыть полы и даже

штопать носки. Не раз вспоминался Леньке "Ванька Жуков" - любимый его рассказ из школьной хрестоматии.

Осенью он ушел от Франца. Расстались они по-хорошему, - Франц выплатил ему до копеечки все жалованье, как обещал при найме.

А Ленька подумал и решил пробираться к Петрограду.

...Неделю он просидел на пристани в ожидании парохода. Но пароходы на север не шли. Единственный пароход, который остановился у Казанской пристани - "Владимир Ульянов", - был до отказа набит ранеными красноармейцами.

Ленька отчаялся, скучная Казанская пристань ему опротивела, он решил ехать куда глаза глядят, или, вернее, куда пойдет первый пароход.

Таким образом он попал в город - или в большое село - Пьяный Бор. Здесь он опять остался без денег. На пристани околачивалось очень много таких же, как он, бездомных бродяг. По ночам они воровали из пристанских складов сушеную рыбу, яблоки и арбузы. Попробовал и Ленька заняться этим прибыльным ремеслом. Но в первую же ночь, проникнув в пакгауз, где лежали арбузы, он попал в объятия сторожа. Как ни плакал Ленька, как ни молил отпустить его, сторож не сжалился. Он отвел Леньку в транспортную чрезвычайную комиссию.

Там Ленька просидел - в компании дезертиров, мешочников и спекулянтов две недели. Отсюда направили его в город Мензелинск, в детскую колонию имени III Интернационала. Этот детдом тоже помещался в монастыре, и в первую же ночь Ленька, по старой памяти, забрался на колокольню в надежде найти там что-нибудь подходящее для "реквизиции". Но ничего не нашел.

Жить в колонии было и скучно, и грязно, и голодно. Город только недавно был освобожден от колчаковцев, жизнь еще не наладилась. Ленька дождался первых холодов, получил казенное ситцевое пальто и ушастую шапку - и дал тягу.

До заморозков он жил в полуразрушенном здании пивоваренного завода на берегу реки Мензелы. Пробовал воровать. На базаре из-под самого носа татарина он стащил хорошие чесаные валенки. Тут же на базаре хотел их продать. Попался. Рассвирепевший татарин избил его этими же самыми валенками. А валенки были тяжелые - с обсоюзкой.

...Однажды он, голодный, бродил по городу и вдруг увидел на заборе плакат:
"КТО НЕ РАБОТАЕТ - ТОТ НЕ ЕСТ"

Таких плакатов Ленька видел и раньше немало, но почему-то на этот раз он очень внимательно перечитал его и задумался.

В тот же день он зашел в городской финансовый отдел - в первое учреждение, которое попало ему на глаза, и спросил, нет ли для него подходящего места.

- А что ты умеешь делать? - спросили у него.

- Да что угодно.

- Финансовую работу знаешь?

- Это считать-то, - презрительно усмехнулся Ленька. - Эка невидаль!..

Но на финансовую работу его все-таки не взяли. Ему предложили работать курьером. Работа была в самый раз. Город был маленький, учреждений немного, ходить некуда. Два дня Ленька просидел в теплой финотделской приемной, почитывая книжку и попивая морковный казенный чаек. На третий день, под вечер, его позвали к секретарю.

- Отнесите этот пакет в коммунхоз, - приказал ему секретарь, вручая запечатанный конверт и толстую рассыльную книгу.

Ленька с готовностью побежал исполнить поручение.

Но добежать до коммунхоза ему не удалось.

Финотдел помещался во втором этаже. Выбежав на площадку и увидев перед собой широкую городскую лестницу с гладкими отполированными перилами, Ленька не удержался, сел на перила и - как бывало когда-то в реальном училище покатился вниз. Но в реальном училище он скатывался большей частью благополучно. А тут ему не повезло. Зацепившись штаниной за какой-то неудачно высунувшийся гвоздь, он перекувырнулся

через перила и с высоты второго этажа полетел вниз.

...Очнулся он на больничной койке. Ему посчастливилось. Он мог сломать и спину, и руку, и ногу, и что хотите. А сломал всего-навсего один большой палец на левой руке.

Из больницы он выписался в середине зимы. Пошел в финотдел. Место его было уже занято. Какая-то древняя старушка сидела в приемной, вязала чулок и попивала морковный чай.

Леньке выдали выходное пособие. Неделю он жил барином на своем пивоваренном заводе.

Потом наступили морозы, по ночам Ленька совершенно коченел.

Он уже подумывал, не вернуться ли ему в детдом. Правда, это не очень весело - возвращаться к разбитому корыту, но что ж поделаешь.

В тот день, когда в голову ему пришла эта мысль, он встретил на улице молодого веселого парня, подпоясанного солдатским кушаком, за которым торчал широкий австрийский тесак.

Ленька поднимался наверх, в город. Парень бежал вниз. Он пробежал мимо и вдруг остановился. Наверно, у Леньки был очень страшный, заморенный и измученный вид.

- Эй, малай! - окликнул его парень.

Ленька остановился.

- Ты чей? - сказал парень.

Ленька попробовал усмехнуться и сказал, что он "свой собственный". И пошел дальше. Парень догнал его и схватил за плечо.

- Послушай, - сказал он, - ты что - замерз?

Сказал он это так хорошо, заботливо и тепло, что Ленька вдруг почувствовал, что он и в самом деле промерз до последней косточки. Зубы у него застучали. Если бы парень не подхватил его под руку, он, наверно, сел бы тут же, посреди улицы, в снег.

- А ну, пойдем поскорей греться, - сказал парень и, схватив Леньку за руку, потащил его наверх, в город.

...Он привел его к дому, над подъездом которого висела вывеска:

ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ

РКСМ

В маленькой комнате, украшенной лозунгами и плакатами, сидела за столом рыжеволосая веснушчатая девушка. Девушка что-то писала.

- Принимай гостя, Маруся, - сказал ей парень.

Увидев Леньку, девушка вскрикнула. Уши и нос у Леньки были совершенно белые. Он отморозил их.

Он никогда не забудет эти добрые женские руки, которые полчаса подряд заботливо растирали снегом его лицо и уши.

- Ну что - дышать можешь? - спросили у него, когда он немного согрелся и пришел в себя.

- Да. Благодагю вас. Могу, - сказал Ленька и вдруг расплакался. Плакать ему было стыдно, он давно не плакал, но сдержать себя он не мог.

Его успокоили, напоили чаем, накормили хлебом.

Он рассказал, кто он, откуда и что с ним случилось. Рассказал и про ферму, и про монастырский бархат, и про валенки, и про чека, и про колонию имени III Интернационала...

Он думал, что сейчас его выгонят или отправят в милицию. Но парень, которого девушка называла Юркой, серьезно выслушал его и сказал:

- Вот что, товарищ Ленька... До Петрограда ты вряд ли сейчас доберешься. Оставайся у нас - в комсомоле.

Ленька остался. Его поселили на кухне, которая только называлась кухней, потому что там стояли плита и кухонный стол. А на самом деле там только чай кипятили, когда собирались по вечерам в комитете комсомольцы - на лекции, на собрания или просто поговорить, пошуметь и поспорить.

Эта зима была у Ленки очень хорошая.

Он жил в комитете вроде сторожа, получал зарплату и паек, но чувствовал себя равноправным членом коллектива. Ходил на собрания. Слушал доклады. И если на собрании обсуждалась резолюция и нужно было голосовать, он тоже поднимал руку. Сначала он делал это робко, а потом осмелел и стал поднимать руку чуть ли не выше всех. И никто не удивлялся и не возражал. Его считали таким же комсомольцем, как и других, хотя по возрасту Ленка в комсомол не годился, - ему не было еще и тринадцати лет.

...Городская организация комсомола была совсем маленькая. Все это была зеленая молодежь, главным образом - ученики и ученицы Единой трудовой школы. Юрка среди них выглядел чуть ли не старичком: ему исполнилось 18 лет. Он уже второй год работал помощником механика на городской электростанции и занимался; кроме того, на инструкторских курсах всеобща. Работать ему приходилось много. Отец его погиб еще в германскую войну, и на Юркиных плечах лежали заботы о семье, о больной матери и о маленьких братьях и сестрах, живших в Казани. Он сам признавался Ленке, что спит не больше четырех часов в сутки. И все-таки он находил время позаботиться и о своем воспитаннике.

Прежде всего он решил, что мальчику нужно учиться. Оба они долго и со всех сторон обсуждали вопрос, - куда ему лучше идти: в бывшую гимназию или в бывшее реальное? Хотя ни реального, ни гимназии давно уже и в помине не было, в Ленке еще не угасла застарелая ненависть к "серошинельникам", и он решительно заявил, что в гимназию, даже в бывшую, учиться не пойдет. Юрка сначала рассердился на него, потом посмеялся, а потом подумал и решил:

- А и верно, пожалуй... К черту все эти гимназии. Нам, Леничка, в первую очередь нужен рабочий класс. После войны, когда разобьем колчаков и Юденичей, будем восстанавливать заводы, будем новые строить... Определим-ка мы тебя, давай, в профессиональную школу! Хочешь?

- Это в какую? - не понял Ленка. - В сельскохозяйственную?

- Почему в сельскохозяйственную? В обыкновенную профшколу. Будешь учиться на механика или на машиниста.

- В сельскохозяйственную я не хочу, - сказал, помрачнев, Ленка.

Учиться же на машиниста ему показалось заманчивым. Засыпая в этот вечер, он даже помечтал немного: вот он кончает школу, ему дают настоящий паровоз, он садится на него, заводит и едет... Куда? Да конечно же, туда, куда и ночью и днем, и во сне и наяву рвалась его маленькая душа: в милый, родной Петроград, на берега Невы и Фонтанки!..

...Но машинист из Ленки не получился.

В профшколу он пришел в середине зимы, в начале февраля. Его спросили: где он учился? Он сказал, что учился во Втором петроградском реальном училище. Вероятно, это звучало очень солидно, потому что ему не стали устраивать экзамена, дали только написать небольшую диктовку из "Сна Обломова", и когда он написал ее, сделав всего одну ошибку, в слове "импровизирует" (написал "эмпровизирует"), его зачислили сразу в третий класс.

Ленка вернулся домой радостный и гордый. Он весь сиял. Порадовались вместе с ним и Юрка, и Маруся, и другие товарищи его по комсомолу.

Но уже на следующий день, явившись на занятия в профшколу, Ленка понял, что радость его была преждевременной и что гордиться ему пока что нечем.

Начались мучения, о которых он и не подозревал, поступая в профшколу.

Он полтора года не брал в руки учебника, забыл дроби, с грехом пополам помнил таблицу умножения, а в классе, куда он попал, проходили уже алгебру и геометрию.

Первое время Ленка еще пытался что-то понять. Вытягивая шею, он, не мигая, смотрел на доску, на которой товарищ его по классу бойко вычерчивал мелом загадочные фигурки - черточки, треугольнички, дужки, украшая их, как елку игрушками, не менее загадочными нерусскими буквами: а, в, с, d...

Он внимательно и почтительно слушал учителя, торопливо и с ошибками записывал в

тетрадь незнакомые, ничего не говорящие ему слова вроде "медиана", "биссектриса", "гипотенуза", и чем дальше, тем больше приходил в уныние: он очень хотел понять что-нибудь и ровно ничего не понимал.

Наконец он махнул рукой, оставил попытки разобраться в этой абракадабре и занялся своими делами: читал или пописывал стишки.

Последнее время его опять потянуло к сочинительству. Еще в первые дни своего пребывания в комсомоле, узнав о разгроме колчаковских войск в Сибири, он написал стихи под названием "Черный ворон":

Не вей над нами, черный ворон,
Ты нам не страшен уж теперь.
Для всех тиранов и злодеев
В Россию уж закрыта дверь.
Не надо нам цепей железных,
И их у нас уж больше нет...
Эти стихи он прочел Юрке.

- Ничего... Молодец! - удивился Юрка. - В общем, довольно прилично получилось. Только, пожалуй, ужей слишком много.

- Каких ужей?

- Уж, уж...

- Без них не получается, - сказал, покраснев, Ленька.

- А ты попробуй, поработай, - посоветовал Юрка. - Над стихом надо работать. Пушкин, я где-то читал, по восемьдесят раз одно стихотворение переписывал.

Ленька переписал своего "Черного ворона" одиннадцать раз. Дня через два он показал новый вариант Юрке.

Не вей над нами, черный ворон,
Ты нам не страшен ведь теперь.
Для всех тиранов и вампиров
В Россию ведь закрыта дверь...

- Вот... Гораздо лучше стало, - похвалил снисходительный Юрка.

Теперь Ленька писал потихоньку от всех пьесу. Придумывать ее он начал еще в прошлом году, в Казани, когда жил у Франца. Пьеса была в стихах, из казачьей жизни, и в подзаголовке ее почему-то стояло: "революционная опера". Перед каждым куплетом, которые, по Ленькиной мысли, актеры должны были петь, в скобках стояло: на мотив "Яблочка", на мотив "Смело, товарищи, в ногу", на мотив "Кари глазки", на мотив "Маруся отравилась", на мотив "Шумел-гремел пожар московский"...

В этих поэтических упражнениях Ленька находил хоть и небольшое, а все-таки утешение. А вообще он чувствовал себя довольно паршиво. Больше всего он боялся, что о его неудачах в школе узнает Юрка. Конечно, он мог и сам рассказать обо всем Юрке. Но он стеснялся. Как же это так: о нем заботятся, его поместили в хорошую школу, устроили не во второй и не в первый, а сразу в третий класс, и вдруг он придет и скажет: "Я не могу заниматься... ничего не понимаю".

Когда Юрка спрашивал, как у него дела в школе, он пожимал плечами и неопределенно отвечал:

- Занимаюсь.

- Я знаю, что занимаешься... Хорошо или плохо?

- Меня еще не вызывали, - говорил Ленька.

Его и в самом деле ни разу не вызывали еще. Он был маленький, низкорослый, сидел на последней парте, - может быть, учителя просто не замечали его. Но рано или поздно гром должен был грянуть. Ленька чувствовал это, но ничем не мог помочь себе: все, о чем говорилось при нем на уроках физики и математики, по-прежнему оставалось для него китайской грамотой.

...Нисколько не лучше обстояло дело и на практических занятиях в мастерских. В

первый же день, когда Ленке выдали прозодежду - серую долгополую рубаху, штаны из чертовой кожи и синий коленкорный халат, - у него спросили, по какому профилю он хотел бы заниматься: по слесарному или по столярному? Ленка очень неясно представлял себе разницу между этими профилями. Может быть, ему показалось, что столярное дело проще, - все-таки дерево, а не железо! Он выбрал столярный профиль.

В мастерской ребята его класса самостоятельно делали табуретки. Ленку поставили к верстаку, выдали ему под расписку рубанок, топор, пилу-ножовку, угольник, долото и желтый складной футик, показали, где брать материал и куда складывать готовую продукцию.

- Рубанок держать умеешь? - спросил у него худощавый болезненный человек с черными усиками, которого называли инструктором.

- Умею, - ответил Ленка.

Ему показалось, что он говорит правду. Что ж тут особенного - держать рубанок. Ему приходилось поднимать и не такие тяжести. На ферме он таскал, правда с натугой, мешки по три пуда весом. Смешно было бы сказать - не умею. О том же, что он никогда рубанком не работал, он сказать постеснялся.

Инструктор дал ему образец - хорошенькую чистенькую, гладко отполированную табуреточку - и велел делать такую же. После этого он ушел и целую неделю не подходил к Ленкиному месту. Может быть, ему было некогда, потому что ребят под его началом работало больше сорока человек, а может быть, хотел проверить самостоятельность мальчика.

Ленка посмотрел, как работают товарищи, подвязал тесемочками рукава халата и храбро принялся за дело.

Прежде всего он решил делать сиденье. Он взял доску, отмерил футиком нужную длину, заметил ее по какой-то заусенице и стал пилить. Отпилив два одинаковых кусочка, он смерил их. Оказалось, что кусочки получились не очень одинаковые. Тот, который подлиннее, он еще подпилит и подрубил топором. Смерил еще раз. Теперь оказалось, что длиннее другой кусочек. Он осторожно подтесал его и опять смерил. Кусочки были почти одинаковые. Но когда он положил их на сиденье готового табурета, он с удивлением обнаружил, что отрезанные им доски почти на два пальца короче тех, что покрывали образцовый табурет. Он хотел пилить снова, но потом подумал, что, в конце концов, такая ничтожная разница в длине большого значения не имеет. Да и пилить ему уже надоело. Хотелось поработать рубанком.

Он положил доску на верстак, зажал ее тисками и стал скоблить рубанком, то и дело поглядывая на соседей и стараясь во всех мелочах подражать их движениям. Работать рубанком оказалось не так легко и просто, как это выглядело со стороны. Рубанок почему-то то и дело спотыкался, стружка из-под него вылетала то жиденькая, как мочалка, то грубая, толстая, толщиной с палец. Поминутно эти дурацкие щепки обламывались, застревали в отверстиях, из которого торчал нож рубанка, и их приходилось выковыривать оттуда долотом.

Через некоторое время Ленка уже начал задумываться: зачем вообще существует на свете рубанок, чего ради строгают доски, если после обстругивания они делаются еще более щербатыми и неровными?

Когда он обтесывал топором табуретные ножки, к его верстаку подошел его сосед по классу большеголовый татарчонок Ахмет Сарымсаков. Несколько минут он любовался Ленкиной работой, потом усмехнулся и спросил:

- Ты что, малай, на самовар лучину щеплешь?

- Какую лучину? - не понял Ленка. - Почему на самовар?

- Ты что делаешь?

- Ножки.

Сарымсаков еще раз зловеще усмехнулся, покачал головой и, ничего не сказав, пошел к своему месту.

...Ленька и сам понимал, что будущее ничего хорошего ему не сулит. Но он не падал духом. Всю неделю он самоотверженно трудился над своим табуретом. Он похудел, осунулся, руки его чуть ли не по самые локти были разукрашены синяками, ссадинами и царапинами. Из пальцев торчали занозы. На ладонях вздулись темно-лиловые пузыри.

Самое удивительное, что в конце концов ему все-таки удалось смастерить некоторое кривоногое подобие табурета. Табурет этот с грехом пополам стоял. У него было четыре ножки. Эти ножки кое-как связывались палочками-перекладинами. На ножках лежало сиденье, не очень, правда, гладкое и не очень ровное, но все-таки такое, что на него можно было поставить рубанок или ящик с гвоздями, и они не падали. В глубине души Ленька даже гордился немножко: все-таки, плохо ли, хорошо, а сделал. Пожалуй, если закрыть один глаз, а другой немножко прищурить, - не отличишь от настоящего, образцового табурета.

В конце недели, когда Ленька отделявал поверхность табурета, пытаясь отковырнуть долотом наиболее выдающиеся сучки и заусеницы, к нему подошел инструктор.

- Ну, как? - спросил он.

- Вот, - сказал Ленька, поднимаясь и показывая на табуретку таким гостеприимным жестом, как будто приглашал мастера садиться.

Инструктор со всех сторон внимательно осмотрел Ленькино изделие.

- Это что такое? - спросил он.

- Табуретка, - с жалкой улыбкой ответил Ленька.

Инструктор еще раз обошел табуретку, тронул ее за чем-то ногой и, мрачно посмотрев на мальчика, сказал:

- Это не табуретка, товарищ дорогой. Это по-русски называется - гроб с музыкой.

- Почему? Нет... Вы посмотрите получше. Это табуретка.

- А ну, сядь на нее, - приказал мастер.

- Я?

- Да, ты.

Ленька хотел сесть, даже взялся руками за сиденье, но не решился.

- Ну, что же ты?

- Я - после...

- После? Вот то-то, брат!..

Носком сапога инструктор несильно толкнул табуретку. Она рассыпалась, как картонный домик.

- А ну, делай сызнова, - приказал мастер.

- Табуретку?

- Да, табуретку.

У Леньки запрыгали губы. Он хотел сказать, что не умеет, что он новичок, что товарищи его занимаются столярным делом уже третий год, а он никогда раньше не держал в руках пилы и рубанка, но инструктор уже повернулся и шел к другому станку.

...На следующий день на уроке геометрии, когда Ленька, согнувшись над партой, с упоением писал революционную оперу "Гнет", его вызвали к доске. Он знал, что когда-нибудь эта страшная минута наступит, и все-таки от неожиданности вздрогнул, когда услышал свою фамилию.

- Ты, ты, - сказал учитель, заметив некоторую неуверенность на Ленькином лице.

Бледный, он выбрался из-за парты, прошел, как на казнь, через весь огромный класс и, готовый ко всему, остановился у доски, вытянув по швам руки.

- Вертикальные углы, - сказал учитель.

- Что? - переспросил Ленька.

- Теорема о вертикальных углах.

Слово "теорема" звучало так же загадочно и туманно, как и слова "медиана", "гипотенуза", "биссектриса" и "катет"... Это было одно из тех слов, которые Ленька слышал каждый день, которые приводили его в священный трепет и которые ровно ничего не говорили ни уму, ни сердцу его.

Он стоял у доски и покорно смотрел на учителя.

- Ну, что же ты?.. Пиши, - сказал учитель.

- Что писать?

- Как что писать? Доказывай теорему.

Ленька взял мел и тотчас положил его на место.

- Я не знаю, - сказал он тихо.

- Как? Не знаешь теоремы о вертикальных углах?

- Нет.

- Позволь... Но ведь мы повторяли эту теорему на прошлой неделе. Ты в классе был в это время?

- Был.

- Так чем же ты занимаешься, оболтус?! - рассердился учитель.

Он быстро поднялся, прошел к Ленькиной парте и схватил заветную Ленькину тетрадку.

- Это что такое?! Смотрите-ка...

- Оставьте! Не трогайте! - закричал Ленька, кидаясь к учителю.

- Смотрите-ка... Он, оказывается, пишет стихи!..

Ленька не успел выхватить тетрадку. Учитель отстранил его рукой и громко, с выражением, прочел:

- На мотив "Бродяга Байкал переехал"... Довольно мы, братья, страдали и тяжкое бремя несли, в боях мы свободу достали...

Ленька думал, что над ним будут смеяться. Но никто не смеялся. Наоборот, товарищи, которые до сих пор почти не замечали его, смотрели на него с почтительным удивлением: черт возьми! Здорово! Оказывается, у них в классе имеется свой поэт!

Учитель вернулся к своему столу.

- Стихи можно писать и дома, - сказал он уже не так сердито. - А в классе положено заниматься уроками.

Он задал Леньке еще несколько вопросов. Ни на один вопрос Ленька не ответил.

- Нет, это бог знает что, - опять рассердился учитель. - Ты с кем живешь? Отец у тебя есть?

- Нет, - ответил Ленька.

- С матерью?

- Нет.

- Значит, ты сирота? Кто же тебя воспитывает?

- Комсомол, - сказал Ленька дрогнувшим голосом.

- Кто? - не понял учитель.

- Комсомольцы... ребята меня воспитывают...

...В тот же день в школу примчался Юрка. Ленька сам ему все рассказал.

- Ничего, ничего, - утешал его Юрка. - Не огорчайся, Леничка. Уладится. Что же ты раньше молчал, дубинка этакая?

Ему действительно удалось все уладить. Он объяснил, что Ленька полтора года не учился, что в третий класс его приняли по ошибке. Заведующая школой хотела перевести мальчика классом ниже, но Юрка не сразу согласился на это. Вечером он говорил Леньке:

- Есть, Леничка, два выхода... Или перейти во второй класс. Это выход простой и легкий. Или - остаться в третьем и догонять товарищей. Это выход сложный и почетный...

- Как же мне догнать их, - сказал Ленька, - если они уже теоремы проходят?!

- Догнать, дорогой, всегда можно. Надо только быстрее бегать, больше и веселей заниматься.

- Трудно, - сказал Ленька.

- Трудно? А ты думаешь, нашим бойцам на фронте легко? А всему нашему государству Советскому легко? Ты знаешь, кто-то подсчитал, что против нас четырнадцать держав воюет... А? А мы одни... И при этом отстали от своих врагов в некоторых отношениях не на

один, а, может быть, на целых пять классов. У них - техника, у них - пушки, у них - золота до чертовой матери. А у нас с тобой одни дыры да заплаты, как на тришкином кафтане. А ведь победим-то в конце концов мы, а не они? Правильно ведь?

- Я останусь, - сказал Ленька.

Юрка засмеялся и обнял мальчика за плечи.

- Ты, Леничка, не бойся, не дрейфь, - сказал он. - Я тебе помогу.

Ленька не ушел из третьего класса. Он занимался теперь с утра до вечера. Он запретил себе читать книги. Он не ходил в городской клуб "Аудитория", когда там показывали кинокартины или выступали приезжие артисты. Даже свою оперу "Гнет" он временно забросил. Забежав после школы в коммунальную столовую и наскоро пообедав по курсантскому талончику, он шел домой, в горком, забирался с ногами на большую теплую плиту, обкладывая учебниками и тетрадками и до вечера зубрил физику, алгебру и геометрию. А вечером он шел к Юрке, или Юрка сам приходил в горком, и они опять занимались.

Выступать в роли репетитора Юрке было нелегко: еще до революции, после гибели отца, он ушел, не доучившись, из Казанского промышленного училища, и теперь ему приходилось многое воскрешать в памяти.

И все-таки через месяц Ленька уже не чувствовал себя таким дураком на уроках математики и физики. Наконец наступил день, когда он принес и с гордостью показал Юрке первую хорошую отметку по геометрии.

- Вот видишь, - сказал Юрка. - Не так все ужасно, как тебе казалось.

- Без тебя я все равно не догнал бы, - сказал, покраснев, Ленька.

- Глупости, Леничка. Паникуешь. Это у тебя, прости меня, пожалуйста, от твоего дурацкого мелкобуржуазного происхождения. Тебе индустриальная закалка нужна. Тебя бы на завод, казак, - вот это бы дело! Как у тебя, кстати, с практическими в мастерских?

- Ничего. Получше теперь.

- Табуретку сделал?

- Нет. Меня теперь Иван Иванович токарному делу учит.

В мастерских Ленька тоже начинал теперь все с азов. Инструктор Иван Иванович научил его строгать, дал ему сосновый брусок и велел выстрогать его не спеша до толщины двух дюймов. Ленька испортил пять или шесть брусков и наконец добился своего: сделал точно. Тогда его поставили к токарному станку.

Он уже входил во вкус работы. Он испытывал незнакомую ему раньше радость, когда из бесформенного куска дерева ему удавалось выточить какую-нибудь незамысловатую шпильку или балясину. Это было почти так же приятно, как сочинить удачную строчку в стихотворении или придумать рассказ. Руки его огрубели, в мышцах прибавилось силы. Приятно было, умываясь после работы, замечать, как с каждым разом все крепче и солиднее становятся твои мускулы.

...И в классе он не чувствовал себя теперь таким одиноким, как раньше. Хотя никто не читал его пьесы и стихов, о нем уже ходила по школе слава, как о сочинителе. Опера "Гнет" все еще лежала недописанная, и Ленька уже почти забыл о ней, когда однажды в уборную, куда он зашел покурить, прибежал его сосед по классу Ахмет Сарымсаков и сообщил, что Леньку зачем-то разыскивают ученики старшего класса. Оказалось, что это делегация драматического кружка.

- Это ты - сочинитель? - спросили у него.

- Я, - ответил Ленька, краснея.

- Говорят, ты пишешь пьесу? Правда?

Ленька еще больше покраснел и сказал, что - да, писал, но дописать не успел - некогда.

- Жалко. Мы думали - может быть, можно ее поставить. Восемнадцатого, в день Парижской коммуны²⁸, у нас вечер. Хотели разучить какую-нибудь пьеску, а пьес нет. В

28 Парижская коммуна - первая в истории пролетарская революция 18 марта 1871 года в Париже.

библиотеке - всякое буржуазное барахло, читать противно.

Было, конечно, заманчиво увидеть свою пьесу на сцене. Но дописывать ее времени уже не было. Драматический кружок выбрал какую-то детскую пьеску из старорежимного репертуара. В этой пьесе предложили играть и Леньке. Но, как видно, артистических талантов у него не обнаружили, потому что роли, которые ему давали, почему-то одна за другой переходили к другим исполнителям.

Сначала ему предложили сыграть француза-гувернера. Потом дали женскую роль - какой-то "тети Наташи, 32 лет". Но уже на первой репетиции выяснилось, что тридцатидвухлетнюю тетю Ленька сыграть не сможет. Эту роль поручили более рослому и представительному парню. На Ленькину долю осталась одна-единственная роль: мальчика Боба, 11 лет. Роль эта была очень несложная и коротенькая. Во втором действии мальчик Боб выбегает на сцену и кричит:

- Господа, господа, идемте играть в фанты!..

Леньке показалось обидным играть такую куцую роль. Он уже хотел гордо отказаться, но руководитель кружка заика Сумзин уговорил его взять эту роль.

- В-вот ув-видишь, - говорил он. - У т-тебя зд-дорово получится. У тебя ж г-госп-одское п-произношение. Ты "кв-вы-са" и "в-вубанок" говоришь. Ей-богу, никому л-лучше тебя не с-сыграть... С-согл-лашайся!

Ленька согласился. И не жалел, что согласился. По вечерам на репетициях в школьном клубе было много шума и смеха. Ученики сами делали декорации, сами шили и раскрашивали занавес. Готовили костюмы. Мастерили из пакли и мочалы дамские парики. Все волновались и ждали 18 марта. И хотя роль у Леньки была с воробьиный нос, и хотя он давно без особых усилий вы зубрил ее назубок, он тоже сильно волновался. Что ждет его: слава или позор? Свистки или аплодисменты? Он не дождался ни того, ни другого. Вмешались другие события, гораздо более значительные и грозные, и Леньке так и не удалось довести до конца роль мальчика Боба, 11 лет.

...Еще в середине февраля в уезде (или в кантоне, так назывались почему-то в то время в Татарской республике уезды) вспыхнуло кулацкое восстание, так называемое "восстание вилочников". Вероятно, название это бандиты получили потому, что, не имея достаточного количества винтовок и пулеметов, они выходили бороться с Советской властью вооруженные вилами, топорами и дрекольем. Это не значит, что у них вовсе не было оружия. Были у них японские и американские ружья, оставшиеся от колчаковцев, было даже несколько пушек, а главное - были опытные командиры из бывших колчаковских офицеров и унтеров.

Вилочники наступали на Мензелинск. Небольшой красноармейский гарнизон города, вышедший на подавление мятежа, был разбит. На помощь ему прибыл мадьярский коммунистический батальон. Но силы противника намного превышали силы советских войск. Мадыры несли потери.

Город стоял под угрозой нападения. Но среди жителей его не было паники. За эти годы люди привыкли постоянно жить на осадном положении. Война уже давно стала бытом советских людей. В городе работали учреждения. Школьники бегали на уроки. На базаре торговали пайковым хлебом, жевательной смолкой и холодными, промерзшими пирожками с кониной.

Восемнадцатого марта, в день Парижской коммуны, город разукрасился красными флагами. Жиденькая демонстрация прошла от здания кантонального Совета в городской парк - на могилы жертв революции. Вечером в городе было темно. Электростанция работала на последних крохах угля. Ток подавался только в немногие здания - в военкомат, горсовет, городской комитет партии. Неярко светились и большие окна профшколы, у подъезда которой уже вторую неделю висел плакат:

18 марта 1920 г.

В актовом зале Мензелинской профессиональной школы состоится ВЕЧЕР, посвященный 49-й годовщине ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ.

Программа:

1. Доклад: "Великое дело Коммуны живет и победит".

2. "Проказы Жужу", пьеса в 3-х действиях.

Участвуют ученики Профшколы.

3. Танцы до 3 ч.н. под рояль.

Начало в 8 ч.в.

по новому времени.

Раздеваться не обязательно.

Спектакль уже начался. Несмотря на тревожное положение в городе, зрительный зал был набит битком. Шло второе действие. Ленька стоял за кулисами. Он был в коротеньких, очень узких штанах и в белой маркизетовой дамской кофточке с синим шелковым бантом. В этом костюме он должен был изображать мальчика Боба, 11 лет.

Волнуясь и торопливо докуривая махорочную сигарку, он прислушивался к тому, что делалось и говорилось на сцене, и ждал своего выхода.

"Господа, господа, идемте играть в фанты", - бормотал он, в тысячный раз повторяя свою роль.

Иногда он, прищурившись, заглядывал в дырку, проделанную в холщовой кулисе, и чувствовал тот ни с чем не сравнимый душевный трепет, который знаком всякому, кто хоть однажды в жизни выступал на сцене.

- П-приготовиться, т-тебе в-выходить, - пробегая мимо, крикнул потный и взлохмаченный Сумзин.

Ленька похолодел и уже шагнул к кулисе, но тут вспомнил, что по ходу действия он должен не выйти, а выбежать на сцену. Отойдя в сторону, он слегка разбежался и, услышав еще раз свою фамилию, с закрытыми глазами, как ныряльщик в воду, ринулся на сцену, чувствуя заранее весь ужас того, что должно сейчас произойти.

Темный зрительный зал. Белые пятна лиц. Сотни блестящих насмешливых глаз, устремленных на него. Вот в первом ряду завшколой Рагимова, вот математик Дернов, вот инструктор столярной мастерской Иван Иванович... Почему-то не видно Юрки.

Тут Ленька вспомнил, что по пьесе он должен выбежать на сцену "с развязной улыбкой", и, торопливо скривив на сторону рот, хриплым голосом крикнул:

- Господа!..

В эту минуту в зале вспыхнул электрический свет. Ленька замер. Ему показалось, что это он натворил какую-то беду, что-то не так сказал или не то сделал.

- Господа, - еще раз пролепетал он, развязно улыбаясь.

- Товарищи! - раздался из зала молодой взволнованный голос.

На сцене и в зрительном зале все смешалось. Люди вскакивали, оглядывались.

У входа в зал стоял, подняв над головой руку, какой-то очень бледный парень в желтом овчинном полушубке.

- Внимание! - сказал он громко. - Всех комсомольцев и кандидатов в члены РКСМ просят немедленно собраться у горкома.

Зал зашумел. Молодежь протискивалась к выходу. Молодые артисты растерянно топтались на сцене. Француз-гувернер, тетя Наташа, 32 лет и еще несколько актеров постарше, сдернув парики, устремились в зал. Все они были комсомольцы.

"А я?" - подумал Ленька. В голове у него еще сидела недосказанная реплика: "...идемте играть в фанты!"

"А ну их к черту, эти фанты", - подумал мальчик. И, кинувшись за кулисы, он сорвал с

себя шелковый бант и дамскую кофточку, напялил поверх Бобиных штанов свою чертову кожу, разыскал пальто и ушанку и, на ходу застегиваясь, побежал догонять товарищей.

...На улице стоял крепкий мороз. Снег под ногами скрипел. Где-то впереди шли парни и девушки и громко пели любимую комсомольскую песню тех лет:

Борцы идеи,
Труда титаны...
Кровавой би-итвы
Час настает!..

В горкоме собрались уже все комсомольцы города. Юрка - в шапке и в полушубке - стоял на кухне у плиты и разговаривал с Марусей. Леньке показалось, что девушка плачет.

- Юра, что случилось? - еще из дверей крикнул Ленька.

- А, Леничка! - оглянулся парень. - Ну, как твои фанты-банты?

- Да ну их! - отмахнулся Ленька. - Я не про то...

- Извини, дорогой, я не смог прийти. Очень хотел посмотреть тебя на сцене, да видишь ли - дела такие...

- Какие дела? Что случилось? - повторил Ленька.

- Пока еще ничего не случилось. Но может получиться плохо. Вилочники окружили венгров, форсировали Ик, идут к городу. Комсомол объявил себя мобилизованным. Завтра уходим на фронт.

- Все? - спросил Ленька.

- Мужеска пола, конечно.

- А я?

- Еще чего?! Тебе, Леничка, я считаю, подрасти не мешает.

- Мне тринадцать лет, - грозным голосом соврал Ленька.

Юрка засмеялся, обнял его.

- Не горюй, казак. Еще повоюешь, успеешь. Впереди еще - знаешь? воевать и воевать. Дорога у нас дальняя, врагов много...

...Утром в городском комитете комсомольцам раздавали оружие. На всякий случай встал в очередь и Ленька. Когда подошла его очередь, человек, выдававший винтовки, с удивлением посмотрел на него и спросил:

- А ты куда?

Ленька привстал на цыпочки и басом сказал:

- Мне четырнадцать лет.

В это время в комнату вошел Юрка. "Ну, все пропало", - подумал Ленька. Но Юрка, увидев его, не засмеялся и не рассердился.

- Ладно, - сказал он, - выбери ему там какую-нибудь берданку завалящую. Запишем его в городскую охрану.

Охранять город остались инвалиды и комсомольцы младшего возраста.

Получив ружье и надев его на плечо, Ленька почувствовал гордость. Но это не было простым мальчишеским тщеславием. Это чувство было гораздо сильнее. Маленьким сердцем своим он понял, что ему не для забавы выдали эту старую русскую трехлинейную винтовку, не потому, что он очень просил и хныкал, а потому, что его считают своим, потому, что он принят в комсомольскую семью и ему доверяют охрану самого ценного, что есть у советского человека, - завоеваний революции.

...Вечером он прощался с Юркой. На городской площади, у жиденькой дощатой трибуны, стояли они рука об руку - у обоих за плечами винтовки - и слушали оратора. Оратор, пятнадцатилетний парнишка, хриплым, простуженным голосом кричал о том, что коммунизм победит, что гидра империализма будет раздавлена, что красная звезда Интернационала воссияет над разрушенным старым миром. Это были привычные, знакомые, митинговые слова, но сейчас, в тишине морозного вечера, они звучали как-то особенно страстно и горячо, потому что это были не простые слова, а программа, за которую люди шли умирать.

Когда оратор кончил говорить, в толпе запели "Интернационал". И Ленька, вытягиваясь на цыпочках, надрывая голос, фальшивя, торопясь и обгоняя других, кричал:

С Интег-на-цио-на-а-лом
Воспгя-нет год людской...

В тот же вечер комсомольцы ушли. Ночью Ленька стоял с тяжелой винтовкой у дверей упродкома. Он думал о Юрке. И сердце у него замирало и ёкало.

Восстание было подавлено. Вилочники бежали в леса...

С духовым оркестром и с песнями возвращались в город его отважные защитники. Но среди возвратившихся комсомольцев не было Юрки.

Ленька искал его, бегал по городу, даже шапку потерял в суете, но Юрки он не нашел.

Дней через пять хоронили погибших бойцов.

На той же площади, у жиденькой дощатой трибуны, стояли подводы с гробами. Их было много, этих наспех сколоченных темно-бурых гробов, усыпанных елочными ветками. Леньке вспомнился Ярославль, госпиталь на Борисоглебском шоссе, неожиданная встреча с Кривцовым...

Он поборол в себе страх и еще раз пошел искать Юрку. Вместе с ним разыскивали своих мужей, сыновей и братьев несколько женщин. Женщины подняли крышку первого гроба. Ленька заглянул туда и отшатнулся. Вместо мертвого человека, покойника, он увидел груду посиневших человеческих ног, рук и отдельных пальцев.

Он убежал с площади и уже не возвращался туда. Он сидел в комитете комсомола на кухне, у жарко нагретого кипяточного бака и плакал навзрыд, не стесняясь, не сдерживая слез и не видя перед собой ничего, кроме маленького скрюченного пальца. Почему-то он решил, что этот палец, - именно Юркин палец, и мысль о том, что это все, что осталось от его друга, не давала ему успокоиться. Он плакал, как никогда в жизни не плакал.

Пришла Маруся. Она утешала его, стыдила, - он не понимал, о чем она говорит, и не чувствовал стыда.

- Уйди! - кричал он. - Отстань! Дура!

Только к вечеру товарищам удалось успокоить его, покормить, раздеть и уложить спать.

...Со смертью Юрки Ленька опять - уже в третий раз - почувствовал себя сиротой. Он заскучал. Захандрил. Даже перестал ходить в школу.

Еще в начале зимы, по совету Юрки, он отправил в Петроград два письма: одно - матери, другое - в адресный стол с просьбой разыскать мать.

Ни на то, ни на другое письмо ответ не пришел.

Он писал няньке, писал Василию Федоровичу Кривцову в деревню Чельцово. Ответа не было.

А в воздухе уже пахло весной.

И вот Ленька надумал еще раз сделать попытку добраться до Питера.

Он знал, что его не отпустят, во всяком случае будут советовать ждать навигации, поэтому он решил уйти потихоньку.

В самом начале апреля он ушел из комитета. Он ничего не взял с собой, кроме письма матери и тех вещей, которые ему подарили за зиму комсомольцы. Уходя, он оставил письмо на имя Маруси. Он благодарил ее и других товарищей за все, что они для него сделали, и обещал вернуться, когда найдет мать. Через много лет из какого-то случайного обрывка газеты он узнал, что в конце 1920 года Маруся и еще две комсомолки-политработницы, которых он знал, погибли, замученные в белогвардейском плену.

ГЛАВА IX

Добраться до Петрограда Леньке и на этот раз не удалось.

Навигация еще не открылась, пароходы по Каме не ходили, и ему предстояло идти пешком несколько десятков верст до города Бугульмы. Оттуда он собирался ехать по

железной дороге.

Он шел налегке, денег, чтобы прокормиться, было у него достаточно; иногда он даже позволял себе роскошь и за несколько тысяч рублей присаживался на подводу к какому-нибудь проезжему крестьянину. Но потом ему показалось, что платить за такое удовольствие слишком жирно. Он стал выжидать подводчиков с грузом. Наметив подходящую жертву, он незаметно пристраивался сзади, а если присесть было некуда, вставал на концы полозьев и ехал спокойно, как на лыжах. Если возница замечал его, ему доставалось один-два удара кнутом. За высокой же кладью - за сеном или за дровами - ему удавалось иногда проехать на дармовщинку и пять верст, и шесть, и даже больше...

Но однажды ему не повезло.

Холодным, метелистым вечером, в сумерках, он спускался с горы. Лень этот был не очень удачный. Леньке пришлось много пройти пешком, попутчиков не было, он устал. Вдруг он услышал за своей спиной скрип полозьев. Оглянувшись, он увидел, что под гору рысью летит маленькая коренастая лошадка, запряженная в широкие башкирские розвальни. Ленька сошел с дороги и пропустил подводу. Он обратил внимание, что возница - безусый горбоносый старик в овчинном тулупе - дремлет. Заметив это, он побежал за санями с намерением вскочить на полозья. Обут он был в легкие татарские сапоги с голенищами, подбитые изнутри козым мехом. Эти сапоги ему подарили комсомольцы. Он очень любил и берег их.

На полном ходу, когда лошадь с разбегу понесла вскачь, он вскочил на концы полозьев. В эту минуту сани подбросило на ухабе, левая Ленькина нога соскользнула и попала под полоз. От сильной боли он на несколько секунд потерял сознание. Очнувшись, он увидел себя сидящим в снегу - посреди дороги. На левой ноге его болтались остатки голенища и грязные лохмотья портянки. Весь низ сапога - вместе с подошвой и каблуком - куда-то исчез. Пересиливая боль, Ленька отправился его искать. Идти полубосым по снегу было холодно. Тем не менее он искал свой опорок до темноты, пока не заболели глаза. Но так и не нашел его. По-видимому, его или отбросило в сторону, в поле, или он прицепился к полозу и уехал неизвестно куда.

От огорчения Ленька готов был плакать. Он присел у дороги, разорвал по шву голенище и обмотал им больную, уже распухшую ногу.

Поздно за полночь, хромя, доплелся он до какой-то деревни. Постучал в первую попавшуюся избу, попросился ночевать. Не особенно охотно его впустили. Ночью он проснулся от холода. Его трясла лихорадка. Болела голова, болели спина, поясница... Дышать было трудно, - горло словно веревкой было перетянуто... Он потерял память.

Никто не лечил его. Но люди, к которым он попал, оказались хорошими, добрыми людьми.

В солнечный весенний день Ленька очнулся, открыл глаза и увидел возле себя немолодую, очень смуглую женщину с глиняным кувшином в руках. Ленька закашлялся.

- А ну-кася, выпей-ка молочка, - сказала женщина.

Ленька прильнул губами к теплой щербатой крынке и долго, не отрываясь, пил душистое, пахнущее дымом топленое молоко.

Потом он опять забылся. Просыпаясь, он видел возле себя все то же доброе, смуглое, почти коричневое лицо. Он пил молоко. Кашель душил его уже не так сильно.

Он выздоровел. Чем он хворал, в то время не знали ни он сам, ни те, кто за ним ухаживал. Много лет спустя Леньку просвечивали рентгеном. И врач, который разглядывал на экране его грудную клетку, заметил, что у него был плеврит, и спросил, когда это было. Ленька не помнил, чтобы у него был плеврит, и, подумав, сказал, что, наверное, это было в двадцатом году.

- Плеврит великолепно зарубцевался, - сказал врач и поинтересовался, кто именно лечил Леньку, какой профессор.

- Лечил меня не профессор, - сказал Ленька, - лечила меня Марья Петровна Кувшинникова, бедная, неграмотная крестьянка...

О Марье Петровне и Василии Емельяновиче Кувшинниковых он сохранил на всю жизнь добрую, благодарную память. Эти люди, которые спасли ему жизнь, не позволили ему и после выздоровления их покинуть. Они предложили ему работать у них.

Ленька остался. Кувшинниковы жили одни. Единственный сын их служил в Красной Армии. Родители очень любили его, посылали ему письма и посылки. Но впоследствии выяснилось, что в это время его уже не было в живых. Он погиб в бою на деникинском фронте.

У Кувшинниковых Ленька работал. Ухаживал за скотиной. Ходил за водой. Окапывал гряды на огороде. Помогал по хозяйству. Но работать его никто не принуждал, хочешь - работай, не хочешь - гуляй, читай, сочиняй песни...

Ленька писал стихи. И хозяева очень гордились им. И по вечерам приглашали гостей - послушать Ленькины сочинения.

...Это лето было исключительно жаркое. В поволжских губерниях начался голод. И здесь - под Уфой - тоже было не очень хорошо с урожаем. Все погорело, посохло, одни только яблоки уродились в изобилии. Этими яблоками сырыми, сушеными, пареными и вареными - и питались, главным образом, местные жители.

Потом появились беженцы - из Самарской, Саратовской и даже Астраханской губерний. Целыми толпами ходили эти страшные, изможденные люди из деревни в деревню, выпрашивая подаяние и рассказывая спокойными, заученными словами про те ужасы, какие им пришлось перенести у себя на родине. Ленька долго не мог забыть женщину, которая, сидя на земле, тихим голосом рассказывала окружившим ее бабам о том, как на ее родине в одной семье зарезали, сварили и съели двухмесячную девочку. Запомнилась ему и другая женщина. На желтое, костлявое тело ее была накинута рваная холщовая рубаха. За руку она вела пятилетнюю девочку, которая была еще костлявее и желтее, ноги у девочки были тоненькие, как веточки, ручки, как у годовалого ребенка. Женщина просила милостыню. Марья Петровна вынесла ей в глиняной мисочке остатки борща и поставила мисочку на приступку. Женщина упала на колени и, стоя на четвереньках, как собака, чавкая и захлебываясь, лакала борщ прямо из миски, а девочка ползала рядом и тоже старалась приладиться к мисочке...

Ленька так полюбил своих новых хозяев, что ему и думать о расставании не хотелось. Но однажды Василий Емельянович поехал в Бугульму - добывать соль. Он взял с собой Леньку. По пути им пришлось переезжать ночью железнодорожное полотно. В это время проходил пассажирский поезд. Ленька услышал паровозный гудок, увидел зеленые вагоны и пассажиров, которые выглядывали из окошек, и у него так защемило сердце, так захотелось в город, на родину, в Петроград, что он расплакался и сквозь слезы сказал об этом Василию Емельяновичу. Тот огорчился, даже обиделся немного, как показалось Леньке, но ничего не сказал и только, помолчав, спросил:

- Как же ты без сапог-то поедешь?

Ленька ходил босиком, но в эту минуту ему казалось, что он и без штанов поехал бы.

На базаре они расстались. Ленька пошел, оглянулся... Василий Емельянович стоял не двигаясь, раздвинув ноги, и похлопывал себя кнутом по голенищу.

- Марье-то Петровне что передать? - крикнул он Леньке вслед.

Ленька остановился. От стыда у него загорелись уши. Он забыл даже привет передать Марье Петровне.

- Передайте, - закричал он, - передайте, что я... что я еще вернусь!

- Ну-ну... Будем ждать, - улыбнулся Василий Емельянович.

Ленька не сдержал слова. Людей этих он никогда больше не видел.

...Он пришел на вокзал. Билетная касса была закрыта. Тысячи людей сидели на вокзале в ожидании поезда. Но никто ему не мог сказать, когда пойдет поезд на Петроград.

- Садись, куда сядешь, - посоветовал ему какой-то бородач. Куда-нибудь привезут - и то спасибо.

Ленька послушался бородача. Он втиснулся без билета в первую попавшуюся

теплушку поезда, который остановился у бугульминского вокзала. Этот поезд привез его в Уфу. Там Ленька пересел на другой поезд. Потом еще пересел. И еще... Географию он знал неважно и даже не имел представления, в какую сторону ему нужно ехать. Таким образом, скитаясь из города в город и пересаживаясь с одного поезда на другой, он добрался до города Белгорода. Приехал он сюда на паровозном тендере, отыскав там очень удобное лежачее место - под нефтяным баком.

В Белгороде, когда он пытался высунуть голову из своего одноместного купе, чтобы подышать воздухом, его заметил дежурный, агент ЧК.

Леньку забрали. На допросе он объяснил, что едет разыскивать мать. Ему не поверили.

- Все вы так говорите, - сказал начальник пикета.

- Кто это все? - спросил Ленька.

- Малолетние воры - вот кто...

Ленька по-настоящему обиделся. Он уже давно не занимался воровством. И думал, что ему и не придется больше этим заниматься. Он расплакался...

Тогда начальник пожалел его и приказал дежурному написать бумажку, по которой Ленька мог ехать до Петрограда без билета.

В помещении пикета висела на стене большая железнодорожная карта России. Пока дежурный сочинял мандат, Ленька разглядывал карту. Он очень удивился, когда узнал, что попал совсем не туда, куда ехал, и что город Белгород находится на Украине.

В бумажке, которую ему выдали, было сказано, что он - беспризорный и едет в Петроград к матери. Всем организациям и учреждениям предлагалось оказывать ему помощь. Вместе с бумажкой начальник дал ему - от себя миллион рублей. Кроме того, его накормили хлебом, а какой-то агент дал ему еще две дольки чесноку и посоветовал натереть хлеб. Леньке это блюдо очень понравилось, а чесночный запах заставил его вспомнить о матери, и ему до смерти захотелось в Петроград.

Спать его устроили в каком-то пустом бараке, где помещались до этого раненые. Там пахло йодоформом, повсюду валялись ошметки бинтов, марля, вата, а на бревенчатых стенах висели обрывки плакатов.

ДОБЬЕМ ДЕНИКИНА!!!

НЕ ПЕЙТЕ СЫРОЙ ВОДЫ!

ТИФОЗНАЯ ВОШЬ - ВРАГ РЕВОЛЮЦИИ!

Ленька ночевал в бараке один. Его закрыли на ключ.

Ночью он проснулся от какого-то шума. Или кто-то толкнул его. Он не сразу понял, в чем дело. Приподняв голову и протерев глаза, он увидел, что в потемках кто-то крадучись бежит к окну.

- Эй, кто это? - закричал Ленька.

Но человек уже распахнул окно и выпрыгнул в маленький привокзальный садик. У Леньки слипались глаза. Пробормотав что-то, он повалился на грязный, зашарканный пол и заснул.

Разбудили его чекисты.

- Эй, путешественник, вставай. Поезд подходит.

Ленька не сразу сообразил, где он и что с ним. Заспанный, он выбежал на залитую солнцем платформу. Там уже толпился народ в ожидании поезда. Ожидающих было так много, что Ленька представить не мог, как ему удастся проникнуть в вагон. Когда подошел поезд, орды пассажиров с мешками, корзинами и узлами ринулись на приступ вагонов. Как Ленька и ожидал, его сразу же затолкали и оттеснили в сторону. Но тут на помощь ему пришел дежурный чекист. Он не только помог Леньке войти в вагон, но и усадил его на очень хорошее место, у самого окна. В вагоне на Леньку сразу же стали смотреть с уважением. А когда поезд тронулся, какая-то женщина-спекулянтка стала угощать его яблоками и вяленой воблой.

Очень скоро в вагоне поднялась суматоха. Пронесся слух, что по поезду идет контроль. Безбилетные пассажиры, которых в то время было гораздо больше, чем платных, кинулись

спасать свои души. Кто прятался в уборных, кто залезал под лавки, а некоторые, у которых, наверно, и вообще совесть была нечиста, даже соскакивали на ходу с поезда.

Ленька сидел совершенно спокойный. Он умел прятаться от контроля, но сейчас в этом не было необходимости. Он жевал соленую, твердую, как подошва, рыбу, смотрел в окно и высчитывал, через сколько дней он будет в Петрограде.

В вагоне появился контроль: поездной кондуктор, работник ЧК и несколько красноармейцев с винтовками.

- Предъявите ваши документы! - возгласил кондуктор.

Те, у кого документы были, полезли в карманы, за пазухи, стали расстегивать кошельки, развязывать узелки; а те, у кого документов не было, забились поглубже под лавки, съежились там и перестали дышать.

У Леньки документы и деньги хранились в нагрудном кармане зеленой рубахи, которую ему когда-то перешила из солдатской гимнастерки Маруся. Когда подошла его очередь и кондуктор спросил: "А у тебя что?", он сунул руку в карман и сказал:

- Пожалуйста.

Но сразу же почувствовал, - словно рыба кость встала у него поперек горла. В кармане ни денег, ни документов не было. Соскочив с лавки, он принялся рыть в других карманах - карманы были пусты.

- Ну что же ты? - сказал кондуктор.

- Сейчас, сейчас, - бормотал Ленька. - Одну минуточку. У меня есть мандат... Мне Чека выдала...

Он рылся за пазухой, выворачивал рваные карманы штанов, тряс штанину нигде мандата не было. Только тут он вспомнил ночную сцену в бараке и понял, что деньги и документы у него украли. Губы у него затряслись. Он заплакал.

- Товарищи, - проговорил он сквозь слезы, - меня обокрали.

- Брось заливать, - сказал кондуктор. - Это тебя-то обокрали? Ты сам небось чистишь карманы - по первой категории...

На ближайшей станции Леньку высадили. Когда он выходил из вагона, вдогонку ему неслись насмешки, ругательства и издевательства. Особенно старалась женщина, которая угощала его яблоками и рыбой. Поезд уже тронулся, и Ленька стоял один на пустой платформе, а она все еще высовывалась из окна и хриплым от негодования голосом кричала:

- Паразит!.. Обманщик!.. Воблу жрет, а у самого документов нету...

Ленька показал ей кулак, присел на корточки у кипяточного бака и снова заплакал. В эту минуту он услышал у себя над головой грубый мальчишеский голос:

- Эй, плашкет! Чего сопли распустил?

Перед Ленькой стоял ободранный загорелый паренек - его одноклассник или чуть побольше.

- Нашпокали? - сказал он.

Ленька перестал плакать, угрюмо посмотрел на паренька и сказал:

- Кого нашпокали? Никого не нашпокали.

- Высадили?

- Высадили, - сказал Ленька.

- Чего ж плакать? Балда! Ты чей - одесский?

- Петроградский, - сказал Ленька, все еще дичась и с любопытством разглядывая паренька. У того было грязное, шелудивое, перемазанное мазутом, но очень красивое белозубое лицо.

- Если ты петроградский, - сказал он, передразнивая Леньку, - то очень приятно. В Петрограде, говорят, на ходу подметки срезают. Это правда?

- Не слышал. Не знаю, - ответил Ленька.

- Ты что - втыкаешь?

Ленька не понял, но сказал:

- Нет.

- Ну и дурак, если нет. Давай на сламу работать?

- На какую сламу?

- Ну, на пару. На бану майданы резать. Айда?

- Айда, - сказал Ленька, хотя и тут не понял, на каком бану и какие майданы ему предлагают резать. Почему-то ему показалось, что бан что что-то вроде баштана, а майдан - арбуз или тыква по-украински. Но очень скоро он понял, что речь идет не о тыквах и не об арбузах. Белозубый паренек, которого звали Аркашкой, несмотря на свои четырнадцать лет, был уже очень опытным железнодорожным воров. Он предложил Леньке войти с ним в компанию и воровать на вокзалах и в поездах вещи у пассажиров.

Леньку не бросило в жар от этого предложения. Нет, после всего, что с ним было, он уже не мог смотреть на воровство с тем презрением, которого оно заслуживает. Но, выслушав Аркашку, он, не задумываясь, сказал:

- Нет, к чегту.

И пошел.

- Фасон берешь? - крикнул ему вдогонку Аркашка. - Ну, что ж... пожалуйста... без тебя обойдемся...

Подождал поезд. Ленька вскочил на ходу на подножку, пробрался в вагон. На следующей станции его высадили, надавав пинков.

Приближался вечер, заморосил дождь. Станция была маленькая, зала для пассажиров при ней не было.

Ночевал Ленька в виадукe под железнодорожным полотном.

На следующий день утром он голодный сидел на скамеечке у станционного домика и думал: что ему делать? Ни денег, ни документов у него не было. Пойти в милицию? Проситься в детдом? Или на какую-нибудь новую "ферму"? Нет, нет, только не это...

Он уже начал жалеть, что отказался от предложения Аркашки, как вдруг услышал рядом с собой знакомый голос:

- Здорово, фрайер!

Позже Ленька со стыдом вспоминал, как он обрадовался, узнав белозубого Аркашку.

- Обедал? - спросил тот.

- Нет, - пробурчал Ленька.

- Завтракал?

- Нет.

- Значит, прямо ужинать собираешься?

Ленька угрюмо ухмыльнулся.

- Ну как, - втыкаем? - спросил Аркашка, присаживаясь возле него на лавочку.

Не было рядом с Ленькой сильной руки, которая бы могла поддержать его. Не было матери, не было Юрки, не было Василия Федоровича Кривцова...

Вокруг было пусто, опять моросил дождь.

- Ну, что ж... Втыкаем, - сказал Ленька, тряхнув головой.

...С первым же поездом они отправились "на гастроли", как говорил Аркашка. На станции Казачья Лопань Аркашка унес из-под самого носа зазевавшегося пассажира большой кожаный чемодан. В чемодане, который они открыли на пустыре за железнодорожными складами, оказались такие богатства, что Ленька рот разинул. Здесь лежало хорошее, тонкого полотна мужское белье, яркие галстуки, крахмальные воротнички, бритва, махровое полотенце, душистое мыло, бутылка вина, белая булка, английские консервы, шоколад, несколько лимонов - вещи, которых Ленька несколько лет и во сне не видел. На самом дне чемодана в коробке из-под зубного порошка были запрятаны маленькие дамские часы на золотой браслетке.

Даже у видавшего виды Аркашки глаза разбежались при виде этих богатств.

- Ничего, ничего, пофартило, - говорил он, лихорадочно роясь в чемодане. - У тебя рука легкая. Из тебя человек выйдет, Ленька! А?

Эта похвала не очень порадовала Леньку.

Он спросил: у кого Аркашка украл этот чемодан? Что это за человек, который в голодные военные годы ест белый хлеб, сардинки и лимоны?

- Тоже, наверно, вор, - сказал Аркашка. - Или какой-нибудь буржуй недорезанный.

Ленька почему-то вспомнил Волковых. То, что вещи эти - буржуйские, немного утешило его.

- В общем - плевать! - сказал Аркашка. - Сейчас это все наше.

Он смеялся, потирал руки и без конца повторял:

- Ничего, ничего... Поживем, парень! Погуляем на славу!..

Хотя Ленька не принимал никакого участия в этой краже, Аркашка по-братски разделил с ним все награбленное. Они уехали в Харьков. И там около месяца жили припеваючи, проедая деньги, вырученные от продажи часов и других вещей.

Но скоро они расстались. Аркашка покинул Леньку. То ли ему показалось, что Ленька невыгодный компаньон, так как Ленька воровал хуже и не так удачно, то ли он ему просто надоел, но однажды Ленька проснулся и увидел, что Аркашки нет. Ночевали они на бульваре - в кустах акации. Ленька посидел, подождал и, забеспокоившись, решил пойти поискать товарища. Он уже хотел подняться, когда машинально сунул руку в карман, где лежали у него заколотые французской булавкой деньги. В кармане он нащупал что-то холодное, мягкое и пушистое. От обиды и отвращения он закричал. Оказалось, что Аркашка не только обокрал его, вынув из кармана все деньги, но еще и поиздевался над ним, засунув в карман маленького дохлого котенка.

...Расставшись с Аркашкой, Ленька не горевал. Но жизнь его уже опять пошла кувырком.

Споткнуться и упасть в яму нетрудно, выкарабкаться из нее гораздо труднее.

Стыдно, горько и больно вспоминать Леньке эту осень, зиму и лето, которые он провел в Харькове и в других городах Украины... Почти год скитался он, вместе с тысячами таких же бездомных ребят, по разоренным войной местам. Не раз побывал он за это время в отделениях милиции, в железнодорожных чека, в арестных домах угрозыска...

Иногда думал: как же это так получилось? Был честный мальчик, учился, читал, писал стихи... И вот все это рассыпалось, ничего не осталось, он вор, бродяга, отпетый человек.

Он делал над собой усилия, пробовал не воровать, работать. Ходил на вокзал, предлагал пассажирам помочь снести вещи. Но вид у него был такой, что пассажиры пугались.

- Знаем, - говорили они, - знаем, куда ты их снесешь...

И, оттолкнув Леньку, они сами тащили свои корзины и чемоданы, до трамвая или до тележечника.

Пробовал он и торговать. Когда начался нэп и открылась частная торговля, он купил у знакомого китайца сотню дешевых самодельных папирос, вышел на главную улицу и стал кричать:

- А вот кому папигос! Папигос кому?!

Но пока торговал, больше выкурил сам, чем продал. Вечером подсчитал убытки и понял, что частный капиталист из него не выйдет.

О возвращении в Петроград он уже не мечтал. Ему казалось, что он уже конченный человек, он не мог представить себе, как он встретится с матерью или сестрой и как посмотрит в глаза им...

...Но в конце лета снова напала на него тоска по родине. Он уже измотался, устал... По вечерам он с завистью поглядывал на освещенные окна, за которыми текла нормальная человеческая жизнь: люди сидели за самоварами, пили чай, матери ласкали детей.

Как-то под вечер он сидел у железнодорожного полотна на станции Сортировочная, ел вишни. И вдруг, неожиданно для самого себя, решил:

- Поеду в Петроград.

Он не стал заходить в город, - там не было у него никаких дел, никто не поджидал его там, и не с кем ему было прощаться. Он дождался первого поезда, вскочил на ходу на

подножку, с подножки перебрался на буфер, а оттуда - по лесенке - на крышу. До Курска он ехал без приключений. Ночь была холодная, он сидел, скорчившись, у трубы вентилятора и думал о Петрограде. Глаза у него слипались, но спать было нельзя, так как во сне очень легко сверзиться с покатою крыши, а кроме того, подъезжая к станции, надо перебираться на сторону, противоположную платформе, чтобы не заметил с платформы агент. Но все-таки Ленька заснул. И только чудом каким-то не свалился и не попал под колеса. В Курске его сняли с крыши. Полтора часа он просидел в пикете, дал обещание зайцем больше не ездить и был отпущен. Добравшись до станции Курск-товарная, и отыскав подходящий поезд, он забрался на паровозный тендер и зарылся в уголь. Так, пересаживаясь с поезда на поезд, - на крышах, на буферах, на вагонных рессорах, в угольных ящиках, в нефтяных баках, - он ехал на родину. Однажды утром он проснулся и, заметив, что поезд стоит, высунулся наружу. Он увидел знакомый перрон и высокую застекленную крышу Николаевского вокзала. Сердце его застучало. Он был в Петрограде.

ГЛАВА X

Он шел по Невскому - оборванный, длинноволосый, босой, перепачканный углем и нефтью - и ему не верилось, что он шагает по родной земле. Слезы текли по его лицу, оставляя белые полосы на перемазанных углем щеках.

Больше трех лет прошло с тех пор, как он уехал из этого города. И вот он возвращается. Но разве это тот самый Ленька идет, который нотой 1918 года подъехал на извозчике к Николаевскому вокзалу и, увидев этот вокзал, с трепетом подумал: неужели ему и правда предстоит такой далекий путь, неужели он на все лето едет в деревню?

Нет, это уже не тот Ленька.

Он шагает по Невскому и с удивлением думает, почему это никто не смотрит на него и не показывает пальцами. Но таких, как он, на улицах очень много. Да и сам Петроград выглядит не таким чистеньким и нарядным, каким он выглядел четыре года назад. Город еще не оправился от разрухи. Уже отгремели пушки, но пахнет еще порохом гражданской войны. Булыжные мостовые разворочены. В витринах зияют огромные трещины. Люди выглядят больными и голодными, хотя на улицах уже попахивает жареными пирожками и над магазинами красуются новенькие, нарядные вывески: "Кафе", "Хлеб и булки", "Продукты питания"...

С трепетом поднимался Ленька по широкой полутемной лестнице, где каждая ступенька и даже каждая выбоина на ступеньке были знакомы ему и напоминали детство.

Клеенка на дверях была ободрана. Звонок не звонил. Ленька стучал минут пять. Наконец дверь наполовину отворилась. Из-за цепочки выглянула незнакомая женщина, старуха с завязанной щекой. У Леньки срывался голос, когда он спросил, дома ли Александра Сергеевна.

- Пошел, пошел, - ответила ему старуха и захлопнула дверь.

Ленька опешил, но, подумав и подождав, опять постучал. Женщина, не открывая двери, стала ругаться. Она заявила, что если Ленька сию же минуту не уйдет, она позвонит в домовый комитет и его заберут куда следует.

- Вы не ругайтесь, пожалуйста! - закричал Ленька. - Вы мне только скажите: Александра Сергеевна здесь живет?

- Никаких Александр Сергеевна здесь нету, - сказала женщина и, помолчав, добавила: - Уходи, пожалуйста...

Ленька, понурый, поплелся вниз. Он перешел улицу и заглянул в окна второго этажа. За окном - в бывшей детской - висела клетка с чижиком или канарейкой. На подоконниках стояли горшки с цветами. Форточка в бывшей столовой была заткнута полосатой подушкой.

До вечера Ленька бродил по городу. Вечером он решил поискать кого-нибудь из

родных. На Екатерининском канале²⁹ жила его тетка, мамина сестра. Ни номера дома, ни номера квартиры он не помнил. Только случайное детское воспоминание помогло ему отыскать этот дом. На высокой глухой стене он увидел огромный железный плакат: "Какао Жорж Борман". Толстый розовощекий повар в белом колпаке и в таком же переднике, зловеще улыбаясь, помахивал над головой банкой с какао. Ленька вспомнил, что этого повара он почему-то страшно боялся в детстве. Когда они с матерью подъезжали или подходили к этому дому, он отворачивался и зажмурился. Этот повар снился ему иногда по ночам, как и позеленевший от петербургских туманов памятник композитору Глинке у Мариинского театра.

...Парадный подъезд был закрыт. Ленька поднялся по черной лестнице и позвонил. Облако вкусного пара ударило ему в лицо. На пороге стояла перед ним с поварешкой в руке его тетка. Не слишком храбро смотрела она на маленького оборванца.

- Что тебе нужно, мальчик? - спросила она, попятившись.

Ленька шагнул вперед. Сорвал с головы рваную кепку с полуоторванным козырьком, улыбнулся и сказал:

- Неужели не узнаете, тетя Рая?

Тетка всплеснула руками:

- Леша?!

Кинувшись с объятиями к Леньке, она остановилась на полдороге. Обнять и поцеловать его она не решилась. На ней было чистое нарядное платье и розовый в белую горошинку передник.

Конечно, первый вопрос, который Ленька задал, был:

- Что с мамой? Где она?

Он с ужасом ждал страшного ответа. И вдруг он видит, что тетка повернулась к дверям, высунула голову в коридор и кричит:

- Шурочка!

Он не успел опомниться и сообразить, в чем дело, как уже очутился в объятиях матери. Мать целовала его, плакала и смеялась, и черные угольные пятна покрывали ее лицо, руки и выгоревшее ситцевое платье.

- Боже мой! Какое счастье, - говорила она, прижимаясь щекой к его взлохмаченной грязной голове. - Лешенька... Сынок... Мальчик... Где ты был? Ведь мы давно похоронили тебя. Васюша был уверен, что тебя волки съели на этой ужасной ферме.

- А где он?

- Кто? Вася? Он с нами живет. Он скоро придет. Он у нас уже совсем взрослый - не узнаешь его - работает в булочной. А эту ты узнаешь?

В дверях стояла и с недоумением смотрела на происходящее десятилетняя курносенькая девочка, в шерстяном клетчатом платьице, из которого она давно успела вырасти.

- Мама, кто это? - проговорила она испуганно.

- Лялька! Да ты что - не узнала?

Девочка вскрикнула, завизжала и кинулась целовать брата. Леньку вымыли в ванне. Мать сама остригла ножницами его сбившиеся в колтун космы, сама отскребывала его колючую, покрывшуюся черной коркой спину жесткой греческой люфой.

Через полчаса пришел с работы Вася. Он еще больше возмужал, вытянулся, был на полголовы выше Леньки. Когда они целовались, в нос Леньке ударил приторный запах кондитерской: несвежего масла, помадки, каких-то эссенций... Волосы у Васи были осыпаны мукой, к пальцам у ногтей пристало засохшее тесто.

- Ты что так рано сегодня, Васюша? - спросила Александра Сергеевна.

- Мы не работали, у нас забастовка, - басом ответил мальчик.

²⁹ Екатерининский канал - ныне канал Грибоедова.

- Какая забастовка?

- Хозяйчик договор не подписал, - важно объяснил Вася, и Ленька с удивлением и с уважением посмотрел на младшего брата.

За чаем, когда собралась вся семья, начались взаимные расспросы. У каждого было что рассказать.

- Мы думали, что тебя волки загрызли, - говорил Вася. - Я два дня по лесу ходил, искал тебя. Ты почему, чудак, мне-то не сказал, что бежать собираешься?

- Я боялся. Ведь Дракон обещал убить меня.

- А что ж, и убил бы... Ему ничего не стоило. Между прочим, усмехнулся Вася, - ты знаешь, что с этим Драконом случилось?

Ленька вздрогнул.

- Что?

- А вот что!.. - и Вася, вместо ответа, сложил из четырех пальцев решетку.

- Арестовали?

- Всех. И Дракона, и помощников его... Конопатого помнишь? В очках такой... И его взяли за шкуру. Оказалось, что все они - бывшие офицеры, белогвардейцы...

- Погоди, - сказал, побледнев, Ленька. - А как его фамилия?

- Чья?

- Директора.

- Гм... Шут его знает. Забыл. Ах да, вспомнил! Поярков Николай Михайлович.

- Я так и знал! - воскликнул Ленька.

- Что ты знал?

- Мама, ты помнишь?

- Кого? - удивилась Александра Сергеевна.

- Пояркова.

- Нет, мальчик. Откуда же мне знать его?!

- Ну, что ты! Офицер... В Ярославле... Сын хозяина гостиницы. Еще мы на пароходе с ним встретились. Еще я его отпустил, дурак...

- Не может быть. Наверно, это совпадение, - сказала Александра Сергеевна.

- Не совпадение. Он только бороду отрастил. А я его еще на ферме узнал... Честное слово, я все время думал, что это он. Теперь бы я его, негодяя, не выпустил, - сквозь зубы сказал Ленька и увидел, что мать с удивлением и даже с испугом покосилась на него.

Рассказала коротко и она свою историю. И на ее долю тоже выпало немало передряг и злоключений.

...Ранней весной девятнадцатого года Александра Сергеевна выехала из Петрограда, сдав на вокзале в багаж несколько ящиков электрических лампочек, ноты, книги, канцелярские принадлежности и другие вещи, за которыми она и ездила в командировку. Поезда, которыми она ехала, шли медленно, как и полагалось им ходить в те дни, но почти до конца пути все было благополучно, и Александра Сергеевна рассчитывала, что через день-другой она увидит и сестру и детей.

До Уфы оставалась одна ночь пути. Ночью Александра Сергеевна проснулась от выстрелов, криков и стонов. На поезд напал дезертирский отряд. Бандиты разграбили поезд, расстреляли всю поездную прислугу, убили и ранили многих пассажиров, а человек двадцать увели с собой.

Александр Сергеевне удалось спастись. Вместе с соседкой по купе, известной уфимской коммунисткой, она спряталась на тендере, зарывшись с головой в угольную крошку. Когда бандиты скрылись, женщинам полуодетым пришлось идти восемнадцать верст до ближайшей станции. Дорогой Александра Сергеевна простудилась. В Уфе ее положили в больницу. Там от соседки по койке она заразилась сыпным тифом и прохворала больше двух месяцев. Из больницы выписалась летом. Стала разыскивать багаж. Оказалось, что багаж ее случайно шел с тем же поездом, на котором она ехала последний перегон и который подвергся разграблению. Отряд чекистов, высланный на поимку бандитов,

обнаружил в окрестных деревнях большое количество электрических лампочек. Лампочками играли дети. Это помогло напасть на след бандитской шайки. Бандиты были схвачены. Но розыски вещей продолжались долго. Несколько раз Александра Сергеевна писала сестре, два раза писала Леньке, но почта в те годы работала скверно, и письма ее не доходили.

Когда в конце лета Александра Сергеевна вернулась к семье, она узнала от Ляли, что три дня тому назад Ленька бежал из города, взяв направление на Питер.

...Пришлось и самому Леньке рассказать о себе. Конечно, он рассказал не все, добрую (или, вернее, недобрую) половину утаил, но его и так слушали, разинув рты...

- Леша, а на какие же деньги ты жил это время? - спросила у него Ляля, когда Ленька кончил свой рассказ.

- Глупая... помолчи, - перебил ее Вася.

Ленька почувствовал, что краснеет. Губы у него запрыгали. Он сам удивился. Ему казалось, что за эти годы он уже разучился краснеть и смущаться.

Александра Сергеевна быстро поднялась и вышла из комнаты.

- Леша! На минутку, - позвала она его.

Он вышел. Она обняла его, крепко поцеловала и сказала на ухо:

- Ведь больше этого не будет, мальчик?

- Чего? - пробормотал Ленька.

- Ты понимаешь, о чем я говорю. Я не хочу тебя осуждать. Я знаю, как много трудного тебе пришлось перенести. Но ведь теперь с этим кончено? Правда?

- Да, - сказал Ленька, прижимаясь к матери. И в первый раз за этот день он выговорил слово, которое уже много лет не произносил вслух. - Да... мамочка, - сказал он задрожавшим голосом.

Она улыбнулась, потрепала его по щеке.

- Не унывай, детка. Все устроится. Скоро начнутся занятия, поступишь в школу, будешь учиться...

- Нет, - сказал Ленька.

- Как? Ты не хочешь учиться?

- Я хочу работать, - сказал Ленька.

...Семья лишь недавно вернулась в Петроград. Квартиру их, как бесхозную, заняли за это время другие люди. Александру Сергеевну с ребятами приютила сестра. Здесь же - в прихожей на старом "казацьем" сундуке устроился и Ленька.

Жить было трудновато. Мать еще нигде не работала, перебивалась случайными уроками. Иногда по вечерам она заменяла знакомую тапершу - играла на пианино в маленьком частном кинематографе на Лиговке.

Ленька искал работу. Вася предложил помочь ему устроиться в той же кондитерской на Вознесенском, где работал он сам. Но Ленька отказался. Он мечтал о другом - о заводе.

Ему запомнилась фраза, сказанная когда-то в Мензелинске покойным Юркой:

- Тебе, Леничка, индустриальная закалка нужна...

О работе у станка, на заводе, он теперь мечтал, как недавно еще мечтал о возвращении в Петроград, а некогда мечтал о кругосветном путешествии, о разбойниках или о побеге на фронт.

Но найти работу в те годы было не так-то просто. Тогда не висели, как нынче, на каждом углу объявления: требуются плотники, требуются маляры, требуются инженеры, требуются подсобные рабочие... В те годы не работа искала человека, а человек искал работу. Страна еще не успела оправиться от жестоких ран, которые нанесли ей империалистическая война и иностранная интервенция. Еще не все заводы и фабрики работали - не хватало сырья, не было топлива. Даже опытные, кадровые рабочие, возвращаясь из армии домой, не сразу находили место. А у Леньки не было никакой специальности, никакой квалификации. И все-таки он не падал духом - искал. Целыми днями он скитался по городу. Он ходил на окраины - за Нарвскую и Московскую заставы, на Пороховые, на Выборгскую сторону. Он побывал на всех известных петроградских заводах -

на Путиловском, на "Большевике", на "Красном Выборжце", на "Скороходе"... Он толкался в толпе безработных на Бирже труда, заглядывал в маленькие частные мастерские, в типографии, переплетные, словолитни... Всюду ему говорили одно и то же:

- Мест нет.

А на пути его подстерегало немало соблазнов. И нужно было иметь много мужества, чтобы бороться с ними. Он видел мальчишек, которые стайками вертелись у дверей магазинов, кинематографов и пивных. Опытный глаз его сразу определял профессию этих бледнолицых и чубатых парнишек в полосатых тельняшках и в широченных матросских клешах. Он проходил мимо, не останавливаясь, не желая иметь никаких дел с этими воришками-карманниками. Зажмурившись, он шагал мимо дверей чайных, кофеен и магазинов, откуда заманчиво пахло жареными пирожками, колбасой, пирожными, яблоками и конфетами.

В животе у него постоянно урчало. Дома сидели на пшенной каше и на черном хлебе. Правда, жизнь впроголодь не была ему в диковинку. Но за эти годы Ленька разучился сдерживать себя: сегодня он голодал, завтра подвертывался "случай" и он наедался до отвала, лакомился мороженым и конфетами, ходил в кино, курил дорогие папиросы...

Теперь он курил, потихоньку от матери, махорку или окурки, которые подбирал на улице.

Но главным соблазном были книги. За эти годы мальчик так изголодался по чтению, по печатному слову, что любой обрывок газеты, старый журнал, брошюра приводили его в трепет. Он способен был часами толкаться в галереях Александровского рынка, где в маленьких полуподвальных лавочках торговали букинисты. Рыться в книгах стало для него настоящей страстью. По сравнению с другими вещами, книги были дешевы. Их было много. Но Ленька не мог покупать их, - у него не было денег. Мечтая о работе, он мечтал и о том дне, когда, получив первую получку и вручив матери ровно половину, с другой половиной он явится на рынок и закупит целую кучу книг. Роясь в книжной завали, он откладывал и прятал, засовывая куда-нибудь подальше, в темный угол, те книги, которые он рассчитывал впоследствии купить.

Но пока это были только мечты. И неизвестно было, осуществятся ли они когда-нибудь.

Усталый и голодный возвращался он вечером домой.

Мать ставила на стол ужин, с тревогой посматривала на сына и робко спрашивала:

- Ну как, Лешенька?

- Пока ничего нет, - мрачно отвечал он, наваливаясь на опротивевшую пшеничную кашу.

- Ну, что ж... Тем лучше, - утешала его Александра Сергеевна. - Значит, не судьба. Запишем тебя в школу. Будешь учиться.

- Нет, я буду работать, - угрюмо твердил Ленька.

...Был случай, когда он заколебался.

Проходя как-то вечером по Литейному, он остановился у витрины книжного магазина, загляделся и не заметил, как слева от него выросла какая-то фигура. Вдруг его сильно толкнули локтем в бок. Ленька оглянулся. Высокий молодой человек с потрепанным портфельчиком под мышкой, низко наклонившись и близоруко сощурившись, очень внимательно разглядывал на витрине толстую иностранную книгу.

- Вы что? - сказал, опешив, Ленька.

- А ничего, - спокойно и так же не глядя на него, ответил парень. И, наклонившись еще ниже, он по складам прочел: - Фрэнч... арчи-тектз энд скалп-торз... оф тзе... Гм. Это что же такое? Вы по-английски не кумекаете, сэр? Нет? Ах, вот как? Вы и разговаривать не желаете?!

"Сумасшедший", - подумал Ленька.

Парень повернул к нему худое смешливое лицо.

- Не узнаешь? Seriously?

Верхняя губа его, над которой росли какие-то серенькие жиденькие усики,

подрагивала, сдерживая улыбку.

- Ах, Леша, Леша! Нехорошо, голубчик! Ей-богу, нехорошо!.. Братьев забывать - великий грех. Вот, погоди - гости придут, они тебе в наказание все бутылочки побьют.

- Сережа! Бутылочка! - испугался и обрадовался Ленька.

- Он самый.

Крестные братья сунулись обниматься, но не обнялись почему-то, а только сильно потрянули друг другу руки. Через минуту они уже шагали по Невскому в сторону Садовой.

- Ты почему не приходил? - спрашивал Ленька.

- Как не приходил? Я два раза у вас был. В девятнадцатом был - не достучался. А в прошлом году пришел - вас нет. Какая-то прыщавая тетка меня выгнала да еще и мазуриком обозвала.

- Да, я и забыл. Мы ведь в другом месте сейчас живем.

- И мы тоже. Впрочем, ведь ты у нас не бывал. Мы теперь недалеко от Эрмитажа, на Миллионной³⁰ живем. Барона Гинцбурга не знал случайно? Вот мы у него в квартире и обретаемся. Ничего квартирка. Холодно только. А ты что такой бледный, Леша?

- А ты-то, думаешь, розовый?

- Крестная как? Здорова?

- Да, спасибо. А Аннушка как?

- Какая Аннушка? Ах, мама? А что ей делается? Работает, как всегда, белье стирает. Ты где учишься?

- Нигде, - сказал Ленька и почему-то смутился и поспешил объяснить: - Я работать буду. То есть, еще не знаю, буду ли. Хочу во всяком случае. А ты?

Бутылочка посмотрел на него с удивлением.

- Учусь, конечно. В будущем году вторую ступень кончаю.

- Постой!.. Когда же ты успел?

- Что ж не успеть? Мы не зевали, братец. За два года три классика успели отмахать.

- Ты же ведь хотел, я помню, кондуктором или вагоновожатым стать.

Бутылочка громко засмеялся.

- Ну и память же у тебя!.. Да. Совершенно верно. Вагоновожатым хотел. И на газетчика тоже одно время курс держал. Но это, братец мой, когда было? В доисторические времена. До семнадцатого года. А сейчас у меня другие намерения; хочу, понимаешь, инженером быть.

У Садовой крестные братья расстались.

- Крестненькой кланяйся, - сказал Сережа, обнимая Леньку и целуя его в щеку.

- Ты же к нам придешь?

- Приду, конечно...

Бутылочка тщательно записал адрес, подробно расспросил, как удобнее пройти - подъездом или через ворота, - но почему-то не пришел. Следующая встреча крестных братьев состоялась лишь через пять или шесть лет, когда Бутылочка уже кончал институт инженеров путей сообщения.

А после этого разговора на Невском Ленька несколько дней ходил растерянный. Сережа ему ничего не сказал, не упрекнул его, но удивленный взгляд, который он бросил на крестного брата, узнав, что тот не учится, запомнился Леньке. Два-три дня он действительно колебался: не послушаться ли матери, не подать ли заявление в школу?

Но подумав, он решил не сдаваться. Он продолжал ходить и искать.

И вот ему как будто повезло. Он нашел работу.

Однажды, возвращаясь после долгих блужданий по городу домой, он проходил по Горсткиной улице. В те годы эта незаметная узенькая улочка, соединяющая Фонтанку с Сенной площадью, была очень шумной и оживленной. Здесь, по соседству с Сенным

³⁰ Миллионная улица - ныне улица Халтурина.

рынком, располагалась городская толкучка. В неудобных грязно-зеленых домах этой улицы было много мелких лавочек, мастерских, чайных, пивных и трактиров. С утра до ночи стоял здесь несмолкаемый гвалт: с грохотом и руганью продирались сквозь толпу ломовые извозчики, орали пьяные, визжали, высекая искру, примитивные станки точильщиков, стучали молотки "холодных" сапожников, пели бродячие певцы, уличные торговцы и торговки на разные голоса расхваливали свой товар: лимонный квас, пирожки, семечки, московские дрожжи...

Подходя к Сенной, Ленька заметил на стене углового дома небольшую вывеску:

Заведение

искусственных минеральных вод

под фирмой

"ЭКСПРЕСС"

Сущ. с 1888 г.

Качество ЭКСТРА

У дверей заведения стояла тележка, ручку которой держал сутулый, похожий на цыгана старик в зеленой суконной жилетке. Две девушки в клеенчатых фартуках выносили и устанавливали на тележку ящики с черными закупоренными бутылками.

Человек с донкихотской бородкой стоял на тротуаре и записывал что-то в синюю тетрадку.

Ленька подошел ближе и лениво, без всякого интереса заглянул в один из ящиков.

- Тебе что надо? Брысь отсюда! - замахнулся на него карандашом человек с бородкой.

Ленька поднял голову и, ни о чем не думая, а просто по привычке спросил:

- У вас работы какой-нибудь не найдется?

Дон-Кихот смерил его беглым взглядом.

- Тебе сколько лет? - спросил он.

- Пятнадцать, - не моргнув глазом, соврал Ленька.

- А ну, подними этот ящик.

Ленька заметил с двух сторон ящика дырки, похожие по форме на ванильные сухари, сунул туда пальцы, поднатужился и поднял ящик.

- Зайди, поговорим, - сказал человек с бородкой, показав карандашом на открытую дверь заведения.

Ленька с трепетом поднялся по каменным ступенькам и вошел в темное прохладное помещение. В нос ему ударил запах сырости и фруктовых сиропов. За дверью шумела какая-то машина. Что-то вертелось, что-то хлопало и стучало. Сердце мальчика быстро-быстро забилось. Вот оно! Хоть и маленький, а все-таки завод! Неужели он будет работать? Господи, только бы не сглазить, только бы не сорвалось.

Через минуту с улицы вошел человек с бородкой. Он провел Леньку в маленькую, как чулан, комнатку, где стояла у окна дубовая конторка, а на стене висели канцелярские счета и зажатые металлической лапкой бумаги.

- Если украдешь что-нибудь, - выгоню, - сказал он, усаживаясь за конторку и открывая ключиком какой-то ящик.

- Ну, вот... Зачем? - смутился Ленька. - Я и не думал вовсе.

- Если сейчас не думал, то после можешь подумать. Предупреждаю. Дальше... Если придут из союза или еще откуда-нибудь, говори, что ты мой племянник. Понял?

- Понял, - ответил Ленька. Но так как на самом деле он ничего не понял, он позволил себе спросить: - А почему, собственно?

- Почему, собственно? А потому, что платить за тебя страховку и прочие глупости я не намерен.

Хозяин спросил у Леньки, где он живет, кто его мать, и, удовлетворившись этими расспросами, сказал, что завтра с утра Ленька может выходить на работу. Взявшись за ручку двери, Ленька осмелел и спросил:

- А на какую работу вы меня поставите?

Хозяин посмотрел на него строго.

- В мое время, голубчик, мальчики не спрашивали, на какую работу их поставят... Ты что - не комсомолец случайно?

- Нет, - сказал Ленька и почувствовал, что краснеет.

...Домой он прибежал задыхаясь от счастья.

- Мама! Ура! Поздравь меня. Устроился... На завод поступил.

Александра Сергеевна сначала тоже обрадовалась. Но когда Ленька рассказал ей, куда и при каких обстоятельствах он поступил, она приуныла.

- Лешенька, дорогой, - сказала она, обнимая мальчика, - ты бы подумал все-таки, прежде чем соглашаться. Ну, что это, в самом деле, скажи пожалуйста, за занятие - лимонад делать?!

- Что значит - лимонад? - обиделся Ленька. - И лимонад людям нужен, если его на заводах делают. Это у тебя, мамочка, прости пожалуйста, буржуазные предрассудки. Тебе бы пора знать, что всякий физический труд благородное дело. Ведь вот Вася у нас булочки и пирожки делает - ты же не возражаешь?!

- Ну, хорошо, - сказала Александра Сергеевна. - А сколько они тебе, по крайней мере, платить будут?

Об этом Ленька на радостях даже забыл спросить у хозяина.

- Что значит - сколько? Сколько положено, столько и заплатят.

- Может быть, мне сходить, поговорить с ним? - предложила Александра Сергеевна.

- Ну, вот еще! - возмутился Ленька. - Что я - маленький, что ли?

- Ох, не нравится мне эта затея...

- Ничего, мамочка, не горюй. Это только начало. Мне бы квалификацию получить, а уж там я.

Но и на этот раз Леньке не удалось получить квалификацию.

На следующее утро он чуть свет явился в заведение. Там еще никого не было, только старик в зеленой жилетке поливал из жестяного чайника пол в темном коридорчике.

- Тебе что? - спросил он у Леньки.

- Я на работу пришел, - сказал мальчик.

- На какую работу?

- Сюда... Меня приняли.

- Попался, значит?

- Что значит попался? - не понял Ленька.

- О господи... Никола морской... мирликийский, - вдруг тяжело завздохнул старик, потягиваясь и поглаживая под жилеткой спину. - Ну, ладно, - сказал он, - возьми швабру - пропаша пол в судомойне.

Ленька не был уверен, что "пахать" пол в судомойне входит в его обязанности, но все-таки взял швабру и пошел за стариком в заведение.

Через некоторое время пришел хозяин - Адольф Федорович Краузе.

- Молодец, - сказал он, увидев Леньку за работой. - Мальчики должны приходить раньше всех.

К восьми часам стали собираться и остальные рабочие заведения. Их было всего человек пять или шесть.

Все лимонадное производство помещалось в двух небольших комнатах, разделенных тяжелой каменной аркой. В одном помещении, побольше, стояла укупорочная машина. Девушка в клеенчатом фартуке, пользуясь маленьким цинковым стаканчиком с длинной ручкой, разливала по бутылкам сладкий фруктовый сироп. Другая девушка, купорщица, брала у нее бутылки, ставила их в машину, нацеживала из крана газированную воду и поворотом рычага ловко загоняла в горлышко бутылки пробку. Мальчик Ленькиных лет вертел колесо, которое приводило в движение весь этот мощный агрегат. В соседнем помещении стояла большая деревянная лохань, в которой мыли бутылки. Там же на кухонном столе две девушки оклеивали бутылки этикетками: "Лимонад", "Ситро",

"Безалкогольное пиво Экспресс"...

Конечно, все это имело довольно жалкий вид и было совсем не то, о чем мечтал Ленька. Но все-таки, как-никак, это был завод. Не Обуховский и не Путиловский, но все-таки и здесь были машины, и люди, которые здесь работали, назывались рабочими и работницами.

В глубине души Ленька надеялся, конечно, что его сразу же поставят к машине. Но к машине его не поставили.

Он сидел на пустом ящике и любовался, как быстро и споро работает высокая белокурая купорщица, когда в комнату заглянул хозяин и ласково позвал его:

- Леня!

Ленька вскочил и вышел в коридор.

- Да?

- Ты город хорошо знаешь, голубчик?

- Нет, не очень, - сознался Ленька.

- Ну, ничего, на первых порах тебе поможет Захар Иванович.

- Какой Захар Иванович?

- Вот этот старичок в жилете, который несет ящик... А читать ты умеешь?

- Я учился в третьем классе, - сказал Ленька.

- Прекрасно. Захар Иванович, наоборот, разбирается в грамоте слабо. Поможешь ему читать накладные. Сейчас вы поедете на Невский, угол Морской³¹, отвезете два ящика пива в ресторан. Оттуда проедете к Александровскому парку... адрес в накладной указан. Потом съездите на Васильевский остров... фруктовый магазин угол Большого и Четвертой линии. Там оставите остальные три ящика...

- А на чем мы поедем? - спросил Ленька, живо представляя себе это длинное и разнообразное путешествие по любимому городу.

- На чем поедете? На тележке. Собственно говоря, вы не поедете на ней, а повезете ее... Но это все равно. Захар Иванович тебе поможет. Он улицы знает хорошо. Только, пожалуйста, - ласково сказал хозяин, - будь осторожен. Имей в виду, что за каждую разбитую или пропавшую бутылку я штрафую...

Тележка уже стояла у крыльца. Мрачный Захар Иванович сидел на ящиках с бутылками и докуривал махорочную сигарку.

- Захар Иванович, познакомьтесь, - сказал Краузе. - Ваш новый помощник.

- Мы уже познакомились, - сказал Ленька.

Старик искоса посмотрел на Леньку, заплевал окурочек и поднялся.

- Подержи тележку, - приказал он мальчику.

Ленька взялся за гладкий, отполированный руками возчиков поручень. Старик поставил на тележку восемь ящиков с лимонадом и пивом и обвязал их веревкой. Хозяин пересчитал ящики, записал что-то в тетрадку и передал старику накладные.

- С богом, Захар Иванович, - сказал он. - Уж, пожалуйста, голубчик, поспешите, не задерживайтесь. Ведь вас теперь двое.

- Уж это конечно, - забормотал старик. - Парой-то легче. Не изволь беспокоиться, Адольф Федорыч. До обеда отмахаем.

- Ну, Леня, в добрый час, - сказал хозяин, поднимаясь на крыльцо. - Бог в помощь, как говорили в старину...

Старик проводил его тяжелым взглядом. Таким же недобрым взглядом он посмотрел на мальчика.

- Ты кто - внук или сын будешь? - спросил он.

- Чей? - не понял Ленька.

Старик кивнул в сторону двери, за которой скрылся хозяин.

³¹ Морская улица - ныне улица Герцена.

- Племянник, - сказал Ленька, усмехаясь и не зная еще, можно ли открыться этому старику и сказать, что племянник он - липовый.

- Значит, ты мне троюродным внуком приходишься, - строго сказал старик.

- Почему? - удивился Ленька.

- Почему? А потому, что я у этой сволочи в дядях числюсь.

Старик поднял голову, зажмурился, вздохнул и забормотал:

- О господи... милосливый... мирликийский...

Потом крякнул, поплевал на руки и взялся за поручень.

- Тронули! - сказал он.

Тяжело нагруженная тележка дернулась и загромыхала по бульжникам Горсткиной улицы.

...Ехать мешала густая толпа, запрудившая улицу и рынок.

- Эй, кум! Эй, кума! - поминутно кричал Захар Иванович.

Толкать тележку оказалось нетрудно. Гораздо труднее было удерживать ее в равновесии. Тяжелые ящики тянули вниз. Когда Захар Иванович на минуту отпустил поручень, Леньке приходилось наваливаться на него животом, - ему казалось, что сейчас его с силой подкинет в воздух.

С трудом продравшись через Сенную площадь, выбрались на Садовую, свернули на Комиссаровскую, бывшую Гороховую...

- Эй, кум! Эй, кума! - кричал без передышки старик.

На углу Морской и Невского Захар Иванович снял с тележки два ящика и отнес их в ресторан. Груза на тележке стало поменьше, но зато и сил у мальчика поубавилось. Через час, когда они ехали от Александровского парка на Васильевский остров, Ленька уже качался, рубашка на нем была совсем мокрая, горячая струйка бежала от затылка по ложбинке между лопатками.

К обеду они вернулись в заведение.

- Ну как, лошадка? - весело спросил хозяин.

- Ничего, - сказал Ленька.

- Можешь идти пообедать. Недолго только, смотри!..

Ленька домой не пошел. Есть ему почему-то не хотелось. Он выпил полстакана ананасового, пахнувшего аптекой сиропа, которым украдкой угостила его разливальщица Галя, вышел за дверь и присел на каменной ступеньке. Через минуту из двери выглянул хозяин.

- Ты что же это тут расселся, голубчик? - сказал он. - В мое время мальчики без дела не сидели. На, возьми ключ, сбегай в подвал, принеси два ящика пробок...

После обеда хозяин послал Леньку и Захара Ивановича в Зимин переулок за баллонами с углекислым газом. Потом они отвозили шесть ящиков пива на поплавок к Летнему саду. Потом еще куда-то ездили.

Когда в десятом часу вечера Ленька вернулся домой, он не чувал под собой ног. Домашние накинулись на него с расспросами:

- Ну, что? Как? Работал?

- Габотал, - ответил он коротко и, тяжело опустившись на стул, попросил есть.

- Наверно, весь день лимонад пил? Да? - с завистью спросила у него Ляля.

- Да, - хмуро ответил Ленька. - И пирожными все время закусывал.

Когда он тащился домой, ему казалось, что он умирает от голода. Но есть ему и сейчас не хотелось. Не доев перловую кашу, он бросил ложку и, сказав, что устал, хочет спать, ушел к себе в прихожую.

Но и спалось ему плохо. Всю ночь он ворочался на своем казачьем сундуке, всю ночь снились ему бутылки, ящики, накладные, огромные колеса тележки с блестящими натруженными шинами, трамвайные рельсы, тумбы и шербатый бульжник мостовых. И каждые двадцать минут он просыпался от сиплого стариковского голоса, который и во сне не давал ему покоя:

- Эй, кум! Эй, кума!..

...Он работал в "Экспрессе" уже второй месяц. Весь месяц он возил тележку. Правда, был у него в этой работе небольшой перерыв. Однажды хозяин поставил его для разнообразия вертеть колесо. Ленька обрадовался. Ему казалось, что это легче, а главное - ближе к производству. Все-таки это человеческая, а не лошадиная работа. Но уже на другое утро он сам попросил Адольфа Федоровича снова поставить его на тележку. Вертеть колесо, может быть, было и легче, но это была такая тупая, бессмысленная, монотонная работа, на какую, вероятно, и лошадь, если бы ей предоставили выбор, не променяла свои вожжи, дугу и оглобли.

Прошел месяц, а хозяин и не заикался о заработной плате.

Несколько раз Александра Сергеевна робко спрашивала мальчика:

- Ну как, Лешенька?

- Еще не платили.

- Ты бы спросил у него, детка. А? Что же это, в конце концов, за работа такая - без денег!

- Что же я могу сделать? - сердился Ленька. - Он сам не заговаривает; а мне неудобно.

- Неудобно!! - язвительно смеялся Вася, нарезая толстыми ломтями ситник с изюмом, который он получал в булочной в счет зарплаты. - Мы бы такого хозяйчика давно к ногтю взяли. В союз заявите - сразу его прижмут!

На младшего брата Ленька по-прежнему смотрел с завистью и удивлением.

Вася много работал, уставал, но никогда не жаловался, на жизнь смотрел просто, все у него ладилось и настроение было неизменно ровное и веселое. Читал он немного, но, возвращаясь с работы, почти каждый день покупал вечернюю газету, в которой бегло проглядывал телеграммы из-за границы и более основательно - отдел происшествий и фельетоны "Из зала суда". Дома, ни в будни, ни в праздники, он ни минуты не сидел без дела, постоянно что-нибудь мастерил, починял, колот дрова, замазывал на зиму окна, даже ездил для этого в Удельную³² за мохом. Ленька тоже занимался по хозяйству, но для него это была обязанность, а для Васи - приятный долг, который он выполнял, как и все в жизни, легко и весело. От матери он унаследовал музыкальный слух. Работая, вколачивая гвоздь, починяя замок или отвинчивая гаечным ключом примусную горелку, он постоянно напевал что-нибудь ломающимся мальчишеским баском... По воскресеньям к нему приходили товарищи, большей частью такие же, как и он, "мальчики" - из соседних булочных, пекарен и кустарных мастерских. Ребята вели солидные разговоры, выходили по очереди на лестницу курить, потом шумной компанией отправлялись куда-нибудь - на собрание профсоюза, в кино или просто гулять.

Неделю спустя, узнав, что Краузе все еще не рассчитался с братом, Вася рассердился, обозвал Леньку "Степой" и "валяным сапогом" и заявил, что соберет ребят и они пойдут поговорят "с этим типом".

- Нет, благодагу вас, - вспыхнул Ленька. - Можете не ходить. Я и сам могу...

- Поговоришь? Сам? Ну и правильно, - улыбнулся Вася.

На другой день, собравшись с духом, Ленька зашел в кабинетик хозяина.

- Денег? - удивился Краузе. - Зачем тебе деньги, такому маленькому?

- Мне есть надо, - хмуро ответил Ленька.

Хозяин отвернулся, достал бумажник, пощупал пальцы, подумал и протянул Леньке две бумажки по десять миллионов рублей. По тогдашнему курсу на эти деньги можно было купить десять-двенадцать коробков спичек. Ленька хотел сказать "мало", но хозяин опередил его.

- Мало? - сказал он, заметив недовольное выражение на Ленькином лице. Советую тебе помнить, голубчик, что в мое время мальчики первые два года вообще работали без

³² Удельная - пригород Ленинграда.

вознаграждения. Заслужи, братец, поработай, тогда будешь получать больше.

Немного утешало Леньку то, что не он один находился в таком положении. По копейке (или, вернее, по миллиону), вытягивали от хозяина зарплату и остальные работники заведения. За спиной у хозяина роптали, называли его последними именами, но дальше ропота и разговоров дело не шло.

- Живоглот проклятый, - ворчал Захар Иванович. - Всю жисть на них хребет ломал, и вот опять черти навалились...

Однажды, когда хозяин требовал с него четыре миллиона за разбитую бутылку пива, старик, сверкая глазами, сказал Леньке:

- Я ему когда-нибудь ноги переломаю, племяннику чертову!..

- Зачем же ноги ломать? - сказал, оглянувшись, Ленька. - Лучше заявить в союз или еще куда-нибудь. Его за такие штучки - знаете? - быстро к ногтю пгжмут.

- Да... заяви, - пробурчал старик. - Его прижмут, а он через неделю лавочку закроет, и, пожалуйста, Захар Иванович, иди, мети пол на Биржу...

Старик тяжело вздохнул, потянулся, похрустел костями.

- О господи... мирликийский, - забормотал он, закидывая голову и почесывая под жилеткой спину.

Ленька уже подумывал об уходе из "Экспресса", уже подыскивал исподволь другое место, но тут два события одно за другим ворвались в его жизнь, и ему пришлось не уходить, а убежать сломя голову из этого заведения.

ГЛАВА XI

Однажды после обеда они отправились с Захаром Ивановичем в очередной рейс. Хозяин поручил им отвезти два ящика лимонада к Детскосельскому вокзалу³³, четыре ящика пива на ипподром, а один ящик нужно было забросить по пути в небольшой трактир на Горсткой улице. Оставив Леньку с тележкой на улице, старик потащил ящик во второй этаж. Ленька стоял смирно, как настоящая рабочая лошадка, равнодушно поглядывая по сторонам и придерживая в равновесии поручень тележки. Вдруг он заметил, что на него пристально смотрит какой-то мальчик. У мальчика было красивое, хотя и не очень чистое, слегка шелудивое лицо. Недобрые тонкие губы мусолили дорогую длинную папиросу. Из-под блестящего лакированного козырька фуражки-мичманки падал на бледный лоб замысловато закрученный чубик. Полосатая матросская тельняшка, широченный клеш, куцый люстриновый пиджачок... Таких мальчиков на рынке вертелось немало. Уже по одним глазам - настороженным, блудливым, воровато бегающим - Ленька легко определял, что это за мальчики и что они делают в рыночной толпе. Но этот мальчик не вертелся, а стоял в десяти шагах от тележки и, засунув руки в карманы клеша, прищурившись смотрел на Леньку.

Ленька испытывал неловкость. Он сразу понял, что где-то и когда-то видел этого мальчика. Но где, когда? Может быть, здесь же на рынке, может быть, давно, еще на юге, во время скитаний.

- Ты что смотришь? - спросил он наконец, не выдержав.

Мальчик с усмешкой шагнул вперед.

- Не узнаёшь? - сказал он, вынимая изо рта папиросу.

- Нет.

- А ну, припомни.

- Не помню, - сказал Ленька.

- В реальном училище до революции учился?

- Волков! - закричал Ленька. И тут случилось ужасное. Руки его вздрогнули, он

³³ Детскосельский вокзал - ныне Витебский вокзал.

выпустил поручень, тележка качнулась вниз, и тяжелые ящики с грохотом и звоном посыпались на камни мостовой.

Ленька оцепенел. Наверно, целую минуту он стоял, поглядывая то на Волкова, то на поручень тележки, вздыбившийся над его головой, то на двери трактира, откуда с минуты на минуту должен был выйти Захар Иванович. Только после того, как тележку стала окружать толпа любопытных, он очухался и кинулся к ящикам. Он думал, что можно еще что-нибудь спасти. Но, увидев огромную разноцветную лужу и крошево из пробок и зеленого бутылочного стекла, он понял, что спасать нечего.

Волков тоже подошел к ящикам и стоял, заложив руки в карманы, усмехаясь и покачивая головой.

- Господи... что же делать? - пробормотал Ленька, вытаскивая из ящика заткнутую пробкой бутылочную головку.

- А что делать, - сказал, оглянувшись, Волков. - Смывайся - и все. Это чье пиво?

- Хозяйское.

- Ну вот. Что ж тут раздумывать?

Он толкнул Леньку локтем.

- Давай сматывайся!..

Ленька еще раз посмотрел на двери трактира и юркнул вслед за Волковым в толпу.

Сзади кто-то кричал:

- Эй, ты, курносый! Куда? Набедокурил, а сам удочки сматывать?!

- Давай, давай, не останавливайся! - подгонял Леньку Волков.

Работая локтями, он выбрался из толпы, свернул в какие-то ворота, провел Леньку через какие-то проходные дворы, мимо каких-то лабазов и овощных складов и вывел его на Международный³⁴. Тут оба мальчика остановились и перевели дух. Волков рассмеялся.

- Вот так встреча! А? - сказал он.

- Ужасно, - пробормотал Ленька, вытирая вспотевший лоб.

- Ничего... Говорят, знаешь, - посуду бить к счастью. Ты с какой это стати, дурак, лошадкой заделался?

- Так уж вышло, - объяснил Ленька. - Другой габоты не было.

- "Габоты"! - передразнил его Волков. - Рано ты, братец, работать начал.

Он достал из кармана голубую нарядную коробку "Зефир № 6", подцепил грязным ногтем толстую с золотыми буквами на мундштуке папиросу, важно, как взрослый, постучал мундштуком по коробке, подул зачем-то в мундштук и, сунув папиросу в маленькие белые зубы, с фасоном раскурил ее. Потом, спохватившись, снова вытащил пачку, протянул Леньке:

- Куришь?

Ленька поблагодарил и неловко взял папиросу. Прикуривая, он исподлобья смотрел на Волкова и чувствовал, как в нем просыпается старое, детское отношение к этому мальчику: Волков ему и нравился и отталкивал от себя. Как и раньше, в присутствии Волкова Ленька робел и ругал себя за эту робость.

- Что ж мы стоим? - сказал Волков. Они остановились у витрины, на треснувшем и продырявленном пулями стекле которой белыми буквами было написано:

КАФЭ

"УЮТНЫЙ УГОЛОК"

- Пиво пьешь? - спросил Волков.

- Нет, - смутился Ленька. - А ты?

- Иногда позволяю себе такое баловство. А вообще не люблю. Горькое...

- Я тоже не люблю, - сказал Ленька, хотя до сих пор ему приходилось пить только слабенькое безалкогольное пиво "Экспресс".

³⁴ Международный проспект - ныне Московский проспект.

- Ну, все равно, зайдем, какао возьмем или еще чего-нибудь.

Ленька замялся.

- У меня, понимаешь, денег нет, - сказал он, краснея.

- Не беспокойся, дружок...

Волков с усмешкой похлопал себя по нагрудному карману.

...Они вошли в кафе, уселись в углу за маленьким круглым столиком. Подошла барышня в клетчатом переднике.

- Что вы хотите, мальчики?

- Дайте меню, - важно сказал Волков.

Он долго, с видом знатока, изучал карточку, наконец заказал бутылку пива, стакан какао, пару пирожных и бутерброд с сыром.

- Ну, вот, - сказал он, потирая руки, когда официантка пошла выполнять заказ. - Я рад, ты знаешь, что тебя встретил.

- Я тоже, - из вежливости сказал Ленька.

- Ты что - все время в Петрограде жил?

- Нет, мы уезжали...

Почему-то Леньке не захотелось рассказывать Волкову обо всем, что с ним случилось за эти годы.

- А ты? - поспешил спросить он.

- О милый мой! Знал бы ты... Мне столько пришлось перенести за это время, что никакому Майн Риду и Жюль Верну и во сне не снилось.

- Папа и мама твои живы?

- Мама жива, а папа...

Волков помрачнел. Тонкие брови его сдвинулись к переносице.

- Не знаю, - сказал он, оглянувшись. - Может быть, и жив еще... Во всяком случае, мама панихид по нем еще не служит.

Левушка принесла на подносе пиво, пирожные, дымящееся какао.

Волков с фасоном опрокинул над стопкой бутылку, отхлебнул пену.

- Угощайся, пожалуйста, - сказал он, покосившись на стакан с какао.

Ленька глотнул горячего сладкого напитка и опьянел, почувствовал, как по всему его телу разлилась приятная истомная теплота.

- Пирожное бери, - сказал Волков.

- Спасибо, - сказал Ленька, нацеливаясь на кремовую трубочку. - И ты тоже бери.

- Ладно. Успеется. Я сначала бутерброд съем.

- Не ладно, а хорошо, - поправил Ленька.

Оба засмеялись.

- Ты учишься? - спросил Ленька.

- Да как тебе сказать? В прошлом году учился. А в этом... скорее, что нет.

- Что значит: скорее?

- Дела, милый мой, не всегда позволяют посещать уроки.

Ленька не стал спрашивать, какие дела мешают Волкову посещать уроки. Это он и без расспросов хорошо понимал. Он пил какао, с постыдной жадностью ел сладкую, тающую во рту кремовую трубочку и смотрел на Волкова, который, морщась, потягивал темное мартовское пиво и лениво отковыривал от бутерброда кусочки сыра.

"Счастливым, - говорил в Леньке какой-то темный, глухой, завистливый голос. И другой - насмешливый, презрительный и даже немного горделивый голос тотчас откликнулся: - Вор... жулик... мразь... конченный человек!" Он ругал и Волкова и себя за то, что согласился зайти в кафе. Но уйти, не допив какао и не доев пирожного, он не мог. А кроме того, он был и благодарен Волкову: ведь тот спас его от беды, выручил его.

А Волков от пива уже слегка охмелел. Не доев бутерброда, он потянулся к пирожному.

- Эх, кутить, так кутить, - сказал он. - Возьму-ка и я, пожалуй, какао.

Он постучал ножом по тарелке.

- Мадемуазель!
- Что прикажете, мосье? - с насмешливой важностью проговорила официантка, подходя к столику.
- Дайте нам еще какао... Два!
- Я больше не буду, - сказал Ленька.
- Будешь!.. Два! - повторил Волков, показывая официантке два грязных пальца.
Барышня отошла от столика и тотчас вернулась.
- Может быть, молодые люди, рассчитаетесь?
- Ага! - расхохотался Волков. - Не верите? Думаете, жулики?
Он выхватил из кармана бумажник. Ленька увидел в руках у товарища миллионы и почему-то испугался. Он не пил пива, но почувствовал, что голова у него закружилась.
Официантка взяла деньги и ушла.
- Я пойду, - сказал Ленька, поднимаясь.
- Куда?
- Мне надо. Поздно уже. Меня мама ждет.
- Мама? Жива? - удивился Волков.
- Да. Жива.
- Не пущу! - сказал Волков, схватив Леньку за подол рубашки.
Ленька оттолкнул его руку.
- Мне надо идти, - спокойно сказал он.
На лице Волкова мелькнула трусливая улыбка.
- Леша, присядь на минутку.
Ленька сел на краешек стула.
- Леша, - сказал Волков. - Ты не огорчайся. Я знаю, - ты огорчен. Плюнь на свои бутылки...
Он покосился в сторону буфета и шепотом сказал:
- Я тебе дело найду.
И, значительно посмотрев на Леньку, он ударил кулаком по столу:
- Клянусь!
- Хорошо, - покорно ответил Ленька.
- Леша! - Волков обнял его за плечи. - Я тебя люблю... Ведь я тебя всегда любил. Дай я тебя поцелую...
Ленька не успел отстраниться, как Волков привстал, покачнулся и чмокнул его в щеку.
- И вообще... - Голос у Волкова задрожал. - Вообще... не забывай, что мы с тобой - осколки прошлого.
- Не знаю, - усмехнулся Ленька. - Я себя осколком не считаю.
- Да! Мы с тобой двое остались. Двое! Понимаешь? - Волков для наглядности опять показал два немых пальца. - Где все? А? Никого нет... всех размело... Чижика помнишь?
- Помню, - сказал Ленька, отодвигая стул и поднимаясь. - Прощай.
Волков схватил его за рукав.
- Нет, Леша... Стой!
"Вот черт полосатый, - подумал Ленька. - Выпил на копейку, а бузит на миллион".
- Ну, что? - сказал он сердито.
- Во-первых, почему - прощай? Не прощай, а до свиданья. Правда? Ведь мы с тобой встретимся еще? А?
- Ну, до свиданья, - сказал Ленька.
- Придешь ко мне?
- Приду.
- Адрес помнишь?
- А вы что - разве еще на старой квартире живете?
- Да, на Екатерингофском, угол Крюкова... Имеем одну роскошную полутемную комнату в четыре квадратных сажени...

Волков привстал и протянул Леньке руку. Хмель как будто оставил его или он перестал притворяться.

- Заходи, Леша, правда, - сказал он, заглядывая Леньке в глаза. - Мама очень рада будет. И я тоже. Честное слово!..

- Ладно, - сказал Ленька, натягивая кепку и направляясь к дверям.

- Так я тебя жду, Леша! Не забудь!..

- Ладно, жди, - сказал Ленька, не оглядываясь.

"Черт... аристократ... гадина", - думал он, выходя на улицу. Он был уверен и давал себе клятву, что никогда больше не встретится с этим человеком.

...На улице уже темнело. Накрапывал дождь. На Международном реденькой цепочкой зажигались неяркие фонари. Расхлябанный трамвай, сбегая с Обуховского моста, высекал под своей дугой фиолетовую искру.

И тут, очутившись под дождем на улице, Ленька вдруг вспомнил все, что случилось с ним в этот день, и на душе его стало муторно. Он почувствовал себя маленьким, ему захотелось поскорей к маме. Как хорошо, что она существует на свете! Забиться ей под крылышко, положить голову ей на грудь, ни о чем не думать, ни о чем не заботиться...

Впереди по тротуару шли две девушки, лет по шестнадцати, плохо одетые. Девушки о чем-то оживленно спорили. Обгоняя их, Ленька услышал, как одна из них запальчиво сказала другой:

- Ошибаешься, милочка, Энгельс вовсе не с таких вульгарных позиций критиковал моногамию.

Леньке почему-то стало завидно и грустно. Незнакомое слово "моногамия" показалось ему каким-то необыкновенно возвышенным, волнующим, далеким от всего того, чем он жил последнее время. Ему вдруг захотелось учиться, читать, узнавать новое. Захотелось просто делать то, что делают все ребята его возраста: сидеть в классе, выходить к доске, учить уроки, получать отметки...

"Пойду в школу, - решил он. - Не вышло с работой - плевать. Значит, не судьба. Поработать еще успею. Мне ведь еще нет четырнадцати лет..."

Эта мысль немножко подбодрила его. Он зашагал веселее. Но когда, поднимаясь по черной лестнице, он увидел в мусорном ящике разбитую молочную бутылку, он опять вспомнил все, что случилось с ним сегодня на Горсткиной улице.

"Может быть, Краузе уже разыскал меня и сидит у мамы? - подумал он. Нет, не может быть... Ведь он даже не записал моего адреса..."

Но все-таки он чувствовал себя очень неважно, когда, дернув шишечку звонка, услышал, как задребезжал на кухне колокольчик.

Дверь ему открыла тетка.

- Ты что ж это так поздно, рабочий? - спросила она строго.

- Почему поздно? - уныло огрызнулся Ленька. - Обыкновенно... кок всегда... работали... Мама дома?

- Дома, - ответила тетка. И почему-то с улыбкой (и с улыбкой зловещей, как показалось Леньке) добавила:

- У нее гости.

...В коридоре на вешалке висела потрепанная кожаная тужурка. Ленька с удивлением осмотрел и даже пощупал ее. Ни у кого из домашних такой тужурки не было.

Он приоткрыл дверь и осторожно заглянул в комнату. За круглым чайным столом под голубым абажуром сидели Александра Сергеевна, Ляля и какая-то полная женщина в сереньком платье и в белом оренбургском платке, накинутом на плечи. Женщина сидела спиной к двери, пила из блюдечка чай и что-то говорила Александре Сергеевне. Голос ее показался Леньке знакомым.

Он скрипнул дверью и вошел в комнату.

- А вот и он сам собственной персоной, - весело объявила Александра Сергеевна.

Женщина торопливо поставила блюдечко и шумно повернулась вместе со стулом.

- Боже ж ты мой! - сказала она, широко улыбнувшись.

И улыбка ее тоже показалась Леньке знакомой. Но все-таки он не мог вспомнить: кто это?

- Здравствуйте, - сказал он, останавливаясь посередине комнаты и растерянно поглядывая на мать и сестру.

- Леша, да неужели ты не узнаешь? - воскликнула Александра Сергеевна.

- Нет.

- Это же Стеша! - закричала, захлопав в ладоши, Ляля.

Теперь он и сам удивился: как он мог ее не узнать? Правда, Стеша изменилась - пополнела, посмуглела почему-то. В уголках около глаз у нее появились чуть заметные морщинки. Но все-таки это была та же веселая, бойкая Стеша, которая водила его когда-то на прогулки, купала в ванне, рассказывала ему перед сном страшные сказки про царевича Дмитрия и учила его - в "темненькой" у красного деревенского сундучка - начаткам политической грамоты.

От Стеша пахло знакомым, домашним, но кроме того и еще чем-то: резиной, клеем, машинным маслом...

- Его и целовать-то страшно, - говорила она, сильными руками обнимая Леньку за плечи, отстраняя его от себя и с улыбкой разглядывая. - Нет, вы посмотрите, какой кавалер вырос! А? На улице бы не узнала, честное слово!..

Глаза у нее были такие же искрящиеся, веселые, но мелькало в них и что-то грустное, сочувственное, когда она смотрела на Леньку.

- Эх, ты... дурачок... глупенький, - сказала она вдруг и, наклонившись, быстро чмокнула мальчика в щеку около уха.

У Леньки вдруг ни с того ни с сего задергались губы.

- Степанида Тимофеевна, пейте, пожалуйста... остынет, - сказала Александра Сергеевна, и Ленька с удивлением покосился на мать: чего это она вдруг вздумала называть Стешу по имени-отчеству?!

- Леша, и ты тоже - иди вымой руки и садись. Посмотри, с каким роскошным подарком явилась к нам Степанида Тимофеевна!

Посреди стола стояла высокая зеленоватая банка с вареньем или повидлом.

- А мне вот что подарили! - пропищала Ляля, показывая над краешком стола маленький арабский мячик с красным треугольничком на черном шершавом брющке.

- Да, - сказала Стеша, обращаясь к Леньке, - а тебе не подарю. Не рассчитала немножко. Оконфузилась. Тебе уж небось футбольный надо?.. А? Играешь?

- Нет... я не умею, - промямлил Ленька. Ему действительно никогда не приходилось играть в футбол. Какие там футболы! Не до футболов было...

...Намыливая на кухне серым жуковским мылом руки, лицо и шею, он почему-то вспомнил девушек, которых давеча обогнал на Международном. Потом вспомнился ему Мензелинск, зима позапрошлого года. Юрка, митинг на городской площади и песня о титанах труда, которую пели комсомольцы.

Бодро и фальшиво насвистывая мотив этой песни, он с удовольствием растирал лицо грубым кухонным полотенцем и думал о том, что ему повезло. Он избавлен от необходимости объясняться с матерью. А кроме того, он чувствовал, что с появлением Стеша в его жизнь врывается что-то хорошее, светлое, мужественное и сильное.

Когда он вернулся в комнату, за столом шел шумный разговор. При его появлении разговор оборвался. Он понял, что говорили о нем.

- Степанида Тимофеевна, - сказал он, усаживаясь за стол и принимая из рук матери стакан жидкого чая, - а вы как это нас разыскали?

- Это что за новости еще?! - рассердилась Стеша. - Какая я тебе Степанида Тимофеевна? Может, и тебя прикажешь Алексей Ивановичем называть? Как разыскала? А так и разыскала. Ходила, ходила и нашла... А ты что, кавалер, говорят, грузчиком заделался?

Ленька покраснел, смутился, заерзал на стуле.

- Да, Леша, - сказала Александра Сергеевна, - вот и Степанида Тимофеевна тоже считает, что тебе надо учиться.

- Да боже мой, да какие могут быть разговоры! - воскликнула Стеша. Лешенька, да как же тебе, голубчик, не стыдно, в самом деле? Такой способный!.. Вторым учеником в реальное поступил. И вдруг все забросить! Нет, уж ты как хочешь, а я от тебя, господин хороший, теперь не отвяжусь. Изволь поступать в школу...

- Он же не может, он работает, - вмешалась в разговор Ляля.

- Да, между прочим... Ты где работаешь?

- Тут... недалеко... на Сенной, у частника, - забормотал Ленька.

- Я слыхала, что у частника. Где? На какой улице? Как это тебя угораздило такого эксплуататора себе на шею заполучить? Он что, говорят, и договора с тобой не заключил?

- Нет, - со вздохом ответил Ленька, не зная, как замять этот разговор.

- Ведь вот негодай, а?! Ну, погоди, выберу время, я с ним поговорю, с этим нэпманом.

- Ох, нет, Стеша, не надо, пожалуйста! - испугался Ленька.

- Почему не надо?

- Потому что... потому что я уже ушел от него.

- Как ушел? - ахнула Александра Сергеевна.

- А так, - сказал Ленька, багровея. - Надоело, взял и ушел.

- Совсем?

- Совсем.

- А жалованье он тебе заплатил?

- Нет... Пока не заплатил. Но он обещал... на будущей неделе в пятницу...

- Ну, вот видите, как все хорошо получается, - обрадовалась Стеша. Значит, решено и подписано: будешь учиться!..

Она с аппетитом, не спеша пила из блюдечка чай, намазывала чайной ложкой на хлеб яблочное повидло и говорила:

- Нам, Лешенька, и рабочие нужны, - квалифицированные, конечно, а не такие, что только тележку умеют толкать, - но еще больше в настоящий момент нам требуется интеллигенция, образованные люди. Владимир Ильич Ленин так прямо и сказал: в настоящее время первая и главная наша задача - учиться, учиться и учиться!

Откусив маленький кусочек хлеба и поправляя кончиком языка сваливающееся с бутерброда повидло, она засмеялась и сказала:

- Я вот и то, представьте себе, на старости лет за учебу взялась.

- Ничего себе "на старости лет"! - улыбнулась Александра Сергеевна. Вам сколько, Стеша, простите за нескромность?

- Ох, и не спрашивайте, Александра Сергеевна! Двадцать восьмой пошел.

- Действительно - старушка.

- А что вы думаете! Меня уж "теткой" называют. А до революции всё, бывало, "девушка" да "барышня". А на фронте меня - знаете как? - Стенькой Разиной звали.

- Стеша, скажите, неужели вы действительно воевали?

- Воевала, Александра Сергеевна. Пришлось повоевать.

- Кстати, а где ваш брат, Стеша? - спросил Ленька и сразу же, по выражению лиц матери и сестры, понял, что задал вопрос вовсе некстати. За столом стало тихо.

- Что? - сказал он, краснея.

Стеша осторожно отставила блюдечко, с грустной усмешкой посмотрела на мальчика и сказала:

- Нет у меня, Лешенька, брата... Убили моего Павлушу еще в девятнадцатом, под Царицыном.

Ленька вспомнил фотографию высокого усатого человека, вспомнил его мягкий и вместе с тем мужественный голос, даже услышал как будто запах солдатской махорки, которую тот курил... И опять ему вспомнились Юрка, Маруся, корреспондент Лодыгин, Василий Федорович Кривцов - все, кто на его памяти погиб или пострадал за революцию.

- Что с тобой, Леша? - спросила Александра Сергеевна.
- Ничего... Я так... Ноги промочил. Кажется, я платок в пальто оставил, - пробормотал Ленька и, неловко отодвинув стул, быстро вышел из комнаты.

Когда он вернулся, Стеша говорила Ляле:

- Как же, Лялочка, видела, много раз видела. Я ведь, детка, и на деникинском фронте была, и на колчаковском, и с Юденичем повоевала. Я и Михаила Васильевича Фрунзе, и Ворошилова, и Буденного - всех перевидала...

- А Ленина? - спросил Ленька, подходя к столу.

- Нет, Лешенька, - ответила Стеша, пристально посмотрев на мальчика. Владимира Ильича я не видела, - не привелось.

Стеша долго рассказывала о своих фронтовых делах, расспрашивала Александру Сергеевну о Васе, поинтересовалась у Ляли, как она занимается в школе... С Ленькой же она ни одним словом не обмолвилась о том, что с ним было за эти годы.

Прощаясь, надевая в коридоре тужурку и повязываясь платком, она сказала Александре Сергеевне:

- Так, значит, условились. В четверг в пять часов.

- Я не знаю, как вас благодарить, Стеша, - взволнованно проговорила Александра Сергеевна.

- Что вы, Александра Сергеевна! Полно вам... Значит, в четверг после гудка и приходите. Я как раз в завкоме буду.

Проводив Стешу, Александра Сергеевна вернулась к ребятам и, закружившись, как девочка, по комнате, захлопала в ладоши.

- Ура, детки! Живем!..

- Что с тобой? - удивился Ленька.

- Ты знаешь, какая наша Стеша чудная! Она устраивает меня на работу. В клуб.

- В какой клуб?

- На "Треугольнике". Руководительницей музыкального кружка. Ты понимаешь, какое это счастье?

Ленька хотел как-нибудь выразить радость, но даже улыбнуться не смог. Александра Сергеевна перестала смеяться, внимательно посмотрела на него, оглянулась и тихо, чтобы не услышала Ляля, спросила:

- Что с тобой, мальчик?

- Ничего, - сказал Ленька.

- Что-нибудь случилось?

Ленька не мог огорчать ее в эту счастливую минуту ее жизни.

- Нет, - сказал он. И сразу же, чтобы переменить разговор, спросил: Ты знаешь, кого я встретил сегодня?

- Кого?

- Волкова.

- Какого Волкова? Ах, Волкова?! Да что ты говоришь! Постой, постой... Реалист? "Маленький господинчик", как его называл Вася? Ну, как он живет? Ведь он, если не ошибаюсь, из очень богатой и интеллигентной семьи?

Ленька хотел сказать, что этот Волков из очень богатой и интеллигентной семьи - мелкий вор, жулик, что у него блудливые, бегающие глаза и немые руки, но ничего этого не сказал.

- Ты будешь с ним по-прежнему дружить? - спросила Александра Сергеевна.

- Нет, - не задумываясь, ответил Ленька. - Не буду.

ГЛАВА XII

Через неделю Александра Сергеевна начала работать на "Треугольнике". В этот же день Ленька в первый раз пошел в школу. Он шел туда счастливый, полный самых радужных

надежд. Но и на этот раз ему не повезло с учением.

Он поступил в школу, в которой когда-то до революции училась его тетка. Именно тетка и настояла, чтобы его туда отдали. В царское время это была частная женская гимназия, так называемая "гимназия Гердер". Сейчас это была советская Единая трудовая школа номер такой-то, но ничего, кроме названия, в этой школе советского не было. На четвертом году революции здесь еще сохранились нравы и порядки, от которых Ленька давно успел отвыкнуть. Внешне все было как полагается: учились, как и в других школах, по программам Наробраза, на собраниях пели "Интернационал", в актовом зале на стенах висели портреты советских вождей... Но в классе "Д", куда был зачислен Ленька, еще доучивались бывшие "гердеровки" и мальчики из соседней Реформатской школы, бывшие классные дамы преподавали ботанику, пение и немецкий язык, и даже заведовала школой сестра бывшей владелицы гимназии мадам Гердер, или "Гердериша", как называли ее за глаза ученики. Впрочем, это прозвище Ленька слышал не часто, потому что в классе учился племянник Гердериши - Володька Прейснер, поэт, шахматист и редактор классного журнала "Ученик".

За одной партой с Прейснером восседал долговязый силач Циглер, сын владельца музыкального магазина. За Ленькиной спиной сидела девочка - дочь евангелического пастора. Какая-то великовозрастная девица с голыми коленками разгуливала по школе в широкополой бойскаутской³⁵ шляпе. Слово "господа", давно уже отвергнутое и забытое советскими людьми, звучало в этой школе на каждом шагу. Слова "товарищи" не употребляли даже учителя. Обращаясь на уроках и на собраниях к ребятам, они говорили:

- Дети!..

Уже в первый день на уроке географии, когда вызванный к доске Ленька крикнул расшумевшимся ребятам: "Товарищи, тише!" - кто-то с задней парты угрожающе пробасил:

- У нас товарищей нет!..

А в перемену Ленька услышал, как за его спиной какая-то девочка пропищала:

- Гусь свинье не товарищ...

С первых же минут пребывания в школе он понял, что долго здесь не удержится. Не успев сказать со своими одноклассниками и двух слов, он уже чувствовал, что в классе он чужой, что и ребята и учителя смотрят на него если не враждебно, то во всяком случае холодно и недружелюбно. Во всем классе нашлось лишь пять или шесть человек, которых он мог и в глаза и за глаза, и в разговоре и в душе называть товарищами. Всё это были мальчики из простых семей: сын портного Изя Шнеерзон, сын живописца Котелев, сын сиделки из Максимилиановской лечебницы хромоногий Федя Янов...

С Шнеерзоном Ленька сидел за одной партой. Этот худенький, болезненный большеглазый мальчик в коротенькой залатанной курточке однажды очень удивил Леньку, сказав ему после перемены:

- Не слушай их. Они дураки. Они и меня тоже дразнят.

- Кого? Почему? - не понял Ленька. - Меня не дразнят.

Изя смутился, заерзал на скамейке, покраснел до корней волос и пробормотал:

- Они про тебя всякие гадости говорят.

Ленька не успел спросить: какие гадости? В класс вошла учительница, начался урок. После урока он почему-то не стал возобновлять этого разговора. Изя тоже молчал. Но скоро Ленька понял, в чем дело.

Его очень обрадовало, когда он узнал, что в классе издается литературный журнал. Правда, журнал ему не нравился. В "Ученике" печатались главным образом старомодные альбомные стишки, основным поставщиком которых был сам редактор Володя Прейснер. В этих стихах воспевались розы и соловьи, розы рифмовались с морозами, любовь - с кровью...

³⁵ Бойскауты - организация детей в капиталистических странах, существовала и в России. Распущена в 1919 году.

Но журнал этот разбудил в Ленке его давнюю страсть. Ему захотелось самому писать стихи.

Лето двадцать первого года было очень засушливое. В южных районах страны, на Украине, на Северном Кавказе и в Поволжье опять свирепствовал голод. Этот страшный голод унес в могилу миллионы советских людей. В этом же году зарубежные капиталисты, убедившись, что им не одолеть силой молодого Советского государства, стали завязывать с Республикой торговые отношения. Чтобы накормить голодных, Советская власть закупала за границей хлеб. Осенью в петроградский порт пришли первые иностранные пароходы.

Под впечатлением этих двух событий Ленка потихоньку от всех писал поэму, которая называлась "Мы - им". Он писал ее всерьез, отдавая этой работе все свободное время. В аляповатые строчки он вкладывал весь пыл своей маленькой души. Он хорошо знал, что такое голод. Он видел голодающих и сам хлебнул лиха. Но он, как и всякий советский человек, не согласен был променять эту голодную жизнь на сытую жизнь капиталистов. Торговать мы с ними будем, - пожалуйста, но пустить их снова туда, откуда они только что с треском были изгнаны, - нет, не выйдет! Ленкина "поэма" так и кончалась:

Плывут пароход за пароходом
По финскозаливским водам.
Англия... Франция...
Соединенные Штаты...
Норвегия... Швеция...
Смокинги и латы...

.....
Плывите, плывите,
Ползите, ползите,
От нас вы получите
Вечный
ответ:
Палачам
рурским
Дальше
Петропорта
В красную
Россию
Хода
нет!

Закончив поэму, которая после переписки заняла целую тетрадь, он понес ее Володе Прейснеру. Идти к Прейснеру ему не хотелось. Этот розовощекий напыщенный немчик в круглых роговых очках не нравился Ленке. Уже одно то, что в его присутствии боялись ругать Гердериху - не очень хорошо рекомендовало его. Но что ж поделаешь, - чтобы напечатать стихи в журнале, волей-неволей пришлось обращаться к нему.

После уроков, когда ученики выходили из класса, Ленка подошел к редакторской парте. Прейснер тщательно укладывал в клеенчатый портфель книжки и тетради.

- Я к тебе, - сказал Ленка.
- Ко мне? - удивился Прейснер. - Да, пожалуйста, я слушаю.
- Я стихи написал. Вот. Может быть, подойдут для журнала.
- Редактор совсем остолбенел.
- Ты? Написал стихи?
- Что ж такого? - нахмурился Ленка. - Я давно пишу.
- Ну, давай, давай, посмотрим, - снисходительно усмехнулся Прейснер.
- Бегло перелистав тетрадку, он еще больше развеселился.
- Ты, я вижу, решил сразу начать с полного собрания сочинений?
- Это поэма, - объяснил Ленка.
- Ах, вот как? Даже поэма?

Прейснер поправил очки и, близоруко приблизив тетрадку к тонкому прямому носу, стал проглядывать первые строчки. Ленька увидел, как покраснели у него уши и как задергались, поползли на сторону редакторские губы...

- Гм... Интересно... Под Маяковского стараешься?

- А что ж, - сказал Ленька. - Может быть, немножко есть. Я люблю Маяковского.

- Да?.. По-твоему, это поэзия?

- Что?

- Маяковский.

- А что же это такое, если не поэзия?

- Маяковский-то? Это рубленая проза, вот что. Голая политика и ни на грош поэзии.

- Что значит - голая?

- Ну, милый мой, мне трудно тебе это объяснить. Ты Тютчева читал когда-нибудь?

- Читал, конечно. И люблю.

- Странно...

Прейснер еще полистал тетрадку, закрыл ее и протянул Леньке:

- На, возьми.

- Что?

- А то, что эту ерунду я печатать не буду.

- Почему ерунду? - возмутился Ленька. - Ты же даже не прочел до конца!

- Не прочел и читать не собираюсь. Я уже вижу, что это за штучки. Должен тебе сказать, что у нас журнал литературно-художественный. Мы никакой политикой не занимаемся... Пошли лучше свою поэму в "Правду" или в "Бедноту"... Может быть, там напечатают... и почтовом ящике.

Не скажи Прейснер этих последних слов про почтовый ящик, может быть, все и обошлось бы. Но тут Ленька расвирепел. Он чувствовал, что это глупо и недостойно, но не мог удержаться и, выхватив из рук редактора тетрадку, крикнул ему в лицо:

- Дурак ты очкастый!

И, запихав тетрадку в карман, он решительно зашагал к дверям. И тут, когда он выходил из класса, он вдруг услышал, как Прейснер вполголоса крикнул ему в спину:

- Вор! Колонист!..

Ленька похолодел. Кровь хлынула в голову, на несколько секунд перестало биться сердце.

Он повернулся, медленно, на негнущихся ногах, подошел к Прейснеру и сквозь зубы чуть слышно выговорил:

- Повтори... Что ты сказал?

- Я? - забормотал Прейснер, поправляя очки. - Я ничего не сказал. Тебе послышалось, наверно...

Ленька схватил его за грудь, но тотчас отпустил, повернулся и вышел из класса.

По щекам его бежали слезы. Так вот оно что!.. Вот о чем шушукуются за его спиной эти чистенькие мальчики и девочки! Вот на что намекал давеча Изя Шнеерзон! Гадины! Аристократы! Но как и откуда они узнали о его прошлом?!

Первая мысль его была - уйти из школы. С этой мыслью он возвращался домой. Но, уже поднимаясь по лестнице, он вдруг решил:

- Нет, не уйду!.. С какой стати я буду уходить? Стыдиться? Кого? Этих гогочек? Да на них ведь в конце концов и сердиться нельзя. Ведь они даже правы. Ведь я действительно - бывший вор и бывший воспитанник колонии... Но разве они понимают что-нибудь в жизни, эти маменькины сынки? Разве они разбираются в чем-нибудь? Сосунки, которые с пеленок живут чужим трудом, осуждают меня... А вот Стеша, которая, конечно, все отлично знает, ни одним словом не попрекнула меня. А Юрка разве не знал? А другие комсомольцы? Или Изя, или Федя Янов... Нет, уж из-за одних этих ребят стоит остаться в школе!..

И еще одно обстоятельство повлияло на его решение остаться. Может быть, он отчетливо и не сознавал этого, но все-таки в глубине души он чувствовал, что в классе его не

любят не за его прошлое, а за его настоящее. Ведь Прейснер не принял его поэму не потому, что ее написал бывший вор, а потому, что поэма - политическая, потому, что написана она "под Маяковского", потому что она - советская...

Нет, он не уйдет из школы! Он будет бороться.

Когда он принимал это воинственное решение, он не знал, что бороться ему придется физически, то есть кулаками, и что победителем из этой борьбы выйдет не он.

...Но и за стенами школы было немало огорчений. Случались, правда, и радостные события в Ленькиной жизни, но огорчений все-таки было больше.

Прошло почти полтора месяца с тех пор, как он сбежал с лимонадного завода, а он все еще не мог успокоиться. Каждый звонок на кухне заставлял его настораживаться и трепетать. И пугало его не то, что появиться Краузе и потянет его к ответу, а то, что обо всем узнает мать. Он так и не сказал ей, почему ушел с завода. Первое время она спрашивала его о деньгах, и он врал ей, говорил, будто ходит к хозяину, напоминает, требует, но что хозяин обманывает его, кормит "завтраками"... На самом же деле, он, конечно, не только не ходил в "Экспресс", но даже на Сенную и на прилегающие к ней улицы боялся заглядывать.

Потом постепенно мать перестала спрашивать о деньгах. Она работала, получала хорошую зарплату и паек. Несколько миллионов перепадало с каждой полочки и Леньке. Получив от матери подарок, при первом случае он бежал в Александровский рынок к букинистам и покупал книги. Правда, денег было немного, но все-таки каждый раз он возвращался домой с одной-двумя книгами. Те же заветные книги, которые он откладывал и припрятывал до лучших времен, все еще лежали на полках букинистов и покрывались пылью, потому что лучшие времена в Ленькиной жизни все еще не наступили.

...Однажды, получив от матери в подарок пятнадцать миллионов рублей, он зашел после школы к знакомому букинисту.

- Здорово, читатель-покупатель! - приветствовал его старик-книжник. Новый товар получил. Иди, покопайся, может быть, что-нибудь отберешь...

Ленька спустился по железной винтовой лесенке в тесный полутемный подвал. Новый товар, о котором говорил букинист, оказался огромной кучей старых, антикварных книг, свезенных сюда из какой-нибудь барской усадьбы или особняка. Книги были в толстых кожаных переплетах, от них удивительно вкусно пахло: плесенью, типографской краской, свечным нагаром и еще чем-то неуловимо тонким и изящным, чем пахнут только очень старые, уже тронутые временем книги. Здесь были и Тредьяковский, и Сумароков, и Дидеротовская "Энциклопедия", и первое издание "Илиады" в переводе Гнедича, и Фома Кемпийский 1784 года издания³⁶, и масса французских и немецких книг с отличными старинными гравюрами. У Леньки разбежались глаза. Особенно захотелось ему купить маленькие аппетитные томики "Плутарха для юношества"... Плутарха он никогда не читал, помнил, что эти книги были когда-то в библиотеке Волкова, но те были скучные на вид, современной печати, а здесь - плюшаровское издание начала XIX века, на синеватой с водяными знаками бумаге, переплетенное в рыжую свиную кожу. В издании не хватало одного тома, поэтому букинист отдавал сто за бесценнок: все одиннадцать томов за пятьдесят миллионов рублей.

У Леньки на руках было всего пятнадцать миллионов.

- Нет, это мало, - покачал головой старик. Потом подумал, полистал книгу и сказал:

³⁶ "Здесь были и Тредьяковский, и Сумароков, и Дидеротовская "Энциклопедия", и первое издание "Илиады" в переводе Гнедича, и Фома Кемпийский 1784 года издания...". - В.К.Тредьяковский (1703-1769), А.П.Сумароков (1717-1777) известные русские писатели XVIII века; речь идет о главном труде французского писателя и философа Дени Дидро (1713-1784) "Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел" - Дидро был ее основателем и редактором; "Илиада" - эпическая поэма легендарного древнегреческого поэта Гомера. Ее перевод был минным делом жизни русского поэта и переводчика Н.И.Гнедича (1784-1833); Фома Кемпийский (1380-1471) средневековый религиозный писатель, наибольшую известность получила его книга "Подражание Христу".

- Ладно, так и быть, бери в кредит. Остальные занесешь после. Ты у меня покупатель постоянный. Я тебе верю.

Предложение было соблазнительное. Но Ленька не сразу решился взять книги. Где же он достанет столько денег? И хорошо и честно ли это - брать в долг, не зная, сумеешь ли вовремя уплатить его?

- Я ведь раньше, чем через неделю, вам заплатит не смогу, - сказал он букинисту. - А может быть, даже через две недели...

- Ну, что ж, - сказал букинист. - Через неделю сорок миллионов заплатишь. А через две недели пятьдесят. Деньги-то, они, сам знаешь, в цене падают... Бери, ладно, чего там...

Торговец связал бечевкой все одиннадцать томиков. Ленька отдал ему пятнадцать миллионов, простился и выбрался по железной лесенке наверх.

После темного подвала на улице было необыкновенно светло. Падал пушистый снежок. Но на душе у Леньки было не очень ясно. Он уже не рад был своей покупке и ругал себя за легкомыслие и малодушие.

А тут еще эта встреча подвернулась.

Он переходил на перекрестке улицу и вдруг услышал у себя над головой голос, который заставил его вздрогнуть:

- Эй, кум! Поберегись!..

Ленька съежился, не оглядываясь перебежал улицу, свернул за угол и с бьющимся сердцем прижался к стене. Только через минуту он решился осторожно выглянуть. По Садовой в сторону Покрова ехал извозчик. У Подъяческой он свернул на трамвайные рельсы, обогнал нагруженную ящиками тележку, и Ленька издали узнал сгорбленную спину и зеленую жилетку Захара Ивановича. Он почувствовал, что щеки его краснеют. С какой стати он прятался от этого доброго и несчастного старика? Может быть, догнать его? Но что он ему скажет? И что скажет ему Захар Иванович? Пожалуй, он только одно и может сказать:

"Эх, - скажет, - Леня, Леня... Нехорошо ты, братец мой, поступил! Натворил делов, набедокурил, а меня, старика, отвечать за себя заставил..."

...Домой Ленька вернулся мрачный. Но, раздеваясь в коридоре, он услышал за дверью Стешин голос. И сразу на душе у него потеплело.

Стеша сидела за круглым столом под абажуром и учила Лялю вязать крючком.

- Эх, ты, - говорила она. - По три, по три петельки надо захватывать, а не по две...

- Здравствуйте, Стеша! - еще из дверей крикнул Ленька.

- А-а, Книжный шкаф пришел!.. Ну, здравствуй, иди сюда... Что это мокрый такой? Фу, и меня всю вымочил. Снег идет?

- Да, что-то сыплется.

- Боже ты мой!.. Книг-то, книг! Откуда это?

- Купил, - сказал Ленька, краснея.

- Купил? Ишь ты, какой богатый стал. Что это? В кожаном... Священное что-нибудь?

- Нет... Это - называется Плутарх. История.

- Ах, история? Древняя или какая?

- Да, древняя.

- Ну, что хорошо. А я вон тебе - тоже принесла.

- Что? - поискал глазами Ленька.

- Подарочек. Вон, возьми, на шифоньерке лежат. "Дон-Кихот Ламанчский" читал?

- Читал, - сказал Ленька. - Только я давно и в сокращенном издании.

- Ну, а этот уж небось не в сокращенном. Эва какие толстенные.

- А мне тоненькую Стеша принесла. Зато вон какую! - похвасталась Ляля, показывая над столом "Крокодил" Корнея Чуковского.

- А что это ты, кавалер, как будто нос повесил? - сказала Стеша, приглядываясь к Леньке. - Случилось что-нибудь?

- Нет, - сказал Ленька, перелистывая книгу.

- В школе-то у тебя как? Идет?

- Ничего.

- Ничего или хорошо?

Ленька вздохнул и захлопнул книгу.

- Учусь довольно прилично, неудов нет, а вообще...

- Что вообще?

- А вообще довольно паршиво.

Он хотел рассказать Стеше о своем столкновении с Прейснером и обо всем, что с ним случилось, но при Ляле постеснялся.

- Ребята, в общем, неважные, - сказал он, присаживаясь к столу.

- Как это неважные? А ты сам-то что - важный?

- И я неважный...

Стеша испытующе смотрела на него.

- Лялечка, - сказала она, обращаясь к девочке. - Ты бы, деточка, чайком угостила нас, а?

- Хорошо, - сказала, вылезая из-за стола, Ляля. - Только я примус не умею разжигать.

- А ты приготовь чайничек, налей воду, а я сейчас приду - помогу тебе.

Ляля взяла чайник и ушла на кухню, бросив из дверей понимающий и довольно ехидный взгляд на брата. Стеша прикрыла за нею дверь и вернулась к столу.

- Обижают? - спросила она, присаживаясь рядом с Ленькой и заглядывая ему в глаза.

- Кто? - не понял Ленька.

- Ребята.

- Положим, - пробормотал он, смущаясь. - Не очень-то я боюсь этих гогочек.

- Каких гогочек? Что еще за выражения?

- Ну, факт, что гогочек...

И Ленька рассказал Стеше о тех старорежимных нравах, которые царят у них в школе. О Прейснере же и о том, что его называли "вором" и "колонистом", он почему-то и Стеше не решился сказать.

Стеша выслушала его и нахмурилась.

- Ну что ж, - сказала она. - Картина знакомая. Комсомол-то хоть у вас в школе есть?

- Нет. Не знаю, впрочем... Кажется, нет.

Она еще похмурилась, помолчала, подумала и сказала:

- Вот, Лешенька, дорогой, поэтому нам и нужно с тобой учиться. Образование нам нужно с боя брать, как... ну, я не знаю, как, что ли, наши давеча Кронштадт взяли. С этой буржуйской интеллигенцией, с бобочками или с гогочками, как ты говоришь, каши не сварить. Их долго еще, - ох, как долго перевоспитывать придется. А нам, я уже тебе говорила, своя, пролетарская, советская интеллигенция нужна.

- Да, но ведь я же не пролетарий, - мрачно усмехнулся Ленька.

- Ты-то?

Стеша, прищурившись, посмотрела на мальчика, как бы прикидывая на глазок его классовую принадлежность.

- Да, - рассмеялась она. - Пролетарий из тебя пока что не вышел. В настоящий момент ты скорее всего являешься деклассированной личностью. А это что значит? - сказала она серьезно. - Это значит - к какому берегу пристал, на том и стоять будешь. А ведь ты уже давно выбрал, к какому берегу плыть? А? Ведь знаю, выбрал ведь, правда?

Ленька молчал, опустив голову.

- Понимаешь, о чем я говорю?

- Понимаю, - сказал он. - Выбрал, конечно. Но только ведь я, Стеша, плаваю довольно паршиво.

- Потонуть боишься или не доплыть?

Она улыбнулась, похлопала мальчика по руке.

- Ничего, казак, доплывешь, не бойся. Не в такое время живешь, не дадут тебе потонуть, вытащат, поддержат... Да и плавать, дорогой, тоже нужно учиться... Правильно ведь?

- Правильно.

- А ты, Лешенька, знаешь что? - сказала Стеша, наклоняясь к Леньке. Ты всегда, когда тебе трудно бывает, - бери пример с нашей партии. Учись у нее. Ведь ты подумай, чего только с нами, большевиками, не делали! И в тюрьмах наших товарищей гноили, и на каторгу ссылали, и травили их... и клеветали... и шпионами и бунтовщиками... и по-всякому называли. А ведь люди все это выдержали... А? Доплыли ведь и дальше плывем. А ведь море перед нами широкое. А у тебя что? У тебя пустячки...

Стеша еще раз улыбнулась и погладила Ленькины вихры.

- Выплывешь, казак. Выплывешь, не бойся. А на этих гогочек ты плюнь. Дразнить будут - не слушай. Учись, и все.

...Ленька учился. В школу он пришел не с самого начала года, по многим предметам ему пришлось догонять класс, и все-таки за все полтора месяца, что он пробыл "у Гердер", он не получил ни одной плохой отметки. А хорошие отметки получать было нелегко. Он видел, что за такой же ответ, а часто и за более слабый Прейснеру или кому-нибудь еще из компании "гогочек" учителя ставили более высокие баллы, чем ему, Шнеерзону или очень способному и начитанному Феде Янову. Учителя придирались. Он чувствовал это на каждом шагу. Особенно невзлюбила его сама Гердериха, преподававшая в классе "Д" русскую историю. Эта высокая и прямая, как телеграфный столб, дама с золоченым пенсне на длинном угреватом носу смотрела на него, насмешливо прищуривая маленькие слоновьи глазки. Вызывала она его чаще других. И как бы хорошо Ленька ни ответил, какую бы отметку она ему ни ставила, отпускала она его от доски с таким презрительным видом, как будто Ленька напорол несусветную чушь и заслуживает самой суровой кары.

- Садис-с, - говорила она зловеще и с такой силой встряхивала над чернильницей перо, что страшно было за ее белые манжетки и за такой же белый гофрированный нагрудничек.

С одноклассниками у Леньки отношения не изменились. Он дружил с Шнеерзоном, с Котелевым, с Федей Яновым, а на остальных старался не обращать внимания.

Но его не оставляли в покое.

Дней через пять после разговора со Стешей, придя перед самым звонком в класс, он заметил, что на него как-то особенно значительно посматривают. Когда он засовывал в ящик сумку, из парты выпала какая-то бумажка. На вырванном из тетради клетчатом листке жирными лиловыми чернилами было написано:

Ябеда!!!

- Что это? - удивился Ленька. - Это ты? - спросил он у Шнеерзона.

Изя выпучил глаза.

- Ты что - с ума сошел?

Ленька перевернул листок, ничего там не обнаружил, скомкал его и сунул в карман. Он даже не обиделся и не рассердился. Кем-кем, а уж ябедой он никогда не был. Но все-таки ему было интересно: чьих рук это дело? Проходя в перемену мимо прейснеровской парты, он внимательно посмотрел на редактора. Прейснер прищурился, усмехнулся и отвел глаза.

"Понятно", - подумал Ленька, хотя ничего понятного в этой истории для него не было.

...А следующий день оказался последним днем его пребывания в школе.

После большой перемены, когда уже отзвенел звонок на уроки, он возвращался из уборной в класс. Пробегая через актовый зал, он увидел сцену, которая заставила его остановиться. У стены возилось несколько мальчишек-старшекласников. Долговязый лохматый парень в вельветовой толстовке, забравшись на плечи товарищу, переворачивал вниз головой портрет Карла Маркса. Остальные, воровато озираясь и хихикая, толпились вокруг.

Ленька почувствовал, как у него от гнева застучало в висках.

- Вы что делаете... сволочи?!! - закричал он, кидаясь в самую гущу этой маленькой толпы.

Парень, который придерживал долговязого, оглянулся и отпустил руки. Пирамида рухнула.

Все испуганно и растерянно смотрели на Леньку.

- А ну - повесь на место... сию же минуту! Слышишь? - накинулся он на долговязого, который, сморщившись, потирал ушибленное колено.

- А ты кто такой? - спросили у него за спиной.

- Что еще за барбос бешеный выскочил?

- А ну, дай ему, ребята!

Ленька повернулся к тому, кто это крикнул, но в это время долговязый вскочил и ударил его кулаком в затылок. Ленька поскользнулся на гладком паркете и чуть не упал. Его еще раз больно стукнули. В глазах у него потемнело. Он отскочил, размахнулся и, ничего уже не видя, изо всей силы ударил первого, кто подвернулся ему под руку, по уху.

В эту минуту за его спиной раздался разгневанный голос:

- Ты что делаешь, безобразник?!!

Он оглянулся.

По залу, наискось от двери, быстро шла, скользя по паркету, Гердериха. Ленька не сразу понял, что вопрос ее обращен к нему. Он плохо соображал, что происходит вокруг. Глаза его застлала слезы.

- Я тебя спрашиваю! Да, да, тебя! - услышал он визгливый голос и почувствовал, как его больно, с прищипом схватили за ухо. - Ты что делаешь, хулиган? А? Ты где находишься? Ты на улице или в трактире находишься?

- Вы что шиплетесь? - закричал Ленька, вырываясь и с трудом удерживая слезы. - А они что делают? Вы что - не видите?

Гердериха бегло взглянула на перевернутый портрет и с трудом сдержала усмешку.

- Что бы они ни делали, рукам волю ты давать не смеешь, - прокаркала она. - Скажите пожалуйста, какой ментор нашелся. Мальчики! - обратилась она к остальным, стараясь выглядеть строгой. - Это кто сделал? Что это за глупые шалости?

Никто не ответил ей.

- А ну, быстро повесьте картину, как она висела раньше, и сейчас же разойдитесь по классам. А ты, - повернулась она к Леньке, - изволь следовать за мной!..

Не ожидая ничего хорошего, но и без всякого страха Ленька пошел за заведующей. Она привела его в свой полутемный, заставленный шкафами и чучелами птиц кабинет. Плюхнувшись в кожаное кресло перед большим письменным столом, она несколько минут брезгливо рассматривала мальчика, тяжело дыша и постукивая массивным мраморным пресс-папье.

- Позор! - прошипела она наконец. - Позор на всю школу! Фу! Гадость! Босяк!..

Ленька вспыхнул.

- Позвольте, - пробормотал он. - Вы что ругаетесь? Как вы смеете?

- Что-о? - задыхнулась Гердерша. - Как я смею? Сорванец! Мерзавец! Уличный мальчишка! Ты с кем разговариваешь? Ты думаешь, если будешь поминутно бегать в разные райкомы и фискалить, это дает тебе право дерзить своим педагогам и наставникам?!

- В какие райкомы? - не понял Ленька. - Кому фискалить?

- Ах, вот как? Он еще делает вид, что ничего не понимает? Ты говорил кому-нибудь, что у нас в школе выражаются "господа", что у нас нет комсомольцев, что у нас, видите ли, буржуазное засилье и затхлая атмос-фэ-ра?..

"Ах, вот в чем дело! - подумал, усмехаясь, Ленька. - Вот откуда "ябеда". Молодец Стеша! Значит, за Гердериху взялись, если она так злится".

- А что ж, - сказал он спокойно, - разве это не правда?

Угреватое лицо Гердерихи позеленело. Маленькие мышинные глазки с бешенством смотрели на Леньку.

- Значит, это действительно твоих рук дело? Значит, атмосфэра, которая царит у нас в школе, тебя не устраивает? Значит, тебя больше устраивают драки, хулиганство и воровство?

- Почему? - вспыхнул Ленька. - Какое воровство?

- Ну что ж, - не отвечая, сказала Гердериха, - мы найдем выход из этого положения. Как

видно, милейший, ты забыл, что находишься в нормальной школе, в бывшей привилегированной гимназии, а не в приюте и не в колонии для малолетних преступников.

"Ага, все ясно, - подумал Ленька. - Теперь понятно, откуда Володька Прейснер узнал о моем прошлом".

- Ты что смотришь на меня, как зверь? - вскричала Гердериха. - Может быть, ты хочешь меня ударить или зарезать? Я бы не удивилась...

"Очень мне надо", - подумал Ленька.

- Можно идти? - сказал он, нахмурившись.

- Нет, погоди, гаденыш... Уйти ты успеешь.

С грохотом выдвинув ящик, Гердериха достала оттуда блокнот, с треском вырвала из него листок, с шумом открыла чернильницу и, тряхнув пером, одним духом размашисто написала записку.

- Передашь матери, - сказала она, протягивая записку Леньке. Немедленно. Сегодня же.

И, поднявшись во весь свой могучий рост, она молча указала мальчику пальцем на дверь.

Не попрощавшись, Ленька вышел. На лестнице он прочел записку:

"Предлагаю Вам срочно явиться в учебную часть 149 Ед. труд. школы для переговоров о безобразном поведении и о дальнейшем пребывании в стенах школы Вашего сына Алексея. Зав. школой М.Гордер".

Он понял, что это значит. Спускаясь по лестнице, он думал о том, что идет по этой лестнице последний раз. Он надевал в раздевалке шубейку, смотрел на толстую рябую нянюшку и понимал, что никогда больше эту нянюшку не увидит.

Школы ему не было жалко. Ему было жаль мать. Он понимал, что вся эта история огорчит ее. А на душе у него и без того было немало грехов перед нею. Он до сих пор не сказал матери, что убежал с завода. Он утаил от нее покупку в кредит Плутарха. Он даже не показал ей этих книг, а спрятал их за шкафом.

...Подумывая о том, стоит ли вообще показывать матери эту записку, Ленька медленно переходил у Фонарного переулка набережную, как вдруг его опять больно ущипнули за ухо. Он был уверен, что его догнала Гердериха.

- Ну, что еще? - вскричал он, вырываясь и отскакивая в сторону.

Но это была не Гердериха. Перед ним стоял владелец "Экспресса" - Адольф Федорович Краузе.

Хозяин шел из бани. Это видно было и по его покрасневшему лицу, и по маленькому ковровому саквояжику, который он бережно держал под мышкой. Донкихотская борода его на морозе слегка заиндевела. На котиковой шапке, домиком стоявшей на его голове, тоже поблескивали искорки инея.

- Вот мы и встретились, - весело сказал он.

Леньке ничего не оставалось делать, как сказать "здравствуйте".

- Учишься? - спросил Краузе, показывая глазами на Ленькину сумку.

- Учусь, - ответил Ленька.

- Хорошо делаешь. Учиться в твоём возрасте мальчику более приличествует, чем работать на заводе или, тем более, возить какие-то тележки. И в каком же ты классе учишься?

- В "Дэ".

- Гм... А как же это будет, если по-старому?

- По-старому - в третьем.

- Ишь ты... Ну, ну... И хорошо занимаешься?

- Ничего.

- Да, кстати, голубчик, - сказал Краузе. - Это ведь ты разбил у меня четыре ящика пива и два ящика лимонада?

- Я... да, - пробормотал Ленька.

- А ты не подумал, маленький негодяй, что, прежде чем уходить с завода, тебе

следовало рассчитаться с хозяином?

- Я думал, - сказал Ленька.

- Вот как? И долго думал?

Ленька молчал.

- Должен тебе напомнить, голубчик, - ласково сказал Краузе, - что в мое время мальчишек, которые так поступали, секли розгами.

- Сколько я вам должен? - глухо сказал Ленька.

- Сколько должен? А это мы сейчас подсчитаем.

Краузе скинул перчатку и стал загибать толстые, розовые, как у младенца, пальцы.

- Насколько мне помнится, ты разбил всего сорок восемь бутылок пива и двадцать четыре бутылки лимонада. Если считать по нынешнему курсу... Сейчас, погоди... Четырежды восемь - тридцать два и плюс четыреста восемьдесят... Это значит... пятьсот, пятьсот двенадцать и плюс...

Он долго шевелил и губами и пальцами и наконец радостно объявил:

- Всего ты мне должен семьсот восемьдесят четыре миллиона рублей.

Ленька чуть не упал.

- Послушайте, но ведь вы же мне тоже должны! - воскликнул он.

- Я? Тебе?

- Вы же не заплатили мне жалованья!

- Ах, вот как? Ты считаешь, что заслужил жалованье? Ну, что ж. Так и быть, скинем сотенку. За тобой шестьсот восемьдесят миллионов. Изволь поплачивать.

- У меня нет, - сказал Ленька упавшим голосом.

- Я понимаю, что у тебя с собой нет. Но, может быть, дома?

- Нет, и дома нет.

- Если у тебя нет, так найдется, вероятно, у матери. Ты где, кстати, живешь, я забыл?

Ленька хотел соврать, но почему-то не соврал, а сказал правду:

- Здесь... вот в этом доме... в розовом... около церкви...

- Прекрасно. Идем!

- Куда? - похолодел Ленька.

Он представил себе все, что сейчас произойдет. Представил огорчение матери, испуганную рожицу Ляли, ехидные усмешечки тетки.

- Адольф Федорович! - воскликнул он.

Хозяин схватил его за руку.

- Ты что - хочешь, чтобы я милицию позвал?

Они уже шли через двор и подходили к подъезду, когда Ленька предпринял еще одну попытку разжалобить хозяина.

- Адольф Федорович! - взмолился он. - Пожалуйста... Клянусь! Я завтра... я послезавтра достану... я принесу вам деньги. Запишите мой адрес. Я здесь вот, на этой лестнице, в тридцать первой квартире живу. Ей-богу! Адольф Федорович... Пожалуйста... прошу вас...

Вряд ли хозяин пожалел Леньку. Скорее всего, он побоялся объясняться с незнакомой ему женщиной. Подумав и потеревив заиндеветшую бородку, он сказал:

- Хорошо. Так и быть. Поверю тебе. Но только - смотри, Леня! Если до субботы не придешь и не принесешь денег...

- Приду! Принесу! - перебил его Ленька.

- ...не поздоровится тебе, - закончил хозяин.

Он записал в записную книжку адрес и ушел. А Ленька постоял, дождался, пока Краузе скроется под воротами, и пошел домой.

...Он не знал, что ему делать.

"Зачем я сказал, что до субботы расплачусь?! - ругал он себя, поднимаясь по лестнице. - Где я возьму эти шестьсот восемьдесят миллионов? Все равно ведь это только отсрочка. В субботу он придет к маме и все расскажет ей".

И вдруг он решил: "Не буду ждать. Расскажу ей все сам".

Он понимал, что готовит матери удар, и все-таки от этой мысли ему стало легче.

На лестнице пахло чадом. Дверь на кухню была приоткрыта, и Ленька услышал голос матери:

- Нет, ты не представляешь, Раюша, какое это счастье, - говорила она. Это такая чудесная, такая здоровая, чистая, талантливая молодежь... Заниматься с ними одно наслаждение. И, ты знаешь, насколько лучше эти рабочие парни и девушки бездарных буржуазных девчонок, которые по принуждению брэнчали на фортепьяно...

"Ну, вот, - подумал Ленька. - Она счастлива, радуется, что нашла по душе работу, а я ей..."

Он вошел на кухню, и сразу же с лица матери слетела улыбка.

- Что? - сказала она.

Испуганно уставилась на него и тетка, застывшая над плитой с алюминиевой поварешкой в руке.

- Ляля дома? - спросил Ленька.

- Нет, она еще не приходила. А что? Что случилось?

- Ничего. Пройдем в комнату. Мне надо поговорить с тобой.

Он рассказал матери все: и о своих школьных делах, о которых до сих пор не говорил с ней, и о побеге с завода, и о разбитых бутылках, и даже о тех тридцати пяти миллионах, которые он остался должен букинисту. В довершение всего он выложил перед ней записку заведующей. Александра Сергеевна выслушала его, прочла записку, и в голосе ее задрожали слезы, когда она сказала:

- Мальчик, дорогой... Ну, что ты со мной делаешь? Ну, зачем ты, скажи пожалуйста, молчал столько времени?!

- Я не хотел тебя расстраивать, - тоже со слезами на глазах пробормотал Ленька.

- Не хотел расстраивать? Спасибо тебе. Но все-таки, пожалуй, тебе не стоило откладывать все до последней минуты.

Ленька молчал и уныло смотрел себе под ноги.

- погоди, давай разберемся, - сказала мать, потирая лоб. - Господи, и все сразу! И деньги, и эта записка... В школу я завтра утром схожу, поговорю с этой Гердер...

- Не надо, не ходи, - пробурчал Ленька. - Все равно я там учиться не буду.

- Да, я тоже думаю, что из этой школы тебе надо уйти. Но все-таки я считаю нужным поговорить с этой особой.

- Это ты ей сказала, что я - бывший беспризорный?

- Да, сынок. Это моя ошибка. Прости меня. Я думала, что имею дело с настоящим советским педагогом, думала, что воспитатель должен знать все о прошлом своего ученика. Оказывается, я попала не по адресу... Ну, что же, все к лучшему. В этой школе тебе делать действительно нечего. Найдем другую, получше...

- Я не буду учиться. Я пойду работать, - мрачно сказал Ленька.

- Работать? - усмехнулась Александра Сергеевна. - Ты уже поработал, попробовал. погоди, дорогой, не спеши. Давай лучше сообразим, что нам делать с деньгами. Сегодня у нас что? Среда? Завтра у меня получка. Я должна получить довольно много за сверхурочные. Правда, я думала купить Лялюше новые рейтузы. Бедняжка совсем замерзает. Но - ничего. Зима, слава богу, не такая суровая. Подождет. Купим в следующую получку.

Александра Сергеевна встала, обняла мальчика за шею и поцеловала его в затылок.

- Не унывай, сынок, - сказала она весело. - Выкрутимся. Денег я тебе дам.

...Работала она по вечерам, возвращалась домой поздно. Но на другой день, получив зарплату, Александра Сергеевна специально приехала с Обводного канала, чтобы передать Леньке деньги.

- На, получай, безобразник, - сказала она, вручая ему две запечатанные пачки с деньгами. - Тут семьсот пятьдесят миллионов. Рассчитайся заодно и за Тацита своего или - как его? - за Плутарха... Не потеряй только, смотри!

У Леньки от стыда щипало уши, когда он принимал от матери эти деньги. Запихивая

толстые пачки в карман, он бормотал слова благодарности, а она, не слушая его, говорила:

- Была я у твоей Гердер. Ну и особочка, должна я тебе сказать! Мумия какая-то! Честное слово, я с гимназических лет таких не встречала. Торжественно объявила мне, что на педагогическом совете ставится вопрос о твоём исключении... На что я, столь же торжественно и с большим удовольствием, ответила, что она опоздала, так как я сама забираю тебя из-под ее опеки. Вообще поговорили по душам. А Стеша, оказывается, действительно взялась, и довольно решительно, за эту бурсу. На днях ее будет ревизовать какая-то специальная комиссия...

...В тот же день Ленька отправился в "Экспресс" - расплачиваться с бывшим хозяином. По пути он хотел зайти к букинисту, заплатить за книги. Но, уже подходя к Александровскому рынку, он решил, что, пожалуй, лучше сделать это на обратном пути. Он понимал, какие соблазны ждут его в маленьком полутемном подвале, и счел за лучшее отложить этот визит до вечера.

Но известно, что искушения подстерегают человека не только на тех углах, где он их ждет.

Дойдя до Измайловского моста, Ленька свернул на Фонтанку. Здесь брала начало та огромная мутная человеческая река, именуемая барахолкой, которая заливала в те годы набережную Фонтанки и все прилегающие к ней улицы и переулки от Вознесенского до Гороховой. Ленька шел через эту густую, как повидло, толпу, стараясь не заглядываться по сторонам и придерживая рукой оттопырившийся карман, заколотый для верности французской булавкой. Со всех сторон на него наседали люди и вещи. Люди расхваливали свой товар, спорили, торговались, ругались, выкрикивали цены. Все, что можно было купить и продать, и даже то, чего, казалось бы, уже нельзя было продать за полной изношенностью и обветшалостью, выносилось на барахолку. Тут можно было при желании приобрести не очень подержанные солдатские брюки галифе и лайковые дамские перчатки, ржавый замок без ключа и допотопную купеческую лисью шубу, кофейную мельницу и страусовое перо, пасхальную открытку, электрическую лампочку, диван, велосипед, щенка-фокстерьера, самовар, швейную машину, очки, водолазный костюм, медаль "За взятие Очакова"...

Тут же в толпе вертелись жулики, маклаки, валютчики и другие подозрительные личности, неизвестно откуда выплывшие на поверхность земли после того, как Советская власть временно разрешила частную торговлю. Среди этих чубатых молодцов не последнее место занимали "марафетчики" с их незамысловатыми жульническими играми, вроде лото, рулетки, "наперсточка", "веревочки" или "трех листиков"... Марафетчиков окружали их помощники, "поднатчики", которые на глазах у доверчивой публики с невероятной легкостью выигрывали раз за разом огромные ставки.

- А вот подходи, - кричал безногий инвалид-марафетчик. - Кручу, верчу, деньги плачу! За тыщу пять, за две десять, за три пятнадцать, за пять двадцать пять. Занимай места, вынимай полета!

Ленька отлично знал, что все это чистое мошенничество, что выигрывают деньги только поднатчики, то есть люди, которые находятся в сговоре с хозяином игры, а стоит поставить на рулетку неопытному игроку, человеку, не знающему законов барахолки, и сразу же счастье повернется лицом к марафетчику. Он много раз видел, как играют, но сам никогда не играл, хотя иногда у него и возникало желание испытать свое счастье и ловкость.

Это искушение шевелилось у него где-то в глубине души и сейчас. Мысль, что, выиграв много денег, он сможет уплатить долги и хозяину и букинисту и одновременно вернуть деньги матери, казалась ему очень соблазнительной. И все-таки он не поддавался соблазну и не задерживался у стоянок марафетчиков, хотя несколько раз поднатчики останавливали его, хватили за руки и даже тянули в толпу.

- Эй, парень, - шептали они ему на ухо. - Разбогатеть хочешь? Давай, поставь на счастье. Выиграешь! Ей-богу! Хочешь, давай со мной на пару! Я умею, меня этот хромач не проведет...

- А ну вас! Катитесь, - отмахивался от них Ленька. - Знаю я вас. Не на такого напали...

...Погубили его черные детские рейтузы.

Краснощекая тетка несла их, развесив на вытянутой руке, и тоненьким голосом кричала:

- А вот кому рейтузики!.. Теплые... шерстяные... Век носить - не сносить. Рейтузики... рейтузики кому? Дешево отдаю.

Ленька вспомнил, что по его вине сестра осталась без зимних рейтуз, подумал, что, имея большие деньги, он сможет купить и подарить Ляле эти рейтузы, остановился и сказал себе:

"А что - попробовать, что ли? Ведь это только простачки проигрывают, которые не знают всех тонкостей игры, а у меня глаз наметанный, меня на арапа не возьмешь..."

Он вспомнил, что у него есть еще тридцать миллионов сверх той суммы, которую он должен был уплатить своим кредиторам, и решил, что если будет играть, то только на эти деньги.

Зайдя в какой-то подъезд, он откинул полу шубейки, отстегнул булавку, вытащил из пачки потоньше три бумажки по 10 000 000 рублей, зашпилил карман и вернулся на рынок. Несколько минут он стоял в толпе, окружавшей марафетчика, и приглядывался, следил за серебряной стрелкой, которая быстро бегала по размалеванному кругу рулетки. Он заметил, что выигрывают у поднатчиков чаще всего цифры 8 и 12.

"Поставлю на двенадцать", - подумал он.

- Эй, браток, - зашептал ему на ухо какой-то подвыпивший верзила. Давай на пару поставим? У меня пять лимонов есть, и ты пятишник ставь. Выиграем - пополам.

- Ладно, не лезь, - сказал Ленька. - Я и сам поставлю...

- А ну, давай, давай, - обрадовался тот, освобождая для Леньки место у табуретки и довольно заметно подмигивая хозяину игры.

"Ничего, ничего, мигай, - подумал Ленька. - Увидим, как ты сейчас замигаешь".

- Значит... если выиграю, за миллион пять получаю? - спросил он у марафетчика.

- Ручаюсь! - воскликнул тот, выхватывая из-за пазухи порядочный ворох скомканных и засаленных дензнаков.

- Ставлю на двенадцатый номер, - сказал Ленька дрогнувшим голосом.

- А ну, ставь.

Ленька свернул трубочкой десятиmillionную бумажку и положил ее на краешек табурета - против цифры "12".

- Кручу, верчу, деньги плачу! - весело закричал инвалид и действительно ударом толстого пальца раскрутил серебряную стрелку рулетки. Она завертелась с быстротой велосипедного колеса, превратилась в один сплошной, сияющий и колеблющийся круг, потом этот круг стал суживаться, тускнеть, стрелка побежала потише, закачалась, заерзала и остановилась против цифры "12".

- А, черт! - с досадой сказал марафетчик. - Ну что ж, на, получай.

Он вытащил из-за пазухи ворох дензнаков, поспешил палец и, небрежно отсчитав, протянул Леньке пять бумажек по 10 миллионов.

"Ловко я!" - подумал Ленька.

- Еще будешь? - спросили у него.

- Буду, конечно, - усмехнулся Ленька.

- Сколько ставишь?

Несколько секунд Ленька колебался.

- Давай, давай, парень, - шептали ему в оба уха. - Ставь, не бойся. Выиграешь...

Он знал, что нашептывают ему поднатчики, что они нарочно заманивают его, и все-таки этот назойливый лихорадочный шепот возбуждал и подхлестывал его.

- Пятьдесят, - сказал он.

Он опять поставил на "12". И опять серебряная стрелка остановилась у цифры "12".

- Вот бес! - с некоторым даже восхищением воскликнул марафетчик. - С тобой, брат, и играть опасно. Ну что ж, выиграл - получай. Сколько я тебе должен? Двести?

- Нет, не двести, а двести пятьдесят, - сказал Ленька.

- Что ж, на, бери, разорь инвалида!..

"Да, пожалуй, тебя разоришь", - подумал Ленька.

- Ну, больше не будешь небось? - спросил инвалид, опасливо поглядывая на мальчика.

- Нет, почему? Буду, - сказал Ленька.

- Играешь?

- Играю.

- На сколько?

В руке у Леньки был зажат огромный комок, который даже трудно было держать.

- Вот на всё, - сказал он.

- На двести пятьдесят миллионов?

- Да, на двести пятьдесят.

Толпа ахнула.

"Сейчас обману их, - поставлю не на двенадцать, а на восемь".

Он видел, как жулики переглядывались и перемигивались между собой.

Он поставил на восьмерку. Но стрелка почему-то опять остановилась на двенадцати.

"Эх, надо было за "двенадцать" держаться!" - с досадой подумал Ленька.

- Промахнулся, браток, - с добродушной усмешкой проговорил инвалид, спокойно забирая деньги и засовывая их за пазуху. - Не пепла и тебе, как видно, фортуна улыбается. Еще будешь? - спросил он.

- Да, буду, - сказал Ленька.

Он видел, как из-за спины марафетчика какой-то человек в ватнике и в барашковой солдатской шапке отчаянно мигает ему и качает головой. Он понимал, что его предупреждают: не играй, плюнь, тебя обманывают, но азарт игры уже овладел им, он ничего не понимал, не соображал, не мог остановиться.

- На сколько играешь? - спросили у него.

- На столько же, - ответил Ленька.

- На двести пятьдесят?

- Да.

- Выкладывай деньги.

В руках у Леньки было всего двадцать миллионов.

- Я отдам, не беспокойтесь, у меня есть, - сказал он, похлопав себя по карману.

- Нет, брат, изволь деньги на кон. Этак по карману-то всякий умеет хлопнуть. Может, у тебя там семечки или огурец соленный...

- Пожалуйста... Семечки! - сказал Ленька, торопливо отворачивая полу шубейки и застывшими руками отстегивая булавку. Он вытащил из кармана запечатанную пачку, на которой было написано: "500 млн." У марафетчика и у поднатчиков забегали и заблестели глаза. Человек в барашковой шапке громко крикнул.

Руки у Леньки дрожали, когда он вскрывал пачку.

- Ладно, погоди, не рви, - остановил его марафетчик. - Долго считать. Проиграешь - тогда расплатишься. Я верю. Можешь не ставить. На какой номер играешь?

- Эй, парень, на двенадцатый, на двенадцатый, - зашептали со всех сторон поднатчики.

- На восьмой, - сказал Ленька.

Ему казалось, что серебряная стрелка никогда не остановится. Он перестал дышать. От страха и волнения его начало тошнить.

- Не угадал, - услышал он откуда-то очень издалека голос марафетчика.

Стрелка, покачиваясь, остановилась у цифры "12".

- Еще будешь?

- Да, буду, - уже не своим голосом ответил Ленька.

Он поставил на двенадцатый номер. Стрелка остановилась на шестерке. Он проиграл всю пачку. Он проиграл 20 миллионов, которые были у него на руках.

- Ну, кончил? - весело спросил марафетчик.

- Нет, не кончил, - прохрипел Ленька, доставая из кармана вторую пачку.

Через пять минут он держал в руках пять или шесть бумажек по десять миллионов. Это было все, что у него осталось.

- Давай, давай, парень! Играй! Выиграешь, - уже посмеиваясь, ворковали поднатчики.

Ленька увидел, как за спиной марафетчика человек в барашковой шапке презрительно усмехнулся и как губы его явственно и отчетливо выговорили: ду-рак.

- Играешь? - спросил марафетчик.

- А ну вас всех к чегту! - сказал задрожавшим голосом Ленька. Катитесь... оставьте... пустите меня... жулики!..

В горле у него было горько и сухо, как будто он наелся черемухи или волчьих ягод. Ничего не видя, он выбрался из толпы.

"Дурак... идиот... подлая тварь", - без жалости ругал он себя.

- Рейтузики... рейтузики не надо ли кому? - услышал он пискливый бабий голос. - А вот рейтузики... теплые... зимние... шерстяные...

"Господи, что же делать?! - воскликнул мысленно Ленька. - Пойти домой к маме, все рассказать ей?"

Нет, об этом даже думать было страшно.

Он подошел к решетке набережной... Фонтанка была покрыта грязным льдом. Он представил черную глубокую воду, которая медленно течет и колыхается под этим ледяным покровом, и содрогнулся.

...Без всякой цели он бродил часа полтора по окрестным улицам. Было уже темно. Он замерз, проголодался.

На Мучном переулке зашел в маленькую чайную, сел в углу, заказал рисовую кашу, какао, два пирожных.

С мрачной прожорливостью он ел переваренную, темную, как топленое молоко, сладкую кашу, думая о том, что ест он, вероятно, последний раз в жизни. Вдруг он услышал у себя над головой радостный возглас:

- Хо! Кого я вижу?!

У столика стоял и улыбался своей безжизненной нервной улыбкой Волков. Он был в американской желтой кожаной куртке с цигейковым воротником-шалью, на голове его, сдвинутая набекрень, сидела котиковая шапка-чухонка.

- Разбогател? А? - спросил он, протягивая Леньке руку и показывая глазами на пирожные и прочую снедь.

- Да, - мрачно усмехнулся Ленька, - "газбогател"...

- Что же ты меня обманул, Леша? - сказал, присаживаясь к столу, Волков. - Обещал прийти и не пришел. А? Я ждал тебя...

- Мне некогда было, - пробормотал Ленька.

- Работаешь?

- Нет... учусь. То есть учился... Сейчас не учусь уже.

- Выгнали?

- Да, почти выгнали.

- Послушай, Леша, - сказал Волков, заглядывая Леньке в глаза. - Ты чем-то расстроен? А? Правильно? Угадал? Опять что-нибудь стряслось?

Ленька находился в таком состоянии, что любое, мало-мальски теплое и дружеское сочувствие, даже сочувствие такого человека, как Волков, было ему дорого. Он рассказал Волкову все, что с ним случилось.

- Эх, братец... какой ты, ей-богу, - сказал, усмехнувшись, Волков. Разве можно?.. У этих же марафетчиков такие кнопки, шпенечки. Они нажимают на каком номере нужно, на таком стрелка и останавливается.

- Ну их к чегту! - хмуро сказал Ленька.

- Правильно, - согласился Волков. - Послушай, Леша, - сказал он, помолчав и подумав, - ты оба пирожных будешь кушать?

- Бери, ешь, - мрачно кивнул Ленька.

- Мерси...

Волков подхватил грязными пальцами рассыпчатый "наполеон", широко открыл рот и сунул туда сразу половину пирожного.

- Постой, - сказал он, облизывая губы и смахивая с воротника слоеную крошку. - А сколько ты должен этому - своему патрону?

- Какому патрону?

- Ну, хозяину.

- Много, - вздохнул Ленька. - Шестьсот восемьдесят лимонов.

- Н-да. Это действительно много. А у тебя сколько имеется?

- А у меня - ни шиша не имеется. Вот все, что на руках - двадцать четыре лимона.

- И занять негде?

- Негде.

Волков доел пирожное, облизал пальцы и сказал:

- Я бы тебя, Леша, выручил охотно, но, видишь ли, я сейчас временно сам на колуне сижу.

- Я и не прошу, - сказал Ленька.

Волков минуту молчал, сдвинув к переносице тонкие брови.

- погоди... Сейчас придумаем что-нибудь...

Он вытер о бахрому скатерти пальцы, напялил шапку, поднялся.

- Ладно... Идем. Достанем сейчас.

- Где?

- Неважно где. Беру на свою ответственность. Ты рассчитался?

- Да. Заплатил.

Они вышли на улицу. Волков шел уверенно, поглядывая по сторонам.

- А идти далеко? - спросил Ленька.

- Нет... Тут, совсем близко. Вот хотя бы - в этом доме.

Они свернули под ворота.

- Если спросят, куда идем, - негромко сказал Волков, - говори: в квартиру двадцать семь, к Якову Львовичу. Понял?

Ленька ничего не понял.

- Почему? - спросил он.

Волков не ответил.

На черной лестнице пахло кошатиной. На площадке мигала покрытая толстым слоем пыли десятисвечевая лампочка.

- А ну, нагибайся, - шепнул, останавливаясь, Волков.

- Что? - не понял Ленька.

- Ну, быстро! В чехарду играл когда-нибудь?

- Играл.

- Нагибайся же. Черт! Слышишь? Пока никого нет.

Ленька понял.

Он нагнул голову, ладонями уперся в стену. Волков быстро и легко, как цирковой акробат, вскочил ему на плечи. Что-то хрустнуло, на лестнице стало темно, на голову Леньке посыпалась пыль и кусочки штукатурки.

Он почувствовал, что его заташнило. Что-то внутри оборвалось.

"Кончено", - подумал он.

Волков бесшумно, по-кошачьи, спрыгнул на каменный пол.

- Есть! - услышал Ленька в темноте его радостный, возбужденный голос. Сто лимонов имеем. Живем, Леша. Пошли дальше!..

В этот вечер они свинтили в разных домах Мучного переулкa восемь лампочек. В кустарной электротехнической мастерской на Гороховой улице продали эти лампочки по сто миллионов за штуку.

Тут же, на улице, Волков отсчитал и передал Леньке семьсот миллионов рублей.

- Ну, вот видишь, и заработали на твоего хозяйчика, - сказал он, улыбаясь и заглядывая Леньке в глаза. - С гаком даже. И мне, мальчишке, на молочишко кое-что осталось. Просто ведь?

- Просто, - согласился Ленька.

- Завтра пойдем?

- Что ж... пойдем, - сказал Ленька. Его все еще тошнило. И на сердце было пусто, как будто оттуда вынули что-то хорошее, доброе, с таким трудом собранное и накопленное.

...На следующий день перед обедом он пришел на Горсткину улицу.

У дверей заведения стояла хорошо знакомая ему тележка. Одно колесо ее почему-то было опутано цепочкой, и на цепочке висел замок... В коридоре, на ящиках из-под пива, спал, подложив под голову руки и сладко похрапывая, Захар Иванович. На дверях хозяйского кабинета тоже висел замок. В укупорочной было тихо: машина молчала. Удивленный и даже слегка напуганный всем этим, Ленька приоткрыл дверь. Белокурая купорщица Вера сидела на табуретке у машины и читала какую-то сильно потрепанную книжку. Другие тоже сидели не работая.

- А-а, беглый каторжник явился! - радостным возгласом встретила Леньку разливальщица Галя.

Его окружили, стали тормошить, расспрашивать.

- А что случилось? Почему вы не работаете? - спросил он, оглядываясь.

- А ничего не случилось. Так просто. Надоело. Решили отдохнуть.

- Нет, правда...

- Итальянская забастовка у нас, - объяснила Вера.

- Какая итальянская?

- А такая, что сидим каждый на своем месте и не работаем. А из-за кого забастовку подняли, знаешь?

- Из-за кого?

- Из-за тебя и подняли, разбойник ты этакий...

Ему рассказали, в чем дело. Оказывается, хозяин в течение почти двух месяцев вычитывал из зарплаты Захара Ивановича штраф за разбитые Ленькой бутылки... Старик терпел и молчал, считая, что он виноват - не уследил за порученным ему попечению мальчишкой. Наконец одна из судомоек не выдержала и пожаловалась в профсоюз. Оттуда приехал инспектор, от хозяина потребовали, чтобы он заключил с рабочими коллективный договор. Краузе отказался. Тогда союз предложил работникам "Экспресса" объявить забастовку.

- Ведь вот сволочь какая! - не удержался Ленька. - А где он?

- Кто? Адольф Федорович-то? Да небось опять в союз побежал. Уж второй день не выходит оттуда, сидит, торгуется, как маклак на барахолке. А тебе зачем он? Соскучился, что ли?

- Дело есть, - сказал, покраснев, Ленька. - Я ему деньги принес.

В это время открылась дверь, и на пороге, потягиваясь и зевая, появился Захар Иванович.

- О господи... Никола морской... мирликийский, - простонал он, почесывая под жилеткой спину. И вдруг увидел Леньку.

- Э!.. Это кто? Мать честная! Трюродный внук явился! Ленька? Какими же это ты судьбами, бродяга?..

- Захар Иванович, - забормотал Ленька, засовывая руку за пазуху шубейки и вытаскивая оттуда связанные веревочкой деньги. - Вот... возьмите... я вам...

- Что это? - не понял старик.

- Деньги... которые за бутылки... Я думал хозяину отдать, а теперь...

- Да ты что? - рассвирепел старик. - Да как ты смеешь, карась этакий, рабочего человека обижать? Чтобы я твою трудовую копейку взял?! Да я что эмпман, капиталист? Да

у тебя что в голове - мочало или...

- Нет, правда, возьмите, Захар Иванович, - чуть не плача просил Ленька, пытаюсь засунуть в руки Захара Ивановича деньги.

- Брысь отсюда! - затопал ногами старик. - А то вот я сейчас швабру возьму, да - знаешь? - по тому месту, на котором блины пекут...

...Ленька вернул деньги матери. Он мог еще остановиться. Но он не остановился... Вечером пришел Волков, и у Леньки не хватило духу выгнать его, объясниться, сказать, что он не хочет знаться с ним... Он пошел по старой, проторенной дорожке.

У Гердер он больше не учился, его перевели в другую, хорошую школу.

Но и там он почти не занимался, - некогда было.

Почти месяц изо дня в день они ходили с Волковым по черным и парадным лестницам петроградских домов и вывинчивали из патронов лампочки. Если их останавливали и спрашивали, что им нужно, они из раза в раз заученно отвечали:

- Квартиру двадцать семь.

И если квартира двадцать семь оказывалась поблизости, им приходилось звонить или стучать и спрашивать какого-нибудь Петра Ивановича или Елену Васильевну, которых, конечно, к их неопишному удивлению, в квартире не оказывалось.

Долгое время им везло. У Волкова был опыт. У Леньки этого опыта было не меньше.

Дома он говорил, что ходит по вечерам в художественный кружок при школе - учиться рисовать. Ему верили.

И вот этот глупый замок и дурацкая Вовкина неосмотрительность все погубили.

И Ленька опять в камере. Опять за решеткой. И неизвестно, что его ждет.

...Проснулся он от холода. Было уже светло, и от света камера показалась больше и уютнее. На стеклах окна, украшенного узористой решеткой, плавали хрусталики льда, по полу бегали бледные лучики зимнего солнца.

Ленька сел на лавку. Захотелось есть. Но мальчик знал, что в милиции арестованных не кормят. Он закутался поплотнее в шубейку и стал ходить по камере взад и вперед. Измерил камеру. Камера оказалась очень маленькой: девять шагов да еще поменьше, чем полшага.

Нашагал тысячу с лишним шагов - надоело. Сел на лавку, стал читать надписи, которыми были испещрены дощатые стены камеры:

"Здесь сидел рецидивист Семен Молодых за мокрое 27 апрель 1920 г."

"Кто писал тому пива бутылку, а кто читал тому фомкой по затылку"

"Петр Арбузов 31 года сидел 5 мая 1920-го"

"Колька лягавый имеет"

"Нюрочка за тебя сел. Федя"

Под этой надписью было нарисовано химическим карандашом сердце, пронзенное стрелой. Дальше шли надписи нецензурные.

Занявшись чтением этой камерной литературы, Ленька не заметил, как дверь в камеру отворилась и в нее просунулась голова милиционера. Грубый голос равнодушно отрезал:

- На допрос.

Ленька вышел из камеры и лениво зашагал впереди милиционера.

Начальник встретил его строже, чем накануне.

- Одумался? - спросил он.

- Не в чем мне одумываться, - ответил Ленька.

- Ну ладно, нечего дурака валять... Отвечай по пунктам. Зачем был на Столярном переулке?

- По делам, - ответил Ленька.

- По каким делам?

- Коньки покупал.

- Какие коньки? У кого?

- Не знаю, у кого. В квартире двадцать семь. Разрешите, я расскажу, как дело было... Я на рынке, на Горсткином, торговал у татарина коньки, снегурочки... Тут женщина одна

подходит, дамочка. Говорит: у меня дома коньки есть - могу продать. Дала адрес... Ну, вот я и пришел за коньками. Искал квартиру, а тут этот возмутительный случай...

- Гм... А не врешь?

Ленька пожал плечами.

- Ну ладно, - сказал начальник. - Проверим. - Товарищ Проценко, обратился он к усатому милиционеру. - Сходите, пожалуйста, на Столярный переулок в дом номер семнадцать и узнайте, продаются ли коньки в квартире двадцать семь. Выясните.

Ленька понял, что дело проиграно.

- Можете не ходить, - сказал он угрюмо.

- Значит, идешь на признание? - усмехнулся начальник.

- Нет, не иду.

Начальник усталыми глазами посмотрел на мальчика.

- Где живешь? - спросил он.

Ленька подумал и сказал адрес.

- Мать есть?

- Есть.

Его снова увели в камеру.

Остро давал себя чувствовать голод. В горле было горько, спина ныла от жесткой постели. Он лежал на лавке, смотрел в потолок, увешанный нитками паутины...

Через два часа его снова привели к начальнику.

Уже сгущался сумрак, в дежурной комнате горела электрическая лампочка, и зеленый колпак ее отбрасывал гигантскую тень на стену, где висел деревянный ящичек телефона и старый, засиженный мухами плакат:

"КТО НЕ РАБОТАЕТ - ТОТ НЕ ЕСТ!"

У этой стены, за барьером, разделявшим надвое помещение дежурной, сидели на скамейке Александра Сергеевна и Стеша.

У Леньки сжалось сердце, когда он увидел мать.

- Мама! - вырвалось у него.

Он почувствовал себя маленьким, несчастным и гадким самому себе, когда увидел рядом с собой ее заплаканные голубые глаза, ее вздрагивающие от слез губы и словно издали откуда-то услышал ее добрый измученный голос:

- Господи, Леша! Неужели это правда? Ты с кем был? Ты что делал на этой лестнице? И зачем у тебя был с собою нож?

Он молчал, опустив голову, чувствуя на себе суровый взгляд Стеши и насмешливое любопытство начальника и милиционеров.

- Вы видите, гусь какой! - сказал начальник. - Второй день бьемся...

- Лешенька, дорогой, не упрямясь, скажи!..

Он молчал уже действительно из одного упрямства.

И тут выступила вперед Стеша.

- Товарищ начальник, - сказала она, - позволь мне с ним один на один поговорить.

- Что ж... говорите, - сказал начальник, показывая глазами на дверцу барьера.

Стеша прошла за перегородку, отвела мальчика к окну, присела на подоконник, положила руки Леньке на плечи.

- Ну, что, казак? - сказала она тихо. - Не доплыл?

Ленька угрюмо смотрел на облезлую металлическую пряжку ее кожанки.

- Что же мы делать теперь будем? А?

- Что делать, - пробормотал Ленька. - Не доплыл - значит, на дно пойду.

- Не выйдет! - сказала она сурово. - За уши вытащим. А ну, парень, довольно волынку вертеть. Мамочку только мучаешь. Давай выкладывай начистоту: с кем был, что делал?

- Стеша, - сказал Ленька, чувствуя, что глаза его опять наполняются слезами, - вы что хотите спрашивать, я на все отвечу, а с кем был - не скажу, товарища не выдам.

- Ну, что ж. Это дело. Товарища выдавать негоже. Но только - какой же это товарищ?

Это не товарищ, Лешенька... Тебя бросил, а сам лататы задал...

Ленька дал начальнику показания. Он рассказал все без утайки - и про замок, и про лампочки, и про свои старые грехи, но имени Волкова так и не назвал и потом всю жизнь жалел и ругал себя, что оставил на свободе этого маленького, злобного и бездушного хищника, который ему никогда по-настоящему не нравился и с которым у него даже в раннем детстве не было настоящей дружбы.

Из милиции Леньку отпустили - под поручительство Стеши, взяв с него подписку о невыезде и прочитав предварительно хорошую нотацию.

...Несколько дней он жил дома, ожидая, что с минуты на минуту его вызовут в комиссию по делам несовершеннолетних, будут судить и отправят в тюрьму или в колонию для малолетних преступников.

Он уже подумывал, не стоит ли ему убежать, не дожидаясь суда, - уже изучал украдкой карту РСФСР и других советских республик, выбирая местечко подальше и потеплее, когда однажды утром его застала за этим занятием Стеша.

- Ты куда это? - спросила она, увидев разостланную на столе и торопливо прикрытую газетным листом карту.

- Никуда, - смутился Ленька. - Я так просто... Географию повторяю...

- Повторяешь? Нет, уж ты лучше не повторяй...

Она свернула карту в трубку и с решительным видом сунула ее куда-то за шкаф.

- А я тебя, кавалер, поздравить пришла, - сказала она, присаживаясь к столу и доставая из портфеля какую-то бумагу.

- С чем? - удивился Ленька.

- Вот - на, получай путевку.

- В суд? - побледнел Ленька.

- Ну вот, уж и испугался. Суда над тобой не будет. Отвоевали мы тебя, казак. А это "путевка в жизнь" называется. Послезавтра утром к девяти часам придешь на Курляндскую, угол Старо-Петергофского... Знаешь, где это? Недалеко от Нарвских ворот, у Обводного... Спросишь Виктора Николаевича.

- Какого Виктора Николаевича? А что там такое?

- А там... Ну, как тебе сказать? Детский дом... интернат... специальная школа для таких, как ты, бесшабашных.

- Я не пойду, - сказал Ленька, насупившись.

- Почему же это ты так решительно: не пойду?

- А потому... потому что я, Стеша, уже не маленький в приютах жить.

- Нет, милый мой, в том-то и дело, что ты еще маленький. Тебе еще знаешь? - расти и расти. Тебя еще вот надо как...

И маленькими сильными руками Стеша сделала такое движение, как будто выжимала белье.

- Ну как, договорились?

Ленька минуту подумал.

- Ладно, - сказал он. - Но только, Стеша, вы не думайте, я ведь все равно долго там не пробуду.

- Убежишь?

- Убегу.

- Куда же ты - на Дон или на Кубань думаешь?

Стеша рассмеялась, обняла мальчика и, потрепав его жесткие вихры, сказала:

- Эх, ты - партия номер девятнадцать!.. Никуда ты, голубчик, не побежишь. Глупости это. От хорошего на худое не бегают.

...В среду утром Ленька пришел по указанному в путевке адресу. Это был обыкновенный, ничем не примечательный городской трехэтажный дом. Внизу помещались обувной магазин, кооператив и маленькая частная лавочка. Единственный парадный подъезд был забит досками. Глухие железные ворота, выходявшие в переулок, тоже оказались

запертыми.

Ленька долго стучал по зеленому шершавому железу, пока не заметил толстую кривую проволоку звонка, торчавшую из облупленной кирпичной стены. Он дернул озябшей рукой проволочную петлю и услышал, как где-то в глубине двора задребезжал колокольчик. Через минуту заскрипели по снегу шаги, в воротах приоткрылось маленькое квадратное окошечко, и черный косоватый глаз, прищурившись, посмотрел на Леньку.

- Кто такая? - с татарским акцентом спросили за воротами.

- У меня путевка.

- Показывай.

Ленька вынул и показал бумажку.

В скважине заерзал ключ, калитка приоткрылась.

- Иди прямо, - сказал сторож-татарин.

Ленька пошел и услышал, как за его спиной с грохотом захлопнулась калитка.

Сердце его тоскливо сжалось.

"Как в тюрьме", - подумал он.

Во дворе человек десять мальчиков в черных суконных бушлатах и в ушастых шапках пилили дрова. С ними работал высокий немолодой человек в стеганом ватнике и в сапогах с очень коротенькими голенищами. На длинном носу его поблескивало пенсне.

Подойдя к работающим, Ленька поздоровался и спросил, где тут можно видеть Виктора Николаевича.

- Это я, - сказал человек в стеганке, отбрасывая в сторону березовое полено. - У тебя что - путевка?

- Да.

- А ну давай ее сюда.

- А-а, Пантелеев? Леня? - сказал он, заглянув в Ленькины бумаги. - Как же... слышал про тебя. Ты что - говорят, сочинитель, стихи пишешь?

- Писал когда-то, - пробормотал Ленька.

- Когда-то? В ранней молодости? - улыбнулся заведующий. - Ну что ж, товарищ Пантелеев. Здравствуйте! Милости просим!..

Он снял варежку и протянул Леньке большую, крепкую мужскую руку. Из-за его спины выглядывали и смотрели на Леньку дружелюбные, насмешливые, равнодушные, добрые, румяные, бледные, пасмурные и веселые лица его новых товарищей. А сам Ленька, не теряя времени, опытным взглядом бывшего человека уже оценивал обстановку. Вот забор. За забором дымится высокая железная труба какого-то крохотного заводика. Правда, над забором торчат острые железные гвозди. Но при желании и при некоторой сноровке перемахнуть через такой заборчик - пара пустяков.

Он не собирался жить в этом детдоме больше одной-двух недель. Он был уверен, что убежит отсюда, как уже не раз убегал из подобных учреждений.

Но случилось чудо. Ленька не убежал. И даже не пробовал бежать...

Впрочем, здесь начинается уже другая, очень большая глава в книге Ленькиной жизни. Забегая вперед, можно сказать, что в этом приюте Ленька пробыл почти три года. Конечно, никакого особенного чуда здесь не было. Просто он попал в хорошие руки, к настоящим советским людям, которые настойчиво и упорно, изо дня в день лечили его от дурных привычек.

Ведь никто не рождается преступником. Преступниками делают людей голод, нужда, безработица. Незачем человеку воровать, если он сыт, если у него есть дом и работа, а главное - если он не чувствует себя одиноким, если он ощущает себя сыном большой страны и участником великого дела.

...Через несколько лет после выхода из школы он написал книгу, где рассказал свою жизнь и жизнь своих товарищей - беспризорных, малолетних преступников, которых Советская власть переделала в людей. Потом он написал еще несколько книг. Он сделался писателем. И этот рассказ о Леньке Пантелееве тоже написан им самим.

1938-1952

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)